

ВЕСТНИК № 1 (45) • 2025

УРАЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Научно-практический журнал. Учрежден федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-63039 от 10 сентября 2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редакционный совет:

Председатель

Гусев А.В., к.ю.н., доцент

Члены редакционного совета:

Базаров Р.А., д.ю.н., профессор; Балакшин В.С., д.ю.н., профессор; Бозров В.М., д.ю.н., профессор; Гончаров Д.Ю., д.ю.н., доцент; Грибунов О.П., д.ю.н., профессор; Давлетов А.А., д.ю.н., профессор; Дарменов А.Д., к.ю.н., доцент; Дегтярев С.Л., д.ю.н., профессор; Карасёв А.Т., д.ю.н., профессор; Кодан С.В., д.ю.н., профессор; Майоров В.И., д.ю.н., профессор; Мансуров Г.З., д.ю.н., профессор; Осинцев Д.В., д.ю.н., профессор; Савоськин А.В., д.ю.н., доцент; Семякин М.Н., д.ю.н., профессор; Смыкалин А.С., д.ю.н., профессор; Стельмах В.Ю., д.ю.н., доцент; Татьяна Л.Г., д.ю.н., профессор; Шабуров А.С., д.ю.н., профессор; Шнарбаев Б.К., д.ю.н., доцент

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Голубых Н.В., к.ю.н., доцент

Зам. главного редактора

Маслов В.А., к.ю.н., доцент

Члены редакционной коллегии:

Аюпова Г.Ш., к.ю.н., доцент; Головизнин А.В., к.ю.н.; Гребенщикова И.В., к.ю.н., доцент; Дерюгин Р.А., к.ю.н., доцент; Макарова Ю.А., к.ю.н.; Казанцев А.О., к.ю.н., доцент; Климович Ю.С., к.ю.н., доцент; Кокорин Д.Л., к.ю.н., доцент; Крысанов А.В., к.ю.н., доцент; Курилов С.И., к.ю.н.; Лаппо Е.А., к.ю.н., доцент; Макеева И.С., к.ю.н., доцент; Носкова Ю.Б., к.ю.н., доцент; Орлов К.А., к.ю.н., доцент; Пересадина О.В., к.ю.н.; Сазон К.Д., к.ю.н., доцент; Спирин А.В., к.ю.н., доцент; Сергеев Д.Н., к.ю.н., доцент; Хамидуллин Р.С., к.ю.н.; Щетинина Н.В., к.ю.н., доцент; Харламова А.А., к.ю.н., доцент

Ответственный секретарь Кудрярова Г.Р.

Редактор Бебих И.Б.

Переводчик Гузикова В.В.

Научно-практический журнал «Вестник Уральского юридического института МВД России» является рецензируемым периодическим научным печатным изданием, предназначенным для опубликования результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по отрасли юридические науки, материалов научно-представительских мероприятий, рецензий на научные издания, информации о научных школах.

Издатель журнала – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Журнал выходит с 2014 года и издается ежеквартально.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), а также представлен в свободном бесплатном доступе в полнотекстовом формате в научной электронной библиотеке.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал не предназначен для опубликования материалов, содержащих сведения, составляющие государственную, иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования.

Адрес редакции / издательства / типографии:

620057, Свердловская обл., Екатеринбург, ул. Корепина, 66

Тел./факс: (343) 331-70-64

Эл. почта: ural-yui@mvd.ru

Сайт: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2312-5640. Подписной индекс: E43226

Подписано в печать 01.04.2025. Формат 60x84/8

Печать офсетная. Бумага офисная

Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 18,0. Тираж 30 экз. Заказ № 28

Дата выхода в свет 02.04.2025. Свободная цена

BULLETIN № 1 (45) • 2025

OF THE URAL LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

The Federal Scientific and Practical Journal. The founder and publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».

Certificate of registration of mass media PI № ФС77-63039 dated September 10, 2015, Issued by the Federal Service for Supervision in the field of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Editorial Council:

Chairperson

Gusev A.V., cand. of law, associate professor

Members of the Editorial Council:

Bazarov R.A., dr. of law, professor; Balakshin V.S., dr. of law, professor;

Bozrov V.M., dr. of law, professor; Goncharov D.YU., dr. of law, associate

professor; Gribunov O.P., dr. of law, professor; Davletov A.A., dr. of law,

professor; Darmenov A.D., cand. of law, associate professor;

Deptyarev S.L., dr. of law, professor; Karasyov A.T., dr. of law, professor;

Kodan S.V., dr. of law, professor; Majorov V.I., dr. of law, professor;

Mansurov G.Z., dr. of law, professor; Osincev D.V., dr. of law, professor;

Savos'kin A.V., dr. of law, associate professor; Semyakin M.N., dr. of law,

professor; Smykalin A.S., dr. of law, professor; Stelmakh V.Yu., dr. of law,

associate professor; Tat'yanina L.G., dr. of law, professor; Shaburov A.S.,

dr. of law, professor; SHnarbaev B.K., dr. of law, associate professor

Editorial Board:

Chief Editor

Golubih N.V., cand. of law, associate professor

Chief Editor Deputy

Maslov V.A., cand. of law, associate professor

Members of the Editorial Board:

Ayupova G.SH., cand. of law, associate professor; Goloviznin A.V., cand.

of law; Grebenshchikova I.V., cand. of law, associate professor; Deryugin

R.A., cand. of law, associate professor; Makarova Ju.A., cand. of law;

Kazancev A.O., cand. of law, associate professor; Klimovich YU.S., cand.

of law, associate professor; Kokorin D.L., cand. of law, associate professor;

Krysanov A.V., cand. of law, associate professor; Kurilov S.I., cand. of law;

Lappo E.A., cand. of law, associate professor; Makeeva I.S., cand. of law,

associate professor; Noskova Yu.B., cand. of law, associate professor;

Orlov K.A., cand. of law, associate professor; Peresadina O.V., cand. of law;

Sazon K.D., cand. of law, associate professor; Sergeev D.N., cand. of law,

associate professor; Spirin A.V., cand. of law, associate professor;

Khamidullin R.S. cand. of law; Schetinina N.V., cand. of law, associate

professor; Kharlamova A.A., cand. of law, associate professor

Executive Secretary *Kudoyarova G.R.*

Editor *Bebikh I.B.*

Translator *Guzikova V.V.*

The Scientific and Practical Journal «Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia» is a peer-reviewed periodic scientific publication intended to publish the results of fundamental and applied scientific researches in the sphere legal science, materials of scientific and representative activities, reviews of scientific publications, information about scientific schools.

The publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia».

The journal is published since 2014 and is published quarterly.

The journal is included into the database of Russian Scientific Citation Index (RSCI) and presented in free access in full-text format in the scientific electronic library.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral and PhD research results by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation.

The journal is not intended to publish materials containing information constituting a state secret or another secret protected by law, information intended for service use.

Address of the editorial office / publishing house / printing house: 620057, Sverdlovsk region, Ekaterinburg, ul. Korepina, 66. Tel./Fax: (343) 331-70-64; E-mail: ural-yui@mvd.ru Website: <http://www.ural-mvd.ru> ISSN 2312-5640 The index E43226

Signed in the press on April 1, 2025. Format 60x84 / 8 Offset printing. Office paper. Usl. Printer. L. 18.0. Uch.-ed. L. 18.0 Edition 30 copies. Order No. 28 Date of publication on April 2, 2025. Free price

© The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2025

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки	
<i>Баринова Е.Д.</i> Результат правового ожидания: соотношение должного и сущего	5
<i>Государев Т.Л.</i> Противодействие дезинформированию: правовые механизмы, тенденции и перспективы	9
Публично-правовые (государственно-правовые) науки	
<i>Кожевников О.А., Матвеев Е.В.</i> Единая система публичной власти на современном этапе: некоторые итоги четырехлетней работы законодателей	15
<i>Кошелев Д.А.</i> Принципиальная модель административной юрисдикции	20
<i>Нечкин А.В., Руденко В.В.</i> Совершенствование правовых механизмов укрепления статуса русского языка как языка государствообразующего народа	26
<i>Осинцев Д.В.</i> Новые или вновь открывшиеся: очерки процессуальной революции	31
Частно-правовые (цивилистические) науки	
<i>Багрова Т.С., Максименко А.В.</i> Гражданско-правовые основы противодействия незаконному обороту наркотических средств	36
<i>Исмаилов Р.А., Игбаева З.Р.</i> Отдельные проблемы реализации негаторного и виндикационного исков в организации защиты земельно-имущественных прав	42
Уголовно-правовые науки	
<i>Алиппиев С.А., Потанин К.В.</i> Проблемы профилактики правонарушений, затрагивающих права и законные интересы ребенка	47
<i>Берднникова О.П., Рыбакова Л.Е.</i> Организационно-тактические особенности участия педагогов и психологов при проведении отдельных следственных действий с несовершеннолетними	52
<i>Бобовкин С.М.</i> О многообразии изображений рукописей, распространенных в качестве объектов судебно-почерковедческой экспертизы	57
<i>Быкова Е.Г.</i> Ответственность учредителей (участников) за хищение имущества хозяйственного общества с учетом баланса интересов таких участников и юридического лица	61
<i>Земцова С.И.</i> Методика расследования незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности как новый инструмент методологического обеспечения	69
<i>Зиновьева Е.С.</i> Институт поручительства в уголовном процессе зарубежных стран: особенности применения и перспективы использования в Российской Федерации	76
<i>Казаков А.А.</i> Истечение сроков давности уголовного преследования в разрезе последующего восстановления прав лица, пострадавшего от преступления, в гражданском процессе	80
<i>Крылов И.С.</i> О реализации органами внутренних дел мер уголовно-правовой охраны в рамках противодействия хулиганству на транспорте: основные проблемы квалификации и пути их разрешения	87
<i>Лихолетов А.А.</i> Наказание в виде штрафа в санкциях норм о преступлениях в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности: проблемы законодательного закрепления	94
<i>Малышев К.С.</i> Особенности выявления, предупреждения и документирования налоговых преступлений	101
<i>Мелюханова Е.Е.</i> Уголовно-правовое значение неоконченного преступления	107
<i>Мырзабергенов А.А.</i> К вопросу об объекте преступления, предусмотренного частью 3 статьи 208 Уголовного кодекса Российской Федерации	115
<i>Надейкина О.А.</i> Оперативная обстановка в сфере дорожного хозяйства (по материалам Алтайского края)....	122
<i>Недоростов Е.П.</i> Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника, совершившего преступления против общественной безопасности, в России и США: сравнительный анализ	128
<i>Николюк В.В.</i> Судебное право как философская категория и точка пересечения «идеала» (единый процессуальный кодекс) и «реальности» (сохранение процессуального отраслевого многообразия). Часть I	135
<i>Плахтий Е.В.</i> Проблемные аспекты уголовного судопроизводства в отношении лиц с психическими девиациями	142
<i>Спирин А.В.</i> Правообеспечительная деятельность прокурора в досудебном производстве по уголовным делам	149
<i>Титов П.М.</i> Взаимодействие органов внутренних дел в ходе борьбы с преступлениями экстремистской и террористической направленности	156
<i>Фельк А.А.</i> Этап окончания предварительного следствия	161
<i>Щербаков И.О.</i> Тактико-криминалистические аспекты проведения отдельных следственных действий при расследовании насильственных преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних	167
<i>Щетинина Н.В.</i> Особенности квалификации вооруженного хулиганства	174

Contents

Theoretical and Historical Legal Sciences

- Barinova E.D.* Result of legal expectation: relationship of obligation and existence5
Gosudarev T.L. Countering disinformation: legal mechanisms, trends and prospects9

Public Law (State Law) Sciences

- Kozhevnikov O.A., Matveev E.V.* The unified system of public power at the present stage: some results of the four-year work of legislators15
Koshelev D.A. The basic model of administrative jurisdiction20
Nechkin A.V., Rudenko V.V. Improving legal mechanisms for strengthening the status of the Russian language as the language of the state-forming nation26
Osintsev D.V. New or newly discovered: Essays on the procedural revolution31

Private Law (Civil Law) Sciences

- Bagrova T.S., Maksimenko A.V.* Civil legal framework for countering drug trafficking36
Ismagilov R.A., Igbaeva Z.R. Separate problems of implementation of negatory and vindication claims in the organization of protection of land and property rights42

Criminal Law Sciences

- Alimpiev S.A., Potanin K.V.* Problems of prevention of offenses affecting the rights and legitimate interests of the child47
Berdnikova O.P., Rybakova L.E. Peculiarities of participation of teachers and psychologists in conducting certain investigative actions with minors52
Bobovkin S.M. On the variety of images of manuscripts distributed as objects in forensic handwriting examination57
Bykova E.G. The responsibility of the founders (members) for the theft of the property of a business company, taking into account the balance of interests of such members and a legal entity61
Zemtsova S. I. Methodology of investigation of illegal acquisition and sale of objects of limited turnover as a new tool of methodological support69
Zinovieva E.S. Institute of guarantee in criminal procedures of foreign countries: features of application and prospects for use in the Russian Federation76
Kazakov A.A. The expiration of the statute of limitations for criminal prosecution in the context of the subsequent restoration of the rights of a person who suffered from a crime in civil proceedings80
Krylov I.S. On the implementation by the internal affairs bodies of criminal law protection measures in the framework of countering hooliganism in transport: the main problems of qualification and prospects for their resolution87
Likholetov A.A. Punishment in the form of a fine in the sanctions of the rules on crimes in the sphere of implementing special types of entrepreneurial activities: problems of legislative regulation94
Malyshev K.S. Features of detection, prevention and documentation of tax crimes101
Melyukhanova E.E. The criminal legal significance of an unfinished crime107
Myrzabergenov A.A. On the issue of the object of the crime provided for in Part 3 of Art. 208 of the Criminal Code of the Russian Federation115
Nadeikina O.A. Operation situation in the road sector (based on materials from the Altai Territory)122
Nedorostov E.P. Criminological characteristics of the personality of a juvenile offender who committed crimes against public safety in Russia and the USA: comparative analysis128
Nikolyuk V.V. Judicial law as a philosophical category and the point of intersection of the «ideal» (unified code of procedure) and «reality» (preservation of procedural industry diversity). Part I135
Plakhtiy E.V. Problematic aspects of criminal proceedings in relation to persons with mental deviations142
Spirin A.V. Legal support activities of the prosecutor in pre-trial criminal proceedings149
Titov P.M. Interaction of law enforcement agencies in the fight against extremist and terrorist crimes156
Felk A.A. Stage of completion of the preliminary investigation161
Shcherbakov I.O. Tactical and criminalistic aspects of conducting individual investigative actions in the investigation of violent sexual crimes against minors167
Schetinina N.V. Features of the qualifications of armed hooliganism174

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.12

Результат правового ожидания: соотношение должного и сущего

Баринаева Елена Дмитриевна

Академия управления МВД России, Москва, Россия, Elena.barinova.1998@mail.ru,

<https://orcid.org/0009-0009-4937-4840>

Аннотация. В статье обосновывается актуальность исследования ожиданий в праве как эвристического элемента познания теоретико-правовых категорий. Раскрывается исторический аспект возникновения и признания правового ожидания как юридического явления. Обращено внимание на исследование одного из аспектов ожиданий в праве как сложного в структурном построении правового явления – правового результата. В статье с опорой на общефилософские представления о должном и сущем результат раскрывается в двух ракурсах: с позиции предмета ожиданий в праве и как элемент юридической конструкции. В результате исследования сформулированы теоретические выводы: результат как предмет ожиданий в праве с философской позиции является должным, поскольку выступает в качестве представления (образа) и существует в пределах правосознания; результат как элемент юридической конструкции ожидания в праве с философской позиции относится к области «сущего», поскольку является сбывшимся фактом и тесно связан с правовой действительностью.

Ключевые слова: ожидание в праве, философские категории «сущее» и «должное», результат как предмет ожиданий в праве, результат как элемент юридической конструкции ожиданий в праве

Для цитирования: Баринаева Е. Д. Результат правового ожидания: соотношение должного и сущего // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 5–8.

Original article

Result of legal expectation: relationship of obligation and existence

Barinova Elena D.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,

Elena.barinova.1998@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4937-4840>

Abstract. The article substantiates the relevance of the study of expectations in law as a heuristic element in the knowledge of theoretical and legal categories. Attention is drawn to the study of one of the aspects of expectations in law as a complex legal phenomenon in the structural construction – a legal result. In the article, the result, based on general philosophical ideas about what should and is, is revealed from two perspectives: from the position of the subject of expectations in law and an element of their legal structure. As a result of the study, theoretical conclusions were formulated: the result as an object of expectation in law from a philosophical position is proper, since it acts as a representation (image) and exists within the limits of legal consciousness; the result as an element of the legal structure of expectation in law, from a philosophical position, belongs to the realm of «existence», since it is a fulfilled fact and is closely related to legal reality.

Keywords: expectation in law, philosophical categories of what is and what should be, result as a subject of expectations in law, result as an element of the legal structure of expectations in law

For citation: Barinova E. D. Result of legal expectation: relationship of obligation and existence // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 5–8.

Усложнение общественных отношений, ускорение временного измерения социальных процессов приводит к ситуации социальной и правовой неопределенности и порождает необходимость научного осмысления и защиты не только закрепленных в законодательстве субъективных прав, но и правовых ожиданий субъектов общественных отношений. Научный интерес к данному понятию появился и в цивилистике. Так, об исследуемом феномене пишет А. В. Ульянова, которая рассматривает его применительно к гражданским правоотношениям. Она под правоожиданием понимает «абсолютную правовую возможность заинтересованного субъекта гражданского права разумно ожидать приобретения права, освобождения от обязанности или обременения либо иных выгодных правовых последствий, добросовестно предпринятых им и (или) в его интересах мер и приготовлений» [1, с. 92]. Т. П. Подшивалов исследует правовые ожидания в контексте гражданско-правовых исков [2]. Д. Д. Дворецкий рассматривает право ожидания с точки зрения защиты владельцев недвижимости и считает, что с помощью института права ожидания могут быть «защищены права приобретателя вещи, когда право собственности на вещь сохраняется за продавцом до выполнения покупателем определенных условий, в том числе по оплате, по договору купли-продажи» [3, с. 541]. С. Ю. Филиппова представляет явление как ожидаемые правовые или фактические результаты, содержащиеся в различных гражданско-правовых и учредительных документах [4, с. 123]. И. А. Емелькина придерживается позиции, что немецкими учеными до конца не проработаны взгляды на вещно-правовую природу права ожидания, которая хотя и была выявлена еще в XIX в., но при кодификации не отнесена к разряду вещных [5, с. 135].

Как видно из представленных мнений, феномену «право ожидания» придается гражданско-правовое значение, и его связывают в основном с вещными правоотношениями, поскольку оно возникает у покупателя вещи в период, когда право собственности на вещь какое-то еще время сохраняется за продавцом до выполнения определенных условий покупателем.

Однако гражданско-правовые воззрения на правовое ожидание не подтолкнули научный интерес к теоретико-правовому исследованию данного феномена, что подтверждается отсутствием теоретических исследований. Вместе с тем в других отраслевых юридических науках правовое ожидание обошли стороной, упоминание о нем встречается в научных публикациях, но комплексное отраслевое юридическое исследование данного феномена отсутствует. Данное обстоятельство побудило рассмотреть исследуемый феномен с теоретико-правовой позиции.

По мнению некоторых исследователей, концепция правомерных ожиданий берет свое начало из системы общего права или так называемого права быть услышанным (от лат. – *audi alteram partem*). Концепция правомерных ожиданий впервые берет свое на-

чало из процессуальных норм и представляется как процессуальное правомерное ожидание (*procedural legitimate expectation*). С течением времени данная концепция распространилась на материальные нормы права, а ожидание стали рассматривать в качестве материального правомерного (*substantive legitimate expectation*). Под ним понимают право лица, имеющего правовое основание ожидать того или иного положения вещей, требовать от правоприменителя принятия решения, руководствуясь сложившейся практикой и осуществляя те обещания (*promises*), которые были даны лицу правоприменителем [6].

Впервые о правомерном ожидании было упомянуто в решении властей Соединенного Королевства об отказе двум американским студентам, изучавшим сентологию в Хаббардском колледже в Ист-Гринстедде, в продлении временного разрешения на пребывание в Великобритании. Студенты направили апелляционную жалобу на данное решение. По результатам ее рассмотрения председатель Апелляционного Суда принял решение о том, что орган государственной власти при некоторых условиях может быть обязан дать лицу, чьи интересы будут затронуты решением такого органа, возможность выступить с заявлением. Наличие такой обязанности зависит от того, имеет ли такое лицо какое-либо право, законный интерес или правомерное ожидание, в силу которого было бы несправедливо отказать ему в выражении своей позиции» [7, с. 184]. Из приведенного примера видно, что указание в судебном решении на ожидания создало прецедент и вызвало научный интерес к правомерному ожиданию как юридическому явлению, нуждающемуся в признании и защите.

С общетеоретических позиций ожидание в праве можно рассмотреть в качестве представления субъекта правоотношения, формирующегося в его правосознании на уровне правовой психологии, отражающего его восприятие правовых явлений и отношение к ним, а также оказывающего регулирующее воздействие на его поведение.

Не все ожидания, формирующиеся в правосознании, имеют качество правовых и порождают юридические последствия. В этой связи необходимо рассматривать условия, при которых ожиданиям субъектов придается правовое значение. Для решения этой задачи предлагается использовать юридическую конструкцию правового ожидания, которая представлена такими элементами, как:

- основания возникновения ожидания в праве;
- предмет ожидания в праве;
- результат ожидания в праве.

В рамках данной статьи обратим внимание на такой компонент правового ожидания, как его результат.

Правовых явлений, в отношении которых субъект формирует ожидание в виде представления, множество. В одних случаях, люди ожидают наступления определенных событий, в других – предметом ожидания являются действия иных участников обще-

ственных отношений. Однако в ряде случаев интерес субъекта состоит не столько в самих действиях и событиях, сколько в их фактических последствиях, которые можно рассматривать как ожидаемый результат.

Результат в контексте изучения правового ожидания может рассматриваться в двух ракурсах: как элемент предмета и как самостоятельный компонент его юридической конструкции.

Различие между двумя этими аспектами можно проводить с опорой на общефилософские представления о понятиях «должное» и «сущее».

Результат ожидания в праве с позиции философского концепта «должное». В национальной философской энциклопедии содержится интерпретация категории «должное», которая определяется как «противоположность уже реализованной действительности, образ возможности, которая на том или ином основании ориентирована на превращение в действительность»¹. Выделяют также разновидности категории «должное», и в качестве одной из них оно представлено как «образ желаемого субъектом, на реализацию которого направлена его деятельность»².

Правовой результат, являясь предметом ожиданий в праве, выступает в качестве представления, образа желаемого, на воплощение которого в правовой действительности субъект и рассчитывает.

Данные теоретические постулаты могут быть подкреплены многочисленными примерами из юридической практики.

Так, в соответствии со ст. 56 ТК РФ по трудовому договору в обязанности работодателя входит обеспечение условий труда, в полном объеме, своевременная выплата заработной платы и т. д. Обязанности работника заключаются в выполнении им соответствующей трудовой функции, соблюдении правил внутреннего трудового распорядка и т. д.³

Данная норма формирует как со стороны работника, так и со стороны работодателя ожидания об исполнении взаимных обязанностей и наступлении в этой связи соответствующего результата. Работодатель формирует ожидание об исполнении работником своих трудовых обязанностей и вследствие этого о наступлении правового результата в виде качественно оказанной трудовой услуги. Работник формирует ожидание об исполнении работодателем трудовых обязанностей по выплате заработной платы и наступлении результата в виде получения денежного вознаграждения за оказание им трудовой услуги. В рассматриваемом случае в предмет ожидания работника и работодателя входит результат, существующий на уровне лишь представлений, на наступление которого оба рассчитывают. Данный результат является потенциальным до тех пор, пока стороны трудовых правоотношений не приступили к исполнению своих

трудовых обязанностей или к воздержанию от их исполнения, а также не наступил соответствующий их действиям или бездействию реальный результат.

В соответствии с ч. 1. ст. 1110 ГК РФ при наследовании имущество умершего (наследство, наследованное имущество) переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства. Даная норма права формирует у наследников ожидание получения наследства умершего. Предметом ожидания выступает правовой результат в виде перехода прав собственности на наследуемое имущество. Данный правовой результат до вступления в наследство выступает в качестве представления и носит потенциальный характер⁴.

Если рассматривать с позиции философских категорий, то правовой результат представлен в виде представления о желаемом, выступает результатом психической деятельности правосознания, а не реальной деятельности человека. С этой точки зрения состояние правового результата, существующего на уровне правосознания, можно охарактеризовать как должное.

Результат ожидания в праве с позиции философского концепта «сущее». В философском смысле сущее – это то, что есть, совокупность многообразных проявлений бытия, любая вещь или субъект в аспекте их причастности к бытию.

Результат, являясь элементом юридической конструкции ожидания в праве, выступает как сбывшийся факт, приобретает статус части объективной действительности. В этом случае результат из состояния потенциального, когда он, являясь лишь предметом ожидания (то есть представлением), переходит в состояние реального (то есть непосредственно существует).

Сказанное также может быть продемонстрировано на примерах юридической практики.

В городской суд Республики Башкортостан поступил иск о взыскании заработной платы, компенсации за задержку выплаты заработной платы, компенсации морального вреда. В качестве истца выступает «ФИО», ответчиками являются АО «Стронег», ООО «Спецстроймонтаж-Стронег». Из материалов дела вытекает, что истцом был заключен контракт, по которому он занимал должность директора данного общества. При увольнении работодателем в лице ответчика не были произведены выплаты, предусмотренные трудовым договором, а именно не произведен расчет за отработанное время, не выплачено выходное пособие и компенсация за неиспользованный отпуск, доплаты, надбавки и поощрительные выплаты⁵. Суд удовлетворил исковые требования частично.

Из судебного решения следует, что обращение истца в суд свидетельствует о наличии у него ожидания об обязывании ответчика в судебном порядке произвести все предусмотренные трудовым договором

¹ Национальная философская энциклопедия. URL: <http://terme.ru/termin/dolzhnoe.html>.

² Там же.

³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2024). URL: <http://www.consultant.ru>

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024). URL: <http://www.consultant.ru>

⁵ Решение № 2-1351/2023 2-1351/2023~М-1119/2023 М-1119/2023 от 9 октября 2023 г. по делу № 2-1351/2023.

выплаты. В качестве правового результата ожидания выступает возложение судом на ответчика обязанности произвести частичные выплаты в пользу истца. В рассматриваемом примере результат выступает в качестве сбывшегося факта, то есть является уже реальным, а не потенциальным. Если переводить в плоскость рассматриваемых философских категорий, то результат ожидания как сбывшийся факт неразрывно связан с юридическими действиями, является их частью и с этой точки зрения выступает как сущее.

Арбитражный суд Приморского края рассматривал дело по иску Администрации городского округа к обществу с ограниченной ответственностью. Истец обратился в суд с требованием о взыскании с ответчика задолженности по арендной плате за земельный участок. Причиной образования задолженности стало ненадлежащее исполнение ответчиком договорных обязанностей по своевременному внесению арендной платы. Исковые требования истца судом были удовлетворены¹.

Так, направление искового заявления в суд свидетельствует о наличии у истца ожидания об удовлетворении изложенных в нем исковых требований. Правовым результатом ожидания истца выступает получение выплаты задолженности за аренду и дополнительно пени. В момент направления искового требования обозначенный правовой результат существовал в правосознании истца в качестве представления. После удовлетворения исковых требований (возложение судом на ответчика обязанности по выплате образовавшейся задолженности и пени по ней) правовой результат перешел в состояние сбывшегося факта. Иными словами, наступили юридические последствия как для истца, так и ответчика. Разница в том, что для истца юридические последствия имеют положительный характер и связаны с получением причитающихся ему выплат, а для ответчика они носят негативный характер и связаны с финансовыми лишениями (уплата задолженности и пени).

Посредством данных примеров правовой результат ожиданий рассмотрен как сбывшийся факт со стороны истца. Однако ожидания формирует и ответчик, которому адресованы иски. Предметом его ожиданий в этих случаях является правовой результат в виде неудовлетворения требований истца. Правовой результат как предмет ожидания ответчика противоположен правовому результату как предмету ожидания истца. Если истец ожидает взыскания в судебном порядке задолженности с ответчика, то ответчик желает избежать такого взыскания. В приведенных примерах правовой результат ожидания наступил со стороны истца.

Завершая данную статью, необходимо отметить, что исследование результата правового ожидания как компонента его предмета и элемента юридической конструкции, осмысление его через призму философских категорий формирует целостное представление о правовых ожиданиях и демонстрирует, как правовой результат, будучи представлением

(образом желаемого), из потенциального состояния переходит в реальное, характеризующее его как наступивший факт. Рассмотрение правового результата как представления и как сбывшегося факта способствует дальнейшему обнаружению причин и условий несовпадения потенциального результата с реально наступившим.

Библиографический список

1. Ульянов А. В. О гражданско-правовой охране интересов субъекта правоожиданий // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8 (81). С. 87–98.
2. Подшивалов Т. П. Вещно-правовые ожидания как основание применения вещных исков // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4. С. 102–123.
3. Дворецкий Д. Д. Право ожидания как ожидаемая новелла в Российском законодательстве в целях защиты владельцев недвижимости // Международный научный журнал «Синергия наук». 2018. № 25. С. 535–549.
4. Филиппова С. Ю. Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 559 с.
5. Емелькина И. А. Система ограниченных вещных прав на земельный участок: монография. М.: «ВолтерсКлувер», 2011. 368 с.
6. Weber-Dürler B. Vertrauensschutz im öffentlichen Recht. München: Helbing&Lichtenhahn, 1983. P. 9.
7. Черновол К. А. Концепция правомерных ожиданий: европейский и российский опыт // Правоведение. 2019. Т. 63. № 1. С. 181–191.

References

1. Ulyanov A. V. On civil law protection of the interests of the subject of legal expectations // Current problems of Russian law. 2017. No. 8 (81). Pp. 87–98.
2. Podshivalov T. P. Property law expectations as a basis for the application of property claims // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. No. 4. Pp. 102–123.
3. Dvoretzky D. D. The right of expectation as an expected innovation in Russian legislation in order to protect property owners // International scientific journal «Synergy of Sciences». 2018. No. 25. Pp. 535–549.
4. Filippova S. Yu. Legal actions as legal facts in Russian civil law: dis. ... Dr of Law. Sciences. M., 2021. 559 p.
5. Emelkina I. A. System of limited real rights to a land plot: monograph. M.: Wolters Kluwer, 2011. 368 p.
6. Weber-Dürler B. Vertrauensschutz im öffentlichen Recht. München: Helbing&Lichtenhahn, 1983. P. 9.
7. Chernovol K. A. The concept of legitimate expectations: European and Russian experience // Jurisprudence. 2019. T. 63. No. 1. Pp. 181–191.

Статья поступила в редакцию 23.08.2024; одобрена после рецензирования 29.10.2024; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 23.08.2024; approved after reviewing 29.10.2024; accepted for publication 18.03.2025.

¹ Решение от 1 марта 2024 г. по делу № А51-13298/2022.

Научная статья
УДК 340.1

Противодействие дезинформированию: правовые механизмы, тенденции и перспективы

Государев Тарас Ливериевич
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, gostaras@yandex.ru

Аннотация. В рамках настоящего исследования проведен историко-правовой анализ правовых механизмов борьбы с дезинформацией и введением в заблуждение в советский и постсоветский периоды. Автором выявлены основные тенденции развития законодательства (отечественного и зарубежных стран), направленного на противодействие распространению недостоверных сведений. В качестве выводов сформулированы возможные варианты развития правовых механизмов пресечения распространения дезинформации.

Ключевые слова: дезинформация, фейковые новости, декрет о печати, ложные слухи, свобода слова

Для цитирования: Государев Т. Л. Противодействие дезинформированию: правовые механизмы, тенденции и перспективы // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 9–14.

Original article

Countering disinformation: legal mechanisms, trends and prospects

Gosudarev Taras L.
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia,
gostaras@yandex.ru

Abstract. The present study provides a historical and legal analysis of the legal mechanisms for combating disinformation and deception in the Soviet and post-Soviet periods. The author identifies the main trends in the development of legislation (domestic and foreign countries) aimed at countering the dissemination of false information. Possible options for the development of legal mechanisms for suppressing the spread of disinformation are formulated as conclusions.

Keywords: disinformation, fake news, press decree, false rumors, freedom of speech

For citation: Gosudarev T. L. Countering disinformation: legal mechanisms, trends and prospects // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 9–14.

Введение

В настоящее время достоверность и качество информации играют большое значение. Для борьбы с современными техниками введения в заблуждение, намеренного дезинформирования и использования доверия граждан к сведениям, распространяемым в средствах массовой информации и цифровых сервисах коммуникации, людям необходимо быть внимательными и уметь проверять информацию. Однако не все граждане способны проводить анализ достоверности информации. Методы противоправных действий злоумышленников постоянно развиваются, в связи с чем государство и общество заинтересовано в принятии мер предупредительного характера для защиты законных интересов жителей, организаций,

общества и государства в целом. Актуальность проблемы также обуславливается не только доступностью, но и количеством информации, поэтому оценить достоверность всех публикуемых в средствах массовой информации и сети Интернет сведений не представляется возможным.

Исторический экскурс в правовые методы противодействия дезинформированию

Чтобы понять основные тенденции развития правовых методов и форм противодействия дезинформированию, необходимо проанализировать то, как эти процессы развивались ранее, выявить общие закономерности и соотнести их с тенденциями развития информационного пространства и общественных

отношений. При этом изменения способов противодействия дезинформации невозможно рассматривать отдельно от общественных отношений и самих способов дезинформирования.

Дезинформирование напрямую связано с распространением недостоверных сведений, для которых в современном обществе принято обозначение – «фейковые новости». При этом сами технологии введения в заблуждение возникают задолго до появления данного термина, которым было вытеснено понятие «газетная утка», обозначавшее всякую ложь в печати. Использованию термина «газетная утка» способствовал эксперимент Роберта Корнелиссена, в рамках которого с целью определения степени доверчивости публики была опубликована недостоверная статья о прозорливости уток. По окончании эксперимента недостоверность статьи была раскрыта [1, с. 589].

В исследовании А. С. Фиониной приводится множество версий определения «фейковые новости». Так, например, Е. Н. Шагалова называет это понятие жаргонным неологизмом, С. С. Распопова и Е. Б. Богдан понимают его в качестве сфабрикованных новостных материалов, А. П. Суходолова и А. М. Бычкова определяют как сообщения частично или полностью ложные, стилистически схожие с настоящими новостями. Н. Ф. Пономарев дает более сложное определение, указывающее на наличие целей, аудитории и тех, в чьих интересах происходит распространение таких новостей. И. М. Мудрая в определении «фейковая новость» указывает на дискредитацию человека или группы лиц в качестве цели распространения новостей [2].

Термин «фейковые новости» является относительно молодым. Его изучением занимаются ученые, которые указывают недостоверность распространяемой информации в качестве основного признака этого определения. Как отмечают Е. И. Каширина и А. С. Никляева в современном мире фейковые новости, являясь формой дезинформации, в большей степени распространяются через социальные сети и способны манипулировать общественным мнением [3, с. 120].

В процессе становления советского государства для борьбы с дезинформированием 27 октября (9 ноября) 1917 г. Совнаркомом РСФСР был принят декрет о печати. Из его текста следовало: в целях противодействия распространению призывов к осуществлению контрреволюционной деятельности и неповиновению новому правительству большое значение должно уделяться пресечению распространения информации, способствовавшей совершению преступлений и сеявшей смуту среди населения путем искажения фактов [4, с. 24].

Многие исследователи считают Декрет о печати актом, устанавливающим цензуру и попирающим демократические принципы. При этом, как отмечает С. С. Дударев, авторами данного документа внимание акцентировалось на временном характере цензуры, что связано с необходимостью идеологической борьбы с противниками нового государственного устройства. Таким образом, Декрет о печати имел аги-

тационный характер, а его исполнение преследовало политические цели, в том числе подчинение средств массовой информации и издательств государственному руководству [5, с. 36].

Особого внимания заслуживает опыт борьбы с дезинформацией и манипулированием общественным мнением в период Великой Отечественной войны. В то время положение государства требовало решительных мер, направленных на противодействие военной угрозе. При этом моральное состояние личного состава воинских подразделений и населения страны играет значительную роль в достижении успехов на поле боя. В первый день войны был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О введении в отдельных местностях СССР военного положения». Согласно данному указу часть функций государственной власти переходила органам военного управления, а неисполнение их решений рассматривалось как уголовно наказуемые по законам военного времени деяния. А. А. Дерюгин и С. В. Бутов указывают на то, что важность борьбы с дезинформированием, паникерством и распространением слухов, подрывающими тыл, была обозначена И. В. Сталиным в выступлении по радио 3 июля 1941 г. Позднее это получило юридическое обоснование в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», который предусматривал уголовную ответственность в виде тюремного заключения на срок от 2 до 5 лет. Рассмотрение дел было возложено на военные трибуналы, решения исполнялись немедленно после их объявления и кассационному обжалованию не подлежали [6, с. 38–39].

В конце советского периода, 12 июня 1990 г., был принят закон «О печати и других средствах массовой информации», гарантировавший свободу массовой информации и отменявший цензуру. Как отмечает Ю. М. Батурин, данный нормативный правовой акт стал первым в нашем Отечестве, согласно которому была отменена цензура, и прессе гарантировалась свобода [7, с. 40]. Однако даже такой демократичный закон имел свои ограничения, выраженные в первую очередь в ст. 5, – недопустимость злоупотребления свободой массовой информации. Запрещалась публикация материалов, разглашение охраняемых законом сведений, угрожающих насильственным изменением общественного или государственного строя, пропаганда экстремизма и войн, призывы к совершению противоправных действий, трансляция непристойного контента¹.

Согласно исследованию А. А. Грабельникова в результате перестройки и объявления гласности в отечественной журналистике произошли значительные изменения. Так в средствах массовой информации все чаще стали публиковаться опечатки, ошибки

¹ Закон СССР от 12 июня 1990 г. № 1552-1 «О печати и других средствах массовой информации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

и даже намеренная дезинформация и фальсификации, которые были недопустимы в советский период [8, с. 31].

Современные тенденции противодействия дезинформированию

В современный период классические средства массовой информации уступают по объему распространяемой и потребляемой населением информации цифровым платформам передачи данных – сайтам в сети Интернет, социальным сетям и иным сервисам коммуникации. Развитие технологий привело к повышению доступности информации для населения и к увеличению возможностей распространения сведений, в том числе частично или полностью не соответствующих действительности.

По данным Фонда общественного мнения россиян по состоянию на 14 февраля 2023 г. узнают новости из телевизионных программ (62 %), вторым по популярности источником новостной информации являются специальные сайты в сети Интернет (42 %), далее следуют социальные сети (23 %) и разговоры со знакомыми (14 %), остальные источники менее популярны. При этом четверть опрошенных не доверяет никаким источникам информации¹. Кроме того, как отмечает А. С. Маслов, среди молодежи наблюдается резкое снижение уровня доверия к традиционным средствам массовой информации. При этом данный факт напрямую связывается со степенью доверия к конкретным авторам, узнаваемость которых в большей своей массе минимальна [9, с. 2]. Отсутствие доверия к информации свидетельствует о том, что население не в силах воспринимать информационный контент в качестве достоверного и вынуждено верифицировать доносимые до них сведения. При этом, как отмечает Гай Бергер в предисловии к Руководству по академической и профессиональной подготовке ЮНЕСКО «Журналистика, "фейковые новости" и дезинформация», большую опасность представляет сценарий развития событий, при котором люди перестанут доверять всему контенту, кроме того, который одобрен в социальных сетях и соответствует их чувствам, а не объективной реальности. Особую опасность могут иметь последствия негативных установок в области здоровья, науки, межкультурного взаимопонимания и статуса подлинной экспертизы [10, с. 12].

Таким образом, если до недавнего времени противодействие дезинформированию сводилось в большей степени к регулированию деятельности средств массовой информации, к борьбе со слухами и зачастую приобретало форму идеологической цензуры, то на сегодняшний день возросло количество форм, методов и целей дезинформационного воздействия, что требует от общества и государства своевременного реагирования на возникающие угрозы. Государство, как правило, реагирует на подобные проявления в виде развития нормативно-правовой

и законодательной базы, а общество – путем достижения соглашений между различными его частями и членами.

Так, современное российское законодательство имеет ряд норм, предъявляющих требования к достоверности и безопасности распространяемых сведений, а также к ответственности за их нарушение. О. А. Снежко указывает на отсутствие конституционных норм относительно доступа граждан к достоверной информации, за исключением случаев, когда эта информация касается вопросов состояния окружающей среды. При этом российским законодательством конкретизировано и раскрыто само понятие «достоверная информация». Например, права граждан на получение достоверной информации о деятельности полиции, о факторах, влияющих на состояние здоровья и способствующих его сохранению, закреплены на законодательном уровне [11].

Как отмечают Д. С. Марков и Е. О. Гаврилов, право на защиту граждан от недостоверной информации, распространяемой в отношении их самих, является следствием правовых норм, закрепленных в ст. 23 Конституции Российской Федерации, в ст. 15.3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» установлена правовая норма, позволяющая требовать удаления недостоверной информации о человеке, а ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации – право на опровержение сведений, порочащих честь и достоинство [11, с. 285].

В исследовании С. А. Куликова приводятся примеры применения законодательных норм в области распространения рекламной продукции, направленных на защиту прав потребителей от дезинформационного воздействия и манипулирования представлением о товарах, услугах и конкурентных преимуществах. Так, в рекламных целях законодательно запрещено не только использовать недостоверные сведения о характеристиках товаров или услуг, но и применять технологии, скрывающие обязательную для раскрытия информацию, в том числе путем публикации ее в формате недоступном для восприятия [13, с. 707–708]. Современное законодательство о средствах массовой информации также предусматривает обязанность журналистов проверять все сведения на достоверность. При этом закон позволяет журналистам публиковать свое личное мнение, а кодекс профессиональной этики обязывает проводить четкую границу между публикацией мнения и описанием факта [13, с. 708].

Большое значение в вопросах пресечения распространения информации, имеющей общественную опасность, имеет антиэкстремистское законодательство, основанное на конституционных нормах. Так, В. Н. Андриянов указывает на наличие в Конституции Российской Федерации определенных запретов, ограничений, имеющих своей целью защиту законных интересов и прав граждан, общества и государства. В частности, это касается запрета на пропаганду ненависти, вражды или дискриминации по признаку

¹ Источники информации: предпочтения россиян // Официальный сайт «Фонда общественного мнение. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14835> (дата обращения: 06.07.2024).

социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, создание общественных объединений в целях осуществления деятельности, направленной на насильственное изменение основ конституционного строя и целостности Российской Федерации [14, с. 33–34]. В целях пресечения распространения экстремистской идеологии в отечественной правовой системе предусмотрен ряд мер репрессивного характера, закрепленных нормами уголовного и административного права, а также мер, непосредственно ограничивающих распространение информации. При этом, если отнесение преступления к категории экстремистского или террористического предусматривается перечнями № 20 и 22, установленными Указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России от 24 января 2020 г. № 35/11 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», то подобного перечня, указывающего на конкретные составы административных правонарушений для их однозначного отнесения к экстремистским или террористическим не существует, поэтому в различных источниках можно встретить разные составы правонарушений, отнесенные их авторами к данной категории.

Как было сказано выше, в отечественном праве предусмотрены механизмы пресечения дальнейшего распространения информационных материалов экстремистского содержания. При этом прописан как судебный порядок признания материала экстремистским или запрещенным к распространению, так и досудебный. Для организации технических и правовых процедур непосредственно процесса блокировки разработан специальный алгоритм. Полномочия по вынесению заключений о наличии противоправной информации возложены на прокуроров субъектов Российской Федерации, а вынесение требований об ограничении доступа – на генеральную прокуратуру Российской Федерации.

До недавнего времени законодательством не предусматривалась ответственность за распространение недостоверной информации, если эти действия не были связаны с иными преступлениями или правонарушениями. Введение статей УК РФ и КоАП РФ, предусматривающих ответственность за публикацию недостоверной общественно значимой информации, расширило правовые основания для борьбы с дезинформацией. При этом ответственность предусматривается за публикацию сведений, не только являющихся заведомо ложными, но и общественно значимых, создающих угрозу жизни и здоровью граждан, имуществу или общественному порядку. Данный вид ответственности был введен в период борьбы с коронавирусной инфекцией, когда в сети Интернет массово распространялись сведения об ее отсутствии, способах распространения, неспособности принимаемых мер снизить скорость ее распространения, а также заблуждения относительно опасности и смертности и иные идеи из разряда «теории загово-

ров». С началом специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины перед Российской Федерацией остро встала проблема дискредитации Вооруженных Сил, распространения недостоверных сведений об их деятельности, что могло нанести сильный урон морально-психологическому состоянию войск и снижению народной поддержки проводимых мероприятий.

Нельзя не согласиться с мнением В. П. Клевцевича о том, что ответственность предусмотрена за уже совершенные преступления и правонарушения, в связи с чем необходимо уделить особое внимание упреждающим ответным мерам. В качестве примера приводится негативная информационная провокация в г. Буча, которой можно было бы не допустить в случае заблаговременной подготовки видеорепортажа, свидетельствующего о покидании города без причинения вреда местному населению [15, с. 40]. Однако данное решение не является правовым методом, а скорее имеет характер частного решения конкретного случая.

Изучение опыта создания западными странами специальных служб по противодействию дезинформированию¹ и заключению соглашений с крупнейшими площадками по организации информационной коммуникации² пользователей может способствовать развитию отечественных правовых механизмов в рассматриваемой сфере. Однако условия информационного противостояния и целенаправленных информационных атак на фоне сложной геополитической обстановки вкупе с наличием большого количества русскоязычных информационных источников, находящихся за пределами Российской Федерации, могут нивелировать данные усилия. В этом случае взаимодействие с представителями цифровых площадок, журналистского сообщества и общественными деятелями, в том числе путем достижения соглашений по вопросам противодействия дезинформированию, способны снизить уровень данных угроз для граждан, общества и государства.

¹ При правительстве ФРГ заработал отдел по борьбе с дезинформацией // Информационное агентство «ТАСС». URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21129851> (дата обращения: 08.07.2024); В Великобритании создали центр по борьбе с российской «дезинформацией» // Электронное периодическое издание «Лента.ру». URL: <https://lenta.ru/news/2022/02/20/britan> (дата обращения: 08.07.2024); США и Польша создали специальную коммуникационную группу по противодействию «российской дезинформации» // Сетевое издание «Военное обозрение». URL: <https://topwar.ru/244123-ssha-i-polsha-sozdali-specialnuju-kommunikacionnuju-gruppu-po-protivodejstviju-rossijskoj-dezinformacii.html> (дата обращения: 08.07.2024); Агентство Viginum: Франция ставит соцсети под контроль (Comment ÇaMarche, Франция) // Сетевое издание «ИноСМИ.РУ». URL: <https://inosmi.ru/20211216/251134758.html> (дата обращения: 08.07.2024).

² Code of Practice on Disinformation // Официальный сайт Европейской комиссии. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/code-practice-disinformation> (дата обращения: 09.07.2024).

Таким образом, современная законодательная инициатива (как отечественная, так и зарубежная) все чаще предусматривает конкретные механизмы противодействия дезинформированию. Развитие цифрового пространства и средств коммуникации требуют от общества выработки должных мер защиты населения от недостоверных сведений и попыток введения в заблуждение. В ближайшие годы, по мнению автора, данная тенденция продолжится, на что указывает рост числа правовых актов в рассматриваемой сфере общественных взаимоотношений. При этом все большая роль будет уделяться не только правовым механизмам привлечения к ответственности лиц, виновных в распространении дезинформации, но и взаимодействию участников процесса создания и публикации информационных материалов. Данные отношения между общественными организациями, цифровыми площадками, профессиональными коллективами, представителями общественности и государством могут быть оформлены в виде различного рода соглашений, кодексов профессиональной этики или иных форм взаимодействия.

Заключение

Анализ законодательства прошлых лет и современных тенденций показывает увеличение количества правовых норм, регулирующих распространение информации и предъявляющих требования к ее качеству. Такое развитие правовой системы является ответной реакцией общества и государства на возникающие угрозы манипулирования сознанием людей путем введения их в заблуждение через трансляцию недостоверных и опасных, в том числе и экстремистских, сведений и идей. Сложность реализации противодействия дезинформированию обуславливается различными факторами: это и большие объемы распространяемой информации, которые не позволяют своевременно выявлять факты публикации недостоверных сведений, и сложность построения информационного материала, и невозможность получения его официального опровержения из открытых источников, что не позволяет удостовериться в неверном его содержании без проведения дополнительных мероприятий и привлечения специалистов различного рода, и трансграничность информационного пространства, делающая невозможным привлечение к установленной законом ответственности за совершение преступлений и правонарушений в области распространения информации субъектов, находящихся за пределами Российской Федерации. При этом с другой стороны защиты населения от дезинформационного воздействия стоит вопрос обеспечения его гражданских прав и свобод, в том числе на свободу слова, вероисповедания, объединения и получения не защищенной законом информации.

Противодействие дезинформированию является сложной задачей, для решения которой требуется комплексный подход, включая привлечение специалистов различных областей знаний, развитие диалога между государством, обществом, профессиональными и общественными объединениями. Значительную

роль могут играть профилактические методы противодействия дезинформированию, направленные на развитие цифровой и информационной грамотности населения. Правовые же методы способны структурировать и упорядочить все принимаемые меры, а также развить существующие приемы борьбы с дезинформацией и манипулированием общественным мнением. Изучение данного вопроса и передового опыта, в том числе зарубежных стран, имеет большое значение для развития отечественной правовой системы.

Библиографический список

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. СПб, 1998. 704 с.
2. Фионина А. С. Определение, источники и классификация термина «fake news». Огарёв-Online. 2023. № 6 (191). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-istochniki-i-klassifikatsiya-termina-fake-news> (дата обращения: 02.07.2024).
3. Каширина Е. И., Никляева А. С. Дезинформация: анализ, последствия и противодействие // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2024. № 1. С. 119–129.
4. Декреты Советской власти. Том 1. Государственное издательство политической литературы. М., 1957. 626 с.
5. Дударев С. С. Становление советской цензуры (1917–1920-е гг.). К 100-летию зарождения института цензуры // Вестник УлГТУ. 2016. № 3 (75). С. 34–37.
6. Дерюгин А. А., Бутов С. В. Правовые основания борьбы войск НКВД СССР с распространителями ложных слухов в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. № 3. Т. 9 (75). С. 37–42.
7. Батулин Ю. М. Российский путь к свободе прессы. М.: Российская академия наук, 2017. 50 с.
8. Грабельников А. А. Средства массовой информации постсоветской России: пятнадцать лет спустя // РУДН. 2008. 341 с.
9. Маслов А. С. Феномен снижения уровня доверия к СМИ: тенденции и минимизация угроз // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 4 (29). С. 2.
10. Журналистика, «фейковые новости» и дезинформация // Руководство по академической и профессиональной подготовке ЮНЕСКО. Париж, 2019. 162 с.
11. Снежко О. А. Обеспечение права на достоверную информацию в цифровом пространстве. URL: <https://выборгский.78.мвд.рф/document/25327687> (дата обращения: 06.07.2024).
12. Марков Д. С. Гражданско-правовая защита от недостоверной информации, распространенной в сети интернет // Молодой ученый. 2020. № 18 (308). С. 284–286.
13. Куликова С. А. Недостоверная информация как один из видов вредной информации: анализ правовой природы и систематизация // Известия Саратов-

ского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. № 4-2.

14. Андриянов В. Н. Конституционно-правовые основы противодействия экстремизму // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 1. С. 32–42.

15. Клевцевич В. П. Деморализованный враг лучше убитого // Армейский сборник. 2023. № 7. С. 36–41.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024; одобрена после рецензирования 10.01.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 15.11.2024; approved after reviewing 10.01.2025; accepted for publication 18.03.2025.

References

1. Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Dictionary of Russian phraseology. SPb, 1998. 704 p.

2. Fionina A. S. Definition, sources and classification of the term «fake news». Ogarev-Online. 2023. No. 6 (191). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-istochniki-i-klassifikatsiya-termina-fake-news> (date of reference: 07/02/2024).

3. Kashirina E. I., Niklyeva A. S. Disinformation: analysis, consequences and counteraction // Electronic network polythematic journal «Scientific works of KubGTU». 2024. No. 1. Pp. 119–129.

4. Decrees of Soviet power. Vol. 1. State Publishing House of Political Literature. M., 1957. 626 p.

5. Dudarev S. S. The formation of Soviet censorship (1917-1920s). To the 100th anniversary of the origin of the institute of censorship // Bulletin of UIGTU. 2016. No. 3 (75). Pp. 34–37.

6. Deryugin A. A., Butov S. V. Legal grounds of the struggle of the USSR NKVD troops with the spreaders of false rumors during the Great Patriotic War // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences. No. 3. Vol. 9 (75). Pp. 37–42.

7. Baturin Yu. M. The Russian way to freedom of the press. M.: Russian Academy of Sciences, 2017. 50 p.

8. Grabelnikov A. A. Mass media of post-Soviet Russia: fifteen years later // RUDN. 2008. 341 p.

9. Maslov A. S. Phenomenon of decrease in the level of trust in mass media: trends and minimization of threats // Scientific notes of the Novgorod State University. 2020. No. 4 (29). P. 2.

10. Journalism, «fake news» and disinformation // UNESCO manual for academic and professional training. Paris, 2019. 162 p.

11. Snezhko O. A. Ensuring the right to reliable information in digital space. URL: <https://выборский.78.мвд.рф/document/25327687> (date of reference: 07/06/2024).

12. Markov D. S. Civic-legal protection from unreliable information distributed in the Internet // Young scientist. 2020. No. 18 (308). Pp. 284–286.

13. Kulikova S. A. Unreliable information as one of the types of harmful information: analysis of the legal nature and systematization // Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Right. 2013. No. 4-2.

14. Andrianov V. N. Constitutional and legal foundations of countering extremism // All-Russian Journal of Criminology. 2017. No. 1. Pp. 32–42.

15. Klevtsevich V. P. A demoralized enemy is better than a dead one // Army Collection. 2023. No. 7. Pp. 36–41.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.31

Единая система публичной власти на современном этапе: некоторые итоги четырехлетней работы законодателей

Кожевников Олег Александрович¹, Матвеев Евгений Викторович²

^{1,2} Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия

¹ Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, jktu1976@yandex.ru

Аннотация. Любой уровень законодательства, вне зависимости от его объема и важности, всегда должен подвергаться кропотливому анализу, позволяющему выявить положительные и отрицательные стороны как законотворческой работы, так и правоприменительной практики. Не является исключением и нормативно-правовое регулирование институтов публичной власти. Инициированные Президентом РФ в 2020 г. поправки в Конституцию РФ, особенно в части формирования и внедрение в российское правовое пространство единой системы публичной власти, на протяжении всех прошедших четырех лет являются темой многочисленных диспутов, конференций и публикаций. Авторами настоящей статьи на основе анализа текстов базовых правовых актов о единой системе публичной власти, правовых позиций Конституционного суда РФ, текстов обращений Президента РФ делается попытка обратить внимание не просто на несовершенство федерального законодательства, а на его «отход» от первоначальной президентской идеи внесения в текст Конституции РФ дополнений, касающихся данной системы. Авторы полагают, что существующая модель законодательного регулирования единой системы публичной власти не смогла выполнить две ее основополагающие цели: обеспечить функциональное единство уровней власти и на его основе эффективное взаимодействие в решении задач в интересах населения, проживающего на определенной территории. Четырехлетние итоги ставят очевидный вопрос о возврате к сущности президентских инициатив 2020 г. и необходимости организации фундаментальной работы над корректировкой существующих законодательных основ единой системы публичной власти.

Ключевые слова: Конституция, единая система публичной власти, народовластие, функциональное единство, конституционная реформа 2020 г., Президент РФ

Для цитирования: Кожевников О. А., Матвеев Е. В. Единая система публичной власти на современном этапе: некоторые итоги четырехлетней работы законодателей // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 15–19.

Original article

The unified system of public power at the present stage: some results of the four-year work of legislators

Kozhevnikov Oleg A.¹, Matveev Evgeny V.²

^{1,2} Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia

¹ Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, jktu1976@yandex.ru

Abstract. Any level of legislation, regardless of its volume and importance, should always be subjected to painstaking analysis, which makes it possible to identify the positive and negative sides of both legislative work and law enforcement practice. The regulatory and legal regulation of public authorities is no exception. The amendments to the Constitution of the Russian Federation initiated by the President of the Russian Federation in 2020, especially regarding the formation and implementation of a unified system of public authority in the Russian legal space, have been the subject of numerous debates, conferences and publications over the past four years. Based on the analysis of the texts of the basic legal acts on the unified system of public power, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, and the texts of the appeals of the President of the Russian Federation, the authors of this article attempt to draw attention not just to the imperfection of federal legislation, but to its «departure» from the original presidential idea of introducing additions to the text of the Constitution of the Russian Federation concerning this system. The authors believe that the existing model of legislative regulation of the unified system of public authority has failed to fulfill its two fundamental goals: to ensure the functional unity of the levels of government and, on its basis, effective interaction in solving problems in the interests of the population living in a certain territory. The four-year results raise the obvious question of returning to the essence of the 2020 presidential initiatives and the need to organize fundamental work on correcting the existing legislative foundations of the unified system of public authority.

Keywords: Constitution, unified system of public authority, democracy, functional unity, constitutional reform in 2020, President of the Russian Federation

For citation: Kozhevnikov O. A., Matveev E. V. The unified system of public power at the present stage: some results of the four-year work of legislators // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 15–19.

Не имея конкретной цели, трудно
добиться положительного результата
Мацуо Монро (Кирилл Алексеев)²

15 декабря 2020 г. Президент РФ, обращаясь с официальным посланием к Федеральному собранию РФ, дал старт самой большой конституционной реформе в новейшей российской истории с момента принятия Основного закона нашей страны в 1993 г. В своем послании Глава государства, запуская процесс изменений текста Конституции РФ, отмечал: «Сегодня в нашем обществе четко обозначился запрос на перемены. Люди хотят развития и сами стремятся двигаться вперед в профессии, знаниях, в достижении благополучия, готовы брать на себя ответственность за конкретные дела. Зачастую они лучше знают, что, почему и как надо менять там, где они живут, работают – в городах, районах, селах, по всей стране. Темпы изменений должны нарастать с каждым годом, с ощутимыми для граждан результатами по достижению достойного уровня жизни. И, повторю, с их активным участием»¹. Одним из самых масштабных направлений конституционной реформы стала трансформация государственной и муниципальной власти под эгидой построения единой системы публичной власти. Полагаем, что спустя четыре года настало время объективно посмотреть, каким образом президентская инициатива нашла свое отражение в проделанной федеральным законодателем работе по формированию и развитию единой системы публичной власти в

России, и смогла ли эта система принести ощутимые для граждан результаты на пути достижения достойного уровня жизни.

Для начала вспомним еще несколько позиций из послания Президента РФ Федеральному собранию в 2020 г. В нем Глава государства отмечал, что в России присутствует серьезный разрыв между государственными и муниципальными уровнями власти, который приводит к проблемам в образовании, здравоохранении, да и в других сферах, а предусмотренные законодательством общие для всех граждан права, возможности и гарантии в разных регионах и муниципалитетах обеспечиваются по-разному. Именно в целях преодоления указанных проблем, основой которых является очевидное несоблюдение верховенства прав и свобод человека на всей территории нашей страны, Президент РФ и выступил с инициативой внесения в текст Конституции РФ принципа единой системы публичной власти, содержание и механизмы которого позволили бы выстроить эффективное взаимодействие между государственными и муниципальными органами. При этом представляется важным акцентировать внимание на следующем: в обоснование своей инициативы В. В. Путин дополнительно упомянул о том факте, что в результате построения обновленной модели публичной власти полномочия и реальные возможности местного самоуправления – самого близкого к людям уровня власти, могут и должны быть расширены и укреплены.

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. «Послание Президента Федеральному Собранию». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/?ysclid=m47x6y8ckf829125783 (дата обращения: 19.12.2024).

² URL: <https://citaty.info/quote/53777> (дата обращения: 19.12.2024).

Столь внимательно отношение авторов к содержанию инициативы Главы государства, ставшей предтечей формирования законодательных основ единой системы публичной власти, не случайно. Спустя четыре года с момента его обращения к Федеральному Собранию РФ категория «единая система публичной власти» нашла свое отражение не только в тексте Конституции РФ, но и в иных актах, при этом совокупность нормативных положений относительно вышеназванной системы и правоприменительной практики очень напоминает цитату известного французского писателя и философа эпохи Возрождения Мишеля де Монтень – «Не достигнув желаемого, они сделали вид, что желали достигнутого»¹.

Часть 5 ст. 125 Конституции РФ наделяет Конституционный суд РФ исключительным правом толкования Основного закона нашей страны. Именно это конституционное право позволяет исключительно федеральному органу конституционного правосудия интерпретировать волю народа, выраженную в Основном законе государства. При этом ст. 106 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» императивно устанавливает, что толкование Конституции РФ, данное Конституционным судом РФ, является официальным и обязательным для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений [1]. Это требование по смыслу названного Федерального конституционного закона распространяется на все решения Конституционного Суда РФ, независимо от того, в какой форме они выносятся, т. е. не только на постановления, но и на определения и заключения.

16 марта 2020 г. в своем заключении № 1-3 Конституционный суд РФ обозначил официальное конституционно-правовое толкование категории «единая система публичной власти». В частности он отметил, что «под единством системы публичной власти понимается, прежде всего, функциональное единство, что не исключает организационного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления при решении задач на соответствующей территории. Это не отрицает самостоятельности местного самоуправления в пределах его полномочий и не свидетельствует о вхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти (ст. 12 Конституции РФ). В своем функциональном предназначении единство публичной власти выражается и в том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления (ст. 2 и 18 Конституции РФ), что во всяком случае предполагает согласованное действие

различных уровней публичной власти как единого целого во благо граждан»². К сожалению, указанное толкование, на наш взгляд, не было воспринято федеральным законодателем при формировании последующих нормативно-правовых основ единой системы публичной власти в РФ.

19 декабря 2020 г. вступил в силу Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации», который первым после Конституции РФ был призван развить ее положения и «расставить» опорные точки в построении функционального единства органов власти, что и было отражено в его преамбуле: «обеспечить согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти, а также определить основы функционирования публичной власти, статус, организационно-правовые основы формирования и деятельности Государственного Совета Российской Федерации»³. Однако в полной мере раскрытия конституционных положений о единой системе публичной власти в упоминаемом законе достичь не удалось, более того, отдельные его положения вызвали очевидные вопросы об их тождественности тексту Конституции РФ. В частности, в рассматриваемом федеральном законе закреплено понятие «единая система публичной власти», которое в отличие от ч. 3 ст. 132 Конституции РФ формулирует иной состав органов, входящих в данную систему, а также иные цели ее создания и функционирования, нежели указаны в Основном законе страны. Несомненно, в качестве положительного момента следует указать на закрепление в вышеупомянутом законе категории «координация деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти», под которой понимается «система действий и решений, которые направлены на обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти». Однако каких-либо иных существенных положений, направленных на обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, и определение основы функционирования публичной власти в РФ анализируемый закон не содержит, что в дальнейшем повлекло за собой существенные недостатки и ска-

² Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям гл. 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу ст. 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/sud/zakliuchenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16032020-n-1-z/?ysclid=m4uw76gkw3156668923> (дата обращения: 19.12.2024).

³ URL: <https://docs.cntd.ru/document/573033481> (дата обращения: 19.12.2024).

¹ URL: <https://citaty.info/man/michel-de-monten> (дата обращения: 03.12.2024).

залось на правовом обеспечении «каркаса» единой системы публичной власти.

21 декабря 2021 г. федеральная законодательная практика пополнилась Федеральным законом № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», который очевидно принимался в спешке и под «бурные аплодисменты» абсолютно всех субъектов РФ, органы которых изъявили желание принять участие в обсуждении текста этого закона. В итоге в российском правовом пространстве появилась категория «единая система публичной власти в субъекте Российской Федерации». При внимательном изучении текста упомянутого закона очевидно, что федеральный законодатель не установил в его содержании хотя бы какой-либо значимой и прямой правовой «сцепки» с обозначенной в Конституции и Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» категорией «единая система публичной власти». В результате о взаимосвязи этих систем мы можем судить лишь на основе логических умозаключений, опираясь на установленные в ст. 2 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ принципы деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации. К указанному «правовому хаосу» добавилось и то обстоятельство, что категория «единая система публичной власти в субъекте РФ» еще больше расширила горизонты органов, входящих в ее состав, включив даже федеральные органы власти, а также установила свою, отличную от федерального уровня регламентации, цель в субъекте РФ – создание условий для обеспечения устойчивого и комплексного социально-экономического развития в пределах территории субъекта Российской Федерации. Подобная спешка, не до конца проработанные положения федерального закона при наличии конституционных положений привели в целом к ожидаемому и прогнозируемому многими исследователями результату: за четыре года своего действия данный закон изменялся и дополнялся 23 раза. Данный факт – самое яркое свидетельство необходимости тщательной проработки и взвешенного подхода к формированию федерального законодательства, направленного на реализацию положений Конституции РФ о единой системе публичной власти. Присутствующий «законодательный кавардак» и «постоянный зуд» федерального законодателя лишь дополнительно убеждает нас в отсутствии понимания у федеральных властей какой-либо четкой и содержательной основы при формировании полноценного «взаимодействия» между входящими в единую систему публичной власти органами в целях эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Наступает 2022 г., «законодательская прыть» федерального законодателя набирает еще большие обороты, и в Государственной думе РФ уже обсуждается внесенный П. В. Крашенинниковым и А. А. Клишасом законопроект № 40361-8 «Об общих принципах орга-

низации местного самоуправления в единой системе публичной власти», который «с треском» проваливается при подготовке его ко второму чтению, поскольку вызвал негативную реакцию не только у представителей муниципальной и региональной власти, но и у всех, кто профессионально занимается вопросами правового регулирования местного самоуправления в Российской Федерации. Причем количество поправок к тексту данного законопроекта зашкаливало и каждый раз варьировалось, что удивительно, его же разработчиками. На 12 ноября 2024 г. инициаторы законопроекта огласили цифру – 940 поправок¹. К 29 ноября 2024 г. П. В. Крашенинников сообщает журналистам, что профильный комитет рекомендовал Государственной Думе РФ принять 332 поправки, а 395 – отклонить. Однако помимо неопределенности с содержанием и количеством поправок в предлагаемый законопроект особое удивление в контексте ранее упомянутых конституционных положений о единой системе публичной власти, толкования Конституционного суда РФ и, в конечном итоге, слов Президента РФ, о которых мы упоминали в начале данной статьи, вызывают мотивы обоснования принятия этого законопроекта со стороны его разработчиков, одно из которых буквально звучит следующим образом: «Гражданам по большому счету все равно, муниципальная, региональная или федеральная власть, они должны иметь возможность решать свои проблемы»².

Следует отметить и тот факт, что ни по одному из указанных в настоящей статье нормативных актов о единой системе публичной власти, кроме Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», никакого общенационального обсуждения или иной формы выявления мнения граждан и профильных специалистов о том, будет ли им функционально удобнее и лучше в решении интересующих их вопросов при новой модели организации публичной власти, не происходило. Все обсуждения в основном ограничиваются «виртуальной» основой, закрытыми встречами, совещаниями и т. п. При этом главный потребитель и интересант функционального единства органов публичной власти – население, отодвинуто от принятия важнейших решений о будущем российской власти.

Что мы имеем спустя четыре года после начала построения нормативной основы единой системы публичной власти? Президентская инициатива формирования принципа единой системы публичной власти в целях преодоления разрыва между государ-

¹ Мухаметшина Е. К проекту закона о местном самоуправлении поступило 940 поправок. Инициативу планируют принять до конца этого года. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/11/12/1074377-k-proektu-zakona-omestnom-samoupravlenii-postupilo-940-popravok?ysclid=m482ylyvbm813301493> (дата обращения: 03.12.2024).

² Муниципалитеты опасаются нововведений. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7264925> (дата обращения: 03.12.2024).

ственными и муниципальными уровнями власти, разрыва в объеме и качестве реализации гарантированных гражданам прав и свобод на всей территории РФ вне зависимости от места их проживания «разбилась о камень» формирования административной вертикали властных институтов без какого либо выверенного функционального единства и целеполагания на эффективное решение задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Пока еще не до конца построенная модель единой системы публичной власти за прошедшие четыре года так не стала эффективным инструментом усиления и повышения качества народовластия, закрепленного в ст. 3 Конституции РФ, полноценного повышения уровня жизни граждан в любой точке нашей страны как проявления верховенства и уважения к правам человека. Вместо этого мы замечаем «судорожные» попытки федерального законодателя «перенастроить» систему государственного и муниципального управления в строгую иерархию, не в полной мере продуманную и просчитанную, «перераспределить» компетенции между уровнями власти при отсутствии понимания того, что управляемость, компетенция и ответственность зависят не о того, как это видит сама власть, а от того, как это сказывается на удовлетворении конкретных потребностей населения и повышении общего благосостояния граждан. О том, что система не состоялась и не работает, свидетельствует количество обращений на совмещенную с прямой линией большую пресс-конференцию «Итоги года с Владимиром Путиным» – более 2 млн¹. В этой связи, пока еще есть возможность «перенастроить», скорректировать нормативные основы единой системы публичной власти, федеральному законодателю следует помнить еще одни слова Президента РФ: «Именно народ – источник власти в нашей стране. Он определяет ее путь развития»². Это значит, что надо вернуться к президентским инициативам 2020 г. и развернуть модель формирования единой системы публичной власти лицом к людям и во благо людей.

Библиографический список

1. Романовская Л. Р. Конституционный суд РФ как главный субъект толкования Конституции // Вестник ННГУ. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-sud-rf-kak-glavnyy-subekt-tolkovaniya-konstitutsii> (дата обращения: 19.12.2024).

References

1. Romanovskaya L. R. The Constitutional Court of the Russian Federation as the main subject of interpretation of the Constitution // Bulletin of the National Research University. 2018. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-sud-rf-kak-glavnyy-subekt-tolkovaniya-konstitutsii>

¹ URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/12/19/1082333-na-pryamuyu-liniyu-2-mln-obraschenii?from=read_also=1 (дата обращения: 19.12.2024).

² Видеообращение, посвященное 30-летию образования Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72331> (дата обращения: 19.12.2024).

article/n/konstitutsionnyy-sud-rf-kak-glavnyy-subekt-tolkovaniya-konstitutsii

Информация об авторах

Кожевников Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор

Матвеев Евгений Викторович – кандидат экономических наук

Information about the authors

Kozhevnikov Oleg A. – Doctor of Law, Professor

Matveev Evgeny V. – Candidate of Economic Sciences

Статья поступила в редакцию 20.12.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 20.12.2024; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Научная статья
УДК 342.9

Принципиальная модель административной юрисдикции

Кошелев Дмитрий Александрович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, koshelev-dima1249@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье анализируется модель административной юрисдикции, и рассматриваются законодательные конструкции правоохранительного характера, закрепленные в действующем законодательстве Российской Федерации. Автор представляет модернизированную структуру административно-юрисдикционного законодательства, включающую в себя помимо нормативно-правовых актов иные официальные документы (источники), базирующиеся на перечнях актов, содержащих обязательные требования, устанавливающие процедуры предупреждающего, пресекающего, восстановительного, сдерживающего и иного ограничительного характера в ходе реализации административно-юрисдикционных норм. Также сформулировано определение кодекса как ключевого акта административно-юрисдикционного законодательства, представленного сводным текстом с однородным содержанием, единой лексикой, стилистикой, речевыми оборотами, логикой изложения объединяемого материала и прочими элементами типичных юридических конструкций, предназначенных для исключения разрозненности норм, регулирующих определенную сферу общественных отношений.

Ключевые слова: административная юрисдикция, административный процесс, процессуальные алгоритмы, доказательства доказывание, подведомственность административных дел

Для цитирования: Кошелев Д. А. Принципиальная модель административной юрисдикции // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 20–25.

Original article

The basic model of administrative jurisdiction

Koshelev Dmitry A.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
koshelev-dima1249@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the model of administrative jurisdiction and examines the legislative structures of a law enforcement nature enshrined in the current legislation of the Russian Federation. The author presents a modernized structure of administrative and jurisdictional legislation, which includes, in addition to regulatory legal acts, other official documents (sources) based on lists of acts containing mandatory requirements that establish procedures for preventive, preventive, restorative, deterrent and other restrictive measures during the implementation of administrative and jurisdictional norms. The definition of the code is also formulated as a key act of administrative and jurisdictional legislation, represented by a consolidated text with homogeneous content, uniform vocabulary, stylistics, speech patterns, logic of presentation of the combined material and other elements of typical legal structures designed to eliminate the fragmentation of norms governing a certain sphere of public relations.

Keywords: administrative jurisdiction, administrative process, procedural algorithms, evidence proving, jurisdiction of administrative cases

For citation: Koshelev D. A. The basic model of administrative jurisdiction // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 20–25.

Заявленная тематика не является новаторской в системе публично-правовых исследований. По данному направлению имеются десятки книг и многочисленные публикации научных разработок, достаточно отметить работы А. Б. Агапова [1], А. А. Беженцева [2],

В. А. Зюзина, А. Н. Жеребцова и Н. В. Павлова, Р. В. Нагорных [3], Б. В. Россинского [4] и др.

Нужно учесть, что в подавляющем большинстве случаев исследования по теории административной юрисдикции были сведены к изучению вопросов на-

значения административных наказаний и связанных с ними мер административно-пресекающего характера либо касались частных случаев применения в деятельности органов прокуратуры, налоговых и таможенных органов, МЧС России административно-юрисдикционной процессуальной формы отдельных юрисдикционных средств, например, усмотрение, сочетание процессуальных инструментов, особые условия применения юрисдикционных средств.

Отдельные работы касались общей теории административно-юрисдикционного процесса [5]. Одновременно наметилась тенденция смешения научных разработок в области административного судопроизводства по делам об административных правонарушениях, что необоснованно приводит к использованию в исследованиях цивилистических инструментов [6].

Однако кардинальное обновление системы административного законодательства, определение его через триединство системы обязательных требований¹, механизмов публичного контроля (надзора)² и административной ответственности не позволяет рассуждать об административной юрисдикции как сугубо касающейся процедур применения административных наказаний и иных мер, сопутствующих административной ответственности.

Необходимо создание единообразной (принципиальной) модели административной юрисдикции, выступающей особой формой административной деятельности в системе оценки соблюдения обязательных требований наряду с формированием их перечней, мониторинговыми, профилактическими и контрольными (надзорными) мероприятиями.

Положения КоАП РФ лишь частично устанавливают правила административной юрисдикции (преимущественно в части назначения и исполнения наказаний за несоблюдение специальных правил поведения).

Подобная схема организации административной юрисдикции предполагает:

1) единство процессуального статуса специальных субъектов, несущих ответственность за соблюдение обязательных требований, и наличие у них набора типичных юридических технологий в различных административных производствах³;

2) правила признания действительности доказательственной информации, легально полученной в рамках предшествующих административных проце-

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5006.

² Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5007.

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 1101 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области безопасности дорожного движения и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 28. Ст. 5531.

дур для целей правоохранительной деятельности без их дополнительной проверки⁴;

3) презумпцию законности и признание результатов предшествующих административных действий для целей применения впоследствии принудительных мер;

4) ведомственный контроль за итоговыми и промежуточными юрисдикционными актами (документами), содержанием доказательственной информации;

5) процессуальную экономию, связанную с сокращением количества административных действий (процедур), совершаемых последующей инстанцией по отношению к активности предыдущей;

6) систему признания юридического тождества за действиями (их результатами), совершенными вне процессуальной формы, но в пределах компетенции представителя публичной администрации, необходимыми для последующей правоохранительной работы;

7) оптимальный (стандартный) набор административных действий (процедур) по всем категориям дел на всех стадиях производства по делам об административных правонарушениях для всех властных субъектов, допускающий замену общей процессуальной формы отдельными (частными) административными процедурами.

Принципиальная модель структуры административно-юрисдикционного законодательства может включать в себя:

а) стандартный набор функций должностных лиц – представителей публичной администрации – по оценке рискованной практики контролируемых лиц и нарушений обязательных требований, а также судебной проверки законности принятых юрисдикционных актов (совершенных процедур), строгого разделения квалификационной и арбитражной роли административных органов и судебных инстанций при решении правоохранительных задач;

б) дополнение объема административной юрисдикции наряду со стадиями производства по делам об административных правонарушениях, иных административных производств и процедур, связанных с внедрением риск-ориентированного подхода, присвоением негативных рейтингов контролируемым субъектам, применением принудительно-профилактических мероприятий, реализацией мер предупреждающего, пресекающего, восстановительного, сдерживающего и иного характера, направленных на установление дополнительных запретов, ограничений, обязанностей и условий ведения деятельности контролируемыми лицами;

в) создание единых алгоритмов применения указанных, максимально простых, исключая дубли-

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений гл. 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.

рование информации и доказательственной базы от одной административной процедуры к другой мер независимо от достигаемого результата.

Сама по себе структура административно-юрисдикционного законодательства может включать в себя помимо нормативных правовых актов иные официальные документы (источники), базирующиеся на перечнях актов, содержащих обязательные требования, устанавливающие процедуры предостерегающего, пресекающего, восстановительного, сдерживающего и иного ограничительного характера в ходе реализации административно-юрисдикционных норм.

Особое положение в ряду административно-юрисдикционного законодательства может занимать ключевой акт – кодекс, который может быть определен как сводный текст с однородным содержанием, включающий единую лексику, стилистику, речевые обороты, логику изложения объединяемого материала и прочие элементы типичных юридических конструкций, предназначенных для исключения разрозненности норм регулирующих определенную сферу общественных отношений.

В целом административно-юрисдикционный кодекс (как и любой иной кодифицированный акт) появляется тогда, когда нужно: а) соотнести несколько правовых моделей, конкурирующих или регулирующих разным образом одни и те же вопросы в рамках одной области общественных отношений; б) исключить множественность повторяющихся правил, разнящихся лишь лексически; в) чтобы в данных условиях отдельные их этих моделей показали свою несостоятельность.

Кодифицированный акт содержит уникальные черты, среди них:

- особый информационный массив: а) стратегия и идеология регулирования; б) набор юридических конструкций; в) алгоритмы; г) правила их реализации (применения); д) заверченный порядок действий; е) оригинальные и (или) уникальные значения и содержание правовых норм; ж) ряд условных упрощений, позволяющих формировать правоотношения, не имея пробелов или включая правила их преодоления;

- тиражируемый набор юридических конструкций (их модификаций), которые могут быть использованы в любой группе общественных отношений (деятельности) и позволят безукоризненно квалифицировать юридические факты согласно заданному алгоритму действий;

- методологическая организация кодифицированного текста, представляющая собой изложение материала от общего к частному, от абстрактного к конкретному, от проекта к его реализации;

- уникальность организации текста любого административно-процессуального кодекса, заключающаяся в том, что он основан на построении технологической картины административной деятельности.

Кодекс, содержащий административно-процессуальные нормы, должен содержать правила заимство-

вания и преобразования иных отраслевых юридических конструкций, присоединения текстовой части любых правовых актов, юридических и иных документов в целях достижения целей и реализации задач административной практики.

Административно-процессуальная кодификация требуется, поскольку возникает необходимость формирования единообразной, взаимосвязанной технологии администрирования, когда ведомственные регламенты (инструкции, методики, алгоритмы и пр. документы) разнообразны, а заложенные в них подходы препятствуют результативному, эффективному, непрерывному руководству и управлению отдельными видами деятельности.

Юрисдикционная оценка соблюдения обязательных требований, выявление причин и условий их нарушения – не исключительная задача производства по делам об административных правонарушениях, а элемент контрольной (надзорной) деятельности, профилактики правонарушений, реализуемый в самостоятельной процессуальной форме. В этой связи формальный акт – представление (ст. 29.13 КоАП РФ), как и все аналогичные дублирующие акты профилактической направленности (предложения, предписания, предостережения и пр.), следует исключить из текстов юрисдикционных актов, так как они имеют иную правовую природу и направленность, и реализуются в рамках иных процедур.

Статья 24.1 КоАП РФ лишь называет задачи административной юрисдикции, но не раскрывает их, что создает разногласия и противоречия в правоприменении, допускает принятие незаконных актов, а равно бесосновательную отмену принятых законных актов. В связи с этим необходима не только доктринальная, но и легальная трактовка процессуальных задач, в частности:

- всесторонность – материально-правовые или административно-юрисдикционные (административно-процессуальные) вопросы, которые следует разрешить, определяя наличие или отсутствие признаков административного правонарушения, степень виновности в его совершении лица, выбор назначаемого административного наказания, а также сопутствующие вопросы при вынесении постановления (иного решения) и исполнении этих мер;

- полнота – наличие в юрисдикционном акте (действии) законных вариантов решений, не дающих повода усомниться в сделанных выводах, а равно, наоборот, отвержение решений, которые не только являются незаконными, но и не имеют юридического разрешения в рамках административно-юрисдикционного законодательства. Требование о полноте выяснения обстоятельств дела об административном правонарушении будет связано с разрешением вопросов об объеме вменения нарушенных обязательных требований с учетом специальных правил квалификации и назначения наказаний (юридические коллизии, конкуренция норм, альтернативность, множественность санкций и пр.);

объективность – при наличии различных правовых позиций должна быть выбрана та (или те) из них, которая (-ые) соответствует требованиям правовой нормы, где алгоритм квалификации говорит о непредвзятости, отсутствии домысливания ситуации или предоставления предпочтений тому или иному высказыванию либо лицу; значение юридических конструкций, их смысл и содержание могут быть непосредственно установлены в правовом акте, не предполагающем двух- или многосмысленного понимания того или иного высказывания.

Безусловно, необходима оптимизация процессуального документооборота, когда акты предшествующих юрисдикционных форм (проверок), содержащие необходимые и достаточные данные, характеризующие административное правонарушение, могут заменить юрисдикционные протоколы (определения), вследствие чего можно приступить к рассмотрению материала (исполнению решения) на основании постановления прокурора, документов или актов по контролю (надзору). Для целей арбитражного судопроизводства достаточно было бы составить заявления и изначально подготовить административный материал согласно требованиям Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Важной в производстве по делу об административном правонарушении является необходимость синхронизации материально-правовых и процессуальных сроков. Они должны быть тождественными, для каждого этапа строгими по величине, а по их истечении должен следовать безусловный отказ в административном преследовании.

Допускается пересмотр принятых актов за пределами установленных КоАП РФ сроков по мотиву невиновности лица в совершении административного правонарушения, а равно в целях устранения иных неблагоприятных последствий, с которыми было сопряжено ведение производства по делу об административном правонарушении.

Требование своевременности разрешения дела (процессуальной рентабельности) сведено к тому, что должна быть внедрена генеральная схема однотипных действий как образец, шаблон, трафарет для раскрытия (квалификации) любого состава административного правонарушения всеми должностными лицами.

Переход к юрисдикционной процессуальной форме от повседневных оперативно-исполнительных процедур должен состояться в любой момент времени, когда действия (операции) или акты (документы) могут быть квалифицированы как правонарушения, требующие правоохранительной (правообеспечительной) реакции публичной администрации на отклоняющееся от обязательных требований поведение и (или) иные небезопасные ситуации независимо от их наименования и отраслевой принадлежности нормативного правового акта, формального различия в наименованиях и (или) процедурах их реализации.

Такого рода унификация юрисдикционной про-

цессуальной формы требует обеспечения единства терминологии, тождества средств реализации полномочий представителей публичной администрации, сокращения случаев их повторного применения (дублирования), а также строгого определения моментов начала и окончания юрисдикционных действий, которые формально можно считать реализуемыми, как только установлен факт рискованной или опасной практики (содержательный критерий), а также выявлено не рекомендованное официально или противоправное поведение подвластного субъекта (формальный критерий).

Обстоятельством, требующим начала юрисдикционных процедур, следует считать момент начала проверки информации о наличии какого-либо нежелательного инцидента, а момент их завершения – восстановление установленного порядка управления.

Возможно сокращение количества субъектов административной юрисдикции с сохранением отраслевой специализации правоохранительной деятельности. Случаи двойной подведомственности должны быть исключены, а предварительное рассмотрение дела и принятие итогового решения должно производиться в административном, но не в судебном порядке, так как зачастую спора о праве нет, а виновное лицо добровольно исполняет требования представителей власти.

Возможность инспекционного (внутреннего, ведомственного) контроля за проведением контрольных (надзорных) мероприятий юрисдикционного характера должна предусматривать выбор вышестоящим органом (должностным лицом) тактики и методики совершения процессуальных действий, а также инициативный пересмотр постановлений (определений) и иных решений, в том числе различных промежуточных актов, влияющих на итог разрешаемого в административном порядке дела.

При таком подходе деление производства на привычные преобладающие четыре формальные стадии (возбуждение, рассмотрение, пересмотр и исполнение вынесенных по делу актов) теряет свой смысл, так как под постоянным ведомственным наблюдением разрешение дела при непосредственном взаимодействии инспектора (контролера) с контролируемым лицом возможно максимально быстро, эффективно и открыто, при этом не потребуются документального дублирования и повторных процедур доказывания уже известных обстоятельств дела.

По единым правилам должны применяться меры обеспечения юрисдикционной деятельности доказательственного или сопутствующего (организационно-технического) характера. Если меры нефинального принуждения предусмотрены в различных правовых актах, по-разному именуются, но по способу воздействия являются тождественными (сходными), к ним должны применяться кодифицированные правила как более емко и скрупулезно прописывающие процедуры, гарантии и меры безопасности при реализации именно мер обеспечения (пресечения).

Очевидно, что допустимость применения мер обеспечения определяется не только достигаемыми целями, она должна быть основана на перечислении конкретных обстоятельств, уточняющих, почему только при наличии таких ограничений деятельности (действий) подвластных лиц возможно беспрепятственное ведение производства по делу об административном правонарушении.

Применение любой меры, содержащей в себе новые запреты, ограничения, обязанности или условия ведения деятельности (совершения действий), целевым образом направленной на реализацию правоохранительных функций, связано с необходимостью предоставления специального статуса участника административно-юрисдикционных правоотношений. Следует законодательно оговорить моменты возникновения таких статусов, так как они различны для свидетелей, понятых, потерпевших, защитников, лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, и иных участников.

Целесообразно учесть следующие требования:

придать процессуальный статус участников производства по делам об административных правонарушениях должностным лицам, составляющим процессуальные акты (протоколы, постановления, определения и др.), установив их права и обязанности по аналогии с иными участниками, указанными в гл. 25 КоАП РФ;

разграничить двойственность подведомственности возбуждения дел об административных правонарушениях между правоохранительными и иными органами (организациями), проводящими мероприятия по контролю (надзору);

наделить вышестоящее должностное лицо (орган), направившее дело об административном правонарушении на рассмотрение, прямым правом обжалования вынесенных по данному делу решений (протокола, определения, постановления) должностного лица, органа (организации) до их вступления в законную силу;

предусмотреть возбуждение дела об административном правонарушении только после сбора необходимых доказательств, которые могут квалифицировать совершенный поступок как административное правонарушение, при этом присутствие лица, в отношении которого составляется протокол об административном правонарушении (выносится постановление прокурора), при его оформлении не обязательно, но надлежащее уведомление необходимо;

установить единое правило ведения всех юрисдикционных процедур по месту совершения административного правонарушения; материалы по месту жительства не направлять, так как утрачивается юридическая значимость имеющейся доказательственной основы юрисдикционных дел;

дополнить перечень мер обеспечения по делам об административных правонарушениях осмотром принадлежащих физическому лицу, ответственному за

соблюдение обязательных требований, помещений, территорий, находящихся там вещей и документов, разрешить его проведение в неотложном порядке до возбуждения дела об административном правонарушении;

закрепить в КоАП РФ перечень особых субъектов административной ответственности – лиц, обладающих неприкосновенностью, иммунитетами от административной юрисдикции либо в отношении которых не применяются отдельные виды административных наказаний или установлен особый порядок (процедуры) привлечения их к административной ответственности;

определить специальный порядок действий должностных лиц, осуществляющих юрисдикционные полномочия в отношении указанных субъектов, а также разрешить руководителям органов исполнительной власти (их отдельных подразделений) обращаться непосредственно в уполномоченные инстанции за получением согласия на привлечение особых субъектов к административной ответственности;

установить правило приостановления процессуального срока и срока давности привлечения к ответственности в условиях очевидной невозможности завершения производства по делу об административном правонарушении итоговым постановлением в силу объективных причин: проверочные мероприятия, трудоемкие экспертизы, отыскание и приглашение переводчиков редкой языковой группы, обязательные процедуры взаимодействия с иными властными инстанциями (организациями), розыск отдельных участников дела.

Таким образом, технология администрирования юрисдикционных процедур может представлять собой форму оценки обязательных требований, сопряженную с правоохранительной реакцией на отклоняющееся (противоправное) поведение, реализуемую на основе официальных данных, необходимых для квалификации содеянного, применения мер реагирования и самоанализа законности действий должностных лиц в рамках единообразной процессуальной формы (модели).

Библиографический список

1. Агапов А. Б. Административная юрисдикция: учебник для вузов. М.: Издательство «Юрайт», 2025. 163 с.
2. Беженцев А. А. Административная юрисдикция: учебник. М.: ИНФРА-М, 2025. 175 с.
3. Дербина О. В. [и др.]. Административная юрисдикция: учебное пособие / под ред. д-ра юрид. наук, доц. Р. В. Нагорных: ФСИН, Вологодский институт права и экономики. 2-е изд., перераб. и доп. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2019. 166 с.
4. Россинский Б. В. Административное право и административная ответственность: курс лекций. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 376 с.
5. Семенова О. Е. Развитие и принципы административно-юрисдикционного процесса // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 68–69.

6. Мацкевич П. Н. Преюдиция в гражданском и административном судопроизводстве. М.: Статут, 2020. 239 с.

References

1. Agapov A. B. Administrative jurisdiction: a textbook for universities. M.: Publishing House «Yurait», 2025. 163 p.

2. Refugee A. A. Administrative jurisdiction: textbook. M.: INFRA-M, 2025. 175 p.

3. Derbina O. V. [et al.]. Administrative jurisdiction: a textbook / ed. by dr. jurid. associate, professor R. V. Nagornykh: Federal Penitentiary Service, Vologda Institute of Law and Economics. 2nd ed., rev. and add. Vologda: VIPE of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2019. 166 p.

4. Rossinsky B. V. Administrative law and administrative responsibility: a course of lectures. 3rd ed. rev. and add. M.: Norm: INFRA-M, 2025. 376 p.

5. Semenova O. E. Development and principles of administrative and jurisdictional process // Administrative law and process. 2020. No. 8. Pp. 68–69.

6. Matskevich P. N. Prejudice in civil and administrative proceedings. M.: Statute, 2020. 239 p.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Научная статья

УДК 342.725

Совершенствование правовых механизмов укрепления статуса русского языка как языка государствообразующего народа

Нечкин Андрей Вадимович¹, Руденко Валентина Викторовна²

¹Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, super.nechkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3032-9240>

²Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия, emikh_valentina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6641-691X>

Аннотация. В статье рассматриваются правовые механизмы укрепления статуса русского языка как языка государствообразующего народа. Авторы с опорой на действующее нормативное правовое регулирование данного вопроса формулируют предложения по его дальнейшему совершенствованию на общефедеральном уровне, на уровне субъектов Российской Федерации, а также на международном уровне, фокусируя особое внимание на пространстве Содружества независимых государств.

Ключевые слова: русский язык, конституция, языковая политика, государственное единство, суверенитет, ценности, языковое многообразие

Для цитирования: Нечкин А. В., Руденко В. В. Совершенствование правовых механизмов укрепления статуса русского языка как языка государствообразующего народа // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 26–30.

Original article

Improving legal mechanisms for strengthening the status of the Russian language as the language of the state-forming nation

Nechkin Andrey V.¹, Rudenko Valentina V.²

¹Urals State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, super.nechkin@mail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3032-9240>

²Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, emikh_valentina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6641-691X>

Abstract. The article examines the issues of improving the legal mechanisms for strengthening the status of the Russian language as the language of the state-forming people. The authors, relying on the current normative legal regulation of the status of the Russian language as the language of the state-forming people, formulate proposals for its further improvement at the federal level, at the level of the subjects of the federation, as well as at the international level, focusing special attention on the Commonwealth of Independent States.

Keywords: Russian language, constitution, language policy, state unity, sovereignty, values, linguistic diversity

For citation: Nechkin A. V., Rudenko V. V. Improving legal mechanisms for strengthening the status of the Russian language as the language of the state-forming nation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 26–30.

В ходе конституционной реформы 2020 г. русский язык получил статус языка государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации (ч. 1 ст. 68 Конституции Российской Федерации¹). Дополнение правового статуса русского языка, помимо статуса государственного, подобной характеристикой чрез-

вычайно важно в контексте укрепления суверенитета и государственного единства Российского государства. Русский язык приобретает «особую аксиологическую ценность не только в том смысле, в котором значимость языков подчеркнута на уровне ЮНЕСКО, а именно как элемент культурного наследия, символ государства и интегрирующий элемент политиче-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

ской, социальной и культурной сфер, но и как системный элемент нациестроительства и формирования гражданской идентичности» [1, с. 9–10].

Реформирование языковой сферы особенно активно идет последние два года. К этому процессу активно подключались философы, литературоведы, филологи, краеведы, историки и другие узкие специалисты. На уровне права ключевыми актами, опосредующими данное реформирование, стали Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 52-ФЗ¹ и Концепция языковой политики Российской Федерации².

За это время были расширены сферы использования государственного языка, изменен порядок утверждения списка нормативных словарей, справочников и грамматик, в которых содержатся нормы современного русского литературного языка, приняты меры по сокращению использования англицизмов, скорректированы полномочия органов государственной власти Российской Федерации в данном вопросе. Более того, в качестве задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей обозначены защита и поддержка русского языка как языка государствообразующего народа, обеспечение соблюдения норм современного русского литературного языка (в том числе недопущение использования нецензурной лексики), противодействие излишнему использованию иностранной лексики³.

Одновременно с мерами по укреплению позиций русского языка как языка государствообразующего народа реализуются меры, гарантирующие языковое многообразие, что свидетельствует об адекватности языковой политики Российского государства [2, с. 417].

Целью настоящей статьи является выработка рекомендаций по совершенствованию действующего российского законодательства, направленных на реализацию конституционных положений о русском языке как языке государствообразующего народа.

В ходе текущей языковой реформы наметилась тенденция к расширению сфер использования государственного языка Российской Федерации, но вместе с тем на законодательном уровне не учтено, что в каждой области общественных отношений есть определенные особенности функционирования языка – наличие социально-актуализированной лексики и использование определенных языковых средств. Соответственно, регулирование использования русского

языка в законодательно установленных сферах должно быть дифференцированным и осуществляться с учетом специфики данных общественных отношений.

Полагаем, что на современном этапе развития нашего государства защита и поддержка русского языка как государственного требует включения в положения Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации»⁴ указания на необходимость утверждения конкретного перечня иностранных слов, имеющих общеупотребительные аналоги в русском языке, использование которых запрещается. В качестве уполномоченного органа, утверждающего обозначенный перечень, целесообразно избрать Правительство Российской Федерации.

Считаем, что имеющийся перечень сфер обязательного использования государственного языка Российской Федерации может быть расширен. В частности, к их числу можно было бы отнести коммерческие обозначения, что позволило бы избежать использования иностранных языков на различного рода вывесках, где они, к сожалению, все еще активно используются. Также одной из сфер обязательного использования государственного языка может стать наука.

Полагаем, что защита и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации не может обойтись без дальнейшего совершенствования института ответственности. Так, видится целесообразным закрепить в положениях Уголовного кодекса Российской Федерации и Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации новые статьи, предполагающие более специализированные составы правонарушений.

На уровне субъектов Российской Федерации необходимо интенсифицировать деятельность по реализации сбалансированной языковой политики, основанной на разграничении статусов «государственный язык Российской Федерации», «государственный язык республики в составе Российской Федерации» и «язык официального общения населения в местностях его компактного проживания». Это особенно актуально в субъектах Российской Федерации, образованных по национальному и национально-территориальному признакам.

Государственные языки республик в составе Российской Федерации и языки официального общения населения в местностях его компактного проживания должны использоваться наряду с русским языком как государственным, но никак не заменять его.

Именно поэтому полагаем, что норма Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации»⁵, предусматривающая, что в местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-

¹ Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»». URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 июня 2024 г. № 1481-р «Об утверждении Концепции государственной языковой политики Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

³ Подп. «л» п. 24 «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утв. Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

⁴ Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

⁵ Закон Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

территориальных образований или живущего за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик в официальных сферах общения может использоваться язык населения данной местности, нуждается в корректировке в части конкретизации понятия «население».

Очевидно, что в объем данного термина на сегодняшний день может входить фактически неограниченный круг субъектов – физических лиц. Например, к ним можно отнести мигрантов, в том числе и нелегальных, проживающих на территории Российской Федерации в анклав, сформированном по этническому принципу, а не только представителей коренных малочисленных народов, которых, по всей видимости, в первую очередь брал в расчет федеральный законодатель, формулируя обсуждаемую норму.

Видится не совсем удачным использование на уровне законодательства субъектов Российской Федерации термина «государственный язык» и в отношении русского языка, и в отношении провозглашенных в качестве государственных языков республик в составе Российской Федерации. Полагаем, что следует уточнить формулировки конституций (уставов) субъектов Российской Федерации в части закрепления особого статуса русского языка как языка государствообразующего народа, которым он был наделен по итогам конституционной реформы 2020 г.

Однако подавляющее большинство республик в составе Российской Федерации до сих пор не успели или не посчитали необходимым привести свое законодательство о языках в соответствие с новеллами Основного закона нашей страны. В этой связи следует признать положительным опыт Республики Северная Осетия – Алания, в Конституции которой государственными языками признаются осетинский язык и русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации. Положительным следует признать и опыт Республики Карелия, а также Донецкой и Луганской Народных Республик, где установлен единственный государственный язык – русский.

Полагаем, что подобный подход смог бы помочь разрешить сложную с правовой точки зрения ситуацию с государственными языками в Республике Дагестан, оказывающую крайне негативное влияние на возможность фактической реализации языковых прав существенной части граждан, проживающих на территории данного субъекта Российской Федерации. Суть проблемы заключается в том, что на сегодняшний день в Республике Дагестан государственными языками признаются как русский язык, так и языки всех народов Дагестана, точный перечень которых установить довольно затруднительно, потому как его нормативное закрепление в законодательных актах данного субъекта Российской Федерации просто отсутствует.

Еще одной важной, на наш взгляд, проблемой реализации языковой политики на уровне субъектов Российской Федерации следует признать ситуацию, когда далеко не все республики в ее составе, поль-

зуясь ситуацией отсутствия соответствующего федерального нормативного правового регулирования, законодательно урегулировали механизм фиксации норм собственных государственных языков.

В этой связи видится необходимым скорейшее вмешательство федерального законодателя, который мог бы закрепить в положениях, например, Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» правило о том, что порядок утверждения норм, правил орфографии и пунктуации государственных языков республик, находящихся в составе Российской Федерации, определяется их высшими исполнительными органами. Кроме того, необходимо закрепить порядок создания словарных фондов государственных языков республик в составе Российской Федерации по аналогии с Национальным словарным фондом, а также предусмотреть встраивание информационных модулей словарных фондов данных языков в цифровую платформу «Национальный словарный фонд».

Развитие русского языка за рубежом становится стратегическим инструментом продвижения российских традиционных ценностей за пределы нашей страны и способствует евразийской интеграции. Именно поэтому полагаем, что русский язык, а также русский алфавит на основе кириллицы следует отнести к числу ценностей, лежащих в основе как общероссийской гражданской идентичности, так и культурной идентичности, формулируемой без привязки к гражданской принадлежности. Меры по укреплению позиций русского языка как языка государствообразующего народа одновременно способствуют формированию и укреплению гражданской и культурной идентичностей [3, с. 27; 4, с. 86–89]. В связи с этим в настоящее время особую актуальность приобретают меры государственной поддержки исследований и проектов, способствующих укреплению позиций русского языка.

Также полагаем, что из положений Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» необходимо полностью изъять упоминание о потенциальной возможности установления федеральными законами иных графических основ алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик. Было бы не лишним также рекомендовать включение в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» указание на то, что алфавит государственного языка Российской Федерации строится исключительно на графической основе кириллицы.

В контексте развития евразийской интеграции крайне важно сотрудничество России со странами Содружества независимых государств (далее – СНГ) [5, с. 214], но русский язык постепенно теряет позиции *lingua franca* на постсоветском пространстве. Причем, во многом это обусловлено тем, что большинство бывших республик СССР после обретения независимости не без активного участия западных государств отказались от кириллической основы алфавитов своих государственных языков, отдав предпочтение латинице.

Многие из государств СНГ, к сожалению, избрали путь откровенно враждебного отношения к русскому языку. Именно поэтому видится крайне целесообразным разработать с учетом широко известного в международном праве принципа взаимности конкретные меры ответственности, которые можно применять как к государствам, враждебно относящимся к русскому языку, так и персонально к лицам, являющимися проводниками подобной недружелюбной политики. Полагаем также, что данные меры совместно с механизмом их применения необходимо закрепить на федеральном уровне.

Ключевыми векторами продвижения русского языка, в том числе и на постсоветском пространстве, могут стать: организация курсов русского языка на базе русских домов и дипломатических представительств России за рубежом как для иностранных граждан, так и для соотечественников, проживающих за пределами нашей страны; развитие языковой подготовки мигрантов на домиграционном этапе (этапе домиграционной подготовки) на базе двусторонних соглашений между Россией и странами происхождения иностранцев; улучшение языковых навыков мигрантов по прибытии в Россию (в двух последних случаях курсы могут финансироваться на паритетной основе Россией и государством происхождения иностранца); расширение сотрудничества с зарубежными организациями, занимающимися изучением русского языка и переводом литературы на русский язык.

Успешным опытом продвижения русского языка можно признать реализацию консорциумом российских университетов проекта «Ресурсные центры российского образования за рубежом» образовательной деятельности ряда российских вузов в рамках сетевых программ преподавания русского языка как иностранного в сотрудничестве с университетами за рубежом [6, с. 85].

Языковая подготовка мигрантов на домиграционном этапе особенно хороша тем, что позволяет перенести одну из самых эффективных разновидностей интеграционных мероприятий в отношении мигрантов [7; 8; 9; 10] за пределы территории нашего государства, что в свою очередь позволит вывести их эффективность и, главное, безопасность в целом на качественно более высокий уровень. Развитие языковой подготовки мигрантов именно в домиграционном формате особо актуально еще и потому, что позволяет сочетать в себе решение одной из самых остро стоящих на сегодняшний день проблем миграционной политики Российской Федерации – проблемы сочетания реальной адаптации и интеграции мигрантов в российское общество с необходимостью продвижения русского языка в качестве мощнейшего инструмента «мягкой силы» на постсоветском пространстве, применяемого в интересах обеспечения национальной безопасности нашего государства.

Полагаем также, что различного рода концепции мультикультурализма, в случае их активного практического воплощения, могут привести лишь к тому, что мигранты станут проводниками механизмов «мягкой силы» со стороны недружественных государств,

а также питательной средой для международного терроризма, но никак не будут способствовать эффективной реализации языковых прав национальных меньшинств.

В качестве инструментов претворения в жизнь Концепции языковой политики Российской Федерации можно предложить следующее: поддержка реализуемых некоммерческими организациями проектов по вопросам сохранения и развития русского языка; финансирование научных исследований по вопросам русского языка из средств фондов; мероприятия, посвященные памятным датам, связанным с русским языком (День славянской письменности и культуры, День России, День Народного единства, День Конституции Российской Федерации, День русского языка и др.); празднование юбилейных дат выдающихся деятелей в сфере русского языка; организация конкурсов, олимпиад, фестивалей, акций; поддержка культурно-просветительских мероприятий по популяризации русского языка; создание консорциумов образовательных и научных организаций для совместных исследований по вопросам русского языка; создание порталов и сайтов о русском языке; организация повышения квалификации преподавателей русского языка; разработка курсов русского языка для иностранцев; распространение среди населения продукции, способствующей повышению имиджа русского языка; организация сборов журналистов и блогеров, интересующихся вопросами русского языка.

Представляется необходимым скорректировать показатели эффективности реализации Концепции языковой политики Российской Федерации, поскольку на сегодняшний день они в силу своей формальности и относительности не позволяют объективно оценить текущую языковую ситуацию и динамику ее развития. Целесообразно закрепить дополнительные показатели – количество аспирантов по соответствующим специальностям и количество диссертаций по соответствующим специальностям.

Кроме того, необходимо согласовать эти и уже имеющиеся показатели с достижениями, предусмотренными Стратегией государственной культурной политики на период до 2030 г., среди которых отмечается: увеличение численности специалистов, прошедших профессиональную переподготовку по программе перевода произведений, созданных на языках народов России, в 3 раза; увеличение количества качественных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, позволяющих изучать и получать информацию о русском языке, языках народов Российской Федерации, образовании, российской культуре и литературе, в 20 раз; увеличение за рубежом доли русских школ (классов), получивших адресную поддержку, включая поставку учебно-методических материалов на разных носителях.

Для целей реализации положений, изложенных в упомянутых выше документах стратегического планирования, можно рекомендовать разработку и принятие нового специализированного федерального закона, посвященного вопросам поддержки русского

языка за пределами территории Российской Федерации.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что совершенствование правовых механизмов укрепления статуса русского языка как языка государствообразующего народа по итогам конституционной реформы 2020 г. уже произошло, однако данный процесс может и должен быть продолжен. Потенциал для этого, как показало наше исследование, имеется.

Библиографический список

1. Rosi M. UNESCO and Languages: A Commitment to Culture and Development // Museum International. 2008. No. 60. Pp. 8–13.
2. Михальченко В. Ю. Проблема адекватности языковой политики и языковой ситуации в многонациональных странах // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 4 (107). С. 416–419.
3. Васильева Л. Н. Языковая политика в интересах поддержания культурной и национальной идентичности российских граждан // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 4. С. 23–36.
4. Григорьева Т. Е. Взаимосвязь языка и идентичности в философском дискурсе // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5 (97). С. 85–92.
5. Исаева О. С. Осмысление цивилизационной идентичности России и векторов ее развития в философии классических евразийцев и академического неоевразийства А. С. Панарина и Б. С. Ерасова // Манускрипт. 2020. № 7. С. 213–217.
6. Каблуков В. В., Косицына Е. Ф., Мамаева Ю. А. О реализации языковой политики Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. № 13 (6). С. 84–89.
7. Лампадова С. С. Институциональные предпосылки создания условий для адаптации иностранных граждан в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 156–161.
8. Воронина Н. А. Законодательство об адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации: тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3. С. 63–82.
9. Корсаков К. В., Серова А. В. Национальная политика России по регулированию отношений в сфере внешней трудовой миграции // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 106–126.
10. Нечкин А. В. Государственная политика интеграции иммигрантов из стран постсоветского пространства в российское общество: проблемы и перспективы. В сборнике: Современные проблемы конституционного и информационного права. Екатеринбург, 2023. С. 23–28.

References

1. Rosi M. UNESCO and Languages: A Commitment to Culture and Development // Museum International. 2008. No. 60. Pp. 8–13.
2. Mikhailchenko V. Yu. The Problem of Adequacy of Language Policy and Language Situation in Multinational Countries // World of Science, Culture, Education. 2024. No. 4 (107). Pp. 416–419.

3. Vasilyeva L. N. Language policy in the interests of maintaining the cultural and national identity of Russian citizens // Journal of Russian Law. 2024. Vol. 28. No. 4. Pp. 23–36.

4. Grigorieva T. E. The relationship between language and identity in philosophical discourse // Society: philosophy, history, culture. 2022. No. 5 (97). Pp. 85–92.

5. Isaeva O. S. Understanding the civilizational identity of Russia and the vectors of its development in the philosophy of classical Eurasians and academic neo-Eurasianism of A. S. Panarin and B. S. Yerasov // Manuscript. 2020. No. 7. Pp. 213–217.

6. Kablukov V. V., Kositsyna E. F., Mamaeva Yu. A. On the implementation of the language policy of the Russian Federation // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2023. No. 13 (6). Pp. 84–89.

7. Lampadova S. S. Institutional prerequisites for creating conditions for the adaptation of foreign citizens in the Russian Federation // Bulletin of economic security. 2022. No. 6. Pp. 156–161.

8. Voronina N. A. Legislation on adaptation and integration of migrants in Russian Federation: tendencies of development // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3. Pp. 63–82.

9. Korsakov K. V., Serova A. V. Russia's National Policy on Regulating Relations in the Field of External Labor Migration // Discourse-Pi. 2023. Vol. 20. No. 2. Pp. 106–126.

10. Nechkin A. V. State policy of integration of immigrants from postsoviet countries into Russian society: problems and prospects. In the collection: Modern problems of constitutional and information law. Yekaterinburg, 2023. Pp. 23–28.

Информация об авторах

Нечкин Андрей Вадимович – доктор юридических наук, доцент

Руденко Валентина Викторовна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the authors

Nechkin Andrey V. – Doctor of Law, Associate Professor
Rudenko Valentina V. – Candidate of Law, Associate Professor

Вклад авторов

Оба автора сделали равный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

Both authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 27.12.2024; одобрена после рецензирования 03.02.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 27.12.2024; approved after reviewing 03.02.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Научная статья
УДК 342.41

Новые или вновь открывшиеся: очерки процессуальной революции

Осинцев Дмитрий Владимирович
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, dimios@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8484-0055>

Аннотация. Распознавание, а тем более признание судебной ошибки, когда все привычные, традиционные, часто встречающиеся стадии судопроизводства завершены, является одним из наиболее проблемных видов судебной процедуры, которая не всегда может увенчаться отысканием справедливого решения в пользу заинтересованной (обратившейся за пересмотром) стороны или иного участника судопроизводства, тем более когда единственно допустимый факт наличия адаптированного приговора отсутствует. В этой связи первый новогодний (2025) вердикт конституционного судопроизводства поистине стал переломным в ходе осознания поиска более гибкого подхода к установлению юридически значимого момента возникновения вновь открывшихся обстоятельств. Полагаем, что закрепляются такие изменения фактической стороны ранее рассмотренного дела не только путем расширения круга уголовно-процессуальных актов, но также и любыми иными актами и (или) документами других юрисдикционных производств либо официальных процедур, связанных с проведением расследований независимо от особенностей, лишь бы они верным образом фиксировали значимые и существенные для судопроизводства любого типа факты и обстоятельства.

Ключевые слова: вновь открывшиеся обстоятельства, пересмотр судебных постановлений, административная юрисдикция, технические расследования

Для цитирования: Осинцев Д. В. Новые или вновь открывшиеся: очерки процессуальной революции // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 31–35.

Original article

New or newly discovered: Essays on the procedural revolution

Osintsev Dmitry V.
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, dimios@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8484-0055>

Abstract. The recognition, and even more so the recognition of a miscarriage of justice, when all the usual, traditional, frequently occurring stages of legal proceedings have been completed, is one of the most problematic types of judicial procedure, which may not always result in finding a fair decision in favor of the interested (the party seeking review) party or other participant in the proceedings, especially when the only admissible fact of the existence of an adapted verdict is absent. In this regard, the first New Year's (2025) verdict of constitutional court proceedings truly became a turning point in the course of realizing the search for a more flexible approach to the establishment of a legally significant moment of newly discovered circumstances. We believe that not only the expansion of the range of criminal procedural acts can fix such changes in the factual aspect of the previously considered case, but also any other acts and (or) documents of other jurisdictional proceedings or official procedures related to investigations, regardless of the specifics of their conduct, as long as they correctly record the facts and circumstances significant and essential for proceedings of any type.

Keywords: newly discovered circumstances, revision of court rulings, administrative jurisdiction, technical investigations

For citation: Osintsev D. V. New or newly discovered: Essays on the procedural revolution // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 31–35.

Постановление Конституционного Суда РФ от 16 января 2025 г. № 1-П (далее – Первое Постановление) по делу о проверке конституционности ст. 390.14 и ч. 3 ст. 392 ГПК РФ в связи с жалобами граждан С. В. Вишнякова, Н. М. Волокитиной, М. З. Каримова и Н. Н. Наливайко было поистине неожиданным, но долгожданным вердиктом, создавшим новые правовые реалии.

Несколько вводных замечаний. Часть 3 ст. 392 ГПК РФ содержит перечень оснований для пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствам, к которым относятся: существенные для дела обстоятельства, которые не были и не могли быть известны заявителю (п. 1); заведомо ложные показания свидетеля, заведомо ложное заключение эксперта, заведомо неправильный перевод, фальсификация доказательств, повлекшие за собой принятие незаконного или необоснованного судебного постановления и установленные вступившим в законную силу приговором суда (п. 2); преступления сторон, других лиц, участвующих в деле, их представителей, преступления судей, совершенные при рассмотрении и разрешении данного дела и установленные вступившим в законную силу приговором суда (п. 3).

Прежде всего, следует отметить признаки действенного правосудия, заложенные в названном Первом Постановлении:

право на судебную защиту – это не только право обратиться в суд, но и возможность получить реальную судебную защиту с восстановлением нарушенных прав и свобод;

судебное решение не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено независимо от того, что послужило причиной его неправосудности: неправомерные действия судьи, судебная ошибка или иные обстоятельства, объективно влияющие на его законность, обоснованность и справедливость, если в нем неверно отражены существенно значимые обстоятельства события, ставшего предметом исследования по делу, либо им дана неправильная правовая оценка;

невозможность пересмотреть судебный акт, который вступил в законную силу, но, будучи основанным на недостоверных данных или не учитывающим важные для разрешения дела обстоятельства, вызывает сомнения в своей правосудности, противоречит универсальным во всех видах процесса требованиям действенного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости, умаляет и ограничивает право на судебную защиту;

суды при рассмотрении дел обязаны исследовать по существу фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы (иное вело бы к тому, что право на судебную защиту было бы серьезно ущемленным);

часть 3 ст. 392 ГПК РФ не препятствует суду принять в качестве оснований для пересмотра судебного по-

становления существенные для дела обстоятельства, которые не были и не могли быть известны заявителю, в том числе постановление об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении.

Государство не вправе отказаться от исправления судебных ошибок, обусловленных преступным поведением (поведением, имеющим признаки преступного), от восстановления потерпевших в правах лишь потому, что производство по уголовному делу завершено не на судебной стадии и не приговором суда, к тому же по не зависящим от потерпевшего обстоятельствам.

Нельзя отрицать, что в постановлениях об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности могут быть установлены факты противозаконного поведения тех или иных лиц, включая участников гражданского судопроизводства, ставящие под сомнение правосудность вступившего в законную силу судебного постановления по гражданскому делу, в том числе те, которые повлияли на полноценность доказательственной базы по данному делу или же указывают на порочность доказательств, положенных в основу решения суда, при условии, что установленные обстоятельства подпадают под понятие вновь открывшихся, т. е. они существовали на момент рассмотрения дела и не были известны ни участникам процесса, ни суду.

В итоге: установленные в процедурах уголовного судопроизводства и отраженные в постановлении об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности обстоятельства, касающиеся преступных посягательств, состоящих в формировании не соответствующих действительности доказательств, и иных преступных посягательств, затрагивающих предмет рассмотренного по правилам ГПК РФ спора, должны оцениваться судом, куда поступило заявление о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам, с точки зрения относимости к сделанным в судебных постановлениях по этому спору выводам и с точки зрения существенности для дела, а в случае подтверждения таковых должны выступать основанием для пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам, если о наличии этих обстоятельств не заявлялось при рассмотрении спора по правилам ГПК РФ, притом что лицо, инициирующее пересмотр дела, не знало и не должно было знать о них, либо заявлялось, но утверждения о том не были проверены судом процессуальными средствами, сопоставимыми с использованными в ходе доследственной проверки или в ходе расследования уголовного дела для установления соответствующих обстоятельств. Основанием для отказа в таком пересмотре во всяком случае не должно быть то, что соответствующие обстоятельства констатируются не в приговоре.

Поскольку предмет рассмотрения в Первом Постановлении был ограничен материалами полученных жалоб, речь не могла идти обо всех видах уголовно-процессуальных актов, которыми могут быть

подтверждены или опровергнуты значимые для гражданского дела факты и обстоятельства, отвечающие признакам, изложенным в ст. 392 ГПК РФ. Однако вследствие применения положений ст. 79 (последней ее части) Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹ в любом уголовно-процессуальном акте (как итогового, так и промежуточного характера) могут быть установлены обстоятельства, касающиеся преступных посягательств, состоящих в формировании не соответствующих действительности доказательств, и иных преступных посягательств, затрагивающих предмет рассмотренного по правилам ГПК РФ спора. Иное было бы несправедливо, так как все уголовно-процессуальные акты одинаково обязательны в силу ч. 4 ст. 21, ч. 1 ст. 392 УПК РФ, поэтому утверждение, что значимыми могут быть лишь избирательные, указанные в Первом Постановлении акты, является ложным. Процессуальное законодательство приоритет одного акта уголовного судопроизводства перед другим не устанавливает [1].

Также следует учесть, что названные правила должны быть распространены на все иные виды судопроизводства, указанные в ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации, в силу тождества норм о вновь открывшихся обстоятельствах, а именно ч. 2 ст. 311 АПК РФ, ч. 2 ст. 350 КАС РФ, ч. 3 ст. 413 УПК РФ.

Относительно срока, в течение которого такой пересмотр может состояться, указаний нет, тем более, что Первое Постановление как раз рассматривает ситуации «задавненных» решений, когда обычно исчисляемые материально-правовые (исковая давность) и процессуальные сроки (подача жалоб, заявлений и ходатайств заинтересованными лицами) истекли и, условно говоря, прямой порядок пересмотра состоявшихся судебных актов не возможен. Речь идет о любом периоде времени: и несколько дней и много лет [2].

Возникает вопрос преемственности при квалификации фактов и действия уголовного закона во времени. Допустим, ст. 303 УК РФ имела принципиально разные редакции до принятия Федерального закона от 17 апреля 2017 г. № 71-ФЗ и после введения его в действие. Вполне естественно, что будут разными юридические последствия разрешения обращений в одноименных постановлениях об отказе в возбуждении уголовного дела, когда одно вынесено до указанной даты, и признаки преступления не могли быть выявлены, так как деяния не были криминальными (в части административных дел и производства по делам об административных правонарушениях), а второе уже может зафиксировать признаки преступления, но отказ (прекращение производства по уголовному делу) последует в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности.

Куда более трудным является случай, когда преступления, раскрытые в содержании Первого Постановления, были совершены и могли быть квали-

фицированы не в период действия современного УК РФ, а по ранее действовавшему УК РСФСР, да еще и в бытность СССР. Вполне понятно, те преступления, что исключены из текстов обоих Кодексов не будут рассматриваться как деяния, охватываемые УК РСФСР или УК РФ (например, фальсификация доказательств как самостоятельный состав в УК РСФСР отсутствовала), а факты и обстоятельства, изложенные в постановлениях об отказе в возбуждении или прекращении уголовных дел после подачи обращений о пересмотре гражданских дел, могут быть расценены как новые доказательства, но не вновь открывшиеся обстоятельства. Если же были совершены тождественные или сопоставимые преступления (ст. 180–183 УК РСФСР, ст. 306–309 УК РФ), то обстоятельства и факты, зафиксированные в соответствующих актах уголовного судопроизводства могут рассматриваться как вновь открывшиеся обстоятельства.

Очевидно, что не важно, каким именно уголовно-процессуальным актом (документом) зафиксирован факт преступления, который может быть квалифицирован как вновь открывшееся обстоятельство по признаками ст. 392 ГПК РФ, ст. 311 АПК РФ, ст. 350 КАС РФ и ст. 413 УПК РФ, главное, чтобы он соответствовал действительному положению дел и вступил в законную силу. Будет ли в дальнейшем это обстоятельство именоваться вновь открывшимся по одному из пунктов, допустим, ст. 392 ГПК РФ, сути дела не меняет, так как процедуры пересмотра состоявшихся судебных актов аналогичные (схожие). Куда более важным является то, что в таком акте будут зафиксированы факты и обстоятельства, позволяющие с очевидностью исправить судебные ошибки, допущенные при первичном рассмотрении дела [3].

Поскольку содержание, корректирующее дефекты судебных актов, заключается при вышеуказанных обстоятельствах в одноименном акте уголовного судопроизводства либо всегда в актах уголовного судопроизводства, то факт фиксации новых данных для устранения судебной ошибки нивелирует различия во всех видах вновь открывшихся обстоятельств, а отчасти в новых обстоятельствах (применительно к положению – «отмена постановления государственного органа или органа местного самоуправления, послуживших основанием для принятия судебного постановления по данному делу»), главное, что будут подтверждены искажения фактов и их имитация с помощью не отражающих реальность, искусственно и преднамеренно созданных доказательств, имеющих целью введение суда в заблуждение [4].

При таких данных спор о том, что это за обстоятельство, требующие пересмотра судебных актов в порядке надзора, по новым или вновь открывшимся обстоятельствам либо утрачивает свое значение либо становится еще более запутанным, ведь отмечалось, что «делаются необоснованные выводы о тождественности между надзорным производством и пересмотром по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, что в целом противоречит про-

¹ СЗ РФ. 25 июля 1994 г. № 13. Ст. 1447.

цессуальному законодательству и целям пересмотра в частности» [5; 6], либо еще элегантнее – «целью пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам не может быть определение и устранение судебной ошибки, поскольку при отсутствии вновь открывшихся обстоятельств, о которых стало известно после вступления в законную силу судебного решения, оно является законным и обоснованным» [7], либо новое доказательство никогда не будет новым обстоятельством [8], так вот уголовно-процессуальный акт будет таким доказательством, тождественным новому обстоятельству. Но встречаются и здравые мысли: «следует относить сознательное искажение обстоятельств дела к числу вновь открывшихся обстоятельств. <...> пора отказаться от сложившегося в судебной практике искусственного разграничения новых обстоятельств и новых доказательств» [9].

Представляется, что с учетом положений Первого Постановления не потребуется дожидаться итогового судебного акта и его вступления в законную силу, чтобы применить положения о вновь открывшихся обстоятельствах, так как любое промежуточное решение может быть пересмотрено с учетом правила процессуальной экономии. Допустим, если при назначении и проведении экспертизы были совершены преступления, то значимым будет обнаружение и официальная фиксация их факта не только после вынесения решения суда, но и непосредственно после вступления в законную силу определения или постановления о назначении соответствующей экспертизы, т. е. значительно раньше, во всяком случае, до вынесения итогового акта (ст. 302, 307, 309 УК РФ).

Далее последует момент более сложный, если будет выяснена, допустим, ложь и фальсификация в уголовно наказуемом аспекте производства по делам об административных правонарушениях. Такой вид процедур, как по вновь открывшимся обстоятельствам в действующем КоАП РФ отсутствует, он может быть значимым для целей КАС РФ. Для целей реализации норм КоАП РФ могут быть приняты решения, оговоренные в п. 3, 4 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ, но они кардинально не будут отличаться от любых других случаев, когда требуется новое рассмотрение или прекращение производства по делу об административном правонарушении по иным основаниям.

В части оспаривания и пересмотра промежуточных актов, связанных с применением мер обеспечения в производстве по делам об административных правонарушениях, оспаривания решений, действий (бездействия), совершенных после вынесения постановления по делу об административном правонарушении и связанных с ним, несоблюдения требований КоАП РФ о необходимости принятия по результатам разрешения вопросов, совершения действий конкретных процессуальных документов (например, направление письма вместо определения) и пр., оговоренных в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений

главы 22 Кодекса административного судопроизводства РФ и гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ», полагаем, что итоговые решения арбитражных судов или судов общей юрисдикции по административным искам могут быть пересмотрены по вновь открывшимся обстоятельствам. В таком случае заметно явное преимущество КоАП РФ по сравнению с иными процессуальными кодексами, так как нет привязки к существенности и значимости обстоятельств, не установлен пресекательный срок для подачи жалобы (протеста) в целях пересмотра вступивших в законную силу постановлений и иных актов.

Еще один немаловажный вопрос – как быть со случаями, предполагающими привлечение к административной ответственности за сопоставимые преступления, например, за заведомо недостоверные или ложные сведения (ст. 5.36, 5.39, 5.46, 5.58, 5.61.1, 5.64, 7.31, 7.32.6, 8.21.1, 8.32.2, 8.49, 8.50, 9.1, 9.15, 13.15, 13.19.3, 13.19.4, 13.22, 13.33, 14.5, 14.11, 14.12, 14.25, 14.35, 17.6, 17.9, 18.9, 19.7.1, 19.7.2, 19.7.2-1, 19.7.7, 19.7.8, 19.7.10, 19.8, 19.8.1, 19.8.2, 19.8.3, 19.15.1, 19.15.2, 19.18, 19.26, 19.27, 20.4 КоАП РФ)? По всей видимости, ситуации либо тождественные, либо очень близкие к тем, что служат основаниями для пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, причем раскрыты они еще более подробно, чем в УК РФ.

Конечно, формально возбужденного уголовного дела в этом случае не будет, но учет таких обстоятельств вне контекста Первого Постановления на текущий момент безоснователен. Думается, что привлечение к административной ответственности за совершение перечисленных правонарушений должно послужить безусловным основанием для пересмотра судебных актов, вынесенных в рамках различных процедур судопроизводства, если исчерпаны иные средства восстановления законности и правильного разрешения дела.

Остается также открытым вопрос об обнаружении вновь открывшихся (или все-таки новых) обстоятельств в иных юрисдикциях, кроме уголовной и административной, в результате депутатских, технических, дорожно-транспортных, аварийных, санитарно-эпидемиологических и иных расследований, фактов травматизма, несчастных случаев, происшествий и инцидентов и пр., производства по налоговым, бюджетным, контрольным (надзорным) и другим аналогичным делам.

Дело в том, что криминальная составляющая в большинстве указанных случаев отсутствует, формально постановление ни об отказе, ни о прекращении производства по уголовному делу в данных случаях не будут вынесены. Однако по всем своим признакам ранее неизвестные обстоятельства будут официально зафиксированы в актах (справках) властных инстанций с преюдициальным эффектом для последующих целей правосудия, так как процесс доказывания уже окончен и сделаны неоспоримые выводы.

Хотя формально и не будет акта уголовного судопроизводства с точным наименованием и юридической силой, например, в акте авиационного происшествия могут быть со скрупулезной точностью записаны те же факты и обстоятельства, что и в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела. По сути, и там, и там в возбуждении уголовного дела будет отказано: в первом случае буквально – в выводе, во втором косвенно – в содержании акта. Раз уж предлагаемая юридическая модель одна и та же, то за ней должно быть закреплено тождественное юридическое значение как за вновь открывшимися обстоятельствами для любого юридического дела в рамках всех видов судопроизводства и (или) юрисдикций.

Библиографический список

1. Беляев М. В., Качалова О. В. Судебные решения в российском уголовном процессе: актуальные теоретические и практические проблемы // Правосудие. 2020. Т. 2. № 2. С. 49–66.
2. Складенко М. В. Срок на апелляцию. Статья № 3. Агент охранного отделения Р. В. Малиновский оправдан спустя 103 года // Уголовное судопроизводство. 2024. № 4. С. 38–42.
3. Грибов Н. Д. Право на правду в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 12. С. 3–6.
4. Золотовская Е. А. Средства признания доказательств подложными в цивилистическом процессе // Современный юрист. 2024. № 1 (46). С. 76–87.
5. Брысин А. А. К вопросу об устранении судебных ошибок при пересмотре судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 4. С. 35–40.
6. Бабич Н. В. Соотношение института пересмотра по новым и вновь открывшимся обстоятельствам с иными видами пересмотра // Наукосфера. 2024. № 8-2. С. 125–129.
7. Брагина И. В. Вновь открывшиеся обстоятельства как основание для пересмотра судебных актов // Молодой ученый. 2024. № 29 (528). С. 113–115.
8. Мхитарян А. Г. Новое доказательство как основание пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам // Законодательство. 2024. № 1. С. 49–52.
9. Серин Е. А. Ложная информация как вновь открывшееся обстоятельство // Право и правосудие в современном мире: сборник науч. статей молодых исследователей. СПб, 2024. С. 1367–1371.
4. Zolotovskaya E. A. Means of recognizing the evidence false in the civilistic process // Modern lawyer. 2024. No. 1 (46). Pp. 76–87.
5. Brysin A. A. To the question of elimination of judicial errors in the revision of judicial acts on newly discovered or new circumstances // Arbitration and Civil Procedure. 2024. No. 4. Pp. 35–40.
6. Babich N. V. The correlation of the institute of revision on new and newly discovered circumstances with other types of revision // Naukosphere. 2024. No. 8-2. Pp. 125–129.
7. Bragina I. V. Newly discovered circumstances as a basis for revision of judicial acts // Young scientist. 2024. No. 29 (528). Pp. 113–115.
8. Mkhitaryan A. G. New evidence as a basis for revision on newly discovered circumstances // Legislation. 2024. No. 1. Pp. 49–52.
9. Serin E. A. False information as a newly discovered circumstance // Law and justice in the modern world. Collection of scientific articles of young researchers. SPb, 2024. Pp. 1367–1371.

Информация об авторе

Осинцев Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор

Information about the author

Osintsev Dmitry V. – Doctor of Law, Professor

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 18.03.2025.

References

1. Belyaev M. V., Kachalova O. V. Judicial decisions in the Russian criminal process: actual theoretical and practical problems // Justice. 2020. Vol. 2. No. 2. Pp. 49–66.
2. Sklyarenko M. V. Deadline for appeal. Article No.
3. Agent of the security department R. V. Malinovsky acquitted after 103 years // Criminal Procedure. 2024. No. 4. Pp. 38–42.
3. Gribov N. D. The right to the truth in civil and arbitration proceedings // Arbitration and Civil Procedure. 2024. No. 12. Pp. 3–6.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 347

Гражданско-правовые основы противодействия незаконному обороту наркотических средств

Багрова Татьяна Станиславовна¹, Максименко Александр Владимирович²
^{1,2} Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия
¹t7a6t5i4a3n2a1@yandex.ru
²mav1202@yandex.ru

Аннотация. В представленной статье авторами проведен анализ действующего гражданского, семейного и трудового законодательства с целью установления положений, которые направлены на обеспечение задач по противодействию незаконному обороту наркотических средств. Сделан вывод о косвенном воздействии названных отраслей законодательства на решение поставленного вопроса. Определен превентивный характер системы требований ограничивающего, запрещающего и правоустанавливающего воздействия, закрепленных в отраслях частного права.

Ключевые слова: наркотические средства, незаконный оборот, гражданское право, семейное право, трудовое право

Для цитирования: Багрова Т. С., Максименко А. В. Гражданско-правовые основы противодействия незаконному обороту наркотических средств // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 36–41.

Original article

Civil legal framework for countering drug trafficking

Bagrova Tatyana S.¹, Maksimenko Alexander V.²
^{1,2} Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin, Belgorod, Russia
¹t7a6t5i4a3n2a1@yandex.ru
²mav1202@yandex.ru

Abstract. In the submitted article, the authors analyzed the current civil, family and labor legislation in order to establish provisions that are aimed at ensuring the tasks of countering drug trafficking. A conclusion was made about the indirect impact of these sectors of legislation in resolving the issue of countering drug trafficking. The preventive nature of the system of requirements of a limiting, prohibiting and title nature, which are enshrined in the branches of private law, has been determined.

Keywords: narcotic drugs, illicit trafficking, civil law, family law, labor law

For citation: Bagrova T. S., Maksimenko A. V. Civil legal framework for countering drug trafficking // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 36–41.

Законодатель, формируя систему мер, направленных на противодействие незаконному обороту наркотических средств, особое внимание уделяет проработке различных аспектов нормального легализованного их оборота. Так, в ст. 1 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (далее – ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах») закреплено понятие «законный оборот наркотических средств», предусматривающее обозначение конкретных разрешенных видов деятельности с данными средствами, среди которых для целей нашего исследования особое значение имеют отпуск и реализация. Наркотические средства в строго установленных законодательством рамках и с соблюдением утвержденных требований могут выступать объектами гражданского оборота (в отношении них может возникать и передаваться право собственности), в частности, на основании договора купли-продажи.

Для обеспечения законного оборота и противодействия незаконному законодателем устанавливается правовой режим наркотических средств, основные аспекты которого в рассматриваемом статусе определяются общими положениями гражданского законодательства и положениями специального законодательства о наркотических средствах.

С точки зрения гражданского права наркотические средства следует относить к объектам гражданского оборота, то есть оборотоспособным благам [1, с. 39]. Конкретный перечень благ, являющихся объектами гражданских правоотношений, приведен в ст. 128 Гражданского кодекса РФ¹ (далее – ГК РФ). В соответствии с этой классификацией наркотические средства следует относить к имуществу, также они могут быть отнесены к еще более мелкой подгруппе – вещи. Данная подгруппа является основной и характеризуется такими признаками, как материальность, возможность находиться в обладании человека и использоваться для удовлетворения его потребностей. Наркотическим средствам присущи указанные признаки: они материальны (имеют массу и пространственные пределы) и посредством их использования удовлетворяются, например, потребности в лечении отдельных видов заболеваний в тех крайних и тяжелых случаях, когда нет другой более безопасной альтернативы.

В гражданском праве существует достаточно большое количество классификаций вещей по различным основаниям. Их можно подразделять на делимые и неделимые, одушевленные и неодушевленные, сложные и простые и др. Каждая из классификаций основана на типичных свойствах той или иной совокупности вещей и имеет целью установление для каждой группы вещей соответствующего правового режима.

Для раскрытия сущности наркотических средств как объектов гражданского оборота наибольшее зна-

чение имеет классификация по такому признаку, как их способность находиться в гражданском обороте. Основные характеристики данной классификации излагаются в ст. 129 ГК РФ, согласно которой существуют объекты свободно передаваемые, а также объекты, чья оборотоспособность ограничена установленными законодательными требованиями (например, введен разрешительный порядок совершения сделок с объектами). Кроме того, существуют также объекты, прямо исключенные из гражданского оборота.

Ограничения оборотоспособности наркотических средств предусмотрены положениями ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». Суть таких ограничений проявляется в подконтрольности государству как самих наркотических средств, так и их оборота, конкретные возможности которого определяются в зависимости от отнесения наркотических средств к первому (оборот запрещен за отдельными установленными законом случаями – п. 1 и 5 ст. 14 указанного закона) или второму списку (предусматривается ограниченный оборот и устанавливаются соответствующие меры контроля).

Таким образом, в соответствии с рассматриваемой классификацией наркотические средства попадают сразу в две подгруппы: вещи, ограниченные в обороте, и вещи, из гражданского оборота исключенные. Ко второй подгруппе относятся наркотические средства, включенные в первый список. Они находятся в собственности Российской Федерации. В соответствии с ч. 2 ст. 4 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» на все виды деятельности с наркотическими средствами данного списка установлена государственная монополия, а их оборот допустим только в строго определенных целях. К таким целям, например, относится уничтожение наркотических средств при наступлении обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 29 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», а также иные цели, прямо предусмотренные в ст. 34, 35 и 36 этого же закона.

К наркотическим средствам, ограниченным в гражданском обороте, следует относить включенные во второй список. В соответствии с ч. 2 ст. 14 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» их оборот допускается не только в целях, ранее указанных для наркотических средств, составляющих первый список, но и в медицинских целях и в ветеринарии в порядке, установленном для обращения лекарственных средств. Именно такие наркотические средства могут выступать объектами гражданского оборота, например, сделок купли-продажи. Однако при этом законодателем предусматривается особый порядок реализации данного вида деятельности, устанавливаются специальные требования к субъектам, осуществляющим оборот наркотических средств, включенных во второй список.

Основным среди таких требований выступает законность, то есть строгое соответствие требованиям российского законодательства и международными договорами Российской Федерации. Среди остальных условий следует назвать лицензирование дея-

¹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

тельности, связанной с оборотом на территории Российской Федерации наркотических средств¹.

Особенностью условий осуществления деятельности, связанной с оборотом наркотических средств, является их достаточно детальная проработка на законодательном уровне, что обусловлено необходимостью создания эффективного механизма противодействия незаконному обороту наркотических средств. В частности, для осуществления деятельности по обороту наркотических средств, включенных в первый список, устанавливаются требования к обеспечению учета и сохранности данных наркотических средств, требования к наличию в составе руководителей юридических лиц, осуществляющих рассматриваемую деятельность, специалиста, имеющего соответствующее дополнительное профессиональное образование, а также требования к получению ряда документов, перечисленных в ч. 3 ст. 10 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Законодателем определен достаточно внушительный перечень требований, которым должен соответствовать соискатель лицензии и лицензиат. Наибольший интерес с точки зрения рассматриваемого нами вопроса представляют те требования, которые специально установлены для решения вопроса о допуске конкретного лица (конкретных лиц) к работе с наркотическими средствами. Так, например, Правилами допуска лиц к работе с наркотическими средствами определен перечень мероприятий, которые обязан провести руководитель юридического лица, осуществляющего виды деятельности, связанные с оборотом наркотических средств, включая получение справок от медицинских организаций государственной системы здравоохранения и заключений органов внутренних дел, перед оформлением приказа о допуске лица к работе с наркотическими средствами². Требования к

оборудованию помещений рубежами системы охранной сигнализации, тревожной сигнализации, а также требования к характеристикам основного ограждения, дверных, оконных и строительных конструкций и запирающих устройств в зависимости от категорий помещений объектов, на которых осуществляется деятельность, связанная с оборотом наркотических средств, предусмотрены совместным Приказом Росгвардии и МВД России³. Перечень мероприятий, который должен включать режим охраны посевов наркосодержащих растений, определяется Постановлением Правительства РФ «О порядке установления требований к режиму охраны посевов растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры»⁴.

Еще одним условием осуществления деятельности, связанной с оборотом наркотических средств, следует рассматривать квотирование, касающееся таких видов деятельности с наркотическими средствами, включенными в первый и второй списки, как производство, хранение, ввоз и вывоз (ст. 15 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»). Государственные квоты устанавливаются для различных видов деятельности, связанных с оборотом наркотических средств, для производства, хранения, ввоза и вывоза. Действующие до 1 марта 2028 г. квоты установлены Постановлением Правительства РФ⁵.

В качестве одного из условий осуществления деятельности, связанной с оборотом наркотических средств, можно назвать наличие государственной монополии на наиболее значимые ее виды, установленной ст. 17, 18, 19 и 28 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».

³ Приказ Росгвардии № 335, МВД России № 677 от 15 сентября 2021 г. «Об утверждении Требований к оснащению инженерно-техническими средствами охраны объектов и помещений, в которых осуществляются деятельность, связанная с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и внесенных в список I перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, прекурсоров, и (или) культивирование наркосодержащих растений для использования в научных, учебных целях и в экспертной деятельности, для производства используемых в медицинских целях и (или) в ветеринарии наркотических средств и психотропных веществ» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru>

⁴ Постановление Правительства РФ от 13 марта 2020 г. № 274 «О порядке установления требований к режиму охраны посевов растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 12. Ст. 1771.

⁵ Постановление Правительства РФ от 30 ноября 2021 г. № 2108 «Об утверждении государственных квот на наркотические средства и психотропные вещества, в пределах которых осуществляются производство, хранение, ввоз (вывоз) наркотических средств и психотропных веществ, и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 49 (Часть I). Ст. 8294.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 2 июня 2022 г. № 1007 «О лицензировании деятельности по обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивированию наркосодержащих растений» (вместе с «Положением о лицензировании деятельности по обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивированию наркосодержащих растений») // Собрание законодательства РФ. 2022. № 23. Ст. 3833; Приказ Росздравнадзора от 23 ноября 2020 г. № 10949 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения по предоставлению государственной услуги по лицензированию деятельности по обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивированию наркосодержащих растений» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

² Постановление Правительства РФ от 20 мая 2022 г. № 911 «О допуске лиц к работе с наркотическими средствами и психотропными веществами, а также к деятельности, связанной с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ» (вместе с «Правилами допуска лиц к работе с наркотическими средствами и психотропными веществами, а также к деятельности, связанной с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ») // Собрание законодательства РФ. 2022. № 22. Ст. 3660.

Для целей противодействия незаконному обороту наркотических средств отдельное внимание необходимо обратить на их отпуск физическим лицам, требования к которому определены в ст. 25 и 26 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». Такая деятельность должна осуществляться специально уполномоченными субъектами, получившими соответствующие лицензии (аптечными организациями), а также специально уполномоченными лицами, занимающими строго определенные законодателем должности из числа должностей медицинских и фармацевтических работников (например, врач-специалист, главная медицинская сестра, провизор, старший фармацевт и др.).

Основное правило отпуска наркотических средств, включенных во второй список, физическим лицам – отпуск в медицинских целях и отпуск по рецептам, выдаваемым в предусмотренном законодательством порядке¹. Главными требованиями к рецептам, содержащим назначение наркотических средств, являются их оформление на специальных бланках формы № 107/у-НП с соблюдением обязательных реквизитов и обязательное обеспечение регистрации, учета и хранения таких рецептов, возможность их подготовки на бумажном носителе и в электронном виде, а также разрешение на назначение только одного наименования лекарственного препарата на одном рецептурном бланке и недопустимость исправлений в рецепте.

Противодействие незаконному обороту наркотических средств прослеживается и в ряде запретов и ограничений, которые предусмотрены действующим гражданским, семейным и трудовым законодательством. Анализ положений, содержащих нормы указанных отраслей права, позволяет сделать вывод о том, что выявление фактов употребления лицами наркотических средств становится препятствием к реализации ими отдельных прав.

В качестве одного из примеров можно привести ограничение права на труд. Так, одним из условий принятия гражданина на работу выступает предоставление справки, подтверждающей отсутствие факта его привлечения к ответственности за потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ – ст. 65 Трудового кодекса Российской Федерации² (далее – ТК РФ). Данное требование вытекает из установленного законами запре-

та на осуществление отдельных видов деятельности лицами, подвергнутыми административному наказанию за потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача. Речь идет о работе в службе авиационной безопасности, на которую в соответствии со ст. 52 Воздушного кодекса РФ не принимаются указанные лица³. Аналогичные запреты закреплены в некоторых других нормативных правовых актах (например, ст. 10 Федерального закона «О транспортной безопасности»⁴, ст. 11.1 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»⁵). В ст. 27 Кодекса внутреннего водного транспорта установлен запрет для указанной категории лиц на работу на судне⁶.

Также примером ограничения права на труд в связи с потреблением наркотических средств являются положения ст. 76 и 81 ТК РФ, предусматривающие основания отстранения работника от работы и его увольнения. Так, в соответствии с требованиями ст. 76 ТК РФ работодателю вменяется в обязанность отстранить от работы (не допускать к работе) работника, появившегося в состоянии наркотического опьянения. Соответствующее состояние работника подтверждается как медицинским заключением, так и другими видами доказательств. В связи с этим ст. 220 ТК РФ устанавливается требование об обязательности прохождения медицинских осмотров некоторыми категориями работников. В частности, такие требования установлены для авиационного персонала (ст. 52 Воздушного кодекса РФ), для членов экипажа судна внутреннего водного транспорта, лоцманов и лиц, допущенных к работе на судне (ст. 27, 28 и 41 Кодекса внутреннего водного транспорта РФ), для морских лоцманов и лиц, допущенных к работе на торговых судах (ст. 55 и 87 Кодекса торгового мореплавания РФ⁷), для сотрудников органов внутренних дел (ст. 12 ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸), для работников ведомственной охраны (ст. 6 ФЗ «О ве-

³ Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

⁴ Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 837.

⁵ Закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт.

⁶ Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 11. Ст. 1001.

⁷ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.

⁸ Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (Ч. 1). Ст. 7020.

¹ Приказ Минздрава России от 24 ноября 2021 г. № 1094н «Об утверждении Порядка назначения лекарственных препаратов, форм рецептурных бланков на лекарственные препараты, Порядка оформления указанных бланков, их учета и хранения, форм бланков рецептов, содержащих назначение наркотических средств или психотропных веществ, Порядка их изготовления, распределения, регистрации, учета и хранения, а также Правил оформления бланков рецептов, в том числе в форме электронных документов» // КонсультантПлюс: сайт.

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 3.

домственной охране»¹), для частных охранников (ст. 11 Закона РФ «О частной охранной и детективной деятельности в Российской Федерации»), для работников подразделений транспортной безопасности (ст. 12.3 ФЗ «О транспортной безопасности») и др. Отказ работника от прохождения медицинского освидетельствования является в дальнейшем для суда доказательством его виновности.

В соответствии со ст. 81 ТК РФ работодателю предоставляется право расторгнуть трудовой договор с работником, появившимся на работе (на своем рабочем месте либо на территории организации-работодателя или объекта, где по поручению работодателя работник должен выполнять трудовую функцию) в состоянии наркотического опьянения. В этом случае данное деяние приравнивается к однократному грубому нарушению работником своих трудовых обязанностей, а увольнение происходит в соответствии с пп. «б» п. 6 ч. 1 рассматриваемой статьи. Если отстранения не было, то в свою очередь к ответственности может быть привлечен работодатель или его уполномоченное лицо, на которых возлагается обязанность обеспечения безопасных условий труда для работника (ст. 214 ТК РФ).

В российском трудовом законодательстве присутствуют и другие нормы, направленные на противодействие незаконному обороту наркотических средств. Например, в целях защиты несовершеннолетних от вовлечения в употребление наркотических средств установлены не только меры уголовной ответственности для лиц, которые совершили данное деяние, но и запреты на организацию труда несовершеннолетних, позволяющие оградить их от сферы законного оборота наркотических средств. Статьей 265 ТК РФ в качестве одной из особенностей регулирования труда работников в возрасте до 18 лет установлен запрет на применение труда таких лиц на работах, связанных с производством, перевозкой и торговлей, в том числе, наркотических препаратов. Данная сфера деятельности рассматривается законодателем в качестве угрозы здоровью и нравственному развитию несовершеннолетнего.

Для работодателей установлено требование, касающееся формы выплаты заработной платы. Речь идет о недопустимости выплаты заработной платы, если реализуется ее натуральная форма, допускаемая только с согласия работника и в размере не более 20 % все заработной платы, в виде наркотических веществ (ст. 131 ТК РФ). Данный запрет позволяет ограничить вовлечение работников организаций, имеющих право на производство, переработку, изготовление, перевозку, отпуск и реализацию наркотических средств, в потребление этих наркотических средств, а также исключает возможность организации их незаконного сбыта с целью получения необходимых для обеспечения своих потребностей денежных средств.

Также элементы противодействия незаконному обороту наркотических средств можно проследить

и в дополнительных обязанностях, которые накладываются на работника в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации. В частности, ст. 242 и 243 ТК РФ на работника, независимо от его возраста (несовершеннолетних и достигших возраста 18 лет), возлагается полная материальная ответственность за ущерб, причиненный в том числе в состоянии наркотического опьянения. При этом следует учитывать тот факт, что для несовершеннолетних работников применение полной материальной ответственности является исключительной мерой, устанавливаемой в строго определенных ст. 242 ТК РФ случаях, к которым относится состояние наркотического опьянения.

Отдельные ограничения возможности реализации предоставленных прав, направленные на противодействие незаконному обороту наркотических средств, прослеживаются и в семейном законодательстве. Статьей 92 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) установлена возможность для супруга быть освобожденным от обязанности содержать своего нетрудоспособного супруга, предусмотренной положениями ст. 89 СК РФ. Супруги обязаны поддерживать друг друга материально в период брака, а требовать алименты на содержание (как в период брака, так и после его расторжения) имеет любой из супругов при наличии одного из предусмотренных оснований, к числу которых относится нетрудоспособность и нуждаемость второго супруга. Однако в том случае, если нетрудоспособность нуждающегося в помощи супруга наступила в результате злоупотребления наркотическими средствами, суд имеет право по просьбе второго супруга освободить его от обязанности содержать такого супруга полностью или ограничить данную обязанность определенным сроком. При этом для суда имеет значение наличие системности в употреблении наркотических средств. При принятии решения об освобождении от обязанности по содержанию нетрудоспособного супруга или ограничении ее по времени судом не принимается во внимание нетрудоспособность, которая наступила при разовом употреблении наркотических средств.

Огромное значение для противодействия незаконному обороту наркотических средств и для защиты прав детей имеет ограничение, предусмотренное ст. 69 СК РФ. В соответствии с ней заболевание наркоманией, подтвержденное соответствующими медицинскими документами, выступает в качестве одного из оснований для лишения родительских прав.

Также следует обратить внимание и на ограничения, установленные применительно к возможности реализации права на усыновление (удочерение) ребенка, оставшегося без попечения родителей. В соответствии со ст. 127 СК РФ определяются требования к лицам, желающим воспользоваться данным правом. Вместе с этим в данной статье также приведен перечень лиц, которые не могут выступать в качестве усыновителей. Одним из пунктов этого перечня является указание на состояние здоровья лиц, препятствующее их желанию усыновить ребенка, принять

¹ Федеральный закон от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 16. Ст. 1935.

его под опеку, попечительство, взять в приемную или патронатную семью. Соответствующие заболевания определены постановлением Правительства Российской Федерации от 14 февраля 2013 г. № 117¹. Пункт 5 данного перечня предусматривает в качестве такого заболевания наркоманию, а само исследование предполагает проведение медицинского осмотра врачом психиатром-наркологом.

Помимо перечисленного противодействие незаконному обороту наркотических средств усматривается и в положениях гражданского и гражданско-процессуального законодательства. Здесь следует говорить о положениях ч. 1 ст. 30 ГК РФ, предусматривающей условия ограничения дееспособности гражданина, и гл. 31 ГПК РФ, определяющей процессуальный порядок данной деятельности. По общему правилу лицо, достигшее возраста 18 лет, приобретает полную гражданскую дееспособность и может своими действиями реализовывать все предоставляемые законодательством гражданские права и обязанности. Однако при наличии определенных обстоятельств подобное правовое состояние гражданина может быть ограничено. К таким обстоятельствам относится и злоупотребление гражданином наркотическими средствами, приводящие к тому, что его семья в результате возложенных на нее дополнительных расходов, не соотносимых с интересами ее членов, оказывается в тяжелом материальном положении (оценка данного состояния производится судом в каждом конкретном случае). При этом необходимо иметь в виду, что в п. 1 ст. 30 ГК РФ возможность ограничения дееспособности лица связана именно со злоупотреблением наркотическими средствами, а не ставится в зависимость от признания такого лица страдающим наркоманией². Ограничение дееспособности гражданина при этом состоит в том, что за ним остается право самостоятельного совершения исключительно мелких бытовых сделок. Совершение всех остальных юридически значимых действий требует согласия попечителя.

Таким образом, на основании анализа положений действующего трудового, семейного и гражданского законодательства можно сделать вывод о том, что данные отрасли российского права вносят свой вклад в противодействие незаконному обороту наркотических средств наряду с административным и уголовным законодательством. Специфика данного направления деятельности, реализуемого в рамках частного права, проявляется в том, что соответствующие положения имеют превентивный характер и направлены на недопущение незаконного оборота наркотических

средств. Определение правового статуса наркотических средств, возможности и условий их законного оборота позволяют обеспечить подконтрольность их применения в тех немногих случаях, когда это необходимо в интересах государства и общества. Установление запретов, ограничений реализации предоставленных трудовых, семейных и гражданских прав и возложение дополнительных имущественных обязанностей (обременений) способствуют формированию правосознания гражданина, заставляют задуматься о необходимости строгого соблюдения требований действующего законодательства в сфере оборота наркотических средств, препятствуют вовлечению граждан во все этапы их незаконного оборота. Влияние названных выше положений частных отраслей российского законодательства на противодействие незаконному обороту наркотических средств следует рассматривать в качестве косвенного. Однако от этого не снижается его значимость и эффективность в общей государственной политике противодействия незаконному обороту наркотических средств.

Библиографический список

1. Гражданское право: учебник: в 2 т. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев и др.; под ред. Б. М. Гонгалю. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 1.

References

1. Civil law: textbook: in 2 vol. / S. S. Alekseev, O. G. Alekseeva, K. P. Belyaev, etc.; ed. by B. M. Gongalo. 3rd ed., reprint. and additional M.: Statute, 2018. Vol. 1.

Информация об авторах

Багрова Татьяна Станиславовна – кандидат юридических наук

Максименко Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент

Information about the authors

Bagrova Tatyana S. – Candidate of Law
Maksimenco Alexander V. – Candidate of Law, Associate Professor

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors made an equivalent contribution to the publication. The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.12.2024; одобрена после рецензирования 28.12.2024; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 11.12.2024; approved after reviewing 28.12.2024; accepted for publication 18.03.2025.

¹ Постановление Правительства РФ от 14 февраля 2013 г. № 117 «Об утверждении перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 36. Ст. 4577.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт.

Научная статья

УДК 347.92

Отдельные проблемы реализации негаторного и виндикационного исков в организации защиты земельно-имущественных прав

Исмагилов Ринат Альбертович¹, Игбаева Зульфья Римовна²

¹Университет ФСИН России, Санкт-Петербург, Россия, rinatismagilov@mail.ru

²Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, ufa.zulfya@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению вопросов, связанных с организацией защиты земельно-имущественных прав, наиболее распространенными способами которой являются негаторный и виндикационный иски. В ходе исследования раскрыты понятия и значение данных исков, выявлены существующие в правовом регулировании проблемные аспекты их реализации в организации защиты земельно-имущественных прав. Автором даны разъяснения по применению виндикационных и негаторных исков в гражданском судопроизводстве. Кроме того, внесены предложения по совершенствованию основополагающих актов.

Ключевые слова: земельно-имущественные права, имущественный спор, негаторный иск, виндикационный иск, собственник, истец, ответчик, самовольная постройка, договор аренды

Для цитирования: Исмагилов Р. А., Игбаева З. Р. Отдельные проблемы реализации негаторного и виндикационного исков в организации защиты земельно-имущественных прав // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 42–46.

Original article

Separate problems of implementation of negatory and vindication claims in the organization of protection of land and property rights

Ismagilov Rinat A.¹, Igbaeva Zulfya R.²

¹University of the Federal Penitentiary Service of Russia, St. Petersburg, Russia, rinatismagilov@mail.ru

²Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, ufa.zulfya@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of issues related to the organization of the protection of land and property rights, the most common methods of which are negatory and vindication lawsuits. In the course of the research, the concepts and meaning of these claims are revealed, problematic aspects of their implementation in the organization of the protection of land and property rights existing in legal regulation are identified. The author provides explanations on the use of vindication and negatory claims in civil proceedings. In addition, proposals have been made to improve the fundamental acts.

Keywords: land and property rights, property dispute, negatory claim, vindication claim, owner, plaintiff, defendant, unauthorized construction, lease agreement

For citation: Ismagilov R. A., Igbaeva Z. R. Separate problems of implementation of negatory and vindication claims in the organization of protection of land and property rights // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 42–46.

Защита земельно-имущественных прав ассоциируется, в первую очередь, с такими судебными способами, как предъявление негаторного или виндикационного исков, которые являются двумя различными средствами таковой защиты в рамках гражданского дела.

Негаторный иск подается при нарушении прав собственника без лишения права владения земельным участком (например, установка забора, перекрывающего общий участок земли). Этот иск направлен

© Исмагилов Р.А., Игбаева З.Р., 2025

на прекращение таких споров. Задачей негаторного иска выступает устранение препятствий по пользованию собственником своей вещью, а также пресечение возможных негативных последствий, вызванных осложнениями.

Лицом, нарушающим прерогативу обладания законным имуществом истца, но не лишаящим его оснований владения, по негаторному иску признается ответчик.

Важным аспектом в понимании негаторного иска выступает норма ст. 208 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), по которой исковая давность, выраженная в установленном сроке для защиты нарушенного права лица, на волю владельца, право которого было нарушено даже при сохранении за ним возможности по-прежнему владеть данным имуществом, и требовать устранения последствий нанесенного ущерба, не распространяется.

Поднимая вопрос защиты земельно-имущественных прав, необходимо затронуть сущность виндикационного иска. Данное понятие представляет собой право собственника на требование возвращения вещи в случае пользования ею лицом на незаконных основаниях. В силу широкого развития IT-технологий частым примером стало использование виндикационного иска для защиты владельцев товарных знаков и патентов от чужого использования. Также особый интерес вызывают наследственные отношения, где наследник выражает свою волю предъявлением иска на иных наследников, если считается, что его долей завладели незаконно.

Лицом, у которого не возникло права на владение чужим имуществом, признается ответчик. Данный участник отношений по своей сути вызывает интерес в случае, если имущество, которым завладел ответчик, будет передано иному лицу, тогда суд вправе заменить ненадлежащего ответчика надлежащим, то есть тем, кому имущество было отчуждено или передано от изначального ответчика.

Говоря об исковой давности, законодатель четко определяет ее срок – три года (п. 1 ст. 196 ГК РФ).

Рассмотрим спорные вопросы реализации указанных исков в организации защиты земельно-имущественных прав.

Возьмем в качестве первого примера случай оспаривания сделки третьим лицом, а именно признания недействительной сделки с земельным участком. Разрешение подобного дела требует наличия дополнительных обстоятельств, поскольку именно третье лицо выдвигает иск на основе недействительности сделки, в связи с чем не обладает со сторонами по сделке обязательствами, а его связь со спорным имуществом представляется как личная. Если расположение спорного объекта находится на участке, которым владел истец, но оно было из его собственности, то подаче подлежит виндикационный иск. Если же участок продолжает пребывать в собственности истца, то тогда подается негаторный иск.

Данные требования отличаются вещно-правовым характером, в силу чего мы вправе опираться на гл. 20

ГК РФ, что также подтверждено Постановлением Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П¹, в котором указывается на необходимость учитывать в таких случаях добросовестность либо недобросовестность приобретателя. Это позволяет сделать следующий вывод: если третье лицо подает иск к сторонам, уже заключившим договор, с целью его признания как недействительного, помимо § 2 гл. 9 ГК РФ, необходимо применять гл. 20 ГК РФ.

Рассмотрим следующий пример из судебной практики. Гражданин зарегистрировал в Росреестре землю, находящуюся в аренде. Данная земля была предоставлена ему местным самоуправлением. Гражданин, выступающий в качестве истца, подал иск на признание заключенного договора аренды недействительным, однако лишь по той части, которая занята объектом недвижимости, чем желал отменить государственную регистрацию. Ответчик, которым по данному иску является местное самоуправление, возражал, обосновывая свою позицию пропуском срока исковой давности. Истец настаивал на своих требованиях. Данный пример не позволяет использовать нормы об исковой давности (ст. 208, 304 ГК РФ), что дает возможность суду принять решение об аннулировании государственной регистрации договора аренды².

Подобная ситуация может быть изменена в том случае, если лицу на праве собственности принадлежит имущество, которое было из его владения и находится у другого лица. Тогда появится необходимость в подаче виндикационного иска, и судом может быть применен срок исковой давности [1, с. 49].

Одним из практических аспектов, который относится к числу проблемных, является ситуация, когда истец выдвигает условия по сносу здания или сооружения, которое возведено по границам чужого участка. Важно, что земельно-имущественные интересы третьих лиц, сохранение их жизни и здоровья, целостность земельного участка полностью учтены и не нарушаются. В связи с этим поднимается вопрос – возможно ли применение негаторного или виндикационного исков в приведенной выше ситуации. Рассмотрим подробнее.

В п. 1 ст. 222 ГК РФ законодатель закрепил понятие самовольной постройки, под которой раскрыл некое возведение на земельном участке, должным образом не предоставленном или же таковом, но без разрешения на нем проведения строительных работ, приводимых к созданию зданий или сооружений, или построенное без получения необходимых в силу закона согласований и разрешений, с применением норм и

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений п. 1 и 2 ст. 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева» // СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1657.

² Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 17 января 2022 г. № Ф08-5763/2022 по делу № А20-8625/2021. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.09.2024).

правил по градостроительным и строительным работам недолжным образом, если перечисленные уставлены на дату начала возведения или создания самовольной постройки и приведены в действия на юридическом уровне¹.

Приведенное понятие позволило сформировать несколько признаков, характеризующих самовольную постройку, которые в последующем были закреплены п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 44. Данный перечень не требует дополнения, в силу чего п. «о» ст. 71 Конституции РФ, п. 1 ст. 3 ГК РФ утоняют, что дополнительных признаков не может установить ни орган государственной власти субъектов РФ, ни орган местного самоуправления².

Каждый случай, перечисленный в закреплённом понятии, будет признаваться самовольной постройкой и подлежать последующему сносу. Это обусловлено неоправдательным отношением к нормам градостроительного и земельного законодательства со стороны ответчика и говорит об административном характере приведенного определения.

На практике есть случаи возведения самовольной постройки на чужом участке, который был предоставлен органами местного самоуправления либо государственными органами власти. Это вызывает резонанс.

Как известно, такой случай относят к требованиям, обладающим гражданско-правовым характером вещного иска, а, следовательно, не выступающим как иск, направленный на снос данной постройки. Это подтверждается положениями ст. 35–36 Конституции РФ, п. 1 ст. 222 ГК РФ, приводящими принцип равенства субъектов гражданско-правовых отношений. К. И. Скловский указывает, что собственник не обладает правом требовать снести их только с учетом факта нарушения его права собственности, так как это не приводит к признанию постройки самовольной [2, с. 62]. Если факт нарушения земельно-имущественных прав, создания угрозы для жизни и здоровья другого лица отсутствует, то указанное является достаточно близким к положению ст. 304 ГК РФ. Здесь осуществляется тонкое применение негаторного иска. Собственник без лишения права владения был подвергнут нанесению ущерба при возведении самовольной постройки, в силу чего стал минимизировать выявленные нарушения попытками лишения права незаконного владения [3, с. 114].

Таким образом, иск по сносу самовольной постройки нельзя признать негаторным. Это связано с тем, что характер данного иска является гражданско-

правовым, что подразумевает наличие спора равенства между участниками правоотношений и относит его к категории исков административного характера.

Подобно этому, в качестве негаторного не признается иск при сносе возведенной на чужом участке самовольной постройки. В этом случае объяснение будет следующим: любое недвижимое имущество имеет главный признак – это наличие неразрывной связи с землей, что может способствовать нарушению земельно-имущественного права собственника этого участка. Поэтому последний его теряет в той части, которая занята самовольной постройкой. Способом защиты будет выступать виндикационный иск, где собственник истребует часть земельного участка, занятого постройкой, для восстановления своего права пользования всем им.

Также стоит отметить мнение Т. П. Подшивалова, который отличает самовольное строительство, полностью возведенное на чужом земельном участке, от строительства, которое занимает лишь часть земли. В первом случае данные действия следует расценивать как незаконное завладение земельным участком. Тогда как при следующей ситуации заметно нарушение правомочий землевладельца по пользованию той частью участка, которая занята чужим владением. Так, первый случай служит основанием для подачи виндикационного иска, а второй – негаторного [4, с. 79].

Проанализируем следующий пример из судебной практики. Арбитражным судом Западно-Сибирского округа 20 апреля 2023 г. были рассмотрены кассационная жалоба, апелляционное постановление по иску ООО «Кристалл» о признании права собственности отсутствующим. Рассматривая спор по существу, отмечается: по договору аренды на земельный участок ФИО2 установил на участке диспетчерскую, однако срок договора истек, а, соответственно, зарегистрированное право собственности на это имущество не возникло. Данный объект стал предметом спора в силу нарушения права истца-землевладельца, на пользование частью земельного участка, которая загромождена зданием, что позволяет ему поднять стоимость арендной платы в отношении ответчика.

Постановлением от 25 апреля 2023 г. № Ф04-264/2023 решения нижестоящих судов было отменено. Требования, предъявляемые истцом, были полностью удовлетворены. Исходя из вышеизложенного, данный пример относится к негаторному иску.

Согласно ст. 304 ГК РФ права собственника, даже с сохранением за ним права владения имуществом, защищены от всяких нарушений. Также ст. 305 ГК РФ защищает права владельца, не являющегося собственником имущества, но имеющего право пользования на основании закона или договора. Исходя из этого, правом на подачу негаторного иска обладает как арендатор, так и арендодатель (непосредственный собственник). В этом случае право арендодателя может быть нарушено лишь за счет неправомерных действий третьего лица в отношении чужого имущества.

¹ Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» (текст с изм. и доп. на 08.08.2024). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.09.2024).

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.09.2024).

Стоит отметить, при рассмотрении негаторного иска обязательно участие обоих субъектов гражданского судопроизводства: арендатора и арендодателя. При этом на стороне истца будет выступать лицо, не являющееся истцом, но привлекаемое в качестве третьего лица, у которого не возникло самостоятельных требований относительно предмета спора. Из этого следует, что при отказе на иск арендодателя у арендатора не возникнет права на обращение с иском по тому же предмету спора и по тем же основаниям к этому ответчику. Данные положения закрепляет п. 3 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 15 января 2013 г. № 153.

Не стоит исключать права арендатора, который по решению органа муниципального образования или государственного органа получил земельный участок на праве владения, на подачу негаторного иска, подлежащего удовлетворению на основании доказательств по наличию каких-либо нарушений при пользовании участком земли соответственно целям договора. Тогда нарушенное право будет подлежать восстановлению, а также исключением из ЕГРП записи о праве собственности ответчика объект в качестве недвижимой вещи признается несуществующим.

Обобщая сказанное, выделяется, что за арендатором, у которого по договору аренды с целью строительства возникло право владения земельным участком, сохраняется право на признание зарегистрированного права собственности отсутствующим по соответствующему иску. Он будет рассмотрен по существу заявленных требований и обеспечит защиту прав лица, который владеет строительной арендой¹.

Также судом кассационной инстанции было отмечено, что к объектам, которые недвижимостью не являются, не подлежат применению положения ст. 222 ГК РФ.

Далее рассмотрим приобретательную давность на недвижимое имущество. Бывают случаи, где подача иска о признании права собственности на недвижимое имущество на праве приобретательной давности является единственным способом узаконивания единственного жилого дома.

На основании п. 1 ст. 234 ГК РФ лицо, добросовестно владеющее имуществом, но не являющееся собственником, вправе стать им: через 15 лет – на недвижимое имущество, через 5 – на иное. В силу владения имуществом добросовестно у данного лица появляется право на защиту своего владения от третьих лиц, у которых также не имеется права собственности на владение им. Важно, что приобретение права собственности осуществляется строго в судебном порядке.

Например, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила решение кассационной инстанции и оставила в силе решения ниже-

стоящих судов. Эти инстанции удовлетворили требования истца о признании права собственности на недвижимое имущество на основании приобретательной давности.

Было обосновано так, что учитывая законодательство, действовавшее на момент строительства объекта, истец приобрел право собственности по завершении строительных работ. Однако в настоящее время он не может воспользоваться действующими правилами регистрации права из-за отсутствия необходимой разрешительной документации. Кроме того, с 1995 года истцу предоставлялся земельный участок в аренду в целях эксплуатации имеющихся на нем объектов недвижимости.

Так, уполномоченные органы были в курсе существования этих объектов и не возражали против их сохранения. В материалах дела также представлены доказательства того, что спорный объект был создан с соблюдением градостроительных и строительных норм и правил, а его сохранение не нарушает прав и законных интересов третьих лиц и не представляет угрозы жизни и здоровью граждан. На момент рассмотрения спора истец более 27 лет добросовестно, открыто и непрерывно владеет спорными объектами, что служит основанием для признания за ним права на данные объекты недвижимости².

Согласно вышеизложенному материалу, мы можем сделать вывод о необходимости проведения границ между негаторными и виндикационными исками, основываясь на выдвигаемых к ним требованиям. Это позволит повысить стабильность существующего гражданского оборота, усилить в гражданском праве меры правового регулирования, направленные на сохранение интересов сторон спора.

Кроме того, в целях совершенствования гражданского кодекса РФ предлагаем:

1. Дополнить ст. 274 ГК РФ п. 7 в следующей редакции: «Приобретение права ограниченного пользования на вещь возможно лицом, которое не имеет права ограниченного пользования недвижимой вещью, но открыто и непрерывно пользуется ею с намерением осуществления сервитута как собственного права в течении пятнадцати лет».

Благодаря данному изменению гражданское законодательство введет правила о сервитуте с учетом сроков давности, включая при этом установление неформального порядка непрерывного и открытого пользования чужим имуществом, который действует на протяжении длительного времени, при этом собственник не будет возражать против такого пользования.

2. Переименовать название ст. 304 ГК РФ, которая изложена как «Защита прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения», на «Устранение нарушений вещного права, не связанных с ли-

¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25 апреля 2023 г. № Ф04-264/2023 по делу № А81-7539/2021. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.09.2024).

² Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.10.2022). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.09.2024).

шением владения (негаторный иск)». Это означает не просто введение защиты, а предполагает устранение возникающих препятствий во владении имуществом.

Подводя итог проведенного исследования, надеемся, что выводы и предложения научной статьи станут основой для дальнейшего развития учения о негаторных и виндикационных исках в организации защиты земельно-имущественных прав, а также совершенствования действующего гражданского законодательства РФ.

Библиографический список

1. Куняева Е. В. Обобщение судебной практики по спорам об устранении нарушений прав законного владельца, не связанных с лишением владения, и спорам, связанным с правом ограниченного пользования чужим земельным участком (другой недвижимостью) // Арбитражные споры. 2019. № 2 (46). С. 48–53.
2. Скловский К. И. Режим строения, возведенного на спорном земельном участке // Хозяйство и право. 2019. № 1. С. 62–64.
3. Моргунов С. В. Правовые проблемы самовольной постройки // Хозяйство и право. 2022. № 5. С. 112–116.
4. Резников Е. В. Земельные споры. Особенности судебного правоприменения Конституционного и Верховного судов Российской Федерации: практическое исследование // Волгоград: Сфера, 2021. 248 с.

References

1. Kunyaeva E. V. Generalization of judicial practice on disputes on the elimination of violations of the rights of the rightful owner, not related to the deprivation of possession, and disputes related to the right of limited use of someone else's land (other real estate) // Arbitration disputes. 2019. No. 2 (46). Pp. 48–53.
2. Sklovsky K. I. The regime of a building erected on a disputed land plot // Economy and Law. 2019. No. 1. Pp. 62–64.
3. Morgunov S. V. Legal problems of unauthorized construction // Economy and Law. 2022. No. 5. Pp. 112–116.
4. Reznikov E. V. Land disputes. Features of judicial law enforcement of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation: a practical study. Volgograd: Sphere, 2021. 248 p.

Информация об авторах

Исмагилов Ринат Альбертович – кандидат юридических наук

Игбаева Зульфия Римовна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the authors

Ismagilov Rinat A. – Candidate of Law

Igbaeva Zulfiya R. – Candidate of Law, Associate Professor

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors made an equivalent contribution to the publication. The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 23.12.2024; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 18.03.2025.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.85

Проблемы профилактики правонарушений, затрагивающих права и законные интересы ребенка

Алимпиев Сергей Александрович¹, Потанин Константин Викторович²

¹Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, alimpuss@mail.ru

²Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, potanin-k@mail.ru

Аннотация. В статье авторы размышляют о причинах и условиях, в результате которых нарушаются права и законные интересы несовершеннолетних. В частности, обращается внимание на случаи, когда законные представители ребенка в силу различных причин вынуждены передавать часть родительских прав третьим лицам, что создает ситуации, опасные для жизни и здоровья несовершеннолетнего, а также случаи торговли детьми. Свои мысли авторы подкрепляют примерами правоприменительной практики и предлагают некоторые рекомендации, направленные на защиту детей и гарантирующие реализацию прав несовершеннолетних, закрепленных в Конституции Российской Федерации, а также в национальном и международном законодательстве.

Ключевые слова: детство, ребенок, травма, торговля, интересы, семья, родители, отец, мать, лечение, предупреждение, власть, практика, пресечение, информация, досуг, государство, здоровье, несовершеннолетний, общество, негативное отношение, опекун, безопасность, школа

Для цитирования: Алимпиев С. А., Потанин К. В. Проблемы профилактики правонарушений, затрагивающих права и законные интересы ребенка // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 47–51.

Original article

Problems of prevention of offenses affecting the rights and legitimate interests of the child

Alimpiev Sergey A.¹, Potanin Konstantin V.²

¹Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, alimpuss@mail.ru

²Ural Law Institute of the Ministry of Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, potanin-k@mail.ru

Abstract. In the article, the authors reflect on the causes and conditions that result in violations of the rights and legitimate interests of minors. In particular, attention is drawn to cases where the legal representatives of a child, for various reasons, are forced to transfer part of parental rights to third parties, which creates situations dangerous to the life and health of a minor, as well as cases of child trafficking. The authors substantiate their thoughts with examples of law enforcement practice and offer some recommendations aimed at protecting children and guaranteeing the realization of the rights of minors enshrined in the Constitution of the Russian Federation, as well as in national and international legislation.

Keywords: childhood, child, trauma, trade, interests, family, parents, father, mother, treatment, prevention, government, practice, suppression, information, leisure, state, health, minor, society, negative attitude, guardian, safety, school

For citation: Alimpiev S. A., Potanin K. V. Problems of prevention of offenses affecting the rights and legitimate interests of the child // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 47–51.

Детство является важным этапом развития человека. Российская Федерация одним из приоритетных направлений своей политики признает необходимость создания безопасных условий для реализации прав и законных интересов ребенка, подготовки детей к полноценной жизни в обществе, защиты детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие¹. При этом к числу угроз безопасности несовершеннолетних отнесены вовлечение их в преступную деятельность, совершение преступлений в отношении детей, снижение уровня благополучия детей и семей, имеющих детей.

Среди факторов, негативно влияющих на обеспечение прав и законных интересов ребенка, выделяются случаи, когда у родителей в силу разных причин не получается должным образом в соответствии с законодательством страны исполнять обязанности законного представителя, вследствие чего они временно передают часть своих полномочий третьим лицам. Здесь, на наш взгляд, необходимо разделить все случаи на три группы:

1. Случаи, связанные с невозможностью личного участия законных представителей. Например, длительная командировка родителей или их работа в другом городе либо государстве; состояние здоровья законного представителя, не позволяющее ему представлять ребенка, и др.

2. Случаи, связанные с необходимостью профессионального представительства интересов ребенка. Например, обстоятельства, связанные с представительством прав несовершеннолетних при решении вопросов с органами опеки и попечительства, в ходе судебных разбирательств, взаимодействия с учебными заведениями (зачисление в школу или вуз, получение стипендии и пр.), получения квалифицированной медицинской помощи в населенном пункте, находящемся на значительном расстоянии от места проживания семьи несовершеннолетнего (взаимодействие с врачами, оформление соответствующих документов на месте и т. д.).

3. Случаи, связанные с путешествиями и другими ситуациями, когда ребенок находится вне дома. Например, когда несовершеннолетний без родителей отправляется в путешествие, в детский лагерь, в другой населенный пункт для участия в спортивных или культурных мероприятиях. В эту же группу следует отнести и временное проживание лица, не достигшего возраста 18 лет, в силу каких-либо обстоятельств у родственников.

Во всех случаях в соответствии с действующим законодательством родителями оформляется дове-

ренность на защиту прав и представление интересов ребенка третьим лицом. Чаще всего делается это самостоятельно, без нотариального удостоверения, поскольку по закону последнее обязательно только в вопросах защиты имущественных прав несовершеннолетних. Казалось бы, действующим законодательством процесс передачи части родительских прав доверенным лицам урегулирован, проблем нет, особенно в случаях сопровождения ребенка в дороге или представления его интересов в лечебных или оздоровительных учреждениях [1, с. 33]. Однако реальность показывает, что в отдельных случаях оформление такой доверенности может повлечь за собой проблемы, поскольку из ее содержательной части не ясны причины и цели выдачи, а стало быть получение такой доверенности третьим лицом позволит ему совершить действия, которые будут иметь для несовершеннолетнего негативные и даже опасные последствия [2, с. 5].

Здесь уместно напомнить о ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), согласно которой родительские права не могут осуществляться в противоречии с правами детей, а обеспечение законных интересов последних должно быть основным предметом заботы родителей. В другой же статье вышеуказанного кодекса говорится о необходимости заботы о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии ребенка. Неисполнение или ненадлежащее исполнение отмеченных обязанностей может повлечь привлечение родителей к юридической ответственности, включая возможность ограничения или лишения их родительских прав².

В свете сказанного важно отметить, что законодательство нашей страны позволяет в установленном порядке полностью или частично передавать обязанности, возможности и полномочия от одного лица другому. Подобные отношения регулирует гл. 10 ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, именуемая «Представительство. Доверенность». Данные нормы носят универсальный характер и применяются во всех сферах жизнедеятельности, включая ситуации временной и частичной передачи родителями своих полномочий в отношении ребенка третьим лицам.

В то же время, несмотря на различный характер причин и оснований, а также степень значимости принимаемого родителем решения о представлении интересов ребенка третьим лицом, законный представитель несовершеннолетнего должен учитывать следующие требования закона:

– ребенок имеет право на защиту своих прав и законных интересов, осуществление которой является прямой обязанностью родителей (ст. 56 СК РФ);

¹ Указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 г.». URL: <http://www.consultant.ru>.

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.11.2024).

– родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей, они несут ответственность за их воспитание и развитие (ст. 63 СК РФ);

– защита прав и интересов детей возлагается на их родителей, именно родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий (ст. 64 СК РФ);

– родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей, обеспечение которых должно быть предметом основной заботы их родителей. При осуществлении родительских прав законные представители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному и духовному развитию. Способы воспитания несовершеннолетних должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию. Родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, несут ответственность в установленном законом порядке.

Таким образом, перед составлением доверенности на представление интересов ребенка третьим лицом (доверенным) родитель должен отдавать себе отчет, что причины и цели ее выдачи обязаны соответствовать интересам несовершеннолетнего и ни в коем случае не нарушать его права, а также что при общении ребенка с доверенным будет исключена любая вероятность нарушения его прав и причинения ему вреда.

Выше мы уже обращали внимание на то, что любой родитель может столкнуться с ситуацией, решение которой потребует привлечения дополнительных временных, материальных и иных ресурсов. Например, родителями в интересах ребенка принято решение о временном направлении его в другой город для получения, например, медицинских услуг. В данном случае законному представителю, не имеющему возможность по объективным причинам сопровождать ребенка, потребуется через оформление доверенности привлечь третье лицо для представления интересов несовершеннолетнего в медицинском учреждении. Здесь цель убытия ребенка и причины делегирования части родительских полномочий третьему лицу предельно понятны и сомнений не вызывают.

Очевидно, что главным условием оформления любой доверенности на ребенка должны быть четко сформулированные цель и причина ее выдачи, которые не всегда очевидны из содержания документа, особенно когда пишется только одна фраза – «представлять интересы моего ребенка» [3, с. 25].

Далее хотелось бы привести один пример, свидетельствующий об актуальности рассматриваемой нами проблемы. В адрес специалиста по правовым вопросам Аппарата Уполномоченного по правам ребенка обратилась жительница города Екатеринбурга К. с просьбой о консультации и жалобой на действия

родителей бывшего мужа, которые получив некую доверенность от своего сына, отбывающего наказание в исправительном учреждении, стали инициаторами семейных скандалов, пытаясь взять на себя все полномочия законных представителей детей.

В ходе выяснения всех обстоятельств данной истории и консультирования заявителя сотрудниками Аппарата Уполномоченного по правам ребенка установлено, что отец детей выдал своим родителям доверенность, заверенную руководством исправительной колонии, на представление его имущественных интересов. В этом документе ни слова не говорится о детях и его правах как их законного представителя. Но дедушка с бабушкой восприняли эту доверенность как своего рода «мандат» на воспитание внуков, демонстрируя его в различных организациях, в том числе в детском саду, и заявляя, что они тоже являются законными представителями детей. Естественно, такая ситуация породила между родственниками серьезный конфликт, усугубляемый жалобами старшего поколения на мать детей в органы опеки и в полицию. Причем, нередко скандалы между взрослыми возникали в присутствии несовершеннолетних, что наносило вред их психическому здоровью. Со слов матери, неоднократные попытки нормализовать отношения не привели к желаемому результату.

Очевидно, что причиной возникновения данной ситуации стало добросовестное заблуждение дедушки и бабушки детей относительно содержания предоставленных им полномочий, которым никто не разъяснил, что в соответствии с доверенностью они могут совершать действия, касающиеся только имущественных интересов своего сына. Вызывает недоумение и правовая безграмотность сотрудников детского сада, которые не один раз отдавали детей родственникам без согласия матери, только на основании ничтожного применительно к этой ситуации документа¹.

Подобных историй, когда несовершеннолетние дети оказываются в условиях, сопряженных с нарушением их прав, а иногда в условиях, угрожающих их психическому и физическому здоровью, немало, но в большинстве случаев они, к сожалению, имеют латентный характер.

Анализ причин и условий, способствующих нарушению прав и интересов детей, позволяет выделить основные, среди них:

1. Социально-экономические факторы – низкий уровень жизни, безработица, бедность, в результате чего родители не могут обеспечить детям достойные условия жизни и развития, что негативно сказывается на здоровье, образовании и будущем несовершеннолетних.

2. Психологические факторы – неблагоприятная атмосфера и насилие в семье, конфликты между ро-

¹ Сайт Уполномоченного по правам ребенка в Свердловской области. URL: https://svdети.ru/index.php?option=com_k2&view=itemlist&layout=category&task=category&id=85&Itemid=167 (дата обращения: 01.11.2024).

дителями, приводящие к психологическим травмам у детей, нарушению их эмоционального состояния и поведения.

3. Правовые факторы – наличие пробелов в законодательстве, обуславливающих относительную незащищенность детей, недостаточность эффективных механизмов защиты их прав и интересов либо применение таковых формально и приводящих к нарушению норм права со стороны родителей или других лиц, на которых возложена ответственность по обеспечению и представлению прав несовершеннолетних.

Приведенный выше перечень не носит исчерпывающий характер, при этом он позволяет акцентировать внимание на наиболее уязвимых сферах обеспечения прав несовершеннолетних как со стороны родителей, так и со стороны третьих лиц, наделенных по доверенности отчасти схожими полномочиями.

Сложившая в стране практика выдачи доверенностей на детей может предполагать и худшие варианты их использования. Например, родитель, ведущий асоциальный образ жизни, может подписать за некое вознаграждение доверенность на своего ребенка практически незнакомому лицу, позволив тем самым вывезти несовершеннолетнего не только за пределы населенного пункта, но и за пределы страны, и оформив подложные документы на законное представительство. Все эти противоправные действия могут быть совершены в криминальных или корыстных целях. Рассмотрим ряд примеров.

В Москве возбудили уголовное дело по факту торговли детьми в отношении 47-летней женщины, воспитывающей 15 несовершеннолетних в возрасте от 4 до 17 лет. Внимание на нее обратили после того, как один ребенок попал в больницу. Медики нашли в крови мальчика следы препарата, запрещенного к применению при его заболевании. Со слов самой москвички, пятеро детей ей родные: трое появились на свет с помощью суррогатной матери, еще двоих она родила сама в 2018 и 2019 гг. Но прокуратура установила, что в 2010 г. женщине была проведена операция, после которой она не могла иметь детей. Факт отсутствия родства между ней и ее пятью детьми был подтвержден и генетической экспертизой. При этом в отдел ЗАГС для получения свидетельства о рождении детей она предоставляла заведомо ложные документы¹.

Резюмируя изложенный пример, приходим к выводу, что, во-первых, уголовное дело по факту торговли детьми указывает на возможное применение ст. 127.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за торговлю людьми (это деяние наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет). Во-вторых, предоставление заведомо ложных документов в отдел ЗАГС может быть квалифицировано как подделка документов по ст. 327 УК РФ. В-третьих, обнаружение в крови ребенка запрещенного препарата может рассматриваться как ненадлежащее ис-

полнение родителем обязанностей по воспитанию и заботе о здоровье несовершеннолетнего, а это в соответствии с законодательством влечет за собой ответственность, включая возможное ограничение или лишение родительских прав. Кроме того, если будет установлено, что женщина получала государственные пособия или иные льготы на детей, не являющихся ее биологическими, то данное деяние может быть квалифицировано как мошенничество по ст. 159 УК РФ.

В настоящее время уголовное производство по данному факту еще не завершено, соответственно, указанная выше квалификация носит лишь предположительный характер.

Другой пример, Никулинский районный суд города Москвы вынес приговор по уголовному делу в отношении учредителя и генерального директора ООО «Европейский центр суррогатного материнства» Владислава Мельникова, врачей ООО «Центр Материнства и Репродуктивной Медицины "Петровские ворота"» Тараса Ашиткова и Юлианы Ивановой, врача акушера-гинеколога филиала № 4 ГБУЗ «Центр планирования семьи и репродукции ДЗМ» – родильный дом № 3 города Москвы Лилии Панаиоти, а также суррогатных матерей Лилии Валеевой и Татьяны Блиновой. Они признаны виновными по п. «в» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ (торговля людьми), ч. 3 ст. 30, п. «а», «в» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ (покушение на торговлю людьми). В суде установлено, что в период с 2011 г. по 2020 г. указанные лица в составе организованной группы совершили куплю-продажу 24 новорожденных, заведомо находящихся в беспомощном состоянии, за вознаграждение в общей сумме свыше 72,5 млн рублей, используя при этом поддельные документы, которых впоследствии переместили за границу².

Торговля несовершеннолетними – это серьезное преступление, которое оказывает разрушительное влияние как на самих детей, так и на общество в целом. Несовершеннолетние, ставшие жертвами торговли, испытывают сильный стресс, страх и беспомощность, что приводит к развитию таких психологических проблем, как тревожные расстройства, депрессия и посттравматическое стрессовое расстройство. Кроме того, более старшие дети могут подвергаться физическому насилию и эксплуатации, что негативно сказывается на их здоровье и развитии.

Жертвы торговли несовершеннолетними сталкиваются с трудностями в социальной адаптации и установлении отношений с окружающими, что может привести к изоляции, стигматизации и дискриминации. Все это нарушает основные права детей на защиту, безопасность, образование и заботу со стороны взрослых. Последствия торговли могут преследовать человека на протяжении всей жизни, влияя на его психологическое состояние, отношения с окружаю-

¹Москвичку, воспитывающую 15 детей, заподозрили в торговле людьми. Новости НТВ. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2795495>.

²Вынесен приговор по уголовному делу о продаже новорожденных детей иностранным гражданам. Новости – Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=91275815>.

щими и общее благополучие.

На уровне общества торговля несовершеннолетними подрывает доверие к институтам защиты детей и правоохранительным органам, что может привести к росту цинизма и апатии. Эти преступления также могут усилить социальные проблемы, такие как бедность, неравенство и отсутствие доступа к образованию и здравоохранению. Более того, торговля несовершеннолетними способствует росту других видов преступности, например, эксплуатации и насилия.

Борьба с данными преступными проявлениями требует значительных ресурсов, которые могли бы быть направлены на другие социальные программы и инициативы. Эти усилия необходимы для обеспечения безопасности и защиты прав детей, а также для поддержания морального и этического состояния общества. Эффективная борьба с рассматриваемыми в настоящей статье явлениями требует комплексного подхода, включая законодательные меры, образовательные программы, социальную поддержку и международное сотрудничество.

В заключение хотелось бы сказать, что институт представительства прав ребенка требует дальнейшего совершенствования. Нам бы хотелось в качестве одной из мер, направленных на усиление защиты прав детей, предложить на законодательном уровне конкретизировать порядок оформления доверенностей от законных представителей в отношении своих детей с установлением четких запретов на передачу части полномочий третьим лицам, например, на длительное проживание с посторонними людьми.

Библиографический список

1. Зайченкова К. А., Горбатов Д. А. Реализация государственной семейной политики при осуществлении нотариальной деятельности // Роль современного нотариата в обеспечении реализации государственной политики в сфере защиты семьи и сохранения традиционных семейных ценностей: сборник науч. статей II Всероссийской науч.-практич. конференции, приуроченной к году семьи, Калуга, 12 апреля 2024 г. Саранск: ИП Афанасьев В. С., 2024. С. 32–41.

2. Долинская В. В. Проблемы участия несовершеннолетних в отношениях представительства // Семейное и жилищное право. 2024. № 5. С. 5–9.

3. Горожанкина Е. Н. Квалификация судами передачи ребенка на воспитание по доверенности: уклонение от родительских обязанностей? // Юрист спешит на помощь. 2021. № 2. С. 24–27.

References

1. Zaichenkova K. A., Gorbato D. A. The implementation of state family policy in the implementation of notarial activities // The role of the modern notary in ensuring the implementation of state policy in the field of family protection and the preservation of traditional family values: collection of scientific articles. articles of the II All-Russian Scientific and Practical conference dedicated to the year of the family, Kaluga, April 12, 2024. Saransk: IP

Afanasyev V. S., 2024. Pp. 32–41.

2. Dolinskaya V. V. Problems of participation of minors in relations of representation // Family and housing law. 2024. No. 5. Pp. 5–9.

3. Gorozhankina E. N. Qualification by courts of transfer of a child for upbringing by proxy: avoidance of parental responsibilities? // The lawyer is rushing to the rescue. 2021. No. 2. Pp. 24–27.

Информация об авторах

Алимпиев Сергей Александрович – кандидат юридических наук, доцент

Information about the authors

Alimpiev Sergey A. – Candidate of Law, Associate Professor

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors made an equivalent contribution to the publication. The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.12.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 19.12.2024; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Научная статья

УДК 347.9

Организационно-тактические особенности участия педагогов и психологов при проведении отдельных следственных действий с несовершеннолетними

Бердникова Ольга Петровна¹, Рыбакова Лада Евгеньевна²

¹Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, berdnikovs@inbox.ru

²Следственный отдел по Чкаловскому району города Екатеринбурга следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области, Екатеринбург, Россия, sledovatel13@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются тактические особенности привлечения педагога и психолога к проведению отдельных следственных действий с участием несовершеннолетних (потерпевших, свидетелей, подозреваемых, обвиняемых) и исследуются тактические аспекты производства процессуальных действий, где обязательное участие указанных лиц не предусмотрено. На основе анализа теоретических и практических аспектов авторы делают вывод о необходимости четкого налаженного и согласованного взаимодействия между всеми участниками отдельных следственных действий, что должно способствовать раскрытию преступлений.

Ключевые слова: несовершеннолетний, следователь, педагог и психолог, взаимодействие, тактические приемы, проведение следственных и процессуальных действий

Для цитирования: Бердникова О. П., Рыбакова Л. Е. Организационно-тактические особенности участия педагогов и психологов при проведении отдельных следственных действий с несовершеннолетними // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 52–56.

Original article

Peculiarities of participation of teachers and psychologists in conducting certain investigative actions with minors

Berdnikova Olga P.¹, Rybakova Lada E.²

¹Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, berdnikovs@inbox.ru

²Investigative Department for the Chkalovsky District of the City of Yekaterinburg of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Russia, sledovatel13@yandex.ru

Abstract. The article examines the tactical features of involving a teacher and a psychologist in conducting individual investigative actions involving minors (victims, witnesses, suspects, accused) and examines tactically the aspects of procedural actions where the mandatory participation of these persons is not provided. Analyzing the theoretical and practical aspects, the authors conclude that there is a need for clear, well-established and coordinated interaction between all participants in the conduct of individual investigative actions, which should contribute to the detection of crimes.

Keywords: minor, investigator, teacher and psychologist, interaction, tactical techniques, conducting investigative and procedural actions

For citation: Berdnikova O. P., Rybakova L. E. Peculiarities of participation of teachers and psychologists in conducting certain investigative actions with minors // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 52–56.

В настоящее время количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними, а также совершаемых в отношении несовершеннолетних, значительно снижается, оставаясь при этом на достаточно

высоком уровне. Данное обстоятельство, в свою очередь, не только негативно сказывается на кримино-

© Бердникова О.П., Рыбакова Л.Е., 2025

генной обстановке в целом, но и способствует ранней криминализации личности и формированию ее виктимного поведения.

Так, согласно статистическим данным в 2024 г. несовершеннолетними на территории Свердловской области совершено 1081 преступление, в 2023 г. – 1329 преступлений. Рассматривая сведения о количестве несовершеннолетних потерпевших, о защите их прав и законных интересов, полученных от судов всех уровней Свердловской области, следует отметить, что в 2024 г. преступным посягательствам подверглись 208 детей в возрасте до 7 лет (в 2023 г. – 329 детей), 425 детей в возрасте от 7 до 10 лет (в 2023 г. – 547 детей), 443 ребенка в возрасте от 11 до 13 лет (в 2023 г. – 575 детей), 427 детей в возрасте от 14 до 15 лет (в 2023 г. – 434 ребенка), 331 ребенок в возрасте от 16 до 17 лет (в 2023 г. – 360 подростков)¹.

Приведенные цифры обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования процесса взаимодействия всех участников отдельных следственных действий с несовершеннолетними, так как одним из главных критериев, по которому можно судить о здоровье общества, является отношение к детям, ведь защита их прав и интересов, охрана их жизни и здоровья являются приоритетными направлениями деятельности органов предварительного расследования.

К лицам, представляющим интересы несовершеннолетних, относятся родители, опекуны, попечители, педагоги и психологи. Однако следователь как объективный и независимый участник предварительного расследования должен понимать, что с каждым ребенком вне зависимости от его процессуального положения следует обращаться как с самостоятельной личностью, имеющей собственные потребности, цели и желания.

По мнению К. А. Ериной, «процесс своевременного выявления и качественного расследования преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних или в отношении данных лиц часто невозможно представить без простейшей формы коммуникации следователя и несовершеннолетнего путем производства одного из первоначальных следственных действий – допроса. Организационно-тактические основы производства первоначального допроса являются в целом одними из наиболее разработанных в криминалистике. Однако специфика коммуникативной работы следователя и несовершеннолетнего как участника уголовно-процессуальных отношений заслуживает особого внимания, анализа и конкретизации» [1].

Участие детей в уголовном процессе зачастую осложняется противодействием со стороны родителей (законных представителей), которые могут возражать против допроса своего ребенка, вмешиваться в процесс проведения отдельных следственных действий,

делая замечания, выкрикивая реплики и давая субъективную оценку значимости вопросов, задаваемых для установления истины по делу.

Допрос является одним из самых важных следственных действий, поскольку в его ходе следователь получает обширную информацию о преступлении, действиях подозреваемого, других участников, включая потерпевшего, обстановке на месте преступления, причинах, по которым преступник действовал определенным образом, и мерах, принятых для сокрытия следов преступления.

Допрос несовершеннолетних участников уголовного процесса связан с определенными сложностями, обусловленными возрастом (особенностями психического развития) и возможностью, необходимостью участия в нем третьих лиц (родителей, адвокатов, педагогов, психологов) [2].

В первую очередь необходимо продумать, как будут располагаться участники допроса. В зоне видимости допрашиваемого должны находиться следователь и лица, которые будут оказывать ему помощь в получении показаний. Представляется, что следователь, педагог и (или) психолог не должны сидеть рядом. Такое расположение может рассеивать внимание допрашиваемого [3].

В правоприменительной практике при расследовании уголовных дел о преступлениях против половой свободы личности и половой неприкосновенности возникает необходимость проведения проверки показаний на месте несовершеннолетнего потерпевшего. Это вызвано тем, что зачастую в уголовных делах вышеуказанной направленности единственным доказательством являются показания ребенка, полученные в ходе его допроса.

Следует отметить, что несовершеннолетний потерпевший как участник такого следственного действия при проверке показаний на месте испытывает определенные негативные эмоции, что связано с пережитыми им ранее событиями и совершенными в отношении него преступными действиями. Поэтому участие педагога или психолога при производстве вышеуказанных следственных действий является одной из гарантий защиты прав и законных интересов ребенка.

Вне зависимости от статуса в уголовном процессе участие несовершеннолетнего лица в следственных действиях может оказывать негативное влияние на его психику. Для нивелирования данного фактора в уголовно-процессуальном кодексе закреплено обязательное участие педагогов или психологов при допросе лиц, не достигших 18-летнего возраста.

Рассматривая вопрос о приглашении педагога или психолога, следователь должен поставить в известность об этом несовершеннолетнего участника следственного действия и убедиться, что данные специалисты не окажут отрицательного влияния на ход и результаты опроса.

Привлекаемый педагог или психолог в обычной жизни должен по роду своих занятий заниматься обучением и воспитанием детей того же возраста, что и

¹ Справка по результатам анализа судебной статистики по рассмотрению уголовных дел с участием несовершеннолетних потерпевших в 2024 г., утвержденная президиумом Свердловского областного суда 4 февраля 2025 г.

допрашиваемый, или иметь опыт оказания психологической помощи несовершеннолетним. Участие в допросе работника органа, ведущего предварительное расследование, в качестве педагога или психолога нежелательно [4].

Перед началом следственных действий следователю стоит обозначить педагогу или психологу обстоятельства совершенного преступления в целях совместного определения формулировок вопросов к несовершеннолетнему и их очередности, а также избрания и корректировки тактики проведения следственного действия.

Статья 191 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусматривает возможность участия педагога и психолога в ходе проведения с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями таких следственных действий, как допрос, очная ставка, опознание, проверка показаний на месте.

Однако в УПК РФ закреплён широкий перечень следственных действий, в которых несовершеннолетние потерпевший, свидетель, подозреваемый или обвиняемый могут выражать свою волю. К числу таковых можно отнести проведение осмотра предметов (документов) и осмотра места происшествия с участием несовершеннолетнего. В первом случае несовершеннолетнему предоставляется право выразить свое мнение относительно осматриваемого объекта преступления посредством его описания в объяснении. Например, при осмотре личной страницы несовершеннолетнего в социальной сети обнаружены переписки, представляющие значение для уголовного дела. Соответственно, у следователя есть два варианта закрепления таких объектов в качестве вещественных доказательств: 1) осмотреть все материалы без участия несовершеннолетнего и впоследствии в ходе допроса предъявить ему указанный протокол осмотра; 2) провести вышеуказанный осмотр с участием несовершеннолетнего. Именно во втором случае встает вопрос участия педагога или психолога в данном следственном действии.

Как уже было отмечено выше, уголовно-процессуальное законодательство не совершенно, поэтому следователь с учетом характеристики несовершеннолетнего и в целях признания такого осмотра в дальнейшем доказательством должен пригласить к участию в нем педагога или психолога.

Кроме того, при расследовании уголовных дел, в которых фигурируют несовершеннолетние (независимо от их процессуального статуса) следователь привлекает к участию в каждом следственном или процессуальном действии педагога или психолога, включая ознакомление с постановлениями о назначении судебных экспертиз, с заключениями экспертов и с материалами уголовного дела.

Следует отметить, что согласно ч. 5 ст. 425 УПК РФ педагог или психолог вправе с разрешения следователя задавать вопросы несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать пись-

менные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей.

Однако возникает вопрос, а может ли педагог или психолог в ходе ознакомления несовершеннолетнего обвиняемого с материалами уголовного дела подавать соответствующие заявления или замечания. Ведь после ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемый указывает свою точку зрения, свою позицию по уголовному делу. Можно сказать, что данное процессуальное действие влияет на психику несовершеннолетнего обвиняемого, поскольку он знакомится с доказательствами, включая показания свидетелей, изобличающих его в совершении преступления. На практике следователи стараются привлечь психолога к участию абсолютно во всех следственных и процессуальных действиях с несовершеннолетним. Если привлекать только к прописанным в уголовно-процессуальном законодательстве процедурам, это будет нарушением прав на защиту как несовершеннолетнего обвиняемого, так и несовершеннолетнего потерпевшего, которые не смогут реализовать свои процессуальные права в полном объеме.

Вместе с тем возникает вопрос об участии психолога или педагога в предъявлении обвинения несовершеннолетнему лицу и в последующем его допросе.

Приведем пример из практической деятельности следователя. Так, 21 августа 2023 г. судьей Чкаловского районного суда города Екатеринбурга в порядке ст. 237 УПК РФ возвращено уголовное дело по обвинению несовершеннолетнего лица, достигшего 16-летнего возраста, в покушении на сбыт наркотических средств в крупном размере. В своих доводах суд указал на то, что несовершеннолетний обвиняемый обнаруживал ранее и обнаруживает в настоящее время признаки психического расстройства. Кроме того, в ходе предъявления обвинения и последующего допроса педагог, участие которого является обязательным, не присутствовал, чем было нарушено право на защиту несовершеннолетнего обвиняемого¹.

Педагог или психолог вправе задавать вопросы подозреваемому или обвиняемому, делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в протоколе допроса записей. Указанный порядок допроса распространяется и на проведение допроса подсудимого. Данная норма закона с учетом возрастных особенностей указанных лиц предусматривает дополнительную гарантию обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетнего. Правила допроса несовершеннолетнего подсудимого носят императивный характер, обеспечивая повышенные гарантии защиты его прав и законных интересов как лицу, нуждающемуся в особой правовой защите ввиду возрастных, психоэмоциональных и интеллектуальных возможностей. Допрос подсудимого в соответствии с ч. 1 ст. 173 УПК РФ проводится немедленно после предъявления ему обвинения, в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 425 УПК РФ, с обязательным

¹ Уголовное дело по обвинению Анучина С. В. // Архив Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга.

участием педагога. Таким образом, допрос несовершеннолетнего обвиняемого без участия педагога существенно нарушает его право на защиту, а равно право на дачу показаний по существу предъявленного обвинения.

Аналогичным примером является постановление Димитровского районного суда города Костромы от 7 июля 2023 г. по обвинению несовершеннолетнего гражданина в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Данное уголовное дело возвращено на доследование, так как в ходе допроса не было реализовано право несовершеннолетнего на участие педагога или психолога, хотя было установлено, что на момент совершения преступления ему было 17 лет, и он страдает психическим заболеванием и состоит на учете психиатрическом диспансере¹. Далее это решение было отменено в ходе апелляции и передано на новое рассмотрение в районный суд, постановлением которого производство по уголовному делу было приостановлено в связи с направлением запроса в Конституционный Суд Российской Федерации.

Привлечение педагога или психолога в подобных случаях не изменяет его полномочий по оказанию педагогической и психологической помощи. Указанная помощь не является частью конституционных прав ни на ознакомление с документами и материалами, затрагивающими права и свободы несовершеннолетнего, ни на квалифицированную юридическую помощь, ни на судебную защиту.

В процедуре предъявления обвинения несовершеннолетнему лицу, не достигшему 16-летнего возраста либо достигшему этого возраста, но страдающему психическим расстройством или отстающему в психическом развитии, предусмотрено участие защитника и законного представителя в целях обеспечения его прав на ознакомление с обвинением и на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированных ч. 2 ст. 24 и ст. 48 Конституции Российской Федерации. При этом законом не предусмотрено обязательное участие педагога либо психолога в производстве данного процессуального действия.

Вместе с тем Конституционным Судом Российской Федерации отмечено, что несоблюдение требования об обязательности участия педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого влечет признание такого рода доказательств недопустимым в силу ст. 75 УПК РФ и согласно п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»².

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2023 г. № 3296-О. URL: <https://basse.garant.ru/408304609>.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовер-

При рассмотрении уголовного дела по существу суд должен исследовать всю совокупность имеющихся доказательств по делу: заслушивать показания, в том числе подсудимого, осматривать вещественные доказательства, оглашать протоколы и иные документы, производить другие судебные действия по исследованию доказательств. Только после всего этого выносится законное, обоснованное и справедливое решение по уголовному делу.

Если на момент рассмотрения уголовного дела судом по существу несовершеннолетнему обвиняемому исполнилось восемнадцать лет, а его допрос, когда он был еще несовершеннолетним, проводился без участия педагога или психолога, то возвращение уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ не смогло бы компенсировать уже возникшее нарушение права на защиту несовершеннолетнего обвиняемого.

Таким образом, отсутствие в указанных нормах УПК РФ требования об обязательном участии педагога или психолога при предъявлении обвинения несовершеннолетнему не нарушает права последнего на ознакомление с материалами, которые непосредственно затрагивают его права и интересы. Также отмечено, что указанное обстоятельство не затрудняет возможность обвиняемого, а в дальнейшем и подсудимого, довести свою позицию по уголовному делу до суда, а равно не препятствует разрешению уголовного дела судом.

Следует отметить, что иногда на практике участие педагогов или психологов происходит формально. Например, они не присутствуют при проведении следственных действий с несовершеннолетними лицами в случае отказа законного представителя от применения видеосъемки в ходе проведения такого действия. В последующем педагог или психолог подписывает все необходимые процессуальные документы на стадии ознакомления с материалами уголовного дела.

Если же педагог или психолог присутствует на указанном следственном действии, то никаким образом не вмешивается в его ход, не высказывает каких-либо заявлений и замечаний, тем самым играя в «молчанку». Зачастую это происходит по той причине, что их участие не оплачивается организацией, где данное лицо трудоустроено.

Нередко следственные действия могут занимать длительное время, например, в случае проведения проверки показаний на месте, которое расположено в значительной удаленности от следственного отдела.

Так, к участию в допросе несовершеннолетнего потерпевшего в возрасте 10 лет были привлечены законный представитель (мать) и психолог. Следовательно необходимо было провести допрос указанного лица с применением видеосъемки, при этом несовершеннолетнему надо было задать вопросы по факту насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении него отчимом. Стоит отметить, что указанные события происходили, когда

шеннолетних». URL: <https://www.consultant.ru>.

мальчику было 4–5 лет, то есть рассматривались события более чем 5-летней давности. В ходе допроса несовершеннолетний потерпевший эмоционально отреагировал на вопрос следователя о том, какие действия совершал в отношении него отчим, он заплакал и не смог произнести ни слова. После чего ребенок сразу же попросил следователя, чтобы приглашенный психолог покинул кабинет, и сказал, что не может сообщить такие сведения в присутствии посторонних лиц. В связи с этим психолог покинул кабинет следователя, далее несовершеннолетний потерпевший сообщил на видеореагировании о совершенных в отношении него противоправных действиях¹.

Указанное уголовное дело с совокупностью имеющихся доказательств было направлено для рассмотрения районным судом по существу, при этом судьей какие-либо нарушения при проведении вышеуказанного допроса несовершеннолетнего потерпевшего не установлены, как и нарушения процессуальных прав несовершеннолетнего и его законного представителя.

В этой связи необходимо еще раз отметить, что при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних имеются процессуальные и тактические особенности, которые следователю необходимо учитывать, чтобы, с одной стороны, в полной мере соблюсти права и законные интересы ребенка, а с другой – обеспечить безусловное привлечение виновного лица к ответственности [5].

В раннем возрасте дети чаще всего не понимают характер совершенных в отношении них противоправных действий, легко поддаются внушению и могут обстоятельства произошедшего излагать в искаженном виде. Малолетние потерпевшие и свидетели могут фантазировать в интимном плане, настойчиво повторять неправдивые показания, а также воспроизводить то, что им было внушено, например, родителями и иными близкими родственниками, например, бабушками и дедушками. Случается, что малолетний потерпевший явно говорит неправду, скрывает имя преступника.

Участие педагога или психолога играет немаловажную роль, поскольку они, как и прочие специалисты, осуществляют функции по воспитанию, обучению, охране здоровья, социальной поддержке ребенка, знают особенности психологии несовершеннолетних и, соответственно, могут участвовать в установленном законодательством Российской Федерации порядке в мероприятиях по обеспечению защиты прав и законных интересов ребенка в государственных органах и органах местного самоуправления.

Библиографический список

1. Ерина К. А. Допрос несовершеннолетних потерпевших по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2021. № 2 (28). С. 102–105.

¹ Уголовное дело по обвинению Махтинова А. А. // Архив Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга.

2. Виноградова О. П., Томилова Е. В. Особенности информационного обеспечения подготовительного этапа организации допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова): сборник науч. статей. М., 2023. С. 98–104.

3. Карагодин В. Н. Расследование преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних: учебно-методическое пособие / под ред. И. Маликовой, М. Яшвиной. М., 2010.

4. Букаев Н. М. [и др.]. Расследование преступлений несовершеннолетних. Ростов-на-Дону, 2022.

5. Матамаров А. Н. Особенности подготовки к допросу несовершеннолетних потерпевших и свидетелей // Право и государство: теория и практика. 2022. № 8 (212). С. 141–143.

References

1. Erin K. A. Interrogation of minor victims in criminal cases of crimes against sexual integrity: criminal procedural and criminalistic aspects // Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice. 2021. No. 2 (28). Pp. 102–105.

2. Vinogradova O. P., Tomilova E. V. Information support features of the preparatory stage of the organization of the interrogation of a minor suspect (accused) // ICriminal procedure and criminalistics: legal foundations, theory, practice, didactics (dedicated to the 75th anniversary of the birth of Professor B. Ya. Gavrillov): collection of scientific articles. M., 2023. Pp. 98–104.

3. Karagodin V. N. Investigation of crimes committed against minors: educational and methodical manual / ed. by I. Malikova, M. Yashnina. M., 2010.

4. Bukaev N. M. [et al.]. Investigation of juvenile crimes. Rostov-on-Don, 2022.

5. Matamarov A. N. Peculiarities of preparation for interrogation of minor victims and witnesses // Law and the State: theory and practice. 2022. No. 8 (212). Pp. 141–143.

Информация об авторах

Бердникова Ольга Петровна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the authors

Berdnikova Olga P. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 19.12.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 19.12.2024; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Научная статья

УДК 343.983

О многообразии изображений рукописей, распространенных в качестве объектов судебно-почерковедческой экспертизы

Бобовкин Станислав Михайлович**Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, s.m.bobovkin@yandex.ru**

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы судебно-почерковедческой экспертизы изображений рукописей. В процессе изучения особенностей основных способов фиксации и последующего воспроизведения данных почерковых объектов автором определяется их видовое разнообразие. На основе анализа судебно-экспертной практики и проведенных экспертных экспериментов описываются закономерности отображения информативных признаков в различных вариациях изображений рукописей, их искажения, а также специфика появления некоторых дополнительных признаков, обусловленных особенностями технологических процессов и дефектами технических устройств и их узлов. В заключении выделяются некоторые перспективные направления совершенствования методических положений криминалистического исследования изображений рукописей.

Ключевые слова: изображения рукописей, судебно-почерковедческая экспертиза, проблемы исследования, процессы фиксации, способы воспроизведения, закономерности отображения, искажение информативных признаков, дополнительные признаки, перспективы развития

Для цитирования: Бобовкин С. М. О многообразии изображений рукописей, распространенных в качестве объектов в судебно-почерковедческой экспертизы // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 57–60.

Original article

On the variety of images of manuscripts distributed as objects in forensic handwriting examination

Bobovkin Stanislav M.**Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russian named after V. Ya. Kikotya, Moscow, Russia, s.m.bobovkin@yandex.ru**

Abstract. The article discusses some problems of forensic handwriting examination of images of manuscripts. Taking into account the analysis of the features of the main methods of fixation and subsequent reproduction of these handwriting objects, the author determines their species diversity. Based on the analysis of forensic practice and conducted expert experiments, the patterns of displaying informative features in various variations of manuscript images, their distortion, as well as the specifics of the appearance of some additional features in them due to the peculiarities of technological processes and defects in technical means and their components are described. In conclusion, some promising areas for improving the methodological provisions of the forensic study of manuscript images are highlighted.

Keywords: images of manuscripts, forensic handwriting examination, research problems, fixation processes, reproduction methods, display patterns, distortion of informative signs, additional signs, development prospects

For citation: Bobovkin S. M. On the variety of images of manuscripts distributed as objects in forensic handwriting examination // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 57–60.

В современный период судебно-экспертная практика все чаще сталкивается с проблемой исследования цифровых объектов, в том числе следов. Они имеют дуалистическую природу и при исследовании посредством традиционных методик без учета прису-

щих им особенностей нередко приводят к необоснованным выводам либо экспертным ошибкам. Ввиду отмеченного в отношении таких объектов, во-первых, в большей степени предусматривается реализация

© **Бобовкин С.М., 2025**

процедур поиска и изъятия в особом порядке, предполагается формирование отдельных методических подходов к процессу их исследования, во-вторых, они характеризуются уникальным комплексом отобразившихся в них определенных свойств и признаков, а в-третьих, зачастую требуют от эксперта приобретения дополнительных компетенций в части использования информационных технологий в рамках производства различных видов судебных экспертиз. Это свидетельствует о том, что экспертное исследование цифровых объектов посредством ряда криминалистических, речеведческих, инженерно-технических и экономических видов судебных экспертиз характеризуется комплексом проблем теоретического, правового, методического и организационно-тактического характера. Наиболее значимыми среди них, по мнению автора, выступают вопросы разграничения компетенций судебных экспертов различных экспертных специальностей, закономерностей отображения в рассматриваемых объектах информативных признаков и разработки определенных частных апробированных и паспортизированных методик по исследованию цифровых объектов [1].

Особое значение обозначенные проблемы приобретают при производстве почерковедческих экспертиз изображений рукописей. Подтверждением этому выступают статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России, которые свидетельствуют о том, что с 2020 г. и по настоящее время в практике производства экспертиз данного вида наблюдается существенное увеличение количества изображения рукописей в качестве исследуемых объектов [2]. Так, за последние три года их доля составила треть от общего количества материалов. При этом отмеченные объекты представлены многообразием видов и различной вариацией форм документов. Указанное обстоятельство подтверждается результатами анкетирования экспертов-почерковедов, которые свидетельствуют о направлении указанных объектов на экспертизу посредством черно-белых и цветных копий документов, а также в виде графических файлов на магнитных дисках и съемных накопителях.

По своей сущности изображение почерка представляет собой графический объект, содержащий полностью либо частично цифровой (аналоговый) образ рукописи конкретного индивида, воспроизводимый с помощью различных технических средств на бумажном либо электронном носителе информации [3, с. 119].

Производство экспертизы отмеченных объектов сопровождается определенными негативными факторами, затрудняющими возможность проведения всестороннего, полного и объективного почерковедческого исследования, среди которых:

1. Искажения, возникающие при передаче системы идентификационных и диагностических признаков почерка с оригинала рукописи на изображение этого почеркового объекта, обусловленные процессом его получения.

2. Меньшая по сравнению с оригиналом информативность изображений рукописей [3, с. 120–124].

3. Ограниченная пригодность изображений рукописных объектов для судебно-почерковедческой идентификации и диагностики. В частности, трудно разрешимыми вопросами выступают:

- возможность установления факта существования оригинала документа, изображение которого представлено на экспертизу;

- достоверное установление факта существования оригинала определенной рукописи – текста, краткой записи или подписи, изображение которой является объектом исследования, поскольку оно может быть результатом графической имитации;

- возможность определить, были ли рукописи (оригиналы) изначально выполнены в исходном документе, или они были внесены в электронный образ (копию) посредством монтажа (например, путем переноса из иного документа) в более позднее время;

- определение рукописного либо технического (воспроизведение с использованием технических приемов и средств) способа выполнения оригинальных (исходных) почерковых объектов.

4. Широкие возможности применения технических приемов и средств (например, использование всевозможных графических редакторов, специализированных программных средств и плоттеров и т. д.) [4]. Указанные обстоятельства затрудняют процесс почерковедческого исследования изображений рукописей и обуславливают выделение их в качестве специфического объекта рассматриваемого вида экспертизы.

В рамках данной статьи уделим внимание первому фактору, обуславливающему взаимосвязь искажения признаков в зависимости от различных видов изображений рукописей.

Анализ результатов анкетирования экспертов-почерковедов экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России свидетельствует о многообразии изображений рукописей [5]. Представляется, что основой их градации на отдельные виды выступает способ выполнения конкретного объекта, который в свою очередь следует подразделять на процессы фиксации (т. е. запечатление графической информации) и воспроизведения (нанесение изображения почеркового объекта на следовоспринимающий материал зачастую посредством различных репрографических способов). Рассмотрим данные этапы более подробно.

Фиксация:

- фотографирование;
- сканирование;
- фиксация посредством приложений для мобильных устройств (по типу мобильного сканера);
- прямое репродуцирование (например, ксерокопирование на многофункциональном печатающем устройстве).

Последующее воспроизведение:

- электрофотографический способ;
- струйная печать;

- матричный способ;
- термографические способы (применяются в отдельных случаях);
- полиграфические способы (это достаточно редкая практика).

В дополнение к указанным вариациям в судебно-экспертной деятельности распространены комбинированные объекты, когда изначально различные документы, содержащие изображения, фиксируются каким-либо из отмеченных способов, а затем воспроизводятся другим. Например, зафиксированные посредством фотосъемки либо сканирования объекты, в дальнейшем воспроизводятся каким-либо репродуктивным способом.

Особое значение имеет то, что каждый из обозначенных видов получения изображений рукописей характеризуется определенной спецификой реализации технологических процессов, которая прямым образом отражается на качестве таких объектов, на искажениях при передаче информативных признаков почерка с оригинала рукописи на изображение данного объекта, а также на появлении отдельных дополнительных признаков, обусловленных дефектами узлов копировально-множительных устройств.

Так, при фотографировании на процесс отображения признаков в изображении существенное значение оказывают условия (наклон объектива фотокамеры, расстояние до объекта и т. д.) и параметры (например, значения выдержки и диафрагмы) фотосъемки, а также отдельные характеристики используемых цифровых устройств (разрешение матрицы, светочувствительность, наличие электронной и оптической стабилизации, вид объектива и т. д.). В частности, наиболее существенные изменения наблюдаются в изображениях, полученных при фотографировании с нарушением параметров резкости и выдержки, а также наклона объектива фотокамеры. Среди них выделим следующие:

- отсутствие возможности определения экспертом относительного размещения всех точек начала, окончания, соединения и пересечения движений (как правило, происходит изменение положения данных точек по сравнению с оригиналом);
- фрагментарное отображение отдельных элементов письменных знаков и их частей;
- уменьшение протяженности движений по горизонтали и вертикали при выполнении некоторых письменных знаков и их элементов;
- изменение степени связности письменных знаков и их элементов.

Согласно анализу судебно-экспертной практики наиболее распространенными являются изображения рукописных реквизитов, полученные электрофотографическим способом (порядка 70 % от общего числа). Следует отметить, что при реализации данного способа печати в большинстве случаев объектами выступают документы, выполненные на принтерах и multifunctional устройствах [6]. Именно этот вид изображений подвержен наиболее значительным искажениям признаков. В частности, в дан-

ном случае на степень достоверности отображения информативных признаков существенное влияние оказывает качество копии, обусловленное режимом печати (обычный режим, режим экономии тонера, режим высокой контрастности и т. д.), последовательностью выполнения экземпляра (прямая копия, копия с копии и т. д.), и дефекты узлов копировально-множительного устройства (например, барабана, валиков фьюзера и т. д.). В связи с этим объекты, выполненные данным способом, имеют определенные искажения идентификационных и диагностических признаков:

- фрагментарное отображение состава рукописи (например, элементов транскрипции подписи), отдельных элементов письменных знаков и их частей;
- искажение протяженности движений (преимущественно в сторону уменьшения) по горизонтали и вертикали при выполнении некоторых письменных знаков, их элементов и частей;
- деформация формы движений (дугообразная преобразуется в угловатую либо сквадраченную, петлевая – в дугообразную, прямолинейная – в извилистую и т. д.);
- искажение степени связности письменных знаков и их элементов (часто в сторону снижения);
- малая степень выраженности и существенные искажения (по сравнению с оригиналом) диагностических признаков (снижение координации движений первой группы – извилистость, угловатость и т. д.; признаки замедления темпа – тупые точки начала и окончания движений, остановки пишущего прибора и иные);
- наличие дополнительных признаков, обусловленных свойствами используемых копировально-множительных устройств (например, дефекты отдельных модулей и узлов средств оргтехники, проявляющиеся в виде посторонних нерегламентированных штрихов);
- невозможность определения отдельных общих признаков почерка, в числе которых степень и характер нажима, равно как и отдельные ритмические характеристики (преимущественно в черно-белых копиях).

Таким образом, закономерности отображения информативных признаков почерка в фотоизображениях рукописей и электрофотографических копиях существенно отличаются и не могут быть объединены в одну группу.

В дополнение к указанному поясним, что внимания заслуживают особенности отображения информативных признаков почерка в изображениях, полученных путем фиксации с помощью приложений для мобильных устройств. В частности, в них проявляется комплекс искажений, характерный для изображений, полученных посредством фотосъемки, к которому могут прибавиться видоизменения, вызванные отдельными преобразованиями посредством конкретной программы, работающей по принципу мобильного сканера (например, при преобразовании цветного изображения в черно-белое). Например, в отдельных кратких рукописных объектах могут проявиться неко-

торые искажения, связанные с появлением дополнительных нерегламентированных штрихов в элементах письменных знаков и увеличением протяженности движений (особенно при выполнении заключительных частей буквенных и безбуквенных элементов).

Необходимо подчеркнуть, что перечень видоизменений признаков не является исчерпывающим и требует дальнейшего изучения применительно к остальным способам фиксации и последующего воспроизведения изображений рукописей [7].

Обобщая изложенное выше, определим некоторые перспективные направления развития методического обеспечения криминалистического исследования изображений рукописей:

- совершенствование общей методики почерковедческой экспертизы изображений рукописных объектов;

- установление качественных и количественных критериев определения качества изображения в зависимости от способа получения;

- выявление закономерностей отображения идентификационных и диагностических признаков в изображениях рукописных объектов различных видов;

- разработка частных методик почерковедческого исследования в зависимости от вида изображений рукописей, что обусловлено существенными различиями в технологическом процессе отмеченных ранее способов фиксации и в воспроизведениях рассматриваемых объектов, а в большей степени – в разной степени отображения информативных признаков.

Полагаем, что развитие отмеченных направлений криминалистического исследования изображений рукописей будет способствовать отказу от условной формы решения задач в области почерковедческой экспертизы данных объектов, а также в целом сможет повысить степень обоснованности и достоверности выводов по результатам таких исследований.

Библиографический список

1. Майлис Н. П. Экспертные ошибки, допускаемые при исследовании традиционных и цифровых следов // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. № 19 (1). С. 20–24.

2. Данные федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» за период с 2020 по 2024 гг.

3. Бобовкин С. М. Изображения рукописей – современные объекты почерковедческой экспертизы // Правосудие/Justice: науч. журн. 2022. Т. 4. № 2. С. 113–133.

4. Рыбалкин Н. А. Экспертиза почерковых объектов, выполненных с использованием технических устройств: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. Калининград: Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта, 2023. 24 с.

5. Барينوва О. А. Основные понятия и технологии получения репродукций при исследовании документов как ключевой фактор, определяющий характер

специальных знаний // Судебная экспертиза. 2022. № 1 (69). С. 67–74.

6. Волкова С. В. Почерковедческое исследование изображений реквизитов, изготовленных с помощью копировально-множительной техники // Вопросы экспертной практики: информ. бюллетень. 2016. Вып. 1. С. 1–12.

7. Диденко О. А. Анализ практики производства судебно-почерковедческих экспертиз // Судебно-экспертная деятельность: современное состояние и перспективы развития: сборник научных трудов Всероссийской науч.-практич. конференции. М.: Московский университет МВД РФ им. В. Я. Кикотя, 2023. С. 57–59.

References

1. Mailis N. P. Expert mistakes made in the study of traditional and digital traces // Theory and practice of forensic examination. 2024. No. 19 (1).

2. Pion and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the period from 2020 to 2024.

3. Bobovkin S. M. Images of manuscripts – modern objects of handwriting expertise // Justice/Justice: scientific journal. 2022. Vol. 4. No. 2. Pp. 113–133.

4. Rybalkin N. A. Examination of handwriting objects made using technical devices: theoretical and practical aspects: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences: 5.1.4. Kaliningrad: Baltic Federal University named after I. Kant, 2023. 24 p.

5. Barinova O. A. Basic concepts and technologies for obtaining reproductions in the study of documents as a key factor determining the nature of special knowledge // Forensic examination. 2022. No. 1 (69). Pp. 67–74.

6. Volkova S. V. Handwriting research of images of props made with the help of copying and multiplying equipment // Issues of expert practice: inform the bulletin. 2016. Issue 1. Pp. 1–12.

7. Didenko O. A. Analysis of the practice of production of forensic handwriting examinations // Forensic expert activity: current state and prospects of development: Collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conference, M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russian named after V. Ya. Kikotya, 2023. Pp. 57–59.

Информация об авторе

Бобовкин Станислав Михайлович – кандидат юридических наук, доцент

Information about author

Bobovkin Stanislav M. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 12.11.2024; одобрена после рецензирования 09.01.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 12.11.2024; approved after reviewing 09.01.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Ответственность учредителей (участников) за хищение имущества хозяйственного общества с учетом баланса интересов таких участников и юридического лица

Быкова Елена Георгиевна
Екатеринбургский филиал ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева», Екатеринбург, Россия, nega83-03@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3850-9366>

Аннотация. Статья посвящена проблеме привлечения участника хозяйственного общества к уголовной ответственности за хищение имущества этого юридического лица. В теории гражданского права нет единства мнений о характере взаимосвязи юридического лица и его участников. В доктрине уголовного права ведутся дискуссии по поводу оценки противоправных деяний участников организации, направленных на изъятие ее имущества. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о возможности привлечения указанных лиц к уголовной ответственности за хищение имущества юридического лица. Предлагается дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» соответствующими разъяснениями.

Ключевые слова: хищение, учредитель, участник юридического лица, имущество, юридическое лицо, единоличный исполнительный орган

Для цитирования: Быкова Е. Г. Ответственность учредителей (участников) за хищение имущества хозяйственного общества с учетом баланса интересов таких участников и юридического лица // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 61–68.

Original article

The responsibility of the founders (members) for the theft of the property of a business company, taking into account the balance of interests of such members and a legal entity

Bykova Elena G.
Yekaterinburg Branch of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russia, nega83-03@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3850-9366>

Abstract. The article is devoted to the problem of bringing a participant in a business company to criminal responsibility for embezzlement of the property of this legal entity. In the theory of civil law, there is no consensus on the nature of the relationship between a legal entity and its participants. There are discussions in the doctrine of criminal law regarding the assessment of illegal acts of the organization's participants aimed at seizing its property. The analysis of law enforcement practice indicates the possibility of bringing these persons to criminal responsibility for embezzlement of the property of a legal entity. It is proposed to supplement the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/30/2017 «On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement» with appropriate clarifications.

Keywords: embezzlement, founder, member of a legal entity, property, legal entity, sole executive body

For citation: Bykova E. G. The responsibility of the founders (members) for the theft of the property of a business company, taking into account the balance of interests of such members and a legal entity // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 61–68.

Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем выступлении на XXVII Петербургском международном экономическом форуме отметил важность усиления малого и среднего бизнеса для развития экономики. Он подчеркнул, что «наши предприниматели, в том числе молодое поколение, хорошо, уверенно набирают темп, занимают рынок, налаживают выпуск продукции, которая зачастую превосходит зарубежную по своим характеристикам»¹.

В условиях санкций увеличение количества российских организаций и их успешное развитие приобретают особое значение и открывают новые возможности для добросовестных бизнесменов. Однако не все готовы честно осуществлять предпринимательскую деятельность. В частности, имеются злоупотребления со стороны физических лиц из числа учредителей (участников) (далее – участник) реально осуществляющих свою деятельность коммерческих организаций², чаще всего обществ с ограниченной ответственностью (далее – ООО, организация). В результате противоправных действий участника юридического лица может быть причинен имущественный вред не имеющим отношения к управлению этой коммерческой организацией физическим или юридическим лицам (например, кредиторам, сотрудникам организации), и (или) самому ООО, другим его участникам.

Поведение недобросовестного участника юридического лица становится препятствием на пути стабильного развития российской экономики и требует вмешательства правоохранительных органов с целью уголовно-правовой оценки его противоправных деяний. Особую сложность представляет квалификация преступных действий участника по изъятию имущества организации ввиду необходимости соблюдения равновесия между правами физических и юридических лиц, а также исключения фактов необоснованного уголовного преследования предпринимателей. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ участник юридического лица может быть привлечен к уголовной ответственности за злоупотребления, совершенные в отношении имущества этой организации, в том числе за его хищение. При этом надлежит ограничивать правомерную экономическую деятельность и возможные гражданско-правовые нарушения при ее осуществлении от преступлений против собственности, учитывая, в частности, корыстный и безвозмездный характер хищения³. Это

¹ Владимир Путин принял участие в пленарном заседании XXVII Петербургского международного экономического форума 7 июня 2024 г. // Президент Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/74234> (дата обращения: 24.01.2025).

² Ввиду ограниченного объема в настоящей публикации рассматривается вопрос о правовой оценке злоупотреблений учредителей (участников) и органов управления ООО.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2024 г. № 3019-О по жалобе гражданина М. В. Дружининского // Конституционный Суд РФ: официальный сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision802456.pdf> (дата об-

свидетельствует об актуальности настоящего исследования, целью которого является поиск ответа на вопрос о возможности привлечения участника хозяйственного общества к уголовной ответственности за хищение имущества этого юридического лица.

В ходе работы установлено, что в доктрине гражданского права вопрос о взаимосвязи юридического лица и его участников решается неоднозначно. Вместе с тем ответ на него оказывает влияние на квалификацию злоупотреблений, совершаемых участниками хозяйственного общества.

Рассуждая о роли указанных субъектов в деятельности организации, А. А. Кузнецов рассматривает этот вопрос сквозь призму правовой природы долей (акций). По его мнению, за счет использования разных терминов для именованя участия в хозяйственных обществах может сложиться впечатление, что речь идет о разных правовых явлениях, однако «все они имеют своей общей целью обозначить правовую связь соответствующего лица с обществом». Он отмечает, во-первых, неоспоримость тезиса о том, что «доли (акции) представляют собой совокупность прав и обязанностей» и, во-вторых, наличие многолетней непрекращающейся дискуссии относительно вопроса их правовой квалификации. А. А. Кузнецов анализирует имеющиеся теории и заключает, что в настоящее время российским законодателем и судами наиболее воспринята теория долей (акций) как объектов собственности. Он признает наличие ограничений для участников (акционеров) по управлению организацией [1].

О. В. Гутников присоединяется к мнению ученых, считающих, что в отношении коммерческих организаций популярна договорная теория юридического лица. При этом он делает оговорку о недопустимости ее абсолютного преобладания, поскольку это приведет к полному отождествлению правосубъектности и самостоятельных интересов юридического лица с интересами участников [2].

А. Я. Курбатов отмечает, что одним из признаков юридического лица является имущественная обособленность, которая выражает основную его сущность как юридической конструкции и наделяет его собственными правами и обязанностями [3].

Таким образом, цивилисты признают, что собственник и участник хозяйственного общества – неравнозначные понятия. В этой связи примечательно, что в российском гражданском законодательстве не встречается словосочетание «собственник юридического лица». В п. 2 ст. 56, п. 7 ст. 63, п. 1, 4, 6 ст. 113 и иных статьях Гражданского кодекса Российской Федерации⁴ (далее – ГК РФ) употребляется относящийся к унитарному предприятию, учреждению термин «собственник имущества юридического лица». Следовательно, законодатель не позиционирует участника хозяйственного общества (даже если он

ращения: 27.01.2025).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт.

единственный) как собственника организации, подчеркивая особую природу правоотношений между указанными субъектами права. На этом акцентирует внимание высшая судебная инстанция, напоминая о наличии у участников корпораций как широкой свободы усмотрения при принятии (согласовании) деловых решений, так и запрета на причинение ими вреда независимым участникам оборота посредством недобросовестного использования института юридического лица¹.

Несмотря на то, что участник хозяйственного общества обладает несколько иными, чем предусмотрено в ст. 213 ГК РФ, полномочиями в отношении имущества этой организации, в теории уголовного права высказываются разные мнения относительно чуждости имущества юридического лица для его участников.

Так, по мнению С. А. Ступиной и М. В. Пальчика при завладении имуществом организации одним из ее участников «установить хищение сложно, поскольку имущество для соучредителя не является чужим». Авторы предлагают «учитывать соотношение суммы похищенного имущества с долей этого лица в уставном капитале, а также отсутствие в организации чистого дохода и, соответственно, оснований для получения прибыли» [4]. Данная точка зрения является спорной, контраргументы будут приведены далее при анализе положений гражданского законодательства.

Схожие суждения относительно принадлежности имущества юридического лица его участникам высказывает Р. О. Долотов. С его точки зрения, при толковании признака «чужое имущество» применительно к участнику хозяйственного общества нужно исходить из содержания и направленности его умысла. По мнению автора, указанное лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за хищение имущества организации в случае, когда оно, рассчитывая на свою ограниченную имущественную ответственность, совершает незаконное изъятие имущества компании, и его действия заведомо направлены на причинение вреда корпорации [5]. Следует согласиться с Р. О. Долотовым в части суждений относительно необходимости установления направленности умысла субъекта. Вместе с тем предложенная им концепция не решает проблему установления объективных признаков хищения в контексте исследуемой проблемы.

Импонирует подход А. Н. Ляскола, который отмечает спорность практики приравнивания дохода хозяйственных обществ к личному доходу их единственных учредителей (акционеров), а также мажоритарных участников. Этот автор приводит весомый довод о том, что юридическое лицо является собственником принадлежащего ему имущества и полученных доходов, а его учредители «имеют лишь право

на распределение чистой прибыли и так называемую ликвидационную стоимость» [6]. Следует отметить, что в законе не предусмотрено право участника на получение прибыли организации за счет завладения ее имуществом.

Учитывая, что при совершении хищения виновный завладевает имуществом, на которое у него отсутствуют какие-либо права, и завладение им происходит в нарушение действительного волеизъявления потерпевшего [7], решение проблемы уголовной ответственности участников юридического лица невозможно без рассмотрения вопроса об объеме их полномочий. Нужно принимать во внимание положения гражданского законодательства, хотя в научной литературе высказывается спорное мнение о том, что «решение проблемы вряд ли удастся найти в анализе гражданско-правовой сущности отношений между учредителями и их компаниями» [5].

Нормы о самостоятельности хозяйственного общества нашли отражение в ст. 48, 49, 56 ГК РФ, ст. 2, 3 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ². В частности, организация имеет в собственности обособленное, учитываемое на ее самостоятельном балансе имущество, которым она отвечает по своим обязательствам. В этой связи с учетом положений ч. 1 ст. 42 УПК РФ³ хозяйственное общество является потерпевшим в случае противоправного безвозмездного изъятия его имущества. Однако юридическое лицо представляет собой некую абстракцию, поэтому важно разобраться, каким образом может проявляться его волеизъявление.

В соответствии с п. 1 ст. 53 ГК РФ организация приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы. Высшим органом управления ООО является общее собрание его участников (п. 1 ст. 653 ГК РФ, п. 1 ст. 32 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ). В организации образуется единоличный исполнительный орган (п. 3, 4 ст. 65.3 ГК РФ), например, директор, генеральный директор (далее – руководитель), основные полномочия которого предусмотрены в ст. 40 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ. Наряду с ним может создаваться коллегиальный орган управления.

С позиции Конституционного Суда РФ именно руководитель реализует права и обязанности юридического лица как участника гражданского оборота, включая полномочия собственника по владению, пользованию и распоряжению имуществом, а также права и обязанности работодателя в трудовых и иных непосредственно связанных с трудовыми отношениях с работниками, организует управление производственным процессом и совместным трудом⁴.

² Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // КонсультантПлюс: сайт.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 2018 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности ч. 1

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (п. 1) // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/26273/> (дата обращения: 27.01.2025).

При этом в ст. 53, 53.1 ГК РФ, ст. 32, 44 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ предусмотрена обязанность руководителя действовать в интересах представляемой им организации добросовестно и разумно. Такую же обязанность несут члены ее коллегиальных органов. Все указанные субъекты ответственны за недобросовестные или неразумные действия.

Таким образом, по общему правилу волеизъявление юридического лица выражается в действиях его единоличного исполнительного органа, который подконтролен общему собранию участников хозяйственного общества.

В частности, в п. 3 ст. 45 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ предусмотрена обязанность ООО извещать о сделке, в совершении которой имеется заинтересованность незаинтересованных участников ООО, а также незаинтересованных членов его коллегиального органа (при наличии). Кроме этого, в соответствии со ст. 46 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ крупные сделки ООО могут быть совершены только при наличии согласия общего собрания его участников или при последующем их одобрении указанным высшим органом управления организацией.

Примечателен следующий пример: по приговору Арзамасского городского суда Нижегородской области от 29 апреля 2022 г. № 1-41/2022 (1-299/2021) генеральный директор ООО «РайводоканалСервис» Б. осужден за совершение четырех преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 160 УК РФ. Он признан виновным в присвоении, совершенном лицом с использованием своего служебного положения. Б. издал четыре приказа о собственном премировании на общую сумму 116 202 рублей. Кассационная инстанция направила уголовное дело на новое рассмотрение, указав следующее: суд сослался на показания представителя потерпевшего ФИО10, состоявшего на должности главы администрации Кирилловского сельского совета, показания десяти свидетелей (соучредителей) о том, что премирование директора Общества возможно только с согласия собрания учредителей. Вместе с тем суд не дал оценку всем имеющим значение для разрешения данного дела обстоятельствам. Из показаний представителя потерпевшего ФИО10 следует, что претензий к работе генерального директора Общества Б. ни у кого из учредителей организации не имелось, запрета Б. в начислении себе премий не было, инкриминируемая сумма в размере 116 000 рублей ущербом для организации не является. Кроме того, представитель потерпевшего не исключал подписания решений о премировании Б., а также обсуждения данного вопроса с учредителями¹. На

ст. 281 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О. А. Третьяковой» // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision357646.pdf> (дата обращения: 27.01.2025).

¹Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16 февраля 2023 г. № 77-762/2023 // Консультант

новом рассмотрении суд возвратил уголовное дело прокурору для устранения препятствий в его рассмотрении, поскольку в ходе предварительного расследования не дана оценка показаниям представителя потерпевшего ООО «РайводоканалСервис» об отсутствии ущерба от преступления организации и ее учредителям. При этом подчеркнута, что организация является хозяйствующим субъектом, осуществляющим самостоятельную коммерческую деятельность и формирующим фонд оплаты труда самостоятельно².

С учетом доводов участников ООО «РайводоканалСервис» об отсутствии ущерба организации и претензий к работе генерального директора Б., возможном согласии участников с премированием Б. принятое судом решение видится обоснованным.

Участники юридического лица вправе принимать решение об отчуждении имущества организации, но при этом должны действовать в установленном законом порядке, добросовестно и разумно. Однако по общему правилу правомерно получить имущество юридического лица пропорционально доле в уставном капитале его участник может в трех случаях: при выходе из ООО, при ликвидации организации, при исключении его как недобросовестного участника ООО.

Если участник изъявляет желание выйти из ООО, то в соответствии с п. 2 ст. 94 ГК РФ, ст. 26 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ ему должна быть выплачена действительная стоимость его доли в уставном капитале или с его согласия должно быть выдано в натуре имущество такой же стоимости.

При ликвидации ООО в соответствии с п. 8 ст. 63 ГК РФ, п. 1 ст. 58 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ его участникам, имеющим на это имущество корпоративные права, передается имущество юридического лица, оставшееся после удовлетворения требований кредиторов.

При исключении в судебном порядке недобросовестного участника ООО согласно п. 1 ст. 67 ГК РФ, ст. 10 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ ему должна быть выплачена действительная стоимость его доли участия.

Участники ООО вправе в установленном ст. 28, 29 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ порядке распределять прибыль организации. Но важно отметить, что даже при наличии решения общего собрания участников ООО юридическое лицо не вправе выплачивать прибыль его участникам в предусмотренных указанным и иными законами случаях, например, если на момент выплаты стоимость чистых

Плюс: сайт.

² Постановление о возвращении уголовного дела прокурору Арзамасского городского суда Нижегородской области от 30 августа 2024 г. № 1-36/2024 (1-326/2023) // Арзамасский городской суд Нижегородской области: официальный сайт. URL: https://arzamassky-nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=181873474&case_uid=d213203a-7781-4947-b8ad-17124586a04b&delo_id=1540006 (дата обращения: 28.01.2025).

активов общества меньше его уставного капитала и резервного фонда или станет меньше их размера в результате выплаты.

Проанализированные положения гражданского законодательства подтверждают ранее высказанное мнение о дискуссионности тезиса С. А. Ступиной и М. В. Пальчика о том, что при решении вопроса об оценке содеянного участником организации как хищения необходимо «учитывать соотношение суммы похищенного имущества с долей этого лица в уставном капитале, а также отсутствие в организации чистого дохода и, соответственно, оснований для получения прибыли» [4]. Приемлемый вариант предлагает Р. О. Долотов, по мнению которого самоуправство (а не хищение) совершает находящийся в конфликте с другими учредителями желающий выйти из организации участник, забравший ее имущество (стоимость которого и по его мнению, и фактически соответствует стоимости его доли), поскольку его не устраивает предлагаемая стоимость его доли [5].

Нужно учитывать, что участник организации не во всех случаях выполняет обязанности ее единоличного исполнительного органа. В зависимости от роли этого лица в противоправном изъятии имущества ООО возможно несколько вариантов квалификации его действий.

Если один из недобросовестных участников ООО склонил ее руководителя к противоправной, безвозмездной передаче ее имущества ему самому или третьим лицам, содеянное надлежит оценивать (при отсутствии признаков организованной группы) по соответствующей части ст. 160 УК РФ со ссылкой на ч. 3 или 4 ст. 33 УК РФ как организацию или подстрекательство к растрате, совершенной лицом с использованием своего служебного положения. При этом руководителя ООО следует привлекать к ответственности за растрату, совершенную лицом с использованием своего служебного положения¹. В соответствии со ст. 40 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ имущество ООО вверено лицу, которое назначено его единоличным исполнительным органом. С позиции высших судебных органов от качества работы руководителя зависят результаты деятельности организации, сохранности ее имущества, и даже само ее существование², ответственность не исключается даже если его действия одобрены решением коллегиальных органов юридического лица, его участников, либо он действовал во исполнение указаний таких лиц, поскольку руководитель несет самостоятельную

обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно³.

Возможны случаи, когда один из участников коммерческой организации фальсифицирует решение общего собрания участников ООО о передаче какого-либо имущества ему самому или третьим лицам, после чего передает этот поддельный документ руководителю организации. По мнению П. Г. Сычева, «если фальсификации на общем собрании участников юридического лица совершались с целью хищения его имущества, то для этого уже имеется ст. 159 УК РФ, которая вполне результативно применяется» [8]. Поддерживая этот тезис, следует уточнить, что содеянное недобросовестным участником ООО квалифицируется как оконченное мошенничество в случае, если неосведомленный о преступных намерениях этого субъекта руководитель ООО исполнил решение о передаче имущества, либо как покушение на мошенничество в ситуации, когда руководитель ООО отказался его исполнять.

Помимо этого один из участников организации может похитить ее имущество путем подделки в соответствующих документах подписи руководителя либо воспользовавшись доступом к электронной подписи этого лица. В таком случае содеянное квалифицируется как мошенничество. Признак «использование своего служебного положения» не вменяется.

К примеру, по приговору суда, оставленному в части квалификации без изменения апелляционной инстанцией, соучредитель ООО «Бовенит» И., владевшая 35 % долей уставного капитала (у второго соучредителя 65 %), осуждена по ч. 4 ст. 159 УК РФ за мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору, в особо крупном размере. В пользовании у финансового директора ООО «Бовенит» И. находился состоящий на балансе юридического лица служебный автомобиль LEXUS RX 350. И. подыскала фиктивного покупателя данного транспортного средства и составила от имени ООО «Бовенит» в лице его генерального директора договор купли-продажи автомобиля, акт приема-передачи автомобиля, подделав подпись генерального директора организации. После этого Б. и И. предоставили указанные документы в регистрирующие органы. На их основании принято решение о регистрации права собственности Б. на автомобиль. Суд кассационной инстанции оставил приговор без изменения, несмотря на доводы защитника о том, что И. являлась соучредителем ООО «Бовенит» с размером доли 35% и не могла сама у себя похитить имущество или его часть⁴.

¹ В соответствии с разъяснениями п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» к лицам, использующим свое служебное положение при совершении мошенничества, присвоения или растраты, относятся, в частности, лица, отвечающие требованиям, предусмотренным п. 1 примечаний к ст. 201 УК РФ».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 2018 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности части первой ст. 281 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О. А. Третьяковой».

³ Постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (п. 7) // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://vsrf.ru/documents/arbitration/17926> (дата обращения: 27.01.2025).

⁴ Приговор Перовского районного суда города Москвы от 24 ноября 2023 г. № 01-0888/2023; апелляционное определение Московского городского суда от 23 мая 2024 г. № 10-6323/2024; кассационное определение Второго кассаци-

Нередко встречаются случаи, когда единоличным исполнительным органом ООО назначается один из соучредителей этого юридического лица. Соответственно, ему как руководителю организации на законных основаниях вверяется ее имущество. Если он похищает имущество ООО, то его действия надлежит оценивать по ст. 160 УК РФ как совершенное с использованием своего служебного положения хищение в форме присвоения или растраты (в зависимости от фактических обстоятельств дела).

Так, по приговору суда, оставленному апелляцией в части квалификации без изменения, Г.С. осужден по ч. 4 ст. 160 УК РФ (присвоение). Г.С. являлся соучредителем ООО «Коврофф». Он и второй участник организации владели долями в ее уставном капитале в размере 50 % каждый. По решению общего собрания участников ООО «Коврофф» Г.С. был назначен директором. Воспользовавшись своим служебным положением, он получил под отчет денежные средства ООО в сумме 3 938 860 рублей путем перевода на свою банковскую карту. Документов, подтверждающих расходы на эту сумму, он не предоставил. В кассационной жалобе защитник Г.С. настаивал на отсутствии состава преступления. По его мнению, Г.С., будучи учредителем, собственником и директором Общества, не мог совершить хищение имущества сам у себя. Кассационная инстанция признала этот довод несостоятельным, противоречащим нормам ст. 48, 53.1, 56 ГК РФ»¹.

В правоприменительной практике имеются иные примеры привлечения к уголовной ответственности участника организации, занимающего должность ее руководителя, за хищение находящегося на ее балансе имущества (в том числе денежных средств)².

онного суда общей юрисдикции от 7 ноября 2024 г. № 77-3006/2024 // КонсультантПлюс: сайт.

¹ Приговор Пятигорского городского суда Ставропольского края от 15 марта 2024 г. № 1-13/2024; апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 15 марта 2024 г. № 22-2042/2024; кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 12 ноября 2024 г. № 77-1364/2024 // КонсультантПлюс: сайт.

² Один из участников ООО, являющийся его директором, осужден по ч. 3 ст. 160 УК РФ за растрату денежных средств организации (см.: приговор Оленегорского городского суда Мурманской области от 31 января 2022 г. № 1-2/2022, оставленный без изменения апелляционным определением Мурманского областного суда от 26 апреля 2022 г. № 22-582/2022 и кассационным определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13 октября 2022 г. № 77-2659/2022);

один из участников ООО, являющийся его директором, осужден по ч. 3 ст. 160 УК РФ (два эпизода) за совершение двух сделок по продаже принадлежащих ООО автомобилей без согласия других участников (см.: определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25 февраля 2021 г. № 77-484/2021);

один из участников ООО осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ за то, что он, являясь директором ООО, путем обмана похитил денежные средства организации (см. кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 8 октября 2020 г. № 77-806/2020);

В соответствии с п. 2 ст. 88 ГК РФ, п. 2 ст. 7 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ ООО может быть учреждено одним лицом. В ст. 39 указанного закона установлено, что в таком случае решения по вопросам, относящимся к компетенции общего собрания участников ООО, принимаются его единственным участником единолично, оформляются письменно и в случаях, предусмотренных федеральным законом, должны быть подтверждены путем нотариального удостоверения.

В этой связи в науке уголовного права отмечается наибольшая сложность оценки фактов изъятия имущества организации ее единственным участником, особенно в случае, когда он является ее руководителем.

По мнению И. А. Клепицкого, «хотя имущество организации и не принадлежит ее участникам, она является самостоятельным лицом, любое распоряжение имуществом организации ее единственным участником, или с согласия всех ее участников, или в интересах всех ее участников (без дискриминации) не может рассматриваться в качестве хищения» [9, с. 293].

По справедливому замечанию П.С. Яни, в каждом конкретном случае для квалификации немалый теоретический и практический интерес представляет вопрос о том, вправе ли единственный участник ООО распоряжаться имуществом общества, или использование имущества составляло злоупотребление правом. С его точки зрения, «нельзя рассматривать как злоупотребление правом и, стало быть, как противоправное отторжение имущества общества такое завладение его имуществом единственным участником, когда эти действия не влекут негативных последствий для кредиторов и др., за исключением тех, которые допускаются законом» [10, с. 30, 32].

Соглашаясь с П. С. Яни, следует отметить, что высшая судебная инстанция рекомендует принимать во внимание, что негативные последствия, наступившие для юридического лица в период времени, когда в состав органов юридического лица входило названное лицо, сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности и (или) неразумности его действий (бездействия), так как возможность возникновения таких последствий связана с риском предпринимательской и (или) иной экономической деятельности³.

участник ООО, являющийся его директором, осужден по ч. 3 ст. 160 УК РФ за присвоение денежных средств ООО, полученных от контрагента в качестве оплаты обязательств перед ООО по двум договорам на производство кадастровых работ (см.: приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска от 26 августа 2021 г. № 1-190/21, апелляционное определение Ульяновского областного суда от 20 октября 2021 г. № 22-1947/2021, определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13 апреля 2022 г. № 77-1688/2022) // КонсультантПлюс: сайт.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 25) // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8435/> (дата обращения: 27.01.2025).

Примечателен пример: по приговору суда М. (учредитель и директор ООО) осужден по ч. 4 ст. 160 УК РФ. Он признан виновным в том, что похитил путем растраты денежные средства в особо крупном размере, вверенные ему лицами в качестве оплаты по заключенным договорам на долевое участие в строительстве объекта «Жилой комплекс», причинив потерпевшим материальный ущерб, поскольку строительство объектов не завершено, квартиры участникам долевого строительства в собственность не переданы. Апелляционным определением Хабаровского краевого суда от 12 октября 2022 г. этот приговор отменен, уголовное дело прекращено ввиду отсутствия состава преступления. По мнению апелляции, не доказаны корыстная цель и сумма материального ущерба потерпевшим с учетом того, что строительство объектов осуществлялось не только за счет средств дольщиков, но и за счет собственных средств М. и кредитных средств. Кассационная инстанция направила уголовное дело на новое рассмотрение ввиду неправильного применения апелляцией уголовного закона. В обоснование кассация указала, что, признавая М. виновным в растрате денежных средств, суд первой инстанции исходил из нарушения принципа расходования целевых средств, проведенного без согласия участников долевого строительства и не в их интересах, а с целью улучшения своего материального положения, получения прибыли. Совокупность приведенных обстоятельств и совершение активных действий, направленных на приобретение земельных участков, а также погашение долговых обязательств по иным договорам, свидетельствует о наличии корыстной цели, поскольку М. использовал чужие деньги как свои, чтобы приобрести материальную выгоду для себя¹. Апелляционным определением Хабаровского краевого суда от 14 июля 2023 г. обвинительный приговор в отношении М. оставлен без изменения. Кассационная инстанция поддержала принятое апелляцией решение².

По результатам исследования сформулированы выводы.

В теории гражданского права отсутствует единство мнений по вопросу о характере взаимосвязи юридического лица и его участников. Это порождает проблему применения уголовного закона при квалификации противоправных деяний, совершенных участниками коммерческой организации в отношении ее имущества. По этому поводу в доктрине уголовного права ведутся дискуссии.

Проведенный анализ положений гражданского законодательства, подходов судов по гражданским и уголовным делам к оценке злоупотреблений участниками хозяйственного общества при управлении им позволяет сделать вывод о возможности привлече-

ния указанных субъектов к уголовной ответственности за хищение имущества этого юридического лица.

Ввиду отсутствия в теории уголовного права четкого ответа на являющийся целью настоящего исследования вопрос видится целесообразным дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» п. 29.1 «При квалификации мошенничества, присвоения и растраты следует учитывать, что в соответствии с положениями гражданского законодательства РФ участники хозяйственного общества не являются собственниками его имущества. Они контролируют совершаемые единоличным исполнительным органом от имени организации сделки с ее имуществом, однако сами не наделены полномочиями по изъятию такого имущества не в связи с хозяйственной деятельностью этого общества в свою пользу или в пользу третьих лиц. Распоряжение имуществом хозяйственного общества на основании принятого участником (участниками) решения не является преступным при условии, что оно отвечает интересам всех ее участников, не затрагивает права иных лиц, не участвующих в управлении этим хозяйственным обществом (кредиторы, работники и иные), не оказало отрицательного влияния на его деятельность. При несоблюдении этого условия участник хозяйственного общества при наличии оснований может быть привлечен к уголовной ответственности по соответствующей части ст. 159 или 160 УК РФ за хищение имущества организации».

Библиографический список

1. Кузнецов А. А. Переход доли в уставном капитале (акций): практические и теоретические проблемы (начало) // Вестник гражданского права. 2023. № 3. С. 62–98.
2. Гутников О. В. Классификация юридических лиц в современном корпоративном праве: организационно-правовые формы и критерии их разграничения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 2. С. 128–163.
3. Курбатов А. Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения: монография. М.: Юстицинформ, 2022. 244 с.
4. Ступина С. А., Пальчик М. В. Присвоение или растрата: отдельные вопросы квалификации // Современное право. 2018. № 6. С. 109–113.
5. Долотов Р. О. Уголовная ответственность акционеров/участников хозяйственных обществ за хищение имущества своих компаний // Уголовное право. 2017. № 1. С. 60–66.
6. Ляскало А. Н. Корыстная и иная личная заинтересованность как мотивы невыплаты заработной платы: проблемы судебного толкования // Уголовное право. 2019. № 4. С. 56–62.
7. Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 528 с.
8. Сычев П. Г. Новые законодательные инициативы: защита системы корпоративного управления или

¹ Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 24 мая 2023 г. № 77-719/2023 // КонсультантПлюс: сайт.

² Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 23 января 2024 г. № 77-76/2024-(77-2277/2023) // КонсультантПлюс: сайт.

подарок рейдерам? // Безопасность бизнеса. 2011. № 1. С. 30–34.

9. Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право: монография. М.: Проспект, 2021. 984 с.

10. Яни П. С. Значение запрета злоупотребления правом участниками гражданского оборота для квалификации хищений // Законность. 2021. № 11. С. 29–35.

References

1. Kuznetsov A. A. Transfer of a share in the authorised capital (shares): practical and theoretical problems (beginning) // Civil Law Review. 2023. No. 3. Pp. 62–98.

2. Gutnikov O. V. Classification of Legal Entities in Modern Corporate Law: Organizational Forms and Criteria for their Differentiation // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. No. 2. Pp. 128–163.

3. Kurbatov A. Ya. Business law: problems of theory and law enforcement: monograph. M.: Legal House «Justicinform», 2022. 244 p.

4. Stupina S. A., Pal'chik M. V. Embezzlement: Certain Issues of Qualification // Modern law. 2018. No. 6. Pp. 109–113.

5. Dolotov R. O. Criminal liability of stakeholders/ participants of economic entities imposed for misappropriation of property of own companies // Criminal Law. 2017. No. 1. Pp. 60–66.

6. Lyaskalo A. N. Greed and other personal interest as motives for non-payment of wages: problems of judicial interpretation // Criminal Law. 2019. No. 4. Pp. 56–62.

7. Lopashenko N. A. Encroachments on property: a monograph. M.: Norm, Infra-M, 2012. 528 p.

8. Sychev P. G. New legislative initiatives: protection of the corporate governance system or a gift to the raiders? // Business security. 2011. No. 1. Pp. 30–34.

9. Klepitskij I. A. New economic criminal law: a monograph. M.: Prospekt, 2021. 984 p.

10. Yani P. S. The definition of prohibition of abuse of rights by the participants of civil circulation for qualification of misappropriations // Legality. 2021. No. 11. Pp. 29–35.

Информация об авторе

Быкова Елена Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Bykova Elena G. – Candidate of Law, Associate professor

Статья поступила в редакцию 03.02.2025; одобрена после рецензирования 28.02.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 03.02.2025; approved after reviewing 28.02.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Научная статья
УДК 343.1

Методика расследования незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности как новый инструмент методологического обеспечения

Земцова Светлана Игоревна
Академия управления МВД России, Москва, Россия, zemsvetlana@mail.ru

Аннотация. Согласно анализа научной литературы и эмпирических данных обосновывается вывод о цифровой трансформации механизма незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности (наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, прекурсоров, наркосодержащих растений или их частей, огнестрельного оружия (в том числе, крупнокалиберного), его основных частей и боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации). Это проявляется в осуществлении преступной деятельности в организованных формах, использовании возможностей наиболее крупных маркетплейсов (Legal.RC, Mega, BLACKSPRUT, Solaris, Kraken), а также реализации комплекса мер, направленных на конспирацию посредством сервисов анонимизации в цифровом пространстве личности и цифровых валют (преимущественно с повышенными конспиративными функциями – Bitcoin, Monero, Zcash, технологий искусственного интеллекта). Указанное обуславливает необходимость создания новой комплексной методики расследования преступлений, включающей инновационное решение ряда крупных научных проблем, связанных с разработкой понятий уголовно-правовой сферы, криминалистической характеристики и классификации, выявление закономерностей механизма их совершения, особенности механизма следообразования и организации расследования

Ключевые слова: родовая методика, наркотические средства, огнестрельное оружие, взрывчатые вещества, специальные технические средства, информационно-телекоммуникационная сеть, высокотехнологичные преступления, механизм преступления, незаконный сбыт, объекты ограниченной оборотоспособности

Для цитирования: Земцова С. И. Методика расследования незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности как новый инструмент методологического обеспечения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 69–75.

Original article

Methodology of investigation of illegal acquisition and sale of objects of limited turnover as a new tool of methodological support

Zemtsova Svetlana I.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, zemsvetlana@mail.ru

Abstract. Based on the systematization of scientific literature and empirical data, the conclusion is substantiated about the digital transformation of the mechanism of illegal acquisition and sale of objects of limited marketability (narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances, precursors, narcotic plants or their parts, firearms (including large-caliber), its main parts and ammunition, explosives and explosive devices, special technical means designed to secretly obtain information). This is manifested in the implementation of criminal activities in organized forms, using the capabilities of the largest marketplaces (Legal.RC, Mega, BLACKSPRUT, Solaris, Kraken), using a set of measures aimed at conspiracy through identity anonymization services in the digital space, digital currencies (mainly with increased conspiratorial functions – Bitcoin, Monero, Zcash, artificial intelligence technologies intelligence. This necessitates the creation of a new comprehensive methodology for investigating these crimes, including an innovative solution to a number of major scientific problems related to the development of concepts of the criminal law sphere, criminalistic characteristics and classification, the identification of patterns of the mechanism of commission of these crimes, the specifics of the mechanism of investigative and investigative organization.

Keywords: generic methodology, narcotic drugs, firearms, explosives, special technical means, information and telecommunication network, high-tech crimes, crime mechanism, illegal sale, objects of limited turnover

For citation: Zemtsova S. I. Methodology of investigation of illegal acquisition and sale of objects of limited turnover as a new tool of methodological support // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 69–75.

Незаконное приобретение и сбыт объектов ограниченной оборотоспособности представляют угрозу национальной безопасности Российской Федерации, а также оказывают негативное воздействие на экономические, социальные, культурные и политические основы общества.

Объектами указанных преступлений выступают наркотические средства, психотропные, сильнодействующие и ядовитые вещества, прекурсоры, наркосоодержащие растения или их части, огнестрельное оружие (в том числе, крупнокалиберное), его основные части и боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства, специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации, оружие массового поражения, в том числе химическое, биологическое и токсинное.

При этом можно отметить, что за последние пять лет (2019–2023 гг.), с одной стороны, проявилась тенденция к увеличению количества зарегистрированных преступлений по фактам незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности, а с другой – очевидна высокая степень их латентности, многоэпизодность, сложность раскрытия, расследования и формирования полноценной доказательственной базы.

Осложняет указанную ситуацию трансформировавшийся за последние годы механизм преступной деятельности.

В частности, с 2009 г., а именно с начала функционирования первой торговой площадки SilkRoad, в последующем SilkRoad 2.0, (2014 г.) и Hydra, (2015 – апрель 2022 гг.), рассматриваемые преступные деяния совершаются преимущественно дистанционным способом, исключаяющим контакт между соучастниками, а также продавцами и покупателями. В настоящее время на условиях конкурентной борьбы в эту деятельность вовлечены наиболее крупные маркетплейсы – Legal.RC, Mega, BLACKSPRUT, Solaris, Kraken.

Помимо этого, в Telegram и YouTube развиваются каналы блогера «МОРИАРТИ» (скорее даже стоящей за ним организации), позиционирующего себя бывшим участником проекта Hydra. В своих публикациях и роликах он освещает работу торговых площадок, а также деятельность спецслужб по борьбе с ними как неэффективную, поднимает иные темы, связанные с наркотиками и их нелегальным оборотом в так называемом теневом интернете. При этом Telegram-канал «МОРИАРТИ» находится в свободном доступе и охватывает порядка 650 тыс. подписчиков, YouTube несмотря на то, что запрещен на территории Российской Федерации, насчитывает почти 2,7 млн подписчиков.

В процессе рассматриваемой преступной деятельности также применяются:

а) сервисы анонимизации личности в цифровом пространстве;

б) цифровые валюты (преимущественно с повышенными конспиративными функциями – Bitcoin, Monero, ZCash);

в) технологии искусственного интеллекта.

Средствами совершения данных преступлений выступают:

а) программы для мгновенного обмена сообщениями («Telegram», «Brosix», «Pidgin», «Xabber», «Vipole», «IM+», «Psi»), программное обеспечение, шифрующее VPN-соединения, позволяющее обходить блокировку со стороны государственных органов;

б) дистанционные платежные системы; приложения для работы с сетью, интернет-программы, поддерживающие OTR-шифрование, а также имеющие специализированные хранилища информации с защитой от несанкционированного доступа;

в) приложения, представляющих собой инструмент, обеспечивающий конфиденциальность пребывания в информационно-коммуникационной сети Интернет и невозможность определения IP-адресов выхода на виртуальные сайты.

Указанные и иные обстоятельства являются причинами наметившейся тенденции к увеличению количества рассматриваемых преступлений. В частности, в 2023 г. наблюдался заметный рост преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков – 180 988 преступлений (+7,5 %), что составляет 9,8 % от общего числа зарегистрированных¹. Количество преступлений, совершенных группами по предварительномуговору, выросло на 62,9 %, а преступлений, совершенных организованными группами, – на 43,5 % [1, с. 46].

Фактически в настоящее время именно на наркопреступность приходится более трети всей организованной преступности, и при этом нередко выявляются устойчивые международные связи². Предметом таких преступлений, в том числе и незаконного приобретения и сбыта, выступают преимущественно новые синтетические наркотические средства – эфедрон, мефедрон, N-метилэфедрон, метадон и синтетические аналоги тетрагидроканнабинола.

Наблюдается интерес и к появившемуся два года назад на наркорынке клефедрону (соединение 4-СМС), включенному летом 2022 г. в мониторинг си-

¹ Официальный сайт МВД РФ // Статистика и аналитика URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751> (дата обращения: 23.08.2024).

² Владимир Колокольцев провел заседание Объединенной коллегии МВД России и МВД Таджикистана // Официальный сайт МВД РФ. Новости. 18 ноября 2024 г. URL: <https://мвд.рф/news/item/57414549/> (дата обращения: 21.11.2024).

стемы «АИПСИН АнтиНаркотики», представляющему собой фенилалкиламин, относящийся к синтетическим производным группы катинонов, проявляющий его выкую нейротоксичность, которая обусловлена наличием атома хлора в структуре, а также карфентанилу (Carfentanyl, Carfentanil, R33799), являющемуся самым мощным опиодным анальгетиком, одна единица которого в 5000 тыс. раз мощнее героина и в 10 000 – морфина.

Незаконные действия с указанными объектами преимущественно осуществляются с применением тайниково-закладочного способа.

Например, в октябре 2024 г. в Ленинском районе города Барнаула в момент помещения в тайник закладки с карфентанилом, массой 1,7 грамма, задержана жительница Новосибирска. Было установлено, что она организовала онлайн-площадку с целью его незаконного сбыта. В ходе обыска в арендованной квартире обнаружено 49 фольгированных свертков массой 150 граммов, что является особо крупным размером¹.

Наметился существенный рост деяний по фактам незаконного оборота **прекурсоров**, используемых преимущественно при производстве синтетических наркотических средств на территории нашей страны. За 2023 г. правоохранительными органами России из незаконного оборота и изъято 41 208 кг прекурсоров, что на 174,4 % превышает аналогичный показатель прошлого года (15 019 кг). Пресечено 448 преступлений, связанных с незаконным оборотом (по ст. 228.3 УК РФ – 249, по ст. 228.4 УК РФ – 199), что на 45,0 % превышает показатель 2022 г. – 309.

В прошлом году правоохранительными органами изъято 2994 кг **сильнодействующих веществ**, что на 99,1 % больше, чем за год до этого (1504 кг). Существенный рост наметился с мая 2019 г., с момента включения в Список так называемых, аптечных препаратов² прегабалина («Лирика»), тапентадола и тропикамида³. Действие указанных веществ сходно с наркотическим, однако наказание за их незаконный оборот (ст. 234 УК РФ) значительно мягче, что в числе прочего объясняет их растущую популярность. География крупных изъятий подтверждает, сильнодействующие вещества рассматриваемой категории востребованы среди выходцев из Средней Азии и Северного Кавказа.

При этом набирает обороты бесконтактный сбыт через Telegram-каналы. Также создаются интернет-

¹ В Алтайском крае полицейские задержали женщину с оптовой партией карфентанила // ГУНК МВД России. Новости ГУНК. 11 октября 2024 г. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravlenija/gunk/Novosti/item/56054309/ (дата обращения: 19.11.2024).

² Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 г. № 964 «Об утверждении Списка сильнодействующих и ядовитых веществ для целей ст. 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт.

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 27 мая 2019 г. № 667 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 г. № 964» // КонсультантПлюс: сайт.

магазины, продающие «аптечные» сильнодействующие вещества посредством «закладок».

Так, в декабре 2023 г. в г. Новороссийске задержан К., который получил два международных отправления с прегабалином общей массой около 7 килограммов, совместно с сожительницей расфасовал его на разовые дозы и планировал бесконтактно сбыть путем «закладок»⁴.

На втором месте среди сильнодействующих веществ по объему изъятых из незаконного оборота – **сIBUTРАМИН** (896 кг; аналогичный период прошлого года – 217 кг; рост составил 312,4 %).

Количество **анаболических стероидов** в 2023 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года сократилось вдвое (с 337 кг до 178, то есть на 47,1 %). Вместе с тем все более активно используется возможность бесконтактного их приобретения и сбыта, в том числе посредством использования почтовых отправлений.

При этом объем изъятий на сегодняшний день значительно увеличился. *Так, только в октябре 2024 г. в ходе обысков по месту жительства четырех граждан, действовавших на территории Подмосковья по указанию неустановленного организатора, проживающего, по предварительным сведениям, за пределами Российской Федерации и создавшего два интернет-магазина, а также обыска используемых ими автомобилей и домовладения, оборудованного под склад, обнаружены запрещенные анаболические стероиды массой более 700 кг, подготовленные для почтовых отправлений. Следственной частью ГСУ ГУ МВД России по Ставропольскому краю возбуждено 82 уголовных дела по признакам преступлений, предусмотренных ч. 2, 3 ст. 234 УК РФ⁵.*

Незаконное приобретение и сбыт **огнестрельного оружия и боеприпасов** также осуществляются с использованием повышенных мер конспирации и преимущественно дистанционным способом. Число преступлений в 2023 г. наиболее заметно увеличилось в Белгородской (+960,0 %, всего 986), Брянской (+609,0 %, всего 291) и Курской (398,4 %, всего 314) областях, что обусловлено их близостью к зоне проведения специальной военной операции⁶. В краткосрочной перспективе число данных преступлений будет только увеличиваться [1, с. 45].

За последние пять лет число преступлений, совершенных с использованием **взрывчатых веществ и**

⁴ В Краснодарском крае за контрабанду сильнодействующего препарата и незаконный оборот наркотиков будут судить ростовчанина и его поделницу // ГУНК МВД России. Новости ГУНК. 28 июля 2024 г. URL: <https://мвд.рф/мвд/structure1/> (дата обращения: 19.11.2024).

⁵ Следователи и оперативники изъяли у участников организованной группы на территории Московской области более 700 кг сильнодействующих веществ // ГУНК МВД России. Новости ГУНК. 22 октября 2024 г. URL: <https://мвд.рф/мвд/structure1/> (дата обращения: 19.11.2024).

⁶ В 2019 г. зарегистрировано преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, 5571; 2020 – 5169; 2021 – 4699; 2022 – 6222, 2023 – 5729 // ГИАЦ МВД России (форма № 4-ЕГС).

взрывных устройств, выросло более чем в четыре раза (с 202 в 2019 г. до 922 в 2023 г.)¹. Количество преступлений связанных с их незаконным приобретением и сбытом также имеет незначительную тенденцию к увеличению².

Стабильно высоким является и изъятие **специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации**, их незаконное приобретение и сбыт осуществляется также преимущественно дистанционно.

*Примером является крупное изъятие в августе 2024 г. г. Москве видеозаписывающей аппаратуры, замаскированной под ручки, часы, сетевые адаптеры, пауэрбанки и игрушки, а также мини-диктофонов, спрятанных во флеш-накопители. Указанные объекты поступали из-за рубежа и сбывались ранее судимым за аналогичное преступление гр. К. посредством крупнейших маркетплейсов, а также торговых павильонов г. Москвы. В ходе обысков изъято свыше 3000 различных электронных устройств*³.

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, выступая на Расширенной коллегии МВД России 2 апреля 2024 г., отметил, что «... нужно серьезно совершенствовать механизмы борьбы с правонарушениями в этой сфере, работать на опережение...»⁴.

Высокотехнологичные, «наукоемкие» преступления могут раскрываться за счет так называемых высоких технологий. Так, в реальности работает известная теорема английского кибернетика У. Р. Эшби – потенциал разнообразия контролирующей системы должен значительно превосходить уровень разнообразия (сложности) объекта контроля [2, с. 173].

Вместе с тем в теории криминалистики значительная часть частных методик в связи с изменившимся механизмом совершения преступлений утратила актуальность, а разработке других до настоящего времени не уделялось должного внимания. Прежние ресурсы фактически себя исчерпали, а новых еще не существует. «Задача науки состоит в том, чтобы идти впереди практики, подключая другие научные отрасли, прогнозируя практические ситуации, выдавая действенные рекомендации, показывая верные на-

¹ В 2019 г. зарегистрировано преступлений совершенных с использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств, 202; 2020 – 459; 2021 – 262; 2022 – 459; 2023 – 922; за 7 месяцев 2024 г. – 119 // ГИАЦ МВД России (форма № 4-ЕГС).

² В 2019 г. зарегистрировано преступлений по фактам незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки, пересылки или ношения 4205; 2020 7 мес. 2024 – 4912; 2021 – 4941; 2022 – 4912; 2023 – 4939, 7 месяцев 2024 г. – 3431 // ГИАЦ МВД России (форма № 4-ЕГС).

³ Сотрудниками МВД России и ФСБ России перекрыт канал незаконной реализации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации // Официальный сайт МВД РФ. Новости. 29 августа 2024 г. URL: <https://мвд.рф/news/item/54508728> (дата обращения: 21.11.2024).

⁴ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 23.08.2024).

правления разрешения практических правовых и организационных вопросов» [3, с. 3].

Это в свою очередь предопределяет необходимость и возможность создания комплексной интегративной (родовой, базовой, укрупненной, консолидированной) методики расследования.

Разработка соответствующей концепции расследования незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности представляется актуальным направлением, которое включает исследование цифровой трансформации преступности как основу формирования обозначенной методики, закономерностей механизма преступной деятельности, а также закономерностей деятельности по расследованию указанных преступлений.

В доктрине криминалистики до настоящего времени вопросы разработки комплексной методики расследования незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности оставались за границами внимания. Вместе с тем отдельным объектам (наркотическим средствам, прекурсорам, огнестрельному оружию и т. д.) уделялось неоднократно внимание при подготовке кандидатских и докторских работ, монографий и научных публикаций.

В частности, **наркотические средства, психотропные вещества** или их аналоги, прекурсоры, наркосодержащие растения и их части были исследованы в трех диссертациях на соискание степени доктора юридических наук: С. А. Роганов [4], Е. В. Иванова [5], Л. Е. Чистова [6].

Кроме того, в двух десятках кандидатских работ по научным специальностям 12.00.12, 5.1.4, 23.00.04, 12.00.11 было акцентировано внимание на криминалистических и криминологических аспектах: О. Ю. Введенская [7], М. К. Васильева [8], О. А. Решняк [9], Е. А. Ошлыкова [10], а также на политических (М. А. Гаджиев [11]), организационных и правовых аспектах (Д. А. Зассеев [12]).

Огнестрельное оружие, его основные части и боеприпасы, взрывные вещества и взрывные устройства выступили предметом исследования при подготовке трех докторских диссертаций: В. А. Робак [13], С. М. Колотушкин [14], В. М. Плещачевский [15], а также более десятка кандидатских: И. Ю. Рагулин [16], Ф. Ю. Назаршоев [17], С. А. Григорянец [18], В. В. Зырянов [19].

В свете изменений уголовного кодекса была подготовлена кандидатская диссертация Н. А. Столбовой [20].

Специальные технические средства выступили предметом диссертационного исследования Е. Г. Усова [21].

Оружие массового поражения, в том числе химическое, биологическое и токсинное исследовано в работах М. Ш. Гедиева [22] и И. И. Синякина [23].

Учитывая специфику данной темы, следует акцентировать внимание и на работах, освещающих специфику использования информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет) и цифровой валюты. При этом высокую научную и практическую значимость имеют диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук Ю. Н. Соколо-

ва [24] и кандидатские диссертации А. Н. Колычевой [25], Е. Г. Кравец [26].

Безусловно, следует отметить вклад Ю. В. Гаврилина в разработку указанного направления, подготовившего значительное количество научных и учебно-методических публикаций [27; 28; 29].

Перечисленный арсенал криминалистических методик (преимущественно видовых) нацелен на расследование незаконного приобретения и сбыта объектов одного вида объектов (огнестрельного оружия, наркотических средств и т. д.), что фактически сужает возможности сотрудников следственных, экспертных и оперативных подразделений. Вместе с тем анализ правоприменительной практики свидетельствует, что незаконный сбыт рассматриваемых объектов осуществляется в основном крупными интернет-магазинами, предлагающими до нескольких сотен наименований запрещенной продукции, и отличается вовлечением в указанную деятельность от нескольких десятков до нескольких тысяч участников, выполняющих различные функции и причастных к совершению различных преступлений. Залогом эффективного расследования указанной преступной деятельности в этом случае выступает применение комплексной интегративной методики. В настоящее время в теории криминалистики такие работы отсутствуют. При этом на возможность и необходимость создания таких методик по расследованию нескольких видов преступлений, объединенных в одну группу, неоднократно указывали Р. С. Белкин, В. А. Образцов, Н. П. Яблоков, М. А. Кардашевская и др.

Почти два десятилетия назад Ю. П. Гармаев справедливо отмечал, что «современная преступность и наиболее общественно опасные ее проявления приобретают комплексный, межотраслевой, высокоорганизованный, профессиональный и транснациональный характер. Так, например, следственные подразделения как никогда нуждаются не только в частных, но и в общих методиках, охватывающих разнородные преступления» [30, с. 43]. Актуальным в отношении рассматриваемых деяний это высказывание является и в настоящее время.

А. Ю. Головин и Е. В. Головина также полагают, что «консолидация методико-криминалистических рекомендаций имеет целью не только обобщить, укрупнить или сгруппировать видовые криминалистические методики по тем или иным основаниям, но и призвана существенно повысить эффективности методико-криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности, а также качество обучения криминалистике» [31, с. 5].

Подводя итог, отметим, что трансформация механизма незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности обуславливает необходимость разработки комплекса мер, направленных на противодействие указанным преступлениям, в том числе посредством разработки родовой (укрупненной, базовой, консолидированной) методики. Полагаем, указанная работа может включать:

- а) инновационное решение ряда крупных научных проблем, связанных с разработкой новых понятий уголовно-правовой сферы;
- б) разработку криминалистической характеристики и классификаций;
- в) выявление закономерностей механизма совершения данных преступлений;
- г) исследование особенностей механизма следообразования;
- д) выявление специфики организации и планирования расследования;
- е) установление средств решения таких тактических задач, как «Обнаружение и фиксация исходной информации о произошедшем событии», «Поиск лица, совершившего преступление», «Доказывание виновности (невиновности) обвиняемого», «Нейтрализация противодействия», «Установление факта совершения нескольких нераскрытых преступлений одним и тем же лицом».

Библиографический список

1. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2023 г. и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор. М.: ВНИИ МВД России, 2024. 87 с.
2. Эшби Р. У. Несколько замечаний / пер. с англ. В. Алтаева и Э. Наппельбаума // Общая теория: сборник статей. М., 1966. С. 171–178.
3. Гаврилин Ю. В. Расследование преступлений, посягающих на информационную безопасность в экономической сфере: теоретические, организационно-тактические и методические основы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 404 с.
4. Роганов С. А. Теория и практика расследования преступлений в сфере криминального бизнеса синтетических наркотических средств: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2005. 589 с.
5. Иванова Е. В. Концептуальные основы использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами: дис. ... д-ра юрид. наук. Колонна, 2016. 468 с.
6. Чистова Л. Е. Теория и практика, расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. 499 с.
7. Введенская О. В. Особенности предварительного и первоначального этапов расследования незаконного сбыта наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022. 201 с.
8. Васильева М. К. Антинаркотическая безопасность: криминологические особенности и обеспечение (региональный аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2021. 244 с.
9. Решняк О. А. Использование компьютерных технологий при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота опасных психоактивных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2019. 220 с.

10. Ошлыкова Е. А. Методика расследования незаконного сбыта наркотических средств и поддержания государственного обвинения по уголовным делам данной категории: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
11. Гаджиев М. А. Борьба с незаконным оборотом наркотиков в глобальном управлении: дис. ... канд. полит. наук. М., 2020. 161 с.
12. Зассеев Д. А. Организация и правовые основы деятельности подразделений, выполняющих правоохранительные функции в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2018. 187 с.
13. Робак В. А. Борьба с криминальным рынком оружия в России: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. 384 с.
14. Колотушкин С. М. Криминалистическая взрывотехника как частная криминалистическая теория: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2003. 414 с.
15. Плескачевский В. М. Оружие в криминалистике: понятие и классификация: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 387 с.
16. Рагулин И. Ю. Организационные аспекты методики расследования незаконного оборота оружия и боеприпасов: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 276 с.
17. Назаршоева Ф. Ю. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования незаконного оборота огнестрельного оружия и боеприпасов на территории республики Таджикистан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 177 с.
18. Григорянец С. А. Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств как объект криминологического исследования: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 203 с.
19. Зырянов В. В. Проблемы криминалистического оружиеведения: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 1998. 202 с.
20. Столбова Н. А. Методика расследования незаконного оборота огнестрельного оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2024. 243 с.
21. Усов Е. Г. Уголовная ответственность за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2020. 193 с.
22. Гедиев М. Ш. Незаконный оборот оружия массового поражения как преступление против мира и безопасности человечества: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2012. 174 с.
23. Синякин И. И. Международно-правовой режим нераспространения оружия массового уничтожения в свете борьбы с международным терроризмом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 218 с.
24. Соколов Ю. Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2023. 440 с.
25. Колычева А. Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 199 с.
26. Кравец Е. Г. Информационно-телекоммуникационные технологии как элемент технико-криминалистического обеспечения раскрытия преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2016. 208 с.
27. Гаврилин Ю. В., Бедеров И. С. Установление владельцев криптовалютных кошельков при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств: учебное пособие. М., 2022. 75 с.
28. Гаврилин Ю. В. Обеспечение достоверности результатов применения технологий на основе искусственного интеллекта в экспертно-криминалистической деятельности // Судебная экспертиза. 2024. № 2 (78). С. 52–61.
29. Гаврилин Ю. В. Уголовно-процессуальный порядок наложения ареста на цифровые валюты // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 30–33.
30. Гармаев Ю. П., Лубин А. Ф. Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений: теория и практика. СПб., 2006. 300 с.
31. Головин А. Ю., Головина Е. В. К вопросу консолидации криминалистических методик расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 3. С. 3–9.

References

1. A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation by the end of 2023 and the expected trends in its development: an analytical review. M., Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. 87 p.
2. Ashby R. U. A few remarks / trans. from eng. V. Altaev and E. Nappelbaum // General theory: collection of articles. M., 1966. Pp. 171–178.
3. Gavrilin Yu. V. Investigation of crimes encroaching on information security in the economic sphere: theoretical, organizational, tactical and methodological foundations: abstract. dis. ... dr. jurid. sciences. M., 2009. 404 p.
4. Roganov S. A. Theory and practice of investigation of crimes in the field of criminal business of synthetic narcotic drugs: dis. ... dr. jurid. sciences. SPb, 2005. 589 p.
5. Ivanova E. V. Conceptual foundations of the use of special knowledge in the identification and investigation of crimes related to substances dangerous to health: dis. ... dr. jurid. sciences. Kolomna, 2016. 468 p.
6. Chistova L. E. Theory and practice, investigation of crimes related to illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances: dis. ... dr. jurid. sciences. M., 2023. 499 p.
7. Vvedenskaya O. V. Features of the preliminary and initial stages of the investigation of the illegal sale of narcotic drugs using information and telecommunication technologies: dis. ... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2022. 201 p.

8. Vasilyeva M. K. Anti-drug safety: criminological features and provision (regional aspect): dis. ... cand. jurid. sciences. Irkutsk, 2021. 244 p.
9. Reshnyak O. A. The use of computer technologies in the investigation of crimes in the field of illicit trafficking of dangerous psychoactive substances: dis. ... cand. jurid. sciences. Volgograd, 2019. 220 p.
10. Oshlykova E. A. Methodology for investigating the illegal sale of narcotic drugs and maintaining public prosecution in criminal cases of this category: dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2013.
11. Gadzhiev M. A. The fight against drug trafficking in global governance: dis. ... cand. polit. sciences. M., 2020.
12. Zasseev D. A. The organization and legal basis of the activities of units performing law enforcement functions in the field of countering drug trafficking: dis. ... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2018. 187 p.
13. Robak V. A. The fight against the criminal arms market in Russia: issues of theory and practice: dis. ... dr. jurid. sciences. M., 2024. 384 p.
14. Kolotushkin S. M. Forensic explosives engineering as a private forensic theory: dis. ... dr. jurid. sciences. Volgograd, 2003. 414 p.
15. Pleskachevsky V. M. Weapons in criminology: concept and classification: dis. ... dr. jurid. sciences: 12.00.09. M., 1999. 387 p.
16. Ragulin I. Y. Organizational aspects of the methodology of investigation of illegal trafficking in weapons and ammunition: dis. ... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2016. 276 p.
17. Nazarshoeva F. Yu. Technical and forensic support for the disclosure and investigation of illegal trafficking in firearms and ammunition in the territory of the Republic of Tajikistan: dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2017. 177 p.
18. Grigoryanets S. A. Illegal trafficking of weapons, ammunition, explosives and explosive devices as an object of criminological research: dis. ... cand. jurid. sciences. Rostov-on-Don, 2011. 203 p.
19. Zyryanov V. V. Problems of forensic weapons science: dis. ... cand. jurid. sciences. Krasnoyarsk, 1998.
20. Stolbova N. A. Methods of investigation of illegal trafficking in firearms using information and telecommunication networks, including the Internet: dis. ... cand. jurid. sciences. Irkutsk, 2024. 243 p.
21. Usov E. G. Criminal liability for illegal trafficking of special technical means intended for the secret receipt of information: dis. ... cand. jurid. sciences. Irkutsk, 2020. 193 p.
22. Gediev M. S. Illicit trafficking in weapons of mass destruction as a crime against the peace and security of mankind: dis. ... cand. jurid. sciences. Stavropol, 2012. 174 p.
23. Sinyakin I. I. The international legal regime for the non-proliferation of weapons of mass destruction in the light of the fight against international terrorism: dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2010. 218 p.
24. Sokolov Yu. N. Information technologies and digital data turnover in criminology: issues of theory and practice: dis. ... dr. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2023. 440 p.
25. Kolycheva A. N. Fixation of evidentiary information stored on Internet re-sources: dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.12. M., 2018. 199 p.
26. Kravets E. G. Information and telecommunication technologies as an element of technical and forensic support for crime detection: dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.12. Volgograd, 208 p.
27. Gavrilin Yu. V., Bederov I. S. Identification of owners of cryptocurrency wallets in the investigation of crimes in the field of illicit drug trafficking: a textbook. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 75 p.
28. Gavrilin Yu. V. Ensuring the reliability of the results of the use of technologies based on artificial intelligence in forensic activities // Forensic examination. 2024. No. 2 (78). Pp. 52–61.
29. Gavrilin Yu. V. The criminal procedure procedure for arresting digital currencies // Criminological Journal. 2023. No. 2. Pp. 30–33.
30. Garmaev Yu. P., Lubin A. F. Problems of creating forensic methods for investigating crimes: theory and practice. SPb: Publishing House «Law Center Press», 2006. 300 p.
31. Golovin A. Yu., Golovina E. V. On the issue of consolidation of criminalistic methods of crime investigation // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2022. No. 3. Pp. 3–9.

Информация об авторе

Земцова Светлана Игоревна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Zemtsova Svetlana I. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 28.11.2024; одобрена после рецензирования 09.01.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 28.11.2024; approved after reviewing 09.01.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Научная статья
УДК 343.13

Институт поручительства в уголовном процессе зарубежных стран: особенности применения и перспективы использования в Российской Федерации

Зиновьева Екатерина Сергеевна
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, Ekaterina-smirnova27@mail.ru

Аннотация. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации предусматривает определенное количество мер пресечения, применяемых в отношении подозреваемых (обвиняемых). Мера пресечения избирается в отношении лица при наличии оснований: потенциальная возможность заниматься преступной деятельностью или же возможность скрыться от органов следствия или дознания. Институт личного поручительства является процессуальной нормой не только в Российской Федерации, но и применяется в уголовном процессе всех известных нам правовых систем. В данной статье рассмотрены положительные и отрицательные факторы применения института поручительства и проанализированы правовые механизмы его реализации в уголовном процессе зарубежных стран. Помимо этого произведена оценка возможности применения зарубежного опыта (Великобритания, Франция и Республика Беларусь) в отечественных правовых реалиях.

Ключевые слова: институт поручительства, зарубежный уголовный процесс, уголовное судопроизводство, аспект доверия в институте поручительства, поручительство в зарубежном праве, подозреваемый, мера процессуального принуждения

Для цитирования: Зиновьева Е. С. Институт поручительства в уголовном процессе зарубежных стран: особенности применения и перспективы использования в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 76–79.

Original article

Institute of guarantee in criminal procedures of foreign countries: features of application and prospects for use in the Russian Federation

Zinovieva Ekaterina S.
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia,
Ekaterina-smirnova27@mail.ru

Abstract. The criminal procedure law of the Russian Federation provides for a certain number of preventive measures applied against suspects (accused). A preventive measure is chosen against a person if there are grounds: the potential to engage in criminal activity or the opportunity to hide from the investigating authorities or inquiry. The institution of personal surety is a procedural norm not only in the Russian Federation, but is also applied in the criminal process of all legal systems known to us. This article examines the positive and negative factors of the institution of surety and analyzes the legal mechanisms of its implementation in the criminal process of foreign countries. In addition, an assessment was made of the possibility of applying foreign experience (Great Britain, France and the Republic of Belarus) in domestic legal realities.

Keywords: institution of surety, criminal process, foreign criminal process, criminal proceedings, the aspect of trust in the institution of surety, surety in foreign law, suspect, accused, measure of procedural coercion, criminal prosecution

For citation: Zinovieva E. S. Institute of guarantee in criminal procedures of foreign countries: features of application and prospects for use in the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 76–79.

Как известно, уголовный процесс Российской Федерации предусматривает определенное количество мер пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых. Необходимость их применения обосновывается тем, что указанные меры не позволят вышеперечисленным участникам уголовного процесса заниматься потенциальной преступной деятельностью либо скрыться от органов дознания, следствия или суда. Среди прочих мер пресечения, поименованных в ст. 98 УПК РФ¹, указано личное поручительство, сущность которого раскрывается в ст. 103 данного кодекса, согласно которой «личное поручительство состоит в письменном обязательстве заслуживающего доверия лица о том, что оно ручается за выполнение подозреваемым или обвиняемым обязательств, предусмотренных п. 2 и 3 ст. 102 настоящего Кодекса» [1, с. 220].

Уголовно-процессуальный закон не ограничивает должностных лиц в выборе меры процессуального принуждения, но устанавливает условия, основания и порядок их применения. Между тем анализ судебно-следственной практики РФ показывает, что наиболее востребованными остаются задержание по подозрению в совершении преступного деяния, подписка о невыезде, заключение под стражу (самая строгая мера пресечения). Достаточно редко в качестве мер процессуального принуждения избираются залог, личное поручительство, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым. Хотя они также обладают большим сдерживающим потенциалом, позволяют обеспечить участие подозреваемого, обвиняемого в следственных и процессуальных действиях, препятствуют преступному поведению [2, с. 60–61].

Наверное, никто не поставит под сомнение истину, известную с момента сотворения мира, что нет ничего постоянного, кроме времени, и только оно устанавливает правила, изменяет реальность и руководит процессами. Право, как и все остальные сферы жизни общества, должно соответствовать духу времени и видоизменяться в зависимости от требований, предъявляемых тенденциями. Наиболее вероятным и важным элементом изменения права является обмен положительным опытом между правовыми системами стран мира, чем и обусловлена актуальность темы нашего исследования.

Институт поручительства в уголовном процессе Великобритании представляет собой важнейший элемент системы правосудия, обеспечивающий баланс между правами обвиняемого и интересами общества. Поручительство (bail) позволяет обвиняемому нахо-

диться на свободе до судебного разбирательства при условии выполнения определенных обязательств. Далее мы рассмотрим требования к поручителю и его функции в уголовном процессе Великобритании [3, с. 10–17]. Поручитель в системе уголовного правосудия Великобритании должен соответствовать определенным критериям, чтобы суд мог доверить ему такую ответственность. Основным требованием является возраст и правоспособность: поручитель должен быть совершеннолетним (старше 18 лет) и юридически дееспособным лицом. Немаловажной является и финансовая составляющая: поручитель должен иметь достаточные финансовые ресурсы для внесения залога (если это предусмотрено условиями поручительства). При этом суд может потребовать предъявить доказательства его финансовой состоятельности, такие как банковские выписки или документы о владении имуществом.

Поручитель должен обладать хорошей репутацией и не иметь криминального прошлого. Суд может учитывать, насколько поручитель надежен и способен контролировать поведение обвиняемого. Помимо вышеперечисленного, поручитель, обычно, должен быть близким родственником, другом или коллегой обвиняемого, это помогает суду убедиться, что он будет заинтересован в соблюдении последним условий освобождения под залог [4, с. 36]. Поручитель играет ключевую роль в обеспечении выполнения обвиняемым условий освобождения под залог и явки на судебные заседания. Отличительной особенностью поручителя по законодательству Великобритании является то, что он в случае допущенных обвиняемым или подозреваемым нарушений теряет не только внесенный им залог, но и будет обязан выплатить штраф, который иногда равен сумме залога или даже превышает ее, что является дополнительным стимулом для добросовестного отношения к возложенным на него обязанностям [5, с. 122].

Британская система действия института поручительства в целом схожа с российской, отличия возникают только лишь в процессе реализации. По нашему мнению, ответственность за неисполнение возложенных законом на поручителя обязанностей и контроль их исполнения в Великобритании находятся на более высоком уровне, требования, предъявляемые к поручителю так же высоки, что говорит нам о меньшей возможности недобросовестного (формального) или преступного (сговор) подхода к исполнению им своих обязанностей.

В уголовном процессе Франции, как и в Российской Федерации, у обвиняемого или подозреваемого есть возможность прибегнуть к помощи нескольких поручителей. Существенным отличием является то, что во французской модели допускается распределение между поручителями возлагаемых на них обязан-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.05.2024) // «Парламентская газета». 2001. № 241-242.

ностей с целью разделения ответственности между ними [6, с. 609–610].

Анализируя поручительство во Франции, на первый взгляд кажется, что система разделения обязанностей среди нескольких поручителей является новаторской и эффективной, однако мы не располагаем достаточными статистическими данными, которые помогут с уверенностью подтвердить эффективность данного опыта. Разделение обязанностей между поручителями помимо явных преимуществ имеет и ряд серьезных недостатков, среди которых мы хотели бы выделить затянутый и бюрократизированный процесс оформления процессуальных документов из-за сложного договорного процесса между поручителями и неопределенности при выделении доли ответственности в случае нарушения подозреваемым установленных законом правил. Указанные недостатки свидетельствуют о том, что реализация поручительства в рамках уголовного процесса Российской Федерации по подобным правилам не будет ожидаемо эффективной, и подобные нововведения можно рассматривать исключительно как концептуальную модель, требующую очень долгого осмысления, в том числе и научного.

В соседней нам Республике Беларусь институт поручительства был реорганизован сравнительно недавно. На официальном правовом портале 14 апреля 2021 г. был опубликован указ № 122, согласно которому институт личного поручительства распространяется на случаи помилования осужденных¹. Это означает, что помимо обвиняемых и подозреваемых поручительство может применяться и в отношении лиц, уже отбывающих наказание в следующих случаях:

- 1) при освобождении полностью или частично от отбывания как основного, так и дополнительного наказания;
- 2) замене наказания или его неотбытой части более мягким наказанием;
- 3) освобождении от наказания условно.

В соответствии с данным нормативным правовым актом для реализации поручительства обвиняемому или подозреваемому необходимо заручиться поддержкой минимум двух поручителей, которые, как и в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, должны обладать высоким уровнем надежности. Помимо прочего, следователь (дознатель), осуществляющий расследование, обязан допросить поручителей в качестве свидетелей в целях установления данных и провести сбор характеризующего материала о поручителе [7, с. 127–128]. В этой связи представляется верной позиция Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: «поручители долж-

ны сообщать такие обстоятельства, которые обосновывают их обязательство о том, что обвиняемый не будет чинить препятствий расследованию и рассмотрению дела судом, не станет заниматься преступной деятельностью» [8, с. 186].

Система реализации института поручительства в соседней нам Республике Беларусь, по нашему мнению, является наиболее приоритетной для заимствования в уголовный процесс Российской Федерации, так как помимо основной несет под собой и куда более важную функцию, а именно – социализацию лиц, отбывающих наказание, что является наиболее приоритетным направлением уголовно-исполнительной политики. По нашему мнению, апробация данных нововведений может быть реализована в отношении несовершеннолетних лиц, отбывающих наказание в организациях уголовно-исполнительной системы.

Подводя итоги нашего исследования, хочется отметить, что существующая система реализации института личного поручительства в Российской Федерации является приоритетным направлением для уголовно-процессуальной науки. Изменений законодательства в части функционирования института поручительства в нашей стране не происходило достаточно продолжительное время. В этой связи и на основании концепции, которая нами была предложена в начале данного научного изыскания – законодательство должно меняться и соответствовать духу времени – считаем, что наиболее логичным и рентабельным должен стать нормативный правовой акт, который закрепит возможность использования института поручительства в отношении лиц, отбывающих наказание. Данная мера прошла апробацию в Республике Беларусь, с учетом схожести правовых систем это говорит нам о том, что такой опыт с большей долей вероятности окажется положительным и в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Бакуменко А. А. Господин поручитель (институт поручительства в уголовном процессе России) // Закон и общество: история, проблемы, перспективы: материалы XXV Межвуз. науч.-практич. конференции студентов и аспирантов. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021. С. 219–221.
2. Сатуев М. А. Личное поручительство при производстве по уголовным делам в современных условиях развития гражданского общества в России: проблемы и пути их разрешения // Научный прорыв 2024: сборник статей II Международ. науч.-исследовательского конкурса. Пенза: Наука и Просвещение, 2024. С. 58–62.
3. Loyd W. H. Surety // U. Pa. L. Rev. 1917. Vol. 66. P. 40.
4. Gallagher E. G., McCallum M. H. The importance of surety bond verification // Pub. Cont. LJ. 2010. Vol. 39. P. 269.
5. Brownstein B. E. et al. Annual Survey of Fidelity and Surety Law-2005, Part I // Def. Counsel J. 2005. Vol. 72. P. 180.

¹ Республика Беларусь. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. Нац. собр. Респ. Беларусь 30 июня 1999 г.: с изм. и доп. по сост. на 17 июля 2023 г.) // Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2015. URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 10.06.2024).

6. Paul A. Critical appraisal of the role of surety in guarantee // *Psychiatric Clinics of North America*. Vol. 14. No. 3. Pp. 605–629.

7. Савчук Т. А. Личное поручительство: история, современное состояние и тенденции совершенствования уголовно- процессуального законодательства // *Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики: сборник статей*. Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2017. С. 126–134.

8. Обзор практики применения мер пресечения в виде личного поручительства, залога и домашнего ареста // *Информ. бюллетень прокуратуры Респ. Беларусь*. Минск, 2006. № 34. С. 175–186.

References

1. Bakumenko A. A. Mr. Surety (institute of surety in criminal proceedings in Russia) // *Law and society: history, problems, prospects: materials of the XXV Interuniversity Scientific and Practical Conference of Students and Postgraduate Students*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 2021. Pp. 219–221.

2. Satuev M. A. Personal guarantee in criminal proceedings in modern conditions of the development of civil society in Russia: problems and ways to resolve them // *Scientific breakthrough 2024: collection of articles of the II International Research Competition*. Penza: Science and Enlightenment, 2024. Pp. 58–62.

3. Loyd W. H. Surety // *U. Pa. L. Rev.* 1917. Vol. 66. P. 40.

4. Gallagher E. G., McCallum M. H. The importance of surety bond verification // *Pub. Cont. LJ*. 2010. Vol. 39. P. 269.

5. Brownstein B. E. et al. Annual Survey of Fidelity and Surety Law-2005, Part I // *Def. Counsel J.* 2005. Vol. 72. P. 180.

6. Paul A. Critical appraisal of the role of surety in guarantee // *Psychiatric Clinics of North America*. Vol. 14. No. 3. Pp. 605–629.

7. Savchuk T. A. Personal guarantee: history, current state and trends in improving criminal procedural legislation // *Current problems of criminal process and criminology: collection of articles*. Mogilev: Educational Institution «Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus», 2017. Pp. 126–134.

8. Review of the practice of applying preventive measures in the form of personal guarantee, bail and house arrest // *Inform. Bulletin of the Prosecutor's Office of the Republic. Belarus*. Minsk, 2006. No. 34. Pp. 175–186.

Статья поступила в редакцию 31.07.2024; одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 31.07.2024; approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 18.03.2025.

Истечение сроков давности уголовного преследования в разрезе последующего восстановления прав лица, пострадавшего от преступления, в гражданском процессе

Казakov Александр Алексеевич

Екатеринбургский филиал Московской академии Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, Екатеринбург, Россия, a.a.kazakov.cp@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0021-0350>

Аннотация. В основе исследования лежит ситуация, когда уголовное дело прекращается в досудебном производстве в связи с истечением сроков давности, что влечет возникновение дополнительных практических сложностей для возмещения вреда потерпевшему. В таком случае отсутствует акт, обладающий преюдициальной силой в гражданском судопроизводстве. Одновременно сужаются возможности для пересмотра принятых не в пользу пострадавшего решений судов по гражданскому делу. В разрезе правовой позиции Конституционного Суда РФ, сформулированной в январе 2025 г., и на основе подробного анализа конкретных примеров раскрыты вопросы значения решений о прекращении уголовного дела на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (а также об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с данным обстоятельством) в гражданском процессе. Смоделированы проблемы, которые могут возникнуть в случае наступления условий, предусмотренных ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ. В связи с этим даны рекомендации следователям, дознавателям и судьям.

Ключевые слова: истечение сроков давности уголовного преследования, постановление о прекращении уголовного дела, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, непричастность, возмещение вреда потерпевшему, возобновление производства по гражданскому делу, доказательства в гражданском процессе

Для цитирования: Казakov А. А. Истечение сроков давности уголовного преследования в разрезе последующего восстановления прав лица, пострадавшего от преступления, в гражданском процессе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 80–86.

Original article

The expiration of the statute of limitations for criminal prosecution in the context of the subsequent restoration of the rights of a person who suffered from a crime in civil proceedings

Kazakov Aleksandr A.

Yekaterinburg Branch of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Yekaterinburg, Russia, a.a.kazakov.cp@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0021-0350>

Abstract. The study is based on the situation when a criminal case is terminated in pre-trial proceedings due to the expiration of the statute of limitations, which entails additional practical difficulties for compensating the victim. In this case, there is no act having prejudicial force in civil proceedings. At the same time, the possibilities for reviewing the decisions of the courts in a civil case that were not in favor of the victim are narrowing. In the context of the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, formulated in January 2025, and based on a detailed analysis of specific examples, the issues of the significance of decisions to terminate a criminal case based on paragraph 3, Part 1, Article 24 of the Code of Criminal Procedure (as well as the refusal to initiate criminal proceedings in connection with this circumstance) in civil proceedings are revealed. The problems that may arise in the event of the occurrence of the conditions stipulated in Part 2.2 of Article 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are modeled. In this regard, recommendations were given to investigators, interrogators and judges.

Keywords: the expiration of the statute of limitations for criminal prosecution, the decision to terminate the criminal case, the decision to refuse to institute criminal proceedings, Part 2.2 of Article 27 of the Code of Criminal Procedure, non-involvement, compensation for harm to the victim, resumption of proceedings in a civil case, evidence in a civil trial

For citation: Kazakov A. A. The expiration of the statute of limitations for criminal prosecution in the context of the subsequent restoration of the rights of a person who suffered from a crime in civil proceedings // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 80–86.

Результативное достижение задачи по обеспечению компенсации причиненного преступлением ущерба требует создания на нормативном уровне эффективных процедур, позволяющих реализовать потерпевшему право на доступ к правосудию. Основная плоскость для этих процедур – уголовное судопроизводство, целью которого, как известно, выступает защита общества и человека от криминальных посягательств [1, с. 8]. Именно в судопроизводстве у компетентных органов и должностных лиц существует необходимый арсенал средств, чтобы установить виновных, определить размер соответствующего вреда, принять меры, направленные на его возмещение. В связи с этим в уголовном процессе допускается рассмотрение гражданского иска. Целесообразность существования указанного института была предметом глубоких и ярких дискуссий между видными теоретиками и практиками [2; 3; 4]. Вместе с тем каких-либо шагов законодателя по его ликвидации в настоящее время не усматривается. Одновременно видится допустимым, что высший судебный орган ставит некого рода знак равенства между окончательным разрешением гражданского иска при постановлении обвинительного приговора и своевременным восстановлением прав потерпевшего, подчеркивая приоритетность такого порядка по сравнению с передачей вопроса о размере возмещения данного иска для рассмотрения в ходе гражданского судопроизводства¹.

Однако существуют различные варианты окончания производства по уголовному делу, среди которых относительно распространенным выступает его прекращение в связи с истечением сроков давности. При вынесении решения об этом в судебном заседании гражданский иск остается без рассмотрения². Тем самым предполагается необходимость инициирования потерпевшим процедуры возмещения вреда, причиненного преступлением, в гражданском судопроизводстве³. Такое судебное решение обладает пре-

юдициальным значением, однако с определенными ограничениями (ч. 4 ст. 61 ГПК РФ) не так существенно облегчает процесс доказывания для истца, пострадавшего ранее от криминального воздействия. В то же время в целом постановление (определение) суда о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности выступает в качестве доказательства по гражданскому делу (ч. 1 ст. 71 ГПК РФ), которое подлежит оценке наряду с другими сведениями о значимых фактах, облеченными в требуемую процессуальную форму.

Рассмотрим следующую ситуацию. П. обратился в суд с иском к З. о возмещении ущерба, причиненного преступлением, и взыскании компенсации морального вреда, указав, что постановлением мирового судьи уголовное дело по обвинению последнего в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ, прекращено в связи с истечением сроков уголовного преследования. Установлено, что ответчик умышленно нанес истцу не менее 15 ударов руками в область лица, головы и тела, тем самым причинив ему телесные повреждения, которые согласно заключению эксперта квалифицированы как легкий вред здоровью. Опираясь на заявленные требования, суд первой инстанции взыскал с З. в пользу П. материальный ущерб, причиненный преступлением, расходы по восстановлению здоровья и оплате услуг представителя, компенсацию морального вреда, а также госпошлину в доход местного бюджета, при этом в удовлетворении определенной части исковых требований отказал. Суд подчеркнул преюдициальный характер постановления мирового судьи о прекращении уголовного дела. Однако апелляционная инстанция посчитала безусловность этого утверждения ошибочной. По ее мнению, постановление мирового

подсудимого. При наличии его согласия выносится постановление (определение) о прекращении уголовного дела (преследования) по нереабилитирующему основанию. Если он возражает, то итоговым актом должен быть приговор. В случае вынесения обвинительного приговора лицо освобождается от назначенного наказания (см. п. 24, 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // КонсультантПлюс: сайт). В последнем случае не усматривается препятствий для разрешения гражданского иска. В настоящий момент эта ситуация усложнена положениями ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, которые, правда, актуальны только применительно к досудебному производству. Данный аспект будет далее раскрыт в настоящей статье.

¹ Пункт 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // КонсультантПлюс: сайт.

² Пункт 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // КонсультантПлюс: сайт.

³ Специфика ситуации состоит в том, что в случае истечения сроков давности вид решения, которым будет завершено уголовное судопроизводство, зависит в определенной степени от волеизъявления подозреваемого, обвиняемого,

судьи о прекращении уголовного дела подлежало изучению в совокупности с другими доказательствами по делу. При этом каких-либо иных сведений, подтверждающих причинение истцу ущерба действиями ответчика, П. не было представлено, и судом они не исследовались. С учетом изложенного судебная коллегия в ходе рассмотрения апелляционной жалобы признала необходимым истребовать материалы соответствующего уголовного дела, а также медицинские карты, договоры на оказание медицинских услуг. По результатам оценки этих доказательств снижены подлежащие взысканию суммы расходов на восстановление здоровья (например, исключена оплата услуг врача-косметолога) и компенсации морального вреда. Решением суда кассационной инстанции апелляционное определение оставлено без изменений¹.

В приведенном случае наглядно проявилась корреляция: увеличение объема фактов, которые должен доказать потерпевший, влечет уменьшение сумм, подлежащих взысканию в его пользу. Сложно утверждать, что такая зависимость будет статистически распространена, однако вероятность ее возникновения всегда значимо высока, поскольку в гражданском процессе потерпевший очевидным образом лишен поддержки со стороны субъектов, относящихся к стороне обвинения в уголовном судопроизводстве. Так, специалистами в данной отрасли права отмечается, что, например, при принудительной компенсации морального вреда от потерпевшего, не обладающего необходимыми знаниями, требуется особая подготовка к судебному заседанию [5, с. 86]. В то же время апелляционной инстанцией в обозначенном примере отмечено, что постановление мирового судьи о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию не было обжаловано, и отказ ответчика от доказывания своей невиновности является результатом его волеизъявления. Это в свою очередь не создает условий для игнорирования установленных в указанном решении обстоятельств. Тем самым фактически постановление (определение) суда о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности, будучи в конкретной практической действительности существенным доказательством по гражданскому делу, служит значительным подспорьем для возмещения вреда, причиненного преступлением. Данные выводы находят подтверждение и в других судебных актах². Вместе с тем в гражданском судопроизводстве может быть установлен иной раз-

мер этого вреда по сравнению с тем, что зафиксирован в решении о прекращении уголовного дела³.

Итоговые акты в уголовном процессе принимаются следователем, дознавателем в ходе досудебного производства. При этом вынесенное указанными субъектами постановление о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности в последующем приобретает значение письменного доказательства по гражданскому делу применительно к рассматриваемым ситуациям⁴. Установленные в этом документе данные должны быть приняты во внимание, как и сведения, содержащиеся в окончательном судебном акте с аналогичным наименованием⁵. Более того, этот тезис применим и в отношении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела⁶. Справедливость данного утверждения будет подкреплена анализом последующих ситуаций.

Так, казалось бы не столь весомое решение следователя, дознавателя о невозможности в силу объективных причин, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, продолжать производство по уголовному делу хотя и вряд ли вызовет особое одобрение у пострадавшего, однако при определенном развитии событий открывает для него возможности добиться пересмотра вступивших в законную силу решений в гражданском судопроизводстве. Этот путь зачастую на практике необходим для полного устранения всех последствий, наступивших в результате преступления [6]. Знаковой и способствующей правовой определенности видится правовая позиция Конституционного Суда РФ, сформулированная в январе 2025 г., согласно которой в настоящий момент (при наличии дополнительных условий) установленные в процедурах уголовного судопроизводства и отраженные в постановлении об отказе в возбуждении или о пре-

³ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17 октября 2024 г. по делу № 88-24372/2024 // КонсультантПлюс: сайт.

⁴ Пункт 6 Постановления Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2017 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, пп. 14 п. 1 ст. 31 Налогового кодекса Российской Федерации, ст. 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой ст. 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева» // КонсультантПлюс: сайт.

⁵ Правда, судебное постановление все-таки будет обладать (пуская и ограниченным) преюдициальным значением в отличие от решения, принятого в ходе досудебного производства.

⁶ Вместе с тем думается, что при оценке этого постановления необходимо учитывать, что процессуальные возможности проверки сообщения о преступлении ограничены по сравнению с полноценным расследованием, что, вероятно, в ряде ситуаций требует более тщательной оценки содержащихся в данном документе выводов. Однако это не означает, что только лишь на основании этого обстоятельства такие выводы могут быть признаны недостоверными или недостаточными.

¹ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16 февраля 2023 г. по делу № 88-2626/2023, апелляционное определение Ростовского областного суда от 18 июля 2022 г. № 33-9849/2022; решение Новочеркасского городского суда Ростовской области от 11 февраля 2022 г. по делу № 2-111/2022 // КонсультантПлюс: сайт.

² Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 3 октября 2024 г. № 88-8586/2024; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16 июня 2022 г. № 88-10029/2022 // КонсультантПлюс: сайт.

крашении уголовного дела в связи с истечением срока давности обстоятельства, касающиеся преступных посягательств, состоящих в формировании не соответствующих действительности доказательств, и иных криминальных деяний, затрагивающих предмет рассмотренного по правилам ГПК РФ спора, должны в случае подтверждения таковых выступать основанием для пересмотра состоявшихся по гражданскому делу судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам¹. Проблема заключалась в том, что согласно буквальному толкованию ч. 3 ст. 392 ГПК РФ ее реализация возможна, если в уголовном процессе постановлен приговор. Вместе с тем Верховный Суд РФ дал разъяснения, что постановление о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности также должно признаваться на практике средством установления вновь открывшихся обстоятельств, если они будут признаны существенными для дела². Однако эта позиция находила нестабильную реализацию в правоприменении, что потребовало соответствующей реакции со стороны Конституционного Суда РФ.

Значимо для обеспечения восстановления прав потерпевших, что отныне в рамках производства, предусмотренного гл. 42 ГПК РФ, следует принимать во внимание обстоятельства, установленные в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности. Это не означает, что они в безусловном порядке требуют пересмотра вступивших в законную силу решений, однако в любом случае не могут быть рассмотрены формально. Смоделируем ситуацию. К числу таких обстоятельств однозначно может быть отнесен факт фальсификации доказательств по гражданскому делу. Деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 303 УК РФ, относится к преступлениям небольшой тяжести. Срок давности наступает по истечении двух лет с момента его совершения (ч. 1 ст. 78 УК РФ). Стоит признать, что следственные органы в целом не настроены на своевременное принятие сообщения о таком преступлении, расценивая зачастую его как обращение, притом что решение, в основу которого положено соответствующее доказательство, не отменено. Поэтому велика вероятность, что к моменту вынесения итогового процессуального документа в порядке, предусмотренном ст. 145 УПК РФ, истекли сроки давности уголовного

преследования. Последнее обстоятельство при наличии согласия со стороны предполагаемого субъекта преступления³ влечет необходимость принятия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующему основанию. Ранее – до формирования отчетливой позиции Конституционным Судом РФ в январе 2025 г. – достаточно вероятным было игнорирование судебной инстанцией, решающей вопрос о возобновлении дела ввиду вновь открывшихся обстоятельств, выводов, содержащихся в такого рода документе. В настоящий момент объективные и существенные обстоятельства, которые отражены в этом постановлении, по крайней мере, не могут быть проигнорированы.

Озвученный в целом Конституционным Судом РФ подход постепенно внедряется в практику. Так, решением районного суда удовлетворены иски требования К. к А. о признании права собственности на квартиры. На судебном заседании последний не присутствовал. Согласно представленному в материалах дела заявлению ответчика, якобы подписанному им собственноручно, он признал иски требования. Впоследствии А. инициировал вопрос о пересмотре названного решения по вновь открывшимся обстоятельствам. В обоснование позиции ответчик указал, что следователем СК России вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении К. и другого лица на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. В указанном постановлении установлено наличие в действиях этих субъектов признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ, связанных с фальсификацией доказательств по настоящему гражданскому делу. Определением районного суда, оставленным без изменения апелляционной инстанцией, в удовлетворении заявления о пересмотре решения отказано. В частности отмечено, что представленным постановлением следователя в действиях сторон усмотрены признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ, однако фактически никаких обстоятельств, с достоверностью указывающих на его совершение, не установлено. Вступивший в законную силу приговор суда отсутствует. При этом постановление следователя об отказе в возбуждении дела основанием для пересмотра решения суда являться не может. С этими выводами не согласилась кассационная инстанция. По ее мнению, нижестоящими судами не учтено, что обстоятельства, нашедшие отражение в процессуальном акте, принятом на досудебной стадии уголовного судопроизводства, должны быть детально изучены и получить мотивированную оценку на предмет того, могли ли они повлиять на результат разрешения гражданского дела. Такая оценка должна быть дана вне зависимости от процессуальной фор-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 января 2025 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности ст. 390.14 и ч. 3 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. В. Вишнякова, Н. М. Волокитиной, М. З. Каримова и Н. Н. Наливайко» // КонсультантПлюс: сайт.

² Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» // КонсультантПлюс: сайт.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 5 июня 2014 г. № 1309-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Майоровой Светланы Владимировны на нарушение ее конституционных прав п. 3 ч. 1 ст. 24 и ч. 4 ст. 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт.

мы фиксации соответствующих сведений, т. е. от того, отражены они в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении. Если сведения о фактах криминального характера, в том числе в действиях лиц, участвовавших в гражданском деле, позволяют сделать вывод о незаконности или необоснованности судебного постановления, суд не вправе отказать в его пересмотре, руководствуясь лишь формальными причинами. Тем самым за основу взята ранее озвученная правовая позиция высшего судебного органа. Дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции¹. Как видно, в этом случае в обязательном порядке требовалась оценка обстоятельств, зафиксированных в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела.

Придание соответствующего статуса процессуальным документам следователя, дознавателя повышает значение итогов уголовного судопроизводства с точки зрения последующего восстановления прав пострадавшего от криминального деяния лица в рамках иных процедур. Они могут послужить солидным мостом для уверенного перехода в гражданское судопроизводство или изящным ключом, позволяющим открыть ранее разрешенное гражданское дело. Это требует от субъекта расследования всестороннего и полного изложения в обозначенных постановлениях установленных обстоятельств преступления.

В то же время препятствием к возмещению вреда могут послужить положения ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ. Данная норма предусматривает своеобразную трансформацию такого основания прекращения уголовного преследования, как истечение сроков давности, из нереабилитирующего в реабилитирующее – непричастность подозреваемого, обвиняемого, которая констатируется лишь по той причине, что органы предварительного расследования не успели направить уголовное дело в суд в определенный срок (в зависимости от категории преступления) в ситуации, когда подвергаемое уголовному преследованию лицо возражает против применения п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. При наличии этих вполне вероятных условий должно быть вынесено благоприятное для подозреваемого, обвиняемого постановление о прекращении уголовного преследования со ссылкой на п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ². Очевидно, что этот аргумент при необходимости будет приведен заинтересованной стороной в гражданском судопроизводстве в целях опровержения позиции потерпевшего³. Обратим

внимание, что перед нами некая (и неоправданная!) фикция, когда органы уголовного судопроизводства вынуждены принимать реабилитирующее решение, несмотря на наличие доказательств причастности лица к совершенному преступлению. При этом на данный момент нет ясности в вопросе о том, по какому основанию должно быть прекращено в целом уголовное дело: по п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ с учетом наличия специфической ситуации и отсутствия других однозначно подходящих положений закона; по п. 1 либо п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ как наиболее созвучным реабилитирующей природе непричастности или по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ ввиду его соответствия фактическому положению вещей.

Так, Ж. обратился в суд с заявлением о пересмотре решения суда по вновь открывшимся обстоятельствам. Этим решением с него в пользу Р. взысканы материальный ущерб, причиненный преступлением, в размере 1 038 400 руб., компенсация морального вреда в размере 500 000 руб., а также судебные расходы. Установлено, что произошло дорожно-транспортное происшествие (далее – ДТП) с участием автомобилей под управлением указанных лиц. В результате ДТП оба автомобиля получили механические повреждения, а Р. – телесные повреждения, причинившие тяжкий вред его здоровью. В связи с этим фактом следователем МВД России возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ. Р. признан потерпевшим по уголовному делу. Приговором районного суда Ж. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ. Однако апелляционным постановлением этот приговор отменен, а уголовное дело возвращено прокурору. Основанием для отмены приговора послужили допущенные в ходе расследования уголовного дела нарушения уголовно-процессуального закона, которые не были приняты во внимание судом. Процессуальные действия в виде предъявления Ж. обвинения в совершении преступления, а также составление следователем обвинительного заключения были фактически произведены за пределами срока предварительного следствия. Далее уголовное преследование прекращено в отношении Ж. по п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, то есть в связи с непричастностью обвиняемого к совершению преступления. В этот же день уголовное дело прекращено на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ ввиду истечения сроков давности уголовного преследования.

Из содержания указанных постановлений следовало, что в ходе расследования уголовного дела собраны достаточные доказательства виновности Ж. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ. Несмотря на это, окончить предварительное следствие в порядке, предусмотренном ст. 220 УПК РФ, не представилось возможным ввиду ис-

по гражданскому делу, разрешенному ранее не в его пользу. См.: Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 22 января 2025 г. по делу № 88-351/2025 // КонсультантПлюс: сайт.

¹ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 4 февраля 2025 г. № 88-1917/2025, Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 12 сентября 2024 г. № 33-21037/2024 // КонсультантПлюс: сайт.

² Пункт 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» // КонсультантПлюс: сайт.

³ Более того, такое постановление в руках данного лица может служить средством для возобновления производства

течения срока давности уголовного преследования и наличия возражений против прекращения по указанному основанию со стороны Ж. Таким образом, не установлены какие-либо существенные для гражданского дела обстоятельства, влияющие на существо выводов, сделанных судом, и на правильность принятого по делу решения. В удовлетворении заявления о возобновлении производства отказано¹.

В приведенном примере судебные инстанции справедливо погрузились в содержательную сторону постановлений органов следствия, не свернув на обманчивый путь о якобы установленной непричастности Ж. к содеянному. Законность судебного решения не подверглась сомнению. Однако представим обратное развитие событий, когда, предположим, изначально в удовлетворении иска Р. было бы отказано, и он бы инициировал пересмотр решения по гражданскому делу в связи с результатами уголовного судопроизводства, в рамках которого собраны достаточные доказательства виновности его оппонента в нарушении правил дорожного движения, повлекшем по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека. В таком случае Ж. мог бы выдвинуть контраргумент о непричастности к происшествию, указанной в соответствующем постановлении. Одновременно его позицию усиливал бы тот факт, что такое реабилитирующее решение не было в свое время (что объективно в силу его природы) перечислено Верховным Судом РФ среди создаваемых на досудебном этапе документов, которыми могут быть установлены существенные для гражданского дела обстоятельства в значении ч. 3 ст. 392 ГПК РФ². Исследователи проблемы также на основе обширного анализа практики в свое время констатировали, что в случае прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям пересмотр судебного акта не производится [7]. Своеобразной опорой для пострадавшего от преступления Р. стало бы дополнительно вынесенное постановление о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности (которое сыграло роль и в реальной ситуации). Обращение к данному документу, как видится, упростило бы понимание специфики окончания производства в рассматриваемом случае, когда реабилитация подозреваемого, обвиняемого – это не следствие вывода компетентных органов о его непричастности, а итог затянувшегося расследования. В связи с этим наиболее верным представляется применение подхода к прекращению уголовного дела, выбранного практи-

ками в обозначенном случае³. По крайней мере наиболее неблагоприятным для потерпевшего было бы прекращение уголовного дела в связи с отсутствием события или состава преступления⁴.

Обозначим следующие выводы:

1) принимая процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности или прекращении уголовного дела по данному основанию, следователь, дознаватель должны учитывать его значение для восстановления нарушенных прав потерпевшего в последующем в рамках гражданского процесса, что предопределяет необходимость подробного и логичного изложения обстоятельств установленного криминального деяния (предположим, стоит уделить особое внимание составлению документов по ч. 1 ст. 303 УК РФ, поскольку они, являясь почти единственной «надеждой» потерпевшего в вопросе пересмотра гражданского дела, ожидаемо будут восприниматься соответствующим судом не столь весомыми в отличие от обвинительного приговора);

2) в отсутствие четких разъяснений высших судебных органов видится возможным в случае наступления условий, предусмотренных ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, уголовное преследование прекращать по п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, а уголовное дело – по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (при этом в обоих документах необходимо делать акцент на установленной причастности лица к содеянному и вынужденном характере окончания производства);

3) судам при оценке постановления о прекращении уголовного преследования (а также дела при формировании такой практики) по п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ в связи с применением положений ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ следует учитывать, что констатация непричастности подозреваемого, обвиняемого – это своеобразная фикция, а принципиальное значение имеет содержательная сторона данного решения, отражающая результаты расследования.

³ В то же время буквальное и грамматическое толкование абз. 2 п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» наводит на мысль, что уголовное дело также, по мнению высшего судебного органа, подлежит прекращению по п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (естественно, при условии отсутствия иных вменяемых деяний либо других подозреваемых, обвиняемых). Однако эта позиция, даже если она и подразумевалась, сформулирована не столь отчетливо. В свою очередь смысловое содержание данного абзаца состоит в другом – указании на необходимость применения ст. 237 УПК РФ, если следователь, дознаватель в принципе вопреки требованиям ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ направили дело в суд. Поэтому вопрос о том, по какому основанию следует прекращать именно уголовное дело, не видится решенным. Возможно формирование различных вариантов на практике.

⁴ О допустимости такого варианта неоднократно заявлялось сотрудниками СК России, проходящими повышение квалификации в Екатеринбургском филиале.

¹ Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 28 января 2025 г. № 33-421/2025 // КонсультантПлюс: сайт.

² См.: абз. 3 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» // КонсультантПлюс: сайт.

Библиографический список

1. Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: курс лекций. 9-е изд. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2023. 348 с.
2. Бозров В. Гражданский иск в уголовном деле неуместен // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 29–30.
3. Милицин С., Попкова Е. Уголовное дело и гражданский иск: вместе или порознь? // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 46–48.
4. Владыкина Т. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2013. № 1. С. 86–92.
5. Дегтярев С. Л. Значение судебной практики как источника в регулировании института компенсации морального вреда // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 4. С. 80–88.
6. Солодилов А. В. К вопросу о принципе недопустимости защиты неправа правовыми средствами // Российская юстиция. 2023. № 7. С. 59–75.
7. Казаков А. О. Пересмотр судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам на основании постановления об отказе в возбуждении уголовного дела // Российский юридический журнал. 2021. № 3. С. 107–116.

References

1. Davletov A. A. Criminal proceedings of the Russian Federation. A course of lectures. 9th ed. Yekaterinburg: UMTS UPI Publishing House, LLC, 2023. 348 p.
2. Bozrov V. A civil claim in a criminal case is inappropriate // The Russian justice system. 2001. No. 5. Pp. 29–30.
3. Militsin S., Popkova E. Criminal case and civil claim: together or separately? // Russian justice. 2001. No. 7. Pp. 46–48.
4. Vladykina T. Civil action in criminal proceedings // Criminal law. 2013. No. 1. Pp. 86–92.
5. Degtyarev S. L. The importance of judicial practice as a source in regulating the institution of compensation for moral damage // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 4. Pp. 80–88.
6. Solodilov A. V. On the principle of the inadmissibility of protecting the wrong by legal means // Russian justice. 2023. No. 7. Pp. 59–75.
7. Kazakov A. O. Review of the judicial act on newly discovered circumstances on the basis of the decision on refusal to institute criminal proceedings // Russian Law Journal. 2021. No. 3. Pp. 107–116.

Информация об авторе

Казаков Александр Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Kazakov Aleksandr A. – Candidate of Law, Associate professor

Статья поступила в редакцию 29.01.2025; одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 29.01.2025; approved after reviewing 12.03.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Научная статья
УДК 343.343.3

О реализации органами внутренних дел мер уголовно-правовой охраны в рамках противодействия хулиганству на транспорте: основные проблемы квалификации и пути их разрешения

Крылов Илья Сергеевич

Главное управление на транспорте МВД России, Москва, Россия, ikrylov7@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам практической реализации положений Федерального закона от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Предпринята попытка раскрыть основные проблемы квалификации хулиганства по пункту «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ в правоприменительной практике, обусловленные спецификой места и обстоятельств преступления. Предлагается авторский взгляд на возможные пути преодоления затруднений при разграничении преступлений, предусмотренных указанной статьей УК РФ, от смежных составов и административных правонарушений.

Ключевые слова: нарушение общественного порядка, хулиганство, совершенное на различных видах транспорта, Федеральный закон 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ, объект преступления, признаки объективной стороны преступления

Для цитирования: Крылов И. С. О реализации органами внутренних дел мер уголовно-правовой охраны в рамках противодействия хулиганству на транспорте: основные проблемы квалификации и пути их разрешения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 87–93.

Original article

On the implementation by the internal affairs bodies of criminal law protection measures in the framework of countering hooliganism in transport: the main problems of qualification and prospects for their resolution

Krylov Ilya S.

The Main Department for Transport of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, ikrylov7@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of practical implementation of the provisions of Federal Law No. 60-FZ dated April 3, 2017 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Art. 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation». An attempt is made to reveal the main problems of qualification of hooliganism under paragraph «b» of part 1 of Art. 213 of the Criminal Code of the Russian Federation in law enforcement practice, due to the specifics of the place and circumstances of the crime. The author's view is offered on possible ways to overcome difficulties in distinguishing crimes provided for in the specified article of the Criminal Code of the Russian Federation from related structures and administrative offenses.

Keywords: violation of public order, hooliganism committed on various types of transport, Federal Law No. 60-FZ dated 04/03/2017, the object of the crime, the specifics of the elements of the objective side of the crime

For citation: Krylov I. S. On the implementation by the internal affairs bodies of criminal law protection measures in the framework of countering hooliganism in transport: the main problems of qualification and prospects for their resolution // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 87–93.

Порядка семи лет прошло с момента законодательного закрепления квалифицирующего признака хулиганства, совершенного на различных видах транспорта, предусмотренного Федеральным законом от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ¹ (далее – Федеральный закон № 60-ФЗ). Следует отметить, что на начальном этапе проблемным вопросам квалификации деяния, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, представителями научного сообщества уделялось достаточно много внимания.

К примеру, одними из первых уголовно-правовую характеристику хулиганства, совершенного на различных видах транспорта, представили научные сотрудники ФГКУ «ВНИИ МВД России»². На трудности определения понятийного аппарата для квалификации «транспортного» хулиганства обращал внимание профессор С. Н. Сабанин [1]. Проблематика выработки единообразных подходов к квалификации «транспортного» хулиганства широко освещалась в работах М. В. Баранчиковой [2; 3], а также в публикациях Ю. В. Голик [4], А. Ю. Сичкаренко [5], Н. В. Самойлюк [6] и др.

Отдельным аспектам правоприменительной практики и подходам к квалификации хулиганства, совершенного на различных видах транспорта, также уделялось внимание в работах, посвященных вопросам документирования и расследования преступлений по отмеченному составу [7; 8], определения объективных признаков преступления [9; 10], отграничения его от мелкого хулиганства [11], а также профилактики данных противоправных деяний [12].

В ранее проведенных исследованиях уделялось внимание особенностям подходов по установлению объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Однако формулировка, приведенная законодателем, и практика применения отмеченного уголовного закона не позволили в полной мере сформировать унифицированные и четко определенные критерии, позволяющие единообразно квалифицировать действия дебоширов, совершенные на транспорте.

Следует отметить, что выделение хулиганства, совершенного на различных видах транспорта, в отдельный состав преступления не способствовало решению проблемы квалификации деяния, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Не в полной мере решен этот вопрос и в рамках актуализации³ поста-

новления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45⁴ (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 45).

В том числе и по этим причинам практически по каждому пятому уголовному делу о хулиганстве на транспорте решение о возбуждении принимается при отмене постановления о возбуждении уголовного дела.

К примеру, по решениям дознавателей органов внутренних дел на транспорте в 2021 году 11 постановлений о возбуждении уголовного дела по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ отменены, что составило 17,7 % от 62 преступлений, по которым уголовные дела зарегистрированы в отчетном периоде, в 2022 г. – 12 из 59 (20,3 %), в 2023 г. – 9 из 38 (23,6 %), в 2024 г. – 14 из 94 (14,9 %)⁵.

В этой связи представляется, что вопрос установления формализованных подходов к определению особенностей объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, все еще сохраняет свою актуальность. Представляется, что предпринимаемая попытка их конкретизации положительно отразится на состоянии законности и практике проведения доследственных проверок по таким фактам.

С учетом требований к определению грубого нарушения общественного порядка, изложенных в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 45, при разграничении уголовно наказуемого хулиганства, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, от мелкого хулиганства (ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ) полагаем возможным руководствоваться различиями, характеризующими объективную сторону преступления.

В данном случае необходимо учитывать, что транспортная деятельность в целом и оказание услуг в сфере пассажирских перевозок в частности достаточно урегулированы нормативными правовыми и подзаконными актами. Относительно транспортной сферы к грубому нарушению общественного порядка не могут быть отнесены действия лица, связанные исключительно с нахождением виновного лица в состоянии опьянения, с употреблением нарушителем нецензурной брани в отношении пассажиров и

Федерации по уголовным делам» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 07.12.2024).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 07.12.2024).

⁵ В данном случае и далее используются аналитические сведения ФКУ «ГИАЦ МВД России» по форме статистической отчетности «4-ЕГС» за период 2021–2024 гг., утвержденной приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 475 «О внесении изменения в приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 2 июля 2012 г. № 250 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС, № 2-ЕГС, № 3-ЕГС, № 4-ЕГС» // URL: <https://svps.mvd.ru/web/guest> (дата обращения: 09.11.2024).

¹ Федеральный закон от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 05.09.2024).

² Материалы надзорных производств по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, расследованных подразделениями дознания УТ МВД России по федеральным округам, Восточно-Сибирского и Забайкальского ЛУ МВД России на транспорте в период 2017–2023 гг.

³ Пункт 1 (2) Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2024 г. № 36 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской

персонала объектов транспортной инфраструктуры, с высказыванием угроз о расправе или причинении телесных повреждений, с публичным оскорблением присутствующих (представителей перевозчика или других пассажиров).

Полагаем, что об уголовно-правовом характере будет свидетельствовать совокупность вышеуказанных действий, которые при этом сопряжены с *пренебрежительным отношением правонарушителя к установленным перевозчиком и общепризнанным правилам поведения при осуществлении пассажирских перевозок в транспорте* (устанавливаются перевозчиком и носят предписывающий характер), *эскалацией конфликтной ситуации*, то есть продолжением противоправных действий, несмотря на замечания других пассажиров и представителей перевозчика, выраженных как в устном, так и письменном виде, либо *иными агрессивными, в том числе неконтролируемыми действиями* в присутствии окружающих, угрожающими безопасной эксплуатации общественного транспорта (например, попытки открыть двери или иллюминаторы в самолете, проникнуть в кабину пилота (машиниста, водителя) при наличии хулиганских мотивов и т. п.) и нормальной работе транспортных организаций, беспричинной порче имущества, которые стали основанием применения к правонарушителю средств сдерживания или принятия уполномоченными перевозчиком лицами решения об изменении маршрута движения пассажирского рейса (вынужденная посадка, остановка, стоянка и т. д.).

При этом к пренебрежительному отношению правонарушителя к установленным перевозчиком правилам поведения на общественном транспорте следует относить: совершение правонарушителем действий, препятствующих работе персонала перевозчика и отдыху пассажиров, выражающихся совокупностью (три и более) нарушений правил поведения, установленных перевозчиком, во время пассажирской перевозки; беспричинное нанесение вреда имуществу перевозчика или других пассажиров, а также применение насилия к представителям перевозчика или другим пассажирам; сопряженные с невыполнением неоднократных (два и более раза) требований уполномоченных представителей перевозчика (начальник поезда, командир воздушного судна, капитан судна и иной персонал) о соблюдении правил поведения при оказании услуг по пассажирской перевозке и (или) прекращении противоправных действий, высказанных устно.

Эскалацией конфликтной ситуации необходимо считать действия, выражающиеся в продолжении противоправного поведения деструктивным пассажиром после предупреждения о необходимости их прекращения уполномоченными представителями перевозчика в письменном виде (вручение соответствующего документа установленного образца).

Следует отметить, что в настоящее время применение специальных средств сдерживания (пластиковые наручники, нейлоновые ремни –

средства связывания)¹ как исключительная мера принудительного воздействия к недисциплинированному пассажиру предусмотрено только на воздушном транспорте. При этом их использование строго регламентировано, осуществляется на основании решения командира воздушного судна и является обоснованным в случае, если нарушитель порядка на борту данного судна отказывается подчиняться распоряжениям его командира, создавая своими действиями непосредственную угрозу безопасности полета либо угрозу жизни или здоровью других лиц, а также в случае создания препятствий для исполнения членами экипажа воздушного судна своих должностных обязанностей, и не реагируя на предупреждения².

Таким образом, условия, определяющие применение средств сдерживания в отношении пассажира, в том числе законно предоставленное право на такие меры реагирования командиром воздушного судна и членами экипажа³, обоснованно указывают на квалификацию действий пассажира как грубое нарушение общественного порядка и носят уголовно-правовой характер.

В связи с указанными обстоятельствами каждый случай применения специальных средств сдерживания на борту воздушного судна изначально надлежит рассматривать исключительно с точки зрения уголовного закона, и только в случае отсутствия признаков преступления этим действиям должна даваться оценка с позиции законодательства об административных правонарушениях.

Аналогичный подход следует применять и в случае принятия уполномоченным представителем перевозчика решения об изменении маршрута следования вследствие действий деструктивного пассажира и продолжения им противоправного поведения после вручения ему письменного предупреждения о недопустимости такого поведения.

При этом *не образующие совокупности действия дебоширов*, связанные с курением, пересадкой с одного места на другое без согласования с уполномоченными представителями перевозчика, распитием

¹ Перечень специальных средств сдерживания, которые размещены на борту воздушного судна, утвержден постановлением Правительства РФ от 28 мая 2022 г. № 978 // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 05.11.2024).

² См.: например, п. 2–6 Правил действий членов экипажа воздушного судна и сотрудников службы авиационной безопасности эксплуатанта (авиационного предприятия) при пресечении противоправных действий на борту воздушного судна лиц, которые своими действиями создают непосредственную угрозу безопасности полета воздушного судна либо угрозу жизни или здоровью других лиц и отказываются подчиняться распоряжениям командира воздушного судна, перечня специальных средств сдерживания, которые размещены на борту воздушного судна, утвержденных постановлением Правительства РФ от 28 мая 2022 г. № 978 // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 05.11.2024).

³ См.: например, ст. 58, 85.2 Воздушного кодекса Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 05.11.2024).

алкогольной продукции, нахождением в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, громкой речью и (или) использованием нецензурной лексики, навязыванием своего общества другим пассажирам, созданием препятствий для свободного перемещения в транспортном средстве другим пассажирам, оскорблением и (или) словесными угрозами в адрес представителей перевозчика или других пассажиров, по нашему мнению, *не подлежат уголовно-правовой оценке*.

Второй вопрос, который до настоящего времени не получил единообразного толкования, связан со спецификой места совершения хулиганства на различных видах транспорта. Полагаем, что при «транспортном» хулиганстве, в отличие от иных его видов, данная специфика сводится к трем ключевым моментам.

Первый аспект связан с особенностями места совершения противоправного деяния. Исходя из диспозиции п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, обязательным условием для квалификации преступления по рассматриваемому составу является место совершения преступного деяния, которое должно соотноситься исключительно с различными видами транспорта общего пользования.

Результаты анализа законодательства в сфере транспорта и обеспечения транспортной безопасности указывают, что использованная в диспозиции п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ формулировка не в полной мере соответствует содержанию понятия «транспорт», что приводит к его расширительному толкованию, согласно которому в качестве места совершения рассматриваемого преступления могут быть учтены не только сами транспортные средства, т. е. конкретные единицы подвижного состава, но и сопутствующие их деятельности объекты транспортной инфраструктуры, относящиеся как к перевозочному (вокзальные комплексы, остановочные платформы и т. д.), так и к технологическому (депо, стоянки, пункты технического обслуживания и т. д.) секторам.

Принимая во внимание мотив, которым руководствовался законодатель при подготовке законопроекта № 572517-5¹, необходимо отметить, что нормы, предусмотренные п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, нацелены и подлежат применению исключительно при осуществ-

¹ В пояснительной записке к законопроекту № 572517-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств)», подготовленному к первому чтению указано, что одним из факторов, создающих повышенную потенциальную и реальную опасность для жизненно важных интересов личности, общества и государства, представляют хулиганские действия, совершенные на транспортных средствах. Тем самым обозначена замкнутость пространства транспортного средства в качестве одного из критериев повышенной опасности противоправного поведения граждан (размещена 01.07.2011 в сети Интернет). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/572517-5>.

лении уголовно-правовой охраны общественного порядка, действующего внутри транспортного средства, относящегося к перечисленным в статье его видам, и не распространяются на стационарные объекты транспорта и транспортной инфраструктуры.

Следовательно, определяя место совершения «транспортного» хулиганства, необходимо разграничивать понятие «транспорт», употребляемое в широком смысле как технологический комплекс, и в узком – как единица подвижного состава.

Учитывая позицию законодателя, в правоприменительной деятельности необходимо руководствоваться подходом, при котором *квалифицировать преступление по указанному составу следует только в случае совершения деяния внутри транспортного средства*.

Также важно понимать, что не любое транспортное средство может иметь значение для квалификации «транспортного» хулиганства.

Принимая во внимание, что исследуемый состав преступления нацелен на обеспечение уголовно-правовой охраны общественного порядка на транспорте, то транспортное средство, являющееся местом совершения преступления, должно относиться к общественному транспорту, иначе говоря, к транспорту общего пользования, предназначенному для пассажирских перевозок. Следовательно, данное *транспортное средство технически должно быть предназначено для перевозки физических лиц, грузов, багажа, ручной клади и личных вещей граждан, и в момент преступного посягательства должно использоваться для пассажирской перевозки, осуществляемой при условии удовлетворения обращений неопределенного круга лиц*.

В этом контексте противоправные действия, схожие с хулиганством, совершенные лицом внутри транспортного средства, находящегося на технологической стоянке или в период его подготовки к рейсу (например, до посадки пассажиров), по нашему мнению, не подлежат квалификации по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ в связи с отсутствием объекта преступного посягательства.

При выполнении двух вышеуказанных условий также важным обстоятельством для квалификации «транспортного» хулиганства является непосредственное место (помещение) в транспортном средстве, в котором совершаются хулиганские действия.

Общепризнанные критерии отнесения какой-либо территории, местности или места к общественному сводятся к возможности свободного доступа неограниченного круга лиц в определенное время с определенными целями на указанную территорию.

В данном случае *особенности технологического устройства подвижного состава, его внутренняя организация и обособление помещений служебного или иного специального назначения, свободный доступ в которые ограничен, не могут быть отнесены к общественным местам вне зависимости от каких-либо условий, а также в период нерабочего времени, следовательно, рассматриваемый обязательный*

признак объективной стороны будет отсутствовать.

Например, на железнодорожном транспорте кабина машинистов, служебное помещение проводника, купе для их отдыха и специальное помещение для хранения постельных принадлежностей, а также машинное, котельное, румпельное отделения, грузовой трюм и рулевая рубка на морских и иных судах не являются общественными местами вне зависимости от времени суток и режима работы. При этом вагон-ресторан пассажирского поезда или кают-компания на судне утрачивают признаки общественного места после их закрытия и прекращения работы согласно графику.

Последовательно проецируя вышеуказанные условия на каждый вид транспорта, указанный в диспозиции рассматриваемой статьи УК РФ, представляется целесообразным отметить, что под хулиганством **на железнодорожном транспорте** следует понимать его совершение в железнодорожном подвижном составе общего пользования, состоящем из пассажирских вагонов поездов дальнего следования или пригородного сообщения, осуществляющих междугородную, международную, внутригородскую или пригородную перевозку пассажиров в соответствии с установленным порядком и не задействованных в специальных, в том числе воинских перевозках¹.

Хулиганство надлежит квалифицировать как совершенное **на морском транспорте** при установлении следующих обстоятельств: преступление совершено на морском судне, судне внутреннего плавания, судне смешанного (река-море) плавания, имеющих национальность Российской Федерации, пассажирское свидетельство, за исключением военных кораблей и военно-вспомогательных судов, и осуществляющих пассажирские перевозки в установленном порядке во время их плавания по морским путям, а также по внутренним водным путям при осуществлении каботаж².

Много общего в характеристиках морского и внутреннего водного транспорта. Противоправное деяние надлежит квалифицировать как хулиганство, совершенное **на внутреннем водном транспорте**, при установлении следующих обстоятельств: преступление совершено на внутреннем водном пассажирском судне, судне смешанного (река-море) плавания, имеющих национальность Российской Федерации, пассажирское свидетельство, за исключением военных кораблей, пограничных кораблей, военно-вспомогательных судов, а также судов, используемых в целях транспортного обслуживания и (или) обеспечения безопасности объектов государственной охраны, в

¹ Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» и Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 05.11.2024).

² Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 05.11.2024).

отношении которых действуют особые условия плавания, и осуществляющих пассажирские перевозки в установленном порядке во время их плавания по внутренним водным путям, в том числе в акваториях речных портов, и по морским трассам³.

Хулиганство надлежит квалифицировать как совершенное **на воздушном транспорте** в случае, если преступление совершено на воздушном судне исключительно гражданской авиации общего назначения, имеющем национальность Российской Федерации, во время полета и при осуществлении пассажирской перевозки в установленном порядке⁴.

В диспозиции квалифицированного состава хулиганства, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, помимо вышеперечисленных видов транспорта законодателем указана **еще одна группа транспортных средств, обозначенная термином «иной транспорт общего пользования»**. При значительном разнообразии видов общественного транспорта законодатель избрал рациональный подход к обеспечению уголовно-правовой охраны общественного порядка на всех видах общественного транспорта, объединив все остальные его разновидности, не попадающие под четыре вышеуказанные категории, в одну группу.

В этой связи обозначенную группу транспорта общего пользования целесообразно условно разделить на три подгруппы: **автомобильный транспорт, городской наземный электрический транспорт и внеуличный транспорт**.

Таким образом, приведенные в законодательстве и подзаконных актах Российской Федерации признаки отмеченной группы транспорта общего пользования указывают, что хулиганство надлежит квалифицировать как совершенное на ином транспорте общего пользования в случае, если преступление совершено в автобусе⁵; трамвае, троллейбусе, электробусе⁶; в вагонах метрополитена, монорельсовой дороги, канатной дороги или фуникулера⁷, которые предназначены для осуществления пассажирских перевозок в

³ Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 05.11.2024).

⁴ Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 05.11.2024).

⁵ Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 05.11.2024).

⁶ См.: например, п. 2 ч. 1 ст. 2 проекта Федерального закона (подготовлен Минтранс России, ID проекта 02/04/08-21/00118904), (не внесен в Государственную Думу Российской Федерации, текст по состоянию на 05.08.2021) «Об автомобильном транспорте и городском наземном электрическом транспорте» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 05.11.2024).

⁷ Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 442-ФЗ «О внеуличном транспорте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 05.11.2024).

режиме городского или внеуличного общественного транспорта¹.

Исследуя объективные признаки хулиганства, совершенного на транспорте, также стоит уделить внимание его *дополнительному (факультативному) объекту*, который, заслуживая в иных случаях самостоятельной уголовно-правовой охраны, в исследуемой ситуации охраняется «попутно». При совершении грубого нарушения общественного порядка данный объект может ставиться в опасность причинения вреда, но не обязательно. Прежде всего, в качестве таковых могут выступать здоровье, собственность, социальные и иные права граждан.

Установление дополнительного объекта хулиганства, совершенного на различных видах транспорта, при квалификации действий виновного лица, в результате которых причиняется вред здоровью или непосредственно имуществу транспортного средства, практически не вызывает затруднений, благодаря существующим научно обоснованным и реализованным на практике подходам.

Вопросы причинения таким объектам вреда в результате хулиганских действий представителей некоторых субкультурных (экстремистских) движений рассматривались в диссертации Хренова А. В. [13], групповых форм хулиганства – в работах Жих Ю. И. [14], грубого нарушения общественного порядка, сопряженного с посягательством на собственность, – в научных трудах Новикова А. В. [12] и Кудашкина С. К. [7], а также в диссертации Рагулина А. В. – в части хулиганства, сопряженного с сопротивлением представителю власти [8].

Наряду с «транспортным» хулиганством Федеральным законом № 60-ФЗ УК РФ дополнен ст. 267.1, предусматривающей ответственность за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств.

При схожести признаков объективной стороны преступления, связанных с хулиганскими действиями, данные составы преступлений внесены законодателем в разные главы УК РФ, что указывает на существенное различие объектов уголовно-правовой охраны. Однако Пленум Верховного Суда РФ не дает разъяснений по поводу дифференцирования этих составов.

В этой связи в целях разграничения отмеченных уголовно наказуемых деяний представляется логичным использовать следующий подход: необходимо уяснить, что в качестве основного непосредственного объекта преступного посягательства, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, определены общественные отношения, обеспечивающие состояние общественного порядка при использовании гражданами различных видов транспорта общего пользования в целях пассажирских перевозок, а дополнительным непосредственным объектом являются отношения

¹ К примеру, канатные дороги или фуникулеры, размещенные на закрытой территории, например, в санаторно-курортных учреждениях, к таковым относится не будут.

по обеспечению безопасности здоровья, имущества, чести и достоинства людей, а также нормальные условия эксплуатации транспорта общего пользования.

При этом основным непосредственным объектом преступного деяния, предусмотренного ст. 267.1 УК РФ, являются общественные отношения, регулирующие вопросы безопасности эксплуатации любого транспортного средства, то есть не только пассажирского, что характерно для хулиганства.

При разграничении рассматриваемых составов важно учитывать и мотив, являющийся обязательным признаком объективной стороны преступления по ст. 267.1 УК РФ. Общественный порядок в этой ситуации выступает в качестве дополнительного объекта уголовно-правовой охраны, а не основного, что присуще преступлениям, предусмотренным п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Объективная сторона преступного деяния, запрещенного ст. 267.1 УК РФ, выражена действиями, создающими угрозу безопасной эксплуатации любого транспортного средства. Таким образом, *понятие «транспортное средство» для ст. 267.1 УК РФ существенно шире, так как включает в себя все виды транспортных средств, в то время как для хулиганства имеет значение только пассажирский транспорт общего пользования.*

Также необходимо иметь в виду и то, что *хулиганство может совершаться исключительно внутри транспортного средства, тогда как действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, могут быть совершены и внутри него² и снаружи, но встречается чаще всего³.* Такой подход подтверждается позицией разработчиков Федерального закона № 60-ФЗ.

Подводя итог проведенному исследованию, представляется логичным отметить, что в случае закрепления представленных концептуальных положений в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации проблематика разграничения хулиганства, совершенного на различных видах транспорта, будет разрешена, что в свою очередь положительно скажется на повышении эффективности правоохранительной деятельности, осуществляемой органами внутренних дел на транспорте.

Библиографический список

1. Сабанин С. Н., Балашова Ю. В. Транспортное средство как место совершения преступления с хулиганскими побуждениями // Вестник Уральского

² Например, угроза проникновения в кабину экипажа и управление транспортным средством, открытие иллюминаторов или дверей в пути следования и т. д.

³ Например, умышленные действия по ослеплению лица, управляющего транспортным средством, путем использования лазерного устройства; обкидывание подвижного состава камнями (иными предметами), стрельба из оружия из хулиганского мотива по транспортному средству, наложение посторонних предметов на проезжую часть или в колею рельсового транспортного средства.

юридического института МВД России. 2019. № 2 (22). С. 82–85.

2. Баранчикова М. В. Уголовная ответственность за хулиганство на транспорте и его отграничение от смежных составов правонарушений // Сибирский юридический вестник. 2019. № 2 (85). С. 71–76.

3. Баранчикова М. В. Квалификация преступных нарушений требований безопасности на городском пассажирском транспорте / под общ. ред. А. М. Багмета // Нарушение требований безопасности в ходе эксплуатации промышленных объектов и объектов социальной инфраструктуры: квалификация и исследование: материалы Международ. науч.-практич. Конференции. М., 1 ноября 2018 г. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. С. 13–16.

4. Голик Ю. В. Ответственность за хулиганство: изменение законодательства // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 8 (129). С. 162–166.

5. Сичкаренко А. Ю. Актуальные вопросы квалификации «транспортного» хулиганства // Уголовное право. 2017. № 6. С. 55–59.

6. Самойлюк Н. В. Вопросы уголовной ответственности за хулиганство и преступления, совершенные из хулиганских побуждений на объектах транспорта общего пользования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (79). С. 96–100.

7. Кудашкин С. К. Групповое хулиганство и массовые беспорядки: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2020. 270 с.

8. Рагулин А. И. Хулиганство: уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Челябинск, 2005. 206 с.

9. Крылов И. С. Общественный порядок на транспорте как объект уголовно-правовой охраны // Академическая мысль. 2022. № 4 (21). С. 190–194.

10. Крылов И. С. Проблемы противодействия хулиганству на различных видах транспорта // Транспортное право и безопасность. 2022. № 1 (41). С. 78–84.

11. Куприянов Е. И., Майорова Е. И., Яковлева Л. В. Хулиганство, совершенное на транспорте общего пользования // Российский следователь. 2018. № 4. С. 51–53.

12. Новиков А. В. Преступления против общественного порядка, сопряженные с посягательством на собственность: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 2009. 267 с.

13. Хренов А. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с хулиганством: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2005. 175 с.

14. Жих Ю. И. Уголовная ответственность за групповое хулиганство: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Волгоград, 1998. 152 с.

References

1. Sabanin S. N., Balashova Yu. V. A vehicle as a crime scene with hooligan motives // Bulletin of the Ural Law

Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2 (22). Pp. 82–85.

2. Baranchikova M. V. Criminal liability for hooliganism in transport and its separation from related offenses // Siberian Law Bulletin. 2019. No. 2 (85). Pp. 71–76.

3. Baranchikova M. V. Qualification of criminal violations of safety requirements in urban passenger transport / under the gen. ed. of A. M. Bagmet // Violation of safety requirements during the operation of industrial facilities and social infrastructure facilities: qualification and investigation: materials of the International scientific and practical. Moscow, November 1, 2018. M.: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2018. Pp. 13–16.

4. Golik Yu. V. Responsibility for hooliganism: changing legislation // Lex Russica (Russian Law). 2017. No. 8 (129). Pp. 162–166.

5. Sichkarenko A. Y. Actual issues of qualification of «transport» hooliganism // Criminal law. 2017. No. 6. Pp. 55–59.

6. Samoylyuk N. V. Issues of criminal liability for hooliganism and crimes committed for hooligan motives at public transport facilities // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 3 (79). Pp. 96–100.

7. Kudashkin S. K. Group hooliganism and mass riots: criminal-legal characteristics and problems of qualification: dis. ... kand. jurid. sciences': 12.00.08. M.: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 270 p.

8. Ragulin A. I. Hooliganism: criminal and legal aspects: dis. ... cand. jurid. sciences': 12.00.08. Chelyabinsk, 2005. 206 p.

9. Krylov I. S. Public order in transport as an object of criminal law protection // Academic thought. 2022. No. 4 (21). Pp. 190–194.

10. Krylov I. S. Problems of countering hooliganism in various modes of transport // Transport law and security. 2022. No. 1 (41). Pp. 78–84.

11. Kupriyanov E. I., Mayorova E. I., Yakovleva L. V. Hooliganism committed on public transport // A Russian investigator. 2018. No. 4. Pp. 51–53.

12. Novikov A. V. Crimes against public order involving encroachment on property: dis. ... cand. jurid. sciences': 12.00.08. Saratov, 2009. 267 p.

13. Khrenov A. V. Criminal law and criminological aspects of combating hooliganism: dis. ... cand. jurid. sciences': 12.00.08. M., 2005. 175 p.

14. Zhikh Yu. I. Criminal liability for group hooliganism: dis. ... cand. jurid. sciences': 12.00.08. Volgograd, 1998. 152 p.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 09.01.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 09.01.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Научная статья
УДК 343.241

Наказание в виде штрафа в санкциях норм о преступлениях в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности: проблемы законодательного закрепления

Лихолетов Александр Александрович
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, A.Likholetov@mail.ru

Аннотация. Помимо задач, поставленных обществом и государством перед уголовным законом нашей страны, которые сформулированы в ч. 1 ст. 2 УК РФ, свое нормативное закрепление нашли и средства их решения. Одним из инструментов, позволяющих осуществлять уголовно-правовую охрану наиболее важных общественных отношений, является нормативно предусмотренная возможность установления видов наказания за совершение преступлений, которая реализуется в рамках процесса пенализации, выступающего одним из основополагающих элементов уголовно-правовой политики. В данной статье на основе анализа санкций норм о преступлениях в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности и практики назначения наказания в виде штрафа за их совершение рассматриваются отдельные проблемы законодательной пенализации и формулируются предложения по их устранению.

Ключевые слова: наказание, преступления в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности, пенализация, санкция, штраф

Для цитирования: Лихолетов А. А. Наказание в виде штрафа в санкциях норм о преступлениях в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности: проблемы законодательного закрепления // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 94–100.

Original article

Punishment in the form of a fine in the sanctions of the rules on crimes in the sphere of implementing special types of entrepreneurial activities: problems of legislative regulation

Likholetov Alexander A.
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia, A.Likholetov@mail.ru

Abstract. In addition to the tasks set by society and the state before the criminal law of our country, which are formulated in Part 1 of Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation, the means for their solution have also found their normative consolidation. One of the tools that allow for the implementation of criminal-legal protection of the most important social relations is the normatively provided opportunity to establish types of punishment for committing crimes, which is implemented within the framework of the penalization process, which is one of the fundamental elements of criminal-legal policy. In this article, based on the analysis of sanctions of the norms on crimes in the sphere of implementation of special types of entrepreneurial activity and the practice of imposing punishment in the form of a fine for their commission, individual problems of legislative penalization are considered and proposals for their elimination are formulated.

Keywords: punishment, crimes in the sphere of implementation of special types of entrepreneurial activity, penalization, sanction, fine

For citation: Likholetov A. A. Punishment in the form of a fine in the sanctions of the rules on crimes in the sphere of implementing special types of entrepreneurial activities: problems of legislative regulation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 94–100.

В науке пенализацией традиционно признают определение характера наказуемости криминализованного деяния и назначение уголовного наказания [1, с. 241; 2, с. 193] и выделяют два ее вида – законодательную и практическую [3, с. 143].

Следует отметить, что преступлениями в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности следует считать виновно совершенные общественно опасные деяния, запрещенные уголовным законом под угрозой наказания, посягающие на общественные отношения, возникающие в связи с организацией и осуществлением отдельных видов предпринимательства на основании полученного в соответствии с действующим законодательством специального разрешения или лицензии, как на основной объект. В настоящее время к указанным деяниям можно отнести следующие составы преступлений в сфере экономической деятельности: ст. 171 «Незаконное предпринимательство», ст. 171.2 «Незаконные организация и проведение азартных игр», ст. 171.3 «Незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодер-

жащей продукции, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства», ст. 171.4 «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции», ст. 172 «Незаконная банковская деятельность» УК РФ. При этом незаконное предпринимательство до недавнего времени¹ в приведенном перечне выступало в качестве общей нормы по отношению к остальным преступлениям и относилось к рассматриваемой группе в случаях ведения предпринимательской деятельности без лицензии [4, с. 24].

Анализируя преступления в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности, можно констатировать, что штраф в качестве основного наказания предусмотрен санкциями всех простых составов. В квалифицированных составах рассматриваемая мера государственного принуждения содержится лишь в трех статьях (ст. 171–171.3 УК РФ). Особо квалифицированный состав предусмотрен только в ч. 3 ст. 171.2 УК РФ, санкция которой также содержит штраф (таблица 1).

Таблица 1

Размеры основных наказаний в виде штрафа по преступлениям в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности

ОСНОВНОЙ СОСТАВ					
	ч. 1 ст. 171 УК РФ	ч. 1 ст. 171.2 УК РФ	ч. 1 (ч. 1.1) ст. 171.3 УК РФ	ст. 171.4 УК РФ	ч. 1 ст. 172 УК РФ
РАЗМЕР НАКАЗАНИЯ					
в фиксированной сумме	до 300 000 рублей	от 300 000 до 500 000 рублей	от 2 000 000 до 3 000 000 (от 500 000 до 1 000 000) рублей	от 50 000 до 80 000 рублей	от 100 000 до 300 000 рублей
в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период	до 2 лет	от 1 года до 3 лет	от 1 года до 3 лет	от 3 месяцев до 6 месяцев	от 1 года до 2 лет
КВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ СОСТАВ					
	ч. 2 ст. 171 УК РФ	ч. 2 ст. 171.2 УК РФ	ч. 2 ст. 171.3 УК РФ	ч. 2 ст. 172 УК РФ	
РАЗМЕР НАКАЗАНИЯ					
в фиксированной сумме	от 100 000 до 500 000 рублей	от 500 000 до 1 000 000 рублей	от 3 000 000 до 4 000 000 рублей	–	
в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период	от 1 года до 3 лет	от 3 до 5 лет	от 2 до 4 лет	–	
ОСОБО КВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ СОСТАВ					
ч. 3 ст. 171.2 УК РФ					
РАЗМЕР НАКАЗАНИЯ					
в фиксированной сумме	от 1 000 000 до 1 500 000 рублей				
в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период	от 4 до 5 лет				

В качестве дополнительного наказания штраф закреплён:

- в одном простом составе (ч. 1 ст. 172 УК РФ);
- в трех квалифицированных составах (ч. 2 ст. 171, ч. 2 ст. 171.2, ч. 2 ст. 172 УК РФ).

– в одном особо квалифицированном составе (ч. 3 ст. 171.2 УК РФ) (таблица 2).

¹ Федеральным законом от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ в ст. 171 УК РФ были внесены существенные изменения, декриминализировавшие формы незаконного предпринимательства, сопряженные с извлечением дохода в крупном (особо крупном) размере.

**Размеры дополнительных наказаний в виде штрафа
по преступлениям в сфере осуществления специальных видов
предпринимательской деятельности**

ОСНОВНОЙ СОСТАВ				
ч. 1 ст. 171 УК РФ	ч. 1 ст. 171.2 УК РФ	ч. 1 (ч. 1.1) ст. 171.3 УК РФ	ст. 171.4 УК РФ	ч. 1 ст. 172 УК РФ
–	–	–	–	до 80 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев
КВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ СОСТАВ				
ч. 2 ст. 171 УК РФ	ч. 2 ст. 171.2 УК РФ	ч. 2 ст. 171.3 УК РФ	ч. 2 ст. 172 УК РФ	
до 80 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев	до 500 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 лет или без такового	–	до 1 000 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет	
ОСОБО КВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ СОСТАВ				
ч. 3 ст. 171.2 УК РФ				
до 1 000 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет				

Изучение судебной практики¹ позволяет прийти к выводу, что по преступлениям в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности штраф в качестве меры государственного принуждения применяется в большинстве случаев и составляет 47,9 % от общего количества назначенных наказаний за совершение рассматриваемых деяний.

Среди основных наказаний в санкциях всех составов данных посягательств предусмотрен штраф, минимальный размер которого нашел законодательное отражение в санкции ч. 1 ст. 171 УК РФ, не предусматривающей нижнего порога данной меры государственного принуждения и в соответствии с ч. 2 ст. 46 УК РФ составляющий 5000 рублей. Наибольший показатель штрафа закреплён в ч. 2 ст. 171.3 УК РФ и ограничен фиксированной суммой – 4 000 000 рублей.

Сравнительный анализ размеров наказания в виде штрафа, предусмотренного санкциями преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности, позволяет констатировать определенную деформацию системного подхода в рамках законодательной пенализации изучаемых уголовно наказуемых деяний.

В первую очередь обращает на себя внимание отсутствие корреляции между суммой штрафа, которую вправе определить суд при постановлении пригово-

ра и порогового значения, определяющего объем незаконно извлеченного дохода (причиненного ущерба или размера преступной деятельности). В частности, максимальная величина денежного взыскания, предусмотренная в простых составах незаконного предпринимательства и банковской деятельности (300 000 рублей) абсолютно не сопоставима с суммой, выступающей в качестве конститутивного признака (доход в крупном размере² или крупный ущерб) указанных составов преступлений и составляющей в настоящий момент 3 500 000 рублей.

Необоснованно низкие размеры штрафа в ст. 171 и 172 УК РФ можно объяснить тем обстоятельством, что они были установлены более 20 лет назад³, до настоящего момента законодателем не пересматривались и не соответствуют современным экономическим реалиям, в том числе уровню инфляции, курсу валют и среднему заработку в нашей стране.

Примечание к ст. 170.2 УК РФ, определяющее размер крупного и особо крупного дохода (ущерба), было включено в уголовный закон в 2016 г.⁴ (спустя 13 лет после внесения рассмотренных выше изменений в санкции) и подвергнуто существенному преоб-

¹ Всего в процессе изучения практики назначения судами наказаний за совершение преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности, находящихся в гл. 22 УК РФ, исследовано 1209 приговоров, постановленных в период с 1 января 2017 г. по 1 декабря 2024 г. и размещенных в свободном доступе на сайтах Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» (<https://sudrf.ru/>), «Судакт» (<http://sudact.ru/>) и «Судпрактика» (<https://sud-praktika.ru>).

² Федеральным законом от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ признак «извлечение дохода в крупном размере» исключен из описания объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ.

³ Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт.

⁴ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт.

разованию в 2024 г.¹ Кроме того, учитывая, что ст. 172 УК РФ изначально выступала в качестве специальной нормы по отношению к незаконному предпринимательству, устанавливая идентичные верхние границы штрафа в 300 000 рублей для обоих составов представляется необоснованным.

Изложенное приводит к мысли о необходимости пересмотра размера штрафа в санкциях норм о незаконном предпринимательстве и банковской деятельности равно, как и в других составах преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности.

Безусловно, уравнивать размеры количественно признака объективной стороны изучаемых деяний и штрафа, выступающего в качестве наказания за их совершение, нецелесообразно, но рассматриваемые значения нуждаются в изменении в сторону их увеличения.

В теории сформулировано несколько направлений модернизации санкции рассматриваемых норм. Так, например, предлагается закрепить размер анализируемой меры государственного принуждения за незаконное предпринимательство в объеме, пропорциональном сумме нелегально извлеченного дохода или причиненного ущерба [5, с. 19].

В. Н. Лубешко отмечает, что установление величины штрафа в определяемой судом доле от имеющих денежное выражение результатов противоправного предпринимательства вполне отвечает целям наказания, отраженным в ст. 43 УК РФ [6, с. 153, 154]. Однако в каких именно пропорциях или долях целесообразно зафиксировать изучаемый вид наказания, авторами не уточняется.

В науке высказано мнение о необходимости установления размера штрафа за рассматриваемые преступления в величине, кратной сумме незаконно извлеченного дохода или причиненного ущерба [7, с. 104]. Вместе с тем какой-либо теоретической проработки подобная позиция не получила.

Сторонником закрепления кратного штрафа выступает М. Г. Жилкин, предложивший модель построения санкций норм об ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: в простых составах указанный вид наказания должен составлять однократный (двукратный) размер, в квалифицированном – трехкратный (четырёхкратный) размер, в особо квалифицированном – пятикратный (шестикратный) размер [8, с. 221]. Предложенный подход представляет интерес, но при этом следует помнить, что на практике использование кратных размеров штрафа при назначении наказания за коррупционные преступления вызвало немало сложностей в части их исполнения.

В науке неоднократно обсуждался вопрос о том, что назначение судами штрафа, исчисляемого крат-

ным размером, например, сумме взятки, нередко приводит к его неисполнению ввиду отсутствия объективной финансовой возможности у осужденного сделать соответствующие выплаты в казну [9, с. 48; 10, с. 153; 11, с. 102].

На данное обстоятельство еще в 2012 г. указывал и Председатель Верховного Суда России В. И. Лебедев².

К сожалению, при назначении судами штрафа не всегда учитываются положения п. 36.1 разъяснений Пленума Верховного Суда России «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», в соответствии с которыми при избрании указанного вида государственного принуждения необходимо устанавливать возможность его исполнения в принципе³.

Помимо этого, способ исчисления штрафа в кратном размере имеет и другие недостатки, на которые указывалось исследователями. К таковым следует отнести определенную пробельность положений ч. 5 ст. 46 УК РФ, закрепивших возможность замены штрафа более строгим наказанием [12, с. 19], отсутствие четкого механизма такого замещения мер государственного принуждения в уголовно-исполнительном законодательстве [13, с. 209], недостаточную продолжительность рассрочки уплаты штрафа [14, с. 44] и др.

На основании изложенного можно сделать вывод, что применение в санкциях преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности кратных размеров штрафа без комплексного подхода к модернизации уголовного и иного отраслевого законодательства в настоящее время малоперспективно.

М. Г. Жилкин при конструировании санкций предлагает в основном составе зафиксировать минимальный размер штрафа в сумме, соответствующей верхнему пределу аналогичного наказания за однородное административное правонарушение [8, с. 221].

Подобная позиция вызывает возражение, поскольку «привязка» размера денежного взыскания за совершенное преступление к сумме штрафа за аналогичный административный проступок не способна отражать объективную степень общественной опасности уголовно наказуемого деяния. Кроме того, данное предложение в отдельных случаях может породить коллизию в самом УК РФ. В частности, за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации в ст. 14.1 КоАП РФ максимально возможный размер наказания не превышает 2000 рублей, а в соответствии с ч. 2 ст. 46 УК РФ нижний предел штрафа составляет 5000 рублей.

А. В. Силаев более 10 лет назад выступил с идеей об увеличении в два раза размера штрафа в санкци-

¹ Федеральный закон от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт.

² Судебная защита рассматривается гражданами как приоритетная. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2092193> (дата обращения: 16.11.2024).

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // КонсультантПлюс: сайт.

ях нормы о незаконном предпринимательстве [15, с. 28]. Сформулированный автором подход заслуживает внимания и в 2011 г. был своевременен, поскольку в указанный период крупный (особо крупный) размер нелегального дохода или причиненного ущерба составлял соответственно 1 500 000 и 6 000 000 рублей¹. Таким образом, позиция ученого об увеличении верхней границы штрафа в санкции ч. 1 ст. 171 УК РФ до 600 000 рублей на тот момент была в целом обоснованной, но на сегодняшний день утратила свою актуальность.

Представляется, что с учетом особенностей преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности и их перманентного негативного воздействия на экономическую систему страны размеры штрафа необходимо также определять, опираясь на основные статистические показатели той или иной отрасли народного хозяйства.

Одним из базовых индикаторов экономического развития страны выступает уровень инфляции, определяемый на основе индекса потребительских цен². С момента установления действующего размера штрафа в нормах о незаконных предпринимательстве и банковской деятельности (декабрь 2003 г.) и до декабря 2024 г. этот показатель составил 431,76 %³.

Изложенное позволяет заключить, что для достижения целей восстановления социальной справедливости, провозглашенной в ст. 43 УК РФ, пороговые значения штрафа в санкциях норм о незаконных предпринимательстве и банковской деятельности необходимо увеличить минимум в 4 раза.

Использование показателей уровня инфляции при формулировании размеров карательных мер, имеющих денежное выражение, со стороны государства в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния, абсолютно оправданно и отвечает современным социально-экономическим реалиям страны, а с учетом динамичности уголовного законодательства и количества ежегодно вносимых в него поправок вполне обоснованно может быть принято нормотворцем при пересмотре границ санкций норм УК РФ со средней периодичностью один раз в 5–10 лет, исходя из экономической обстановки в стране⁴. Кроме того, необходимо увеличить максимальный

размер штрафа в основном составе незаконной банковской деятельности, которая представляет повышенную опасность среди иных форм нелегального бизнеса.

Вызывает вопросы отсутствие данного наказания в ч. 2 ст. 172 УК РФ. Лишение судов возможности применять меры финансового воздействия к лицам, совершающим экономические преступления, представляется не вполне логичным. Как справедливо отмечает Т. В. Непомнящая, штраф выступает средством формирования государственной казны, он не обременен затратами на исполнение и способствует компенсации вреда, причиненного совершенным уголовно наказуемым деянием [16, с. 154].

При корректировке санкций норм о преступлениях в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности с учетом уровня инфляции необходимо исходить из динамики индекса потребительских цен с момента установления ответственности за данные виды.

В частности, уровень инфляции⁵ с момента дополнения уголовного закона нормой о нелегальных организации и проведении азартных игр⁶ достиг 147,3 %, а с июля 2017 г. после установления ответственности за нелегальный оборот этилового спирта, спиртосодержащей и алкогольной продукции он составил 59,12 %.

Таким образом, размер штрафа в санкциях ст. 171.2 УК РФ необходимо удвоить, а пределы аналогичного наказания в ст. 171.3 должны быть увеличены на 50 %.

Следует отметить чрезмерную репрессивность штрафа, закрепленного в санкции ст. 171.3 УК РФ. Недоумение вызывает несопоставимость указанного наказания (2 000 000 – 3 000 000 рублей) с крупным размером содеянного (100 000 рублей), выступающим в качестве обязательного признака основного состава рассматриваемого преступления.

Так, несмотря на объемы преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, анализ постановленных приговоров по фактам совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171.3 УК РФ, позволяет констатировать, что в подавляющем большинстве случаев штраф назначается с применением положений ст. 64 УК РФ⁷ и составляет в среднем 500 000 рублей (в 20 % случаях – по нижней границе санкции; и только в 2 % – свыше минимального размера наказания, предусмотренного основным составом – таблица 3).

¹ Федеральный закон от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт.

² Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, месяцы (с 1991 г.). URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 12.12.2024).

³ Инфляционные калькуляторы. URL: <https://уровень-инфляции.рф/инфляционные-калькуляторы> (дата обращения: 12.12.2024).

⁴ В период с 2014 по 2023 гг. уровень инфляции составил 72,68 %. Таким образом, в анализируемом промежутке времени возникла необходимость увеличения размера штрафа в санкциях преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности в два раза.

⁵ Данные приведены по состоянию на декабрь 2024 г.

⁶ Федеральный закон от 20 июля 2011 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт.

⁷ Анализ обвинительных приговоров показал, что судами за совершение преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности почти в 50 % случаев назначается более мягкое наказание, чем предусмотрено санкцией за совершение изучаемых уголовно наказуемых деяний.

Размеры штрафов, назначаемых судами за совершение преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности

ОСНОВНОЕ НАКАЗАНИЕ						
	основной состав		квалифицированный состав		особо квалифицированный состав	
	min размер	max размер	min размер	max размер	min размер	max размер
ст. 171 УК РФ	5 000 рублей	250 000 рублей	20 000 рублей	500 000 рублей	–	–
ст. 171.2 УК РФ	50 000 рублей	450 000 рублей	50 000 рублей	900 000 рублей	20 000 рублей	1 350 000 рублей
ст. 171.3 УК РФ	50 000 рублей	2 000 000 рублей	100 000 рублей	3 000 000 рублей	–	–
ст. 171.4 УК РФ	5 000 рублей	80 000	–	–	–	–
ст. 172 УК РФ	70 000 рублей	280 000 рублей	–	–	–	–
ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ НАКАЗАНИЕ						
	основной состав		квалифицированный состав		особо квалифицированный состав	
	min размер	max размер	min размер	max размер	min размер	max размер
ст. 171 УК РФ	–	–	40 000 рублей	70 000 рублей	–	–
ст. 171.2 УК РФ	–	–	5 000 рублей	250 000 рублей	10 000 рублей	900 000 рублей
ст. 171.3 УК РФ	–	–	–	–	–	–
ст. 171.4 УК РФ	–	–	–	–	–	–
ст. 172 УК РФ	50 000 рублей	80 000 рублей	100 000 рублей	90 000 рублей	–	–

Анализ приведенных в таблице данных практической пенализации преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности позволяет отметить сложившуюся тенденцию, выразившуюся в отсутствии фактов назначения судами наказания по верхнему порогу штрафа, предусмотренного в санкции нормы, что также должно быть учтено при модернизации уголовного закона.

Следует обратить внимание еще на одну проблему, имеющую системный характер, которая проявилась в связи с пересмотром размера составообразующих признаков ст. 172 УК РФ в апреле 2024 г. Так, объем незаконно извлеченного дохода, образующий особо крупный размер по указанному составу, равно как и по ряду других деяний, перечисленных в примечании к ст. 170.2 УК РФ (а это более 30 преступлений), должен превышать 13 500 000 рублей¹. При этом максимально возможный размер имущественного наказания в виде штрафа, исчисляемого в фиксированной сумме, согласно ч. 2 ст. 46 УК РФ не может превышать 5 000 000 рублей, что представляется нелогичным.

При таком положении дел сложно говорить о достижении целей наказания, поскольку лицу, совершившему преступление, достаточно выплатить меньшую часть незаконно полученного дохода в казну, чтобы нейтрализовать уголовно-правовые последствия привлечения его к ответственности.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что в настоящее время назрела острая необходимость пересмотра верхнего предела меры государственного принуждения, предусмотренной ст. 46 УК РФ, в санкциях уголовно-правовых норм, в

том числе и о преступлениях в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности.

Библиографический список

1. Антонов И. М. К вопросу о законодательной пенализации // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 241–243.
2. Сундурова О. Ф. Влияние судебной практики на процесс судебной пенализации // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2022. Т. 18. С. 193–202.
3. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. 608 с.
4. Лихолетов А. А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности: монография / под ред. д-ра юрид. наук, доцента Н. А. Егоровой. М.: Юрлитинформ, 2020. 288 с.
5. Авдеева О. А. Незаконное предпринимательство: уголовно-правовая характеристика и ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Иркутск, 2009. 21 с.
6. Лубешко В. Н. Незаконное предпринимательство как вид преступного посягательства против установленного порядка экономической деятельности (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2004. 234 с.
7. Лошкарев В. В. Недостатки правового регулирования противодействия незаконным финансовым операциям // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 5 (55). С. 101–106.

¹ Федеральный закон от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт.

8. Жилкин М. Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2019. 402 с.

9. Бугаевская Н. В. Назначение наказания в виде штрафа, кратного сумме взятки, как отражение антикоррупционной политики в новых финансово-экономических условиях // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2014. № 2-2. С. 43–49.

10. Лопашенко Н. А. Пенализация преступлений в сфере экономической деятельности через анализ их санкций // Право. Законодательство. Личность. 2015. № 1 (20). С. 148–159.

11. Васильева Я. Ю. Актуальные проблемы назначения и исполнения кратного штрафа по делам о коррупционных преступлениях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 6. С. 100–103.

12. Егорова Н. А. Реформа Уголовного кодекса РФ (декабрь 2011 г.): проблемы применения новых норм // Уголовное право. 2012. № 3. С. 18–22.

13. Федюшин А. К. Проблемы назначения и исполнения наказания в виде штрафа // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 7. С. 204–209.

14. Лобанова Л. В., Погосян А. Р. Проблемы обеспечения уплаты штрафа, назначенного за преступления, предусмотренные ст. 290–291.1 УК РФ // Уголовное право. 2015. № 4. С. 38–45.

15. Силаев А. В. Проблемы уголовной ответственности за незаконное предпринимательство (по материалам УрФО): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Челябинск, 2011. 30 с.

16. Непомнящая Т. В. Проблемы построения санкций за преступления в сфере экономической деятельности // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2011. № 2. С. 152–156.

References

1. Antonov I. M. On the issue of legislative penalization // Law and the state: theory and practice. 2022. No. 2 (206). Pp. 241–243.

2. Sundurova O. F. The influence of judicial practice on the process of judicial penalization // Scientific Notes of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice. 2022. Vol. 18. Pp. 193–202.

3. Lopashenko N. A. Criminal policy. M.: Volters Kluwer, 2009. 608 p.

4. Likholetov A. A. Criminal-legal characteristics and problems of qualification of crimes in the sphere of special types of entrepreneurial activity: a monograph / ed. by dr. jurid. associate professor N. A. Egorova. M.: Yurlitinform, 2020. 288 p.

5. Avdeeva O. A. Illegal entrepreneurship: criminal and legal characteristics and responsibility: abstract of the dis. ... kand. jurid. sciences': 12.00.08. Irkutsk, 2009. 21 p.

6. Lubeshko V. N. Illegal entrepreneurship as a type of criminal encroachment against the established order of economic activity (criminal law and criminological

aspects): dis. ... kand. jurid. sciences': 12.00.08. Rostov-on-Don, 2004. 234 p.

7. Loshkarev V. V. Disadvantages of legal regulation of countering illegal financial transactions // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2016. No. 5 (55). Pp. 101–106.

8. Zhilkin M. G. Differentiation of criminal liability for crimes in the sphere of entrepreneurial activity: problems of theory and practice: dis. ... dr. jurid. sciences': 12.00.08. M., 2019. 402 p.

9. Bugaevskaya N. V. The imposition of punishment in the form of a fine, a multiple of the amount of a bribe, as a reflection of anti-corruption policy in the new financial and economic conditions // Izvestiya TulsU. Economic and legal sciences. 2014. No. 2-2. Pp. 43–49.

10. Lopashenko N. A. Penalization of crimes in the sphere of economic activity through the analysis of their sanctions // Law. Legislation. Personality. 2015. No. 1 (20). Pp. 148–159.

11. Vasilyeva Ya. Yu. Actual problems of assigning and executing multiple fines in cases of corruption crimes // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. No. 6. Pp. 100–103.

12. Egorova N. A. Reform of the Criminal Code of the Russian Federation (December 2011): problems of application of new norms // Criminal Law. 2012. No. 3. Pp. 18–22.

13. Fedyushin A. K. Problems of the appointment and execution of punishment in the form of a fine // Socio-economic phenomena and processes. 2015. No. 7. Pp. 204–209.

14. Lobanova L. V., Pogosyan A. R. Problems of ensuring payment of fines imposed for crimes under Art. 290–291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Criminal Law. 2015. No. 4. Pp. 38–45.

15. Silaev A. V. Problems of criminal liability for illegal entrepreneurship (based on materials from the Ural Federal District): abstract of the dis. ... kand. jurid. sciences. Chelyabinsk, 2011. 30 p.

16. Nepomnyashchaya T. V. Problems of building sanctions for crimes in the sphere of economic activity // OmSU Bulletin. Series. Right. 2011. No. 2. Pp. 152–156.

Информация об авторе

Лихолетов Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Likholetov Alexander A. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 12.12.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 12.12.2024; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Научная статья
УДК 343.1

Особенности выявления, предупреждения и документирования налоговых преступлений

Малышев Константин Сергеевич

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, k.malyshev@mail.ru

Аннотация. В настоящее время в Российской Федерации на внутренних и внешних рынках производства и сбыта участвует большое количество хозяйствующих субъектов, часть которых вовлечена в теневой сектор экономики. В связи с чем проблема, касающаяся неуплаты налогов физическими и юридическими лицами, является актуальной и связана с наполняемостью бюджета Российской Федерации. Действующее уголовное законодательство содержит целый ряд статей, предусматривающих ответственность за уклонение от уплаты налогов и сборов, все они объединены одним понятием – налоговые преступления. Данный вид противоправных деяний выявляется и документируется подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел России, в том числе при взаимодействии с органами Федеральной налоговой службы Российской Федерации.

Ключевые слова: налоговые отчисления, подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, бюджет Российской Федерации, налоговые преступления

Для цитирования: Малышев К. С. Особенности выявления, предупреждения и документирования налоговых преступлений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 101–106.

Original article

Features of detection, prevention and documentation of tax crimes

Malyshev Konstantin S.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, k.malyshev@mail.ru

Abstract. Currently, in the Russian Federation, a large number of business entities are involved in domestic and foreign production and sales markets, some of which are involved in the shadow economy. In this regard, the problem of non-payment of taxes by individuals and legal entities is relevant and related to the fullness of the budget of the Russian Federation. The criminal legislation contains a number of articles providing for liability for tax evasion and fees, all of which are united by one concept – tax crimes. This type of illegal acts is detected and documented by the economic security and anti-corruption units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, including in cooperation with the bodies of the Federal Tax Service of the Russian Federation.

Keywords: tax deductions, economic security and anti-corruption units of the Ministry of Internal Affairs of Russia, budget of the Russian Federation, tax crimes

For citation: Malyshev K. S. Features of detection, prevention and documentation of tax crimes // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 101–106.

Размеры доходов государства в первую очередь зависят от уплачиваемых в пользу бюджета налоговых отчислений, а преступления, связанные с уклонением от обязательной уплаты налогов, считаются одними из наиболее опасных для общества. Значительными полномочиями в вопросах выявления и документирования данных противоправных деяний обладают подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России (далее – ЭБиПК).

Выявление преступлений – процесс установления, то есть обнаружения каких-либо фактов обществен-

но опасного деяния, запрещенного законом, а также лиц, причастных к таким деяниям. Осуществляется это с помощью оперативно-розыскных сил, средств и методов.

Особенность этого вида преступлений состоит в установлении полной суммы неуплаченного в бюджет налога (такими сведениями обладает Федеральная налоговая служба по субъекту РФ). Однако бывают случаи, когда требуется выплатить суммы, по которым прошел срок давности, или же есть судеб-

ное решение о снятии задолженности. Тогда налогоплательщик находится в замешательстве и даже ограничен в таких социальных выплатах, как социальные налоговые вычеты, ведь сумма вычета пойдет в счет отображенного в системе долга по налогу, хоть этот долг по факту не имеет юридической силы.

Деятельность по выявлению данных преступлений иначе именуется как оперативный поиск или оперативная работа. Установление факта неуплаты налогов в должном количестве зависит от контролирующих и правоохранительных органов. Однако иногда обстоятельства дела складываются таким образом, что существуют только лишь намеки на незаконную деятельность организации, ведь по документам все «чисто». В этом случае и нужны оперативные подразделения, которые будут выявлять замаскированные факты неуплаты положенных сумм. Сотрудниками этих подразделений собираются не только сведения по счетам, но и всевозможные черновые записи директоров предприятий и организаций или работников бухгалтерии. Практика показывает, что в основном руководитель организации является инициатором некоторых противоправных схем, бухгалтер же в делах по неуплате налогов зачастую выступает пособником. Хотя иногда и бухгалтер без ведома руководителя начинает распоряжаться денежными средствами фирмы. Самыми распространенными же являются всевозможные махинации с выплатой заработной платы сотрудникам.

Деятельность оперативных подразделений по налоговым преступлениям нацелена на выявление информации по неустановленным данным и неустановленным признакам. И, как правило, заранее даже может и не быть искомым признаков объекта. К примеру, по налогам – не правильное определение объекта налогообложения или же сокрытие этих объектов (сотрудники, собственность организации, «подпольные работы», продажа товара за наличную оплату и т. д.).

Некоторые ученые [1] предполагают, что модели выявления преступлений предопределяются положениями, которые содержатся в уголовно-правовых науках, криминалистике и криминологии. На наш взгляд, большую роль относительно налоговых преступлений играет опыт конкретного оперативного работника, осуществляющего поисковую работу. Такое мнение связано с изучением судебной и оперативной практики по рассматриваемым противоправным деяниям. Также в этой связи необходимо отметить высокую изменчивость способов сокрытия объектов налогообложения, да и в целом изменение сферы бизнеса – переход в online-сервисы.

Первичную информацию о налоговых преступлениях можно получить из гласных и негласных источников. К гласным относятся:

- результаты анализа экономико-политической и криминогенной обстановки в мире и в стране, отчеты территориальных органов, показатели отдельных взятых территорий (районов города);
- информационные базы контролирующих и пра-

воохранительных органов;

- результаты ревизий и аудиторских проверок, проводимых на предприятиях контролирующих органами;

- сведения, полученные от конкурентов по деятельности изучаемых лиц, а также от их бывших или действующих сотрудников и др.

Непосредственно на качество выявляемой информации и эффективную работу оперативных подразделений влияет профессиональная подготовка их сотрудников, к показателям которой можно отнести их аналитические способности, личные качества, умение общаться как с фигурантами по делу, так и с представителями других служб, в частности, с Федеральной налоговой службы (далее – ФНС). Касаемо оперативных методов выявления фактов налоговых преступлений и лиц, можно выделить эффективные и проверенные средства поиска и сбора оперативно значимых сведений, которые были выработаны самим сотрудником в ходе его профессиональной деятельности. Также оперативник должен обладать такими личностными качествами как внимательность, наблюдательность, способность быстро ориентироваться в критических ситуациях.

Опрос как оперативно-розыскное мероприятие (далее – ОРМ) играет огромную роль в выявлении налоговых преступлений и является обязательным и первоначальным мероприятием, но при этом имеет ряд своих особенностей. Для уяснения максимального количества фактов о любом противоправном деянии в налоговой сфере необходимо основательно подготовиться. Такая подготовка может включать в себя следующие составляющие:

1. Изучение законодательных норм, регулирующих налоговые правоотношения. Это обусловлено тем, что опрашиваемый зачастую владеет огромными познаниями в данной сфере, знает коллизии и пробелы законодательства, поэтому занимать активную оборонительную позицию, аргументируя ее нормативными правовыми актами.

2. Понимание того, что опрашиваемый совершил деяние с прямым умыслом, так как не платить налоги по неосторожности довольно проблематично, ведь налоговая служба постоянно уведомляет налогоплательщика заранее об их сроках и сумме. Именно поэтому нужно знать, что оппонент готов даже к первому опросу, и он точно знает, в каком количестве он не заплатил налоги, также он точно знает, что нужно говорить оперативному сотруднику в ходе опроса. Поэтому, на наш взгляд, в таком случае нельзя говорить о факте неожиданности, чем иногда пользуются сотрудники правоохранительных органов при выявлении преступлений.

3. Предъявление каких-либо бухгалтерских и иных документов как со стороны опрашиваемого, так и со стороны оперативного сотрудника, в которых необходимо разбираться. Иногда может понадобиться мнение специалиста (консультация или тщательный анализ) хотя бы на предмет причастности данного документа к интересующему моменту времени.

Из вышеперечисленных фактов очевидно, что оперативному сотруднику необходимо понимать, кто придет к нему на опрос [2]. Как правило, это грамотные в экономических вопросах, в том числе и касающихся налогов, специалисты. Многие из опрашиваемых имеют высокий социальный статус и высокий доход, а значит, могут позволить себе высококвалифицированных, и соответственно, высокооплачиваемых адвокатов, которые будут отстаивать интересы своего клиента.

Документирование преступной деятельности составляет информационную основу оперативно-розыскной деятельности и обеспечивает достижение ее задач согласно ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее – ФЗ «Об ОРД»). Документирование в первую очередь имеет правовой характер и регулируется федеральными законами, а также ведомственными и локальными нормативными правовыми актами.

Теория документирования занимается изучением норм права, регулирующих порядок документирования, применение этих норм на практике, а также возникающих в этой связи правоотношений между участниками документирования. В соответствии с ФЗ «Об ОРД» документирование осуществляется в целях собирания и систематизации сведений, проверки и оценки результатов оперативно-розыскной деятельности, а также принятия на их основе соответствующих решений компетентными органами.

Документирование имеет место при проведении ОРМ в связи с возбуждением уголовного дела в целях установления лиц, похищенного имущества и иных обстоятельств, при исполнении поручений следователя, дознавателя, прокурора, суда, запросов в организации и органы власти, а также при осуществлении поисковой работы по проверке первичных сообщений о преступлениях.

На примере судебной практики разберем некоторые аспекты документирования налоговых преступлений.

Так, в феврале 2022 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации утвердила обвинительное заключение в отношении ООО «Столичный ювелирный завод» и «Адамас» по делу об уклонении от уплаты налогов организации в особо крупном размере – 4,3 млрд рублей. По версии следствия с 1 января 2012 г. по 31 декабря 2014 г. путем организации фиктивного документооборота с более чем 50-ю фирмами-«однодневками» руководство ювелирной компании обеспечивало получение драгоценных металлов через банковское учреждение без уплаты налога на добавленную стоимость, а также якобы приобретало ювелирные изделия у фиктивных организаций. В результате в бюджетную систему Российской Федерации не поступило более 5 млрд рублей².

¹ Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 28.06.2022). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.10.2024).

² Утверждено обвинительное заключение по уголовному

К расследованию данного уголовного дела привлекались сотрудники Главного управления ЭБиПК МВД России, ФСБ России, ФНС России и Следственного комитета Российской Федерации. С целью документирования следов преступной деятельности были проведены обыски в четырех офисах компании, а также по месту жительства ее руководителей и сотрудников, где с участием специалистов были изъяты документы и электронные носители информации.

Таким образом, на данном примере видно, что процесс документирования в рамках расследования уголовного дела состоит в непосредственном участии следователя и оперативных сотрудников в следственных действиях, результаты которых переносятся на бумажные и электронные носители в дальнейшем пополняют доказательственную базу в суде. Большая часть мероприятий гласного характера, проводимых сотрудниками подразделений ЭБиПК, направлена на выявление и проверку информации, полученной ранее. В данном уголовном деле материалы поступили из Федеральной налоговой службы сразу в Главное следственное управление Следственного комитета по г. Москве.

Внесенные в УПК РФ поправки, касающиеся ст. 140 и с 144³, законодательно утвердили повод для возбуждения уголовного дела о преступлениях по ст. 198–199.2 УК РФ – только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах.

Поступающая в ЭБиПК информация может аккумулироваться в рамках материалов проверки сообщений о преступлениях, зарегистрированных в Книге учета сообщений о преступлениях (далее – КУСП). Если есть основания, предусмотренные п. 1–6 ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об ОРД», то в целях собирания и систематизации сведений, проверки и оценки результатов оперативно-розыскной деятельности, а также принятия на их основе соответствующих решений органами, осуществляющими ОРД, могут заводиться дела оперативного учета.

В дальнейшем же, в связи с изменением законодательства, материалы проверки должны передаваться в ФНС России, которая после их рассмотрения в рамках взаимодействия может пригласить оперативного сотрудника для проведения совместной выездной налоговой проверки. После чего собранные материалы передаются в Следственный Комитет Российской Федерации.

Проанализировав содержание ст. 6 и 7 ФЗ «Об ОРД» можно выделить две группы объектов, изучение которых осуществляется путем документирования:

делу об уклонении ООО «Столичный ювелирный завод» от уплаты обязательных платежей в бюджет на сумму 4,3 млрд рублей Генеральная прокуратура РФ // Новости 17 февраля 2022 г. URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 03.10.2024).

³ Федеральный закон от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ «О внесении изменений в ст. 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.10.2024).

1) объекты, связанные с событием преступления и обстоятельствами, подлежащими установлению по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ);

2) события или действия, создающие угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности РФ, а также лица и обстоятельства, познаваемые в связи с осуществлением ОРД по основаниям, перечисленным в п. 4–6 ст. 7 ФЗ «Об ОРД».

В первом случае документирование необходимо для получения доказательств по уголовному делу. Любые фактические данные должны быть «упакованы» в правовое обличье, то есть документирование в этом случае есть фиксация каких-либо данных, сведений, в целом информации для ее материального закрепления для дальнейшего использования как для целей ОРД, так и для целей уголовного судопроизводства.

Во втором случае, как правило, информация аккумулируется для оценки криминогенной обстановки, для ее постоянного мониторинга и своевременного реагирования на те или иные действия определенных лиц, которые могут создавать угрозу безопасности нашей страны. А в рамках ответа на запросы других органов, осуществляющих ОРД, реализуется межведомственное взаимодействие в целях оперативного реагирования на какие-либо складывающиеся обстоятельства, вызывающие интерес у правоохранительных органов.

Результат документирования выражается в выводе о наличии или отсутствии квалифицирующих признаков состава преступления. Таким образом, путем документирования решаются следующие задачи:

- выявление преступлений с дальнейшим применением мер, способствующих пресечению общественно опасных последствий;
- предупреждение преступлений;
- аккумулярование информации.

Сотрудник оперативного подразделения при документировании обстоятельств совершения преступлений, административных правонарушений, обстоятельств происшествий, в том числе в общественных местах, а также для фиксации действий сотрудников полиции, выполняющих возложенные на них обязанности, используют технические средства, включая приборы аудио-, фото- и видеофиксации,

Применение ряда специальных технических средств требует документального оформления. Так, установка химических ловушек требует составление акта, необходимого в тех случаях, когда в процессе их использования принимают участие представители общественности. Полученные в ходе мероприятия с применением технических средств результаты оформляются справкой, которая является итоговым документом. В ней подробно описываются результаты, например, сколько получено фотоснимков, на каких конкретно лицах или предметах обнаружены следы специальных химических веществ и т. д. Также в справке подробно указываются применяемые технические средства (вид, марка и серийный номер технического средства; вид, марка и серийный номер

носителя информации; если информация передавалась по радиоканалу, то указывается дополнительно номинал частоты).

Результаты применения специальных технических средств и документы, составленные в ходе мероприятий с их использованием, подлежат учету. Документальное оформление данного процесса и учет составленных документов дают возможность руководству ОВД контролировать процесс использования специальных технических средств.

Технические средства такого рода широко применимы при производстве таких ОРМ, как опрос, наведение справок, проверочная закупка, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи. Именно эти мероприятия чаще всего проводят при выявлении налоговых преступлений.

К примеру, исследование предметов и документов проводится с целью изучения бухгалтерских и налоговых документов, их сопоставления с иными (учредительными и финансовыми) документами. Фотофиксация может быть применена для копирования и дальнейшей передачи документов на экспертизу. Что же касается исследования документов, то оно может заключаться в сопоставлении различных экземпляров бухгалтерских документов между собой. Таким путем (в ходе встречной проверки) можно выявить несоответствия в их содержании (подчистка, исправление и т. п.). В процессе взаимного контроля, сопоставляя содержания сводных документов с конкретными документальными материалами, между ними также можно обнаружить несоответствия.

Таким образом, в целях повышения эффективности выявления и документирования налоговых преступлений необходимо опираться на взаимодействие оперативного аппарата с налоговыми органами и со следствием. Такая схема связи способствует своевременному выявлению и документированию преступной деятельности недобросовестных налогоплательщиков. Реализация данной схемы происходит при проведении совместных выездных налоговых проверок. Таким образом, процесс документирования облегчается появившимися во время такой проверки полномочиями, конспирацией, внезапностью и оперативностью, что особенно важно для преодоления противодействия со стороны противоправно действующих лиц.

Несмотря на то, что предварительное следствие производится следователями, материалы, необходимые для возбуждения уголовного дела, могут исходить как от налоговых органов, так и от органов дознания и следствия, в частности, от оперативных подразделений ЭБиПК МВД России.

В связи с усложнением схем совершения противоправных деяний, развитием социального портрета преступности и других усугубляющих факторов при

выявлении и раскрытии преступлений по неуплате налогов организациями остается актуальным вопрос взаимодействия ОВД с налоговыми органами.

Так между органами внутренних дел и налоговыми службами имеются межведомственные соглашения о взаимодействии в случаях выявления налоговых преступлений (правонарушений). К данным нормативным актам относится совместный Приказ МВД России и ФНС России от 30 июня 2009 г. № 495/ММ-7-2-347 «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению, и пресечению налоговых правонарушений и преступлений». Согласно ему взаимодействие ОВД с налоговыми органами происходит в момент проведения выездных проверок с целью выявления и пресечения нарушений законодательства о налогах и сборах. При проведении проверок данного рода должностные лица налоговых подразделений и сотрудники правоохранительных органов руководствуются Конституцией Российской Федерации, Законом «О налоговых органах Российской Федерации», Федеральным законом «О полиции», Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» и иными нормативными правовыми актами нашей страны.

На подготовительном этапе проведения выездной проверки для участия в ней оперативного сотрудника налогового органу необходимо направить в орган внутренних дел мотивированный запрос, который должен быть подписан руководителем налогового органа или его заместителем. При этом на законодательном уровне определены исчерпывающие основания для направления данного мотивированного запроса. К ним относятся:

- назначение на основании материалов, полученных от ОВД о признаках нарушения налогового законодательства, выездной налоговой проверки для принятия по ним решения в соответствии с п. 2 ст. 36 НК РФ;

- необходимость привлечения сотрудников ОВД для осуществления выемки документов, проведения исследований, опросов и других конкретных действий, результаты которых в дальнейшем можно будет приобщить к материалам уголовного дела, и принять по ним решения в порядке ст. 144 и 145 УПК РФ;

- необходимость содействия должностным лицам налогового органа в части обеспечения мер безопасности;

- наличие у налогового органа данных, свидетельствующих о возможных нарушениях, допущенных налогоплательщиками, и необходимость их проверки с участием сотрудников ОВД.

Хотелось бы подробнее обозначить, каким образом у налогового органа появляются данные, являющиеся основанием для проведения выездной проверки. Для примера возьмем следующую ситуацию: фирма предоставляет в налоговый орган декларацию по налогу на добавленную стоимость. Когда декларация появляется в налоговом органе, по ней в течение 2 месяцев проводится камеральная проверка. Если

по ее результатам у налоговой службы возникает необходимость дополнительной проверки в виде истребования документов согласно ст. 93 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), то это будет основанием для следующего этапа, который заключается в анализе ранее запрошенных и уже полученных у организации документов. При проверке истребованных материалов могут быть выявлены факты их недостоверности, что способствовало уменьшению суммы исчисленного налога, и прочие основания для проведения выездной проверки согласно ст. 89 НК РФ.

В ходе выездной проверки должностными лицами проверяются, анализируются, сопоставляются и оцениваются документы и информация, имеющие значение для формирования выводов о правильности исчисления, удержания и уплаты налога, данные документы организации содержатся в Рекомендациях по проведению выездных налоговых проверок¹. По итогам проверки налоговым органом выносится решение о привлечении к ответственности, вид которой зависит от размера неуплаченного налога.

Касаемо необходимости присутствия сотрудника ОВД на выездных налоговых проверках, то на данные мероприятия есть смысл приглашать сотрудников подразделений ЭБиПК, так как они обладают специальными знаниями и могут эффективно сотрудничать с налоговыми инспекторами.

Наиболее результативным механизм участия оперативных сотрудников в совместной выездной налоговой проверке будет лишь в том случае, если они изначально были привлечены к сотрудничеству конкретной организацией. Под этим мы подразумеваем, чтобы проведению налоговыми органами гласных мероприятий не предшествовали негласные действия оперативных сотрудников. Иной исход не эффективен, и зачастую его последствием становится утрата доказательственной базы в виде документов, отражающих финансово-хозяйственную деятельность организации либо исчезновение организации с ее фактического места работы, а также «пропажа» руководителя и других должностных лиц, отвечающих за правильность ведения различных видов учета, в том числе и бухгалтерского, и налогового. Происходит это потому, что организация в лице ее директора, главного бухгалтера понимает, что в отношении нее у налоговых органов уже имеют какие-то данные, и соответственно, ими будут предприняты все возможные действия по сокрытию следов преступлений или сокрытию самих себя.

Проблемным аспектом взаимодействия является и отсутствие систематического и законодательно определенного информирования налоговыми службами органов внутренних дел при обнаружении ими новых схем налоговых правонарушений, а также при получении результатов их контрольной деятельно-

¹ Письмо ФНС России от 25 июля 2013 г. № АС-4-2/13622 «О рекомендациях по проведению выездных налоговых проверок» (с изм. от 15.01.2019). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.10.2024).

сти. По факту, на этом уровне взаимодействия практически нет, если же оно присутствует, то только у тех оперативных сотрудников, которые на личных контактах могут располагать такой информацией.

Мы же рекомендуем узаконить следующую обязанность налогового органа – ежемесячно или ежеквартально отправлять в ОВД официальный отчет о результатах налоговых проверок в целях выполнения задач оперативно-розыскной деятельности сотрудниками подразделений ЭБиПК, а также в целях эффективного и своевременного выявления налоговых преступлений.

Еще одним проблемным аспектом взаимодействия налоговых органов и органов ОВД является разность их целей. Так, налоговыми органами контрольные мероприятия проводятся с целью повышения налоговой дисциплины и грамотности налогоплательщиков, сокращения «теневое» сектора экономики¹. А для оперативных сотрудников задачами, прописанными в ст. 2 ФЗ «Об ОРД», в первую очередь, являются выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также лиц, к ним причастных.

С решением этой проблемы до 2003 г. справлялись федеральные органы налоговой полиции, в задачи которых входило выявление, предупреждение и пресечение налоговых преступлений и правонарушений, а также борьба с коррупцией в налоговых органах. Это ведомство было наделено правом ведения оперативно-розыскной, экспертной и следственной деятельности. На наш взгляд, такой подход был правильным, так как специализация целой структуры на налоговых преступлениях не могла отрицательно влиять на динамику раскрытия преступлений в этой сфере. Ведь в силу своей специфики работники налоговых органов не владеют знаниями уголовно-процессуального характера, необходимыми для выявления преступлений. Так, даже в задачах налогового контроля прописано – предупреждение и выявление налоговых правонарушений. Два этих понятия вызывают диссонанс, так как намного больший ущерб экономике страны наносят именно организации, ведь стоимость финансового цикла организации-налогоплательщика зачастую может превышать десятки миллионов рублей, соответственно, их неправомерная деятельность зачастую является преступлением, а не правонарушением.

Однако можно отметить и положительную тенденцию взаимодействия Следственного комитета Российской Федерации, сотрудников подразделений ЭБиПК и ФНС России при выявлении и раскрытии налоговых преступлений во, о чем свидетельствует ситуация, сложившаяся с российскими блогерами. Так, в отношении Елены Блиновской в апреле 2023 г. было возбуждено уголовное дело по подозрению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 198, п.

«б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ (уклонение физического лица от уплаты налогов в особо крупном размере, легализация (отмывание) денежных средств в особо крупном размере или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления). Поводом для возбуждения уголовного дела явились материалы, поступившие в подразделение ведомства из Управления ФНС России по г. Москве. По данным следствия, Блиновская, оказывая информационные услуги посредством сети Интернет, используя схему «дробления» бизнеса, занизила полученные доходы и не уплатила за период 2019–2021 гг. налог на добавленную стоимость и налог на доходы физических лиц на общую сумму свыше 918 млн рублей. Кроме того, в целях придания видимости правомерного владения, пользования и распоряжения полученными денежными средствами легализовала их путем совершения финансовых операций.

Следует отметить, что МВД России составило список блогеров-миллионников, которых также проверят на причастность к неуплате налогов и отмыванию денег.

Таким образом, сложившаяся обстановка еще раз указывает на актуальность выбранной темы и подтверждает гипотезу, заявленную в начале статьи, о том, что правоохранительные органы, подкрепленные материально-техническим оперативным сопровождением на всех стадиях процесса познания преступления, а именно его предупреждения, выявления и раскрытия, гарантируют повышение раскрываемости данных преступлений и увеличение доли возмещения ущерба, причиненного противоправными действиями лиц и организаций в налоговой сфере.

Библиографический список

1. Панов А. Ю. Особенности эффективной организации оперативно-розыскной деятельности по выявлению налоговых преступлений // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 4. С. 15.
2. Багмета А. М. Противодействие налоговой преступности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018.

References

1. Panov A. Yu. Features of the effective organization of operational investigative activities to identify tax crimes // Problems of economics and legal practice. 2017. № 4. P. 15.
2. Bagmeta A. M. Countering tax crime: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. M.: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2018.

Статья поступила в редакцию 04.10.2024; одобрена после рецензирования 10.01.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 04.10.2024; approved after reviewing 10.01.2025; accepted for publication 18.03.2025.

¹ Приказ ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок». URL: <https://www.nalog.gov.ru> (дата обращения: 03.10.2024).

Научная статья
УДК 343.2/.7

Уголовно-правовое значение неоконченного преступления

Мелюханова Евгения Евгеньевна
Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург,
Россия, melyukhanova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0905-0480>

Аннотация. Неоконченное преступление рассматривается как уголовно-правовая категория, обладающая всеми необходимыми категориальными признаками. Анализ применения специальных правил назначения наказания за неоконченное преступление позволил автору выявить закономерности изменения наказуемости в сопоставлении с категоризацией преступлений: приготовление к преступлению сопоставимо со снижением категории преступления на две, покушение на преступление – на одну категорию. В результате автор приходит к выводу о том, что ст. 66 УК РФ следует исключить из действующего уголовного законодательства, так как снижение наказания за неоконченное преступление должно осуществляться через изменение категории преступления.

Ключевые слова: уголовное право, уголовно-правовая категория, неоконченное преступление, категория преступления, назначение наказания

Для цитирования: Мелюханова Е. Е. Уголовно-правовое значение неоконченного преступления // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 107–114.

Original article

The criminal legal significance of an unfinished crime

Melyukhanova Evgeniya E.
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, melyukhanova@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0905-0480>

Abstract. An unfinished crime is considered as a criminal law category that has all the necessary categorical features. The analysis of the application of special rules for sentencing for an unfinished crime allowed the author to identify patterns of changes in punishability in comparison with the categorization of crimes: preparation for a crime is comparable to reducing the category of crime by two, attempted crime by one category. As a result, the author concludes that Article 66 of the Criminal Code of the Russian Federation should be excluded from the current criminal legislation, since the reduction of punishment for an unfinished crime should be carried out through a change in the category of crime.

Keywords: criminal law, criminal law category, unfinished crime, category of crime, sentencing

For citation: Melyukhanova E. E. The criminal legal significance of an unfinished crime // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 107–114.

1. Введение.

Неоконченное преступление как уголовно-правовая категория, безусловно, имеет большое значение в уголовном праве. Несмотря на то, что понятие неоконченного преступления нормативно не закреплено, в науке уголовного права принято считать, что это «прерванная, виновная, противоправная и общественно опасная деятельность лица по созданию условий либо по непосредственному совершению преступления, в результате которой действие не доводится до конца или результат не наступает» [1, с. 21].

По мнению других авторов, «неоконченное преступление можно определить как совершенное с прямым умыслом общественно опасное и уголовно-противоправное деяние, не доведенное до конца по независящим от воли лица обстоятельствам» [2, с. 347]. Указанное мнение является наиболее распространенным в доктрине уголовного права. Однако некоторые исследователи полагают, что неоконченная преступная деятельность возможна при нали-

ции любого вида вины, и определяют «неоконченное преступление как прерванную помимо воли либо по воле виновного преступную деятельность на той или иной стадии ее развития» [3, с. 114–125, 192].

Безусловно, любая деятельность, в том числе преступная, имеющая выражение во времени и пространстве, может быть рассмотрена с точки зрения ее развития, стадий. При этом имеющие юридическое значение стадии неоконченного преступления традиционно относятся к целенаправленной деятельности, предполагающей наличие прямого умысла [4, с. 86; 5, с. 159, 162; 6, с. 197] как вида вины.

В отличие от понятия «неоконченное преступление», его антоним получил нормативное закрепление. По нашему мнению, целесообразно включить в статью, посвященную терминологии уголовного закона, понятие «оконченное преступление», которое расположено в ч. 1 ст. 29 УК РФ, с принципиальным уточнением, а именно: «преступление считается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки оконченного (выделено нами. – Е. М.) состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом» [7, с. 9]. Также отдельно следует указать на виды неоконченного преступления без определения его понятия, поскольку никакой смысловой составляющей при наличии понятия «оконченное преступление» такое определение содержать не будет. Затем в подпунктах к неоконченному преступлению дать определения его видов – приготовление к преступлению и покушение на преступление.

2. Неоконченное преступление как уголовно-правовая категория.

Не вызывает сомнений, что неоконченное преступление – это имеющее уголовно-правовое содержание базовое понятие, представляющее собой определенную совокупность элементов, обладающих всем комплексом существенных категориальных признаков.

Неоконченное преступление включает в себя уголовно-правовые понятия «приготовление к преступлению» и «покушение на преступление» как меньший уровень обобщения. Указанные понятия закреплены нормативно в действующем уголовном законе и конкретизируют содержание понятия «неоконченное преступление». Однако некоторые авторы считают, что «имеются необходимые и достаточные уголовно-правовые основания для различения полных и неполных, а также объективно и субъективно неоконченных преступлений» [8, с. 33]. Для развития уголовно-правовой доктрины выработка новых понятий считается положительным явлением. В данном случае сформулированные в науке уголовного права понятия, относящиеся к неоконченному преступлению, способствуют развитию соответствующего института.

Рассматриваемая уголовно-правовая категория носит междисциплинарный характер для всех наук криминального цикла. Во всех отраслях понимание неоконченного преступления и его видов единообразно. Терминологическое единство также обеспе-

чивается наличием в УК РФ понятия «оконченное преступление».

Уголовно-правовое содержание категории неоконченного преступления заключается в отсутствии всех необходимых признаков преступления, что является основанием для признания преступления неоконченным. Кроме того, в ч. 3 ст. 29 УК РФ предусмотрено правило квалификации неоконченного преступления, отражающее его уголовно-правовое содержание.

Квалификация любого преступления включает в себя этап определения стадии преступления, поскольку «квалификация оконченного и неоконченного преступления осуществляется по своим правилам. Таким образом, данная информация требует самостоятельной оценки с учетом ее влияния на применение правил квалификации» [9, с. 728].

В доктрине уголовного права выделяют этапы развития преступной деятельности, такие как возникновение намерения, обнаружение умысла, приготовление к преступлению, покушение на преступление и оконченное преступление. Покушение на преступление также подразделяется на неоконченное и оконченное. Юридическое значение имеют только последние три этапа преступной деятельности, именуемые стадиями. В этом проявляются строгие правила категоризации неоконченного преступления.

В научной литературе представлены разные определения стадий. Например, А. П. Козлов формулирует следующее определение: «стадии совершения преступления – этапы поступательного непрерывного развития преступной деятельности во времени и пространстве с момента возникновения соответствующего психического отношения к деянию и результатам своего поведения до наступления преступного последствия или прерывания преступной деятельности» [3, с. 40].

Единственным критерием категоризации, установленным для отнесения определенной уголовно-правовой категории к неоконченному преступлению, является отсутствие в совершенном лицом деянии всех признаков состава преступления, предусмотренного УК РФ.

Уголовно-правовая категория неоконченного преступления содержит определенное количество таких элементов, которые обладают всем комплексом существенных категориальных признаков. И приготовление к преступлению, и покушение на преступление также являются уголовно-правовыми категориями. Многоуровневая категоризация обеспечивает систематизацию уголовно-правовой действительности.

Совершение неоконченного преступления влечет за собой уголовно-правовые последствия. Во-первых, наступление уголовной ответственности зависит от категории тяжести неоконченного преступления. Если покушение на преступление любой категории уголовно наказуемо, то приготовление – только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям. Во-вторых, законодателем в ст. 66 УК РФ предусмотрены специ-

альные правила назначения наказания за неоконченное преступление. За приготовление к преступлению срок или размер наказания не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за оконченное преступление, а за покушение на преступление – трех четвертей. Кроме того, смертная казнь и пожизненное лишение свободы за приготовление к преступлению и покушение на преступление не назначаются.

Таким образом, уголовно-правовая категория «неоконченное преступление» обладает всеми необходимыми категориальными признаками.

3. Дифференциация наказания за неоконченное преступление.

Относительно специальных правил назначения наказания за неоконченное преступление высказываются предложения о необходимости дифференциации наказания в зависимости от вида покушения. Так, А. М. Становский и Н. И. Мацнев, выделяя два вида покушения (завершенное и незавершенное), предлагают в ст. 66 УК РФ установить правило, согласно которому срок или размер наказания за незавершенное покушение на преступление не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за оконченное преступление [10, с. 81–82; 11, с. 93]. Аналогичного мнения, но только применительно к материальным составам преступлений, придерживается В. С. Тасаков [12, с. 85]. По нашему мнению, необходимость подобной дифференциации наказания отсутствует, поскольку лишь для небольшого количества преступлений имеется объективная возможность совершения незавершенного покушения. Это относится только к таким составам преступлений, которые в структуре объективной стороны содержат более одного деяния либо более одного последствия. Кроме того, отграничение видов покушения вызывает определенные сложности в практике правоприменения.

Примечательно, что «и за совершение оконченного преступления суды не часто назначают свыше половины, а тем более свыше трех четвертей срока или размера наиболее строгого наказания, регламентированного санкцией той или иной нормы Особенной части УК РФ» [13, с. 131].

Также следует иметь в виду, что «прерванность преступления на стадии приготовления или покушения может послужить основанием для применения других способов смягчения наказания, поскольку характеризует степень общественной опасности деяния в сторону снижения последней» [14, с. 94]. То есть суд кроме правил назначения наказания за неоконченное преступление, например, в случае неоконченного покушения, может применить и другие способы смягчения наказания, предусмотренные УК РФ. В частности, назначение наказания ниже низшего предела (ст. 64 УК РФ). Следовательно, действующим

уголовным законом предусмотрены широкие возможности для индивидуализации наказания.

Кроме того, как верно отмечается, «изменения закона, дополнение видов формализованного смягчения наказания за единичное преступление усложняют окончательное определение наказания в ситуации одновременного наличия двух или более оснований для его назначения» [15, с. 316].

4. Изменение категории преступления.

Аксиоматичным представляется, что неоконченное преступление является менее общественно опасным. Именно поэтому законодатель предусматривает обязательное снижение наказания за неоконченное преступление по правилам, установленным в ст. 66 УК РФ. При этом общественная опасность выступает критерием категоризации преступлений. Однако уголовным законом не предусмотрено изменение категории преступления при совершении неоконченного преступления.

Фактически категория преступления в соответствии со ст. 15 УК РФ определяется формой вины и максимальным наказанием, указанным в санкции статьи Особенной части УК РФ за совершение оконченного преступления. В свою очередь специальные правила назначения наказания за неоконченное преступление направлены на снижение максимального наказания, указанного в санкции статьи Особенной части УК РФ за совершение оконченного преступления, то есть влияют на один из критериев определения категории преступления.

На примере санкций некоторых преступлений против личности, наиболее распространенных в практике судов, можно выявить определенные закономерности, проявляющиеся при применении специальных правил назначения наказания за неоконченное преступление.

Сопоставление этих закономерностей с категоризацией преступлений представлено в таблице «Максимальная наказуемость оконченного и неоконченного преступления».

Например, за приготовление к убийству без квалифицирующих признаков (особо тяжкое преступление) с учетом правила назначения наказания суд может назначить максимально возможное наказание в виде лишения свободы на срок семь лет шесть месяцев, что сопоставимо по максимальному наказанию с тяжким преступлением. За покушение на аналогичное убийство – одиннадцать лет три месяца, что при сопоставлении не отражается на изменении категории преступления.

Далее, за приготовление к умышленному причинению тяжкого вреда здоровью без квалифицирующих признаков (тяжкое преступление) суд может назначить максимально возможное наказание в виде лишения свободы на срок четыре года, что сопоставимо по максимальному наказанию с преступлением средней тяжести. За покушение на аналогичное преступление – шесть лет, что при сопоставлении не отражается на изменении категории преступления.

Максимальная наказуемость оконченного и неоконченного преступления

оконченное преступление	покушение на преступление	приготовление к преступлению
ч. 1 ст. 105 УК РФ; максимальное наказание в виде лишения свободы; 15 лет; особо тяжкое	ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ; максимальное наказание в виде лишения свободы; 11 лет 3 месяца; особо тяжкое	ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ; максимальное наказание в виде лишения свободы; 7 лет 6 месяцев; тяжкое
ч. 1 ст. 111 УК РФ; максимальное наказание в виде лишения свободы; 8 лет; тяжкое	ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 111 УК РФ; максимальное наказание в виде лишения свободы; 6 лет; тяжкое	ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 111 УК РФ; максимальное наказание в виде лишения свободы; 4 года; средней тяжести
ч. 1 ст. 112 УК РФ; максимальное наказание в виде лишения свободы; 3 года; небольшой тяжести	ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 112 УК РФ; максимальное наказание в виде лишения свободы; 2 года 3 месяца; небольшой тяжести	ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 112 УК РФ; уголовная ответственность за приготовление к преступлению небольшой тяжести не наступает
ч. 1 ст. 126 УК РФ; максимальное наказание в виде лишения свободы; 5 лет; средней тяжести	ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 126 УК РФ; максимальное наказание в виде лишения свободы; 3 года 9 месяцев; средней тяжести	ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 126 УК РФ; головная ответственность за приготовление к преступлению средней тяжести не наступает
ч. 1 ст. 127.1 УК РФ; максимальное наказание в виде лишения свободы; 6 лет; тяжкое	ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 127.1 УК РФ; максимальное наказание в виде лишения свободы; 4 года 6 месяцев; средней тяжести	ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 127.1 УК РФ; максимальное наказание в виде лишения свободы; 3 года; небольшой тяжести
ч. 1 ст. 131 УК РФ; максимальное наказание в виде лишения свободы; 6 лет; тяжкое	ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 131 УК РФ; максимальное наказание в виде лишения свободы; 4 года 6 месяцев; средней тяжести	ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 131 УК РФ; максимальное наказание в виде лишения свободы; 3 года; небольшой тяжести

Если рассматривать ситуацию приготовления к умышленному причинению средней тяжести вреда здоровью без квалифицирующих признаков, то она не влечет наступление уголовной ответственности, поскольку данное преступление относится к преступлениям небольшой тяжести. В связи с этим, влияние на категорию преступления возможно. За покушение на аналогичное преступление суд может назначить максимальное наказание в виде лишения свободы на срок два года три месяца. Влияние на категорию преступления не происходит по той же причине. Подобное очевидно и при анализе приготовления и покушения на умышленное причинение легкого вреда здоровью.

Приготовление к похищению человека без квалифицирующих признаков также не является уголовно наказуемым, поскольку данное преступление относится к преступлениям средней тяжести. За покушение на похищение человека суд может назначить максимальное наказание в виде лишения свободы на срок три года девять месяцев. Влияние на категорию преступления не происходит.

Торговля людьми (ч. 1 ст. 127.1 УК РФ) является тяжким преступлением. В данном случае за приготовление суд может назначить максимально возможное наказание в виде лишения свободы на срок три года, что сопоставимо по максимальному наказанию

с преступлением небольшой тяжести. За покушение на аналогичное преступление – четыре года шесть месяцев, что сопоставимо с преступлением средней тяжести.

Изнасилование (ч. 1 ст. 131 УК РФ) и насильственные действия сексуального характера (ч. 1 ст. 132 УК РФ) являются тяжкими преступлениями. В этом случае за приготовление суд также может назначить максимально возможное наказание в виде лишения свободы на срок три года, что сопоставимо по максимальному наказанию с преступлением небольшой тяжести. За покушение на аналогичное преступление – четыре года шесть месяцев, что сопоставимо с преступлением средней тяжести.

Таким образом, основная закономерность при применении специальных правил назначения наказания за неоконченное преступления заключается в следующем: приготовление к преступлению сопоставимо со снижением категории преступления на две, покушение на преступление – на одну категорию. Это правило четко прослеживается на примере тяжких преступлений. В некоторых случаях не наблюдается влияния специальных правил на категорию преступления, либо оно происходит в меньшей степени.

Представляется, что неоконченное преступление должно в равной степени оказывать влияние на категорию преступления вне зависимости от конкретного

состава. Как приготовление к любому преступлению, так и покушение одинаково снижают общественную опасность последнего. Кроме того, равная степень влияния неоконченного преступления на его категорию будет способствовать реализации принципа справедливости.

В уголовном законе предусмотрены и иные обстоятельства, способствующие изменению максимального наказания, предусмотренного в санкции статьи Особенной части УК РФ, в частности, это специальные правила назначения наказания несовершеннолетним. Однако эти обстоятельства не оказывают влияния на общественную опасность преступления, тем самым не могут соотноситься с изменением категории преступления. Таким образом, только обстоятельства, существенно влияющие на изменение общественной опасности преступления, могут учитываться при определении категории преступления.

Следует отметить, что в научной литературе обосновывается возможность исключения уголовной ответственности за приготовительные действия к преступлению любой категории тяжести. Авторы указывают, что «анализ содержания норм о неоконченном преступлении свидетельствует, что деяния, совершаемые на стадии приготовления, не обладают общественной опасностью, характерной для уголовно-наказуемого деяния» [16, с. 180]. С этим мнением сложно согласиться, поскольку приготовительные действия обладают общественной опасностью и должны пресекаться правоохранительными органами. В случае отсутствия уголовной ответственности за приготовительные действия возникнет необходимость «дождаться» последующих стадий развития преступной деятельности для обеспечения возможности привлечения лица к уголовной ответственности. В противном случае деятельность по выявлению и пресечению преступлений на стадии приготовления не будет иметь уголовно-правового значения. А лицо, осуществляющее приготовительную деятельность, не будет опасаться возможности ее пресечения и привлечения его к уголовной ответственности, что будет способствовать расширению масштабов указанных действий.

Также следует иметь в виду, что «уголовно-правовое значение стадий осуществления преступного намерения можно рассматривать в двух аспектах: с позиции юридической оценки деяния, совершенного виновным лицом, и с позиции удержания граждан от преступлений в результате превентивного влияния органов уголовной юстиции, регламентация деятельности которых опирается на уголовно-правовые запреты посредством определения грани дозволенного и запрещенного законом» [17, с. 20].

Что касается преступлений небольшой и средней тяжести, то сформулированное нами правило изменения категории преступления демонстрирует обоснованность отсутствия уголовной ответственности за приготовление к преступлению небольшой либо средней тяжести, поскольку снижение категории преступления невозможно. По данной логике, поку-

шение на преступление небольшой тяжести также не должно быть уголовно наказуемым, поскольку снижение категории преступления невозможно. Однако в случае покушения на преступление средней тяжести возможно снижение категории преступления на одну.

В связи с изложенным, следует изменить ст. 30 УК РФ путем дополнения ее частью 4 в следующей редакции: «уголовная ответственность не наступает за покушение на преступление небольшой тяжести».

В случае совершения неоконченного преступления, относящегося к категории «особо тяжкое», с учетом существующих правил назначения наказания приготовление способно изменить категорию преступления на менее тяжкую на одну категорию, а покушение никак не влияет на категорию преступления. Данное обстоятельство представляется необоснованным, поскольку при совершении неоконченного преступления, относящегося к категории тяжкого, происходит изменение категории в случае покушения и более значительное изменение в случае приготовления.

Еще одним аргументом, обосновывающим необходимость единообразного понижения категории преступления при совершении неоконченного преступления любой категории тяжести, является наличие в уголовном законе так называемых усеченных составов, где момент окончания преступления переносится законодателем на более раннюю стадию, что свидетельствует об их повышенной опасности. В связи с этим уже учтенная законодателем стадия преступления, безусловно, не может изменить категорию преступления. В данном контексте представляется верным утверждение, что «преступление считается оконченным, когда причинен вред или создана угроза причинения вреда личности, обществу или государству, и когда закон считает преступление оконченным» [18, с. 111].

В качестве примера можно привести ст. 317 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность не только за убийство, но и за покушение на убийство указанных в диспозиции лиц. Исходя из сказанного выше, правила квалификации неоконченного преступления в случае покушения не применяются (на это обстоятельство указывает Верховный Суд РФ в п. 5 Постановления Пленума от 1 июня 2023 г. № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации»)¹. Следовательно, и правила назначения наказания за неоконченное преступление, предусмотренные ст. 66 УК РФ, не применяются. В данном случае вне зависимости от стадии преступления (оконченное преступление либо покушение на

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 8.

преступление) категория преступления не меняется, наказание назначается по общим правилам. Такая конструкция составов преступлений позволяет предусмотреть исключительные случаи, когда опасность деяния настолько велика, что даже неоконченность не способна ее уменьшить.

Некоторые авторы считают такой подход необоснованным. В частности, А. А. Илиджиев указывает, что фактическим неоконченным преступлениям нет места в Особенной части УК РФ, «дифференциация ответственности за неоконченные преступления в сравнении с оконченными в ст. 66 УК РФ должна исключать ее унификацию за фактические неоконченные и оконченные преступления в Особенной части, введение фактических неоконченных преступлений в Особенную часть уголовного законодательства нарушает логику ее построения» [19, с. 26]. Частично с приведенной позицией следует согласиться относительно последовательной логики строения уголовного закона. Однако наличие исключений может быть обосновано необходимостью защиты наиболее значимых общественных отношений.

В научной литературе встречается прямо противоположная позиция, предлагающая «отказаться от регламентации института приготовления к преступлению в рамках Общей части УК РФ и вместе с тем ответственность за его совершение установить в специальных нормах Особенной части УК РФ» [20, с. 108]. Хотя речь идет именно о стадии приготовления, правила квалификации неоконченного преступления и правила назначения наказания за такое преступление независимо от его стадии традиционно предусмотрены Общей частью УК РФ. Особенная часть уголовного закона посвящена отдельным преступлениям и включает в себя специфические признаки каждого в отдельности преступного посягательства. Исключение из этого правила составляют наиболее опасные преступные деяния, сформулированные законодателем как оконченные на более ранней стадии, к ним не применяются правила квалификации и назначения наказания за неоконченное преступление.

Обсуждая общественную опасность неоконченного преступления, А. О. Михаль возражает против изменения категории преступления в связи с его незавершенностью. Он указывает, что «не санкция статьи порождает категорию преступления и его вредность, а преступление – наказание. <...> Поэтому приготовление или покушение на преступление не могут "менять" категорию преступления, но в то же время в силу меньшей общественной вредности неоконченные преступления наказуемы менее строго, чем оконченные преступления, что и нашло отражение в уголовном законе» [21, с. 37]. В целом мы поддерживаем эту позицию – не санкцией статьи Особенной части УК РФ должна определяться категория преступления, наоборот, от преступления, которое является первичным, должно зависеть наказание.

Именно поэтому следует установить логически верную зависимость: преступление – наказание; кате-

гория преступления – вид наказания. Таким образом, категория преступления будет определять вид наказания. К тому же проведенный анализ назначаемого наказания за неоконченные преступления показал, что «наблюдается некая социальная несправедливость в назначении наказания осужденным» [22, с. 75].

Проблема заключается в том, что в настоящее время не выработано четких и ясных критериев определения характера и степени общественной опасности преступления, в соответствии с которыми должно определяться наказание. Отнесение характера общественной опасности к качественной характеристике преступления, а степени – к количественной ничего не проясняет с точки зрения установления критериев общественной опасности. Их как не было, так и нет.

Характер и степень общественной опасности декларативно заявлены законодателем в ст. 15 УК РФ в качестве критерия категоризации преступлений. При этом нельзя согласиться с тем, что «незавершенность преступления по обстоятельствам, независящим от воли виновного (приготовление или покушение на преступление), влияет лишь на степень общественной опасности и не может изменять классификационную принадлежность деяния» [23, с. 15]. Аргументация авторов заключается в том, что только характер, а не степень общественной опасности, может повлиять на изменение категории преступления. Однако в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»¹ указано, что при учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Поэтому следует согласиться с тем, что «приготовление к преступлению, покушение на преступление и оконченное преступление отличаются друг от друга по характеру общественной опасности» [24, с. 71]. Таким образом, незавершенность преступления в случае непричинения вреда (наступления последствий) влияет на характер общественной опасности, а значит, и на категорию преступления. При этом механизмов определения степени такого влияния в науке уголовного права, к сожалению, не выработано.

5. Заключение.

По мнению автора, следует использовать другие подходы и рассматривать категоризацию преступлений как связующий элемент между преступлением и наказанием, разработать правила назначения наказания в зависимости от категории преступления. Увеличение либо уменьшение общественной опасности преступления должно влиять на соответству-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.

ющее изменение категории преступления, и только после этого на основании установленной категории преступления должен решаться вопрос о назначении наказания.

Важно учитывать, что «влияние государства на уголовно-правовую политику посредством категоризации преступлений происходит как путем изменения самих категорий преступлений, так и путем использования категорий преступлений при изменении различных институтов уголовного права» [25, с. 7]. Именно категоризация преступлений «является основной, ведущей классификацией, цель которой – более точная дифференциация уголовной ответственности и основанная на ней индивидуализация наказания» [26, с. 10–11].

Относительно предусмотренных правил назначения наказания за неоконченное преступление, по нашему мнению, ст. 66 УК РФ следует исключить из действующего уголовного законодательства, так как снижение наказания за неоконченное преступление должно осуществляться через изменение категории преступления, поскольку именно в зависимости от категории преступления определяется наказание.

Библиографический список

1. Некрасов В. Н. Соотношение понятий «неоконченное преступление» и «стадии совершения преступления» // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 4 (16). С. 18–23.
2. Милюков С. Ф., Дронова Т. Н. Неоконченное преступление и его виды: проблемные вопросы // Право: история и современность. 2022. Т. 6, № 3. С. 342–364.
3. Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. СПб: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. 353 с.
4. Иванов В. Д. Понятие и виды стадий преступной деятельности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 6. С. 86–89.
5. Редин М. П. Осуществление преступного намерения и неоконченное преступление // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 1 (224). С. 159–168.
6. Николаева О. Н. Назначение наказания за неоконченное преступление // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2005. № 2. С. 194–202.
7. Гринь М. В. Неоконченное преступление: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 208 с.
8. Благов Е. В. О видах неоконченного преступления // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 3. С. 31–37.
9. Лавыгина И. В., Островских Ж. В. Десять подходов к определению этапов квалификации преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4. С. 721–731.
10. Мацнев Н. И., Становский А. М. Назначение наказания за неоконченное преступление // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 4 (285). С. 75–82.
11. Становский А. М. Дифференциация наказания за неоконченное преступление // Вестник Новгородского государственного университета. 2012. № 69-2. С. 90–93.
12. Тасаков В. С., Тасаков С. В. Основания смягчения наказания в уголовном праве России: научное издание. Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, 2018. 152 с.
13. Хамитов Р. Н. Специальные правила назначения наказания. Казань: изд-во Казанского университета, 2001. 166 с.
14. Степашин В. М. Назначение наказания за неоконченное преступление // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2007. № 2 (11). С. 88–95.
15. Иногамова-Хегай Л. В. Понятие и виды формализованного назначения наказания по российскому уголовному праву // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 2. С. 313–321.
16. Лапшин В. Ф., Килимбаев Р. В. Неоконченное преступление как объект гуманизации российского уголовного законодательства // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 1. С. 173–184.
17. Годунов О. И. К вопросу о неоконченном преступлении и уголовно-правовом значении стадий осуществления преступного намерения // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2009. № 4. С. 11–21.
18. Редин М. П. Понятия оконченного и неоконченного преступлений в уголовном законодательстве Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1997. № 1 (216). С. 111–121.
19. Илиджев А. А. Уголовно-правовая характеристика отражения неоконченного преступления в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2022. № 1. С. 22–27.
20. Килимбаев Р. В., Воробьев С. М. Проблемы криминализации неоконченного преступления, прерванного на стадии приготовления // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 45. № 1. С. 105–109.
21. Михаль О. А. Общественная вредность неоконченных преступлений: соотношение с категориями преступлений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2005. № 2 (22). С. 35–38.
22. Безуглый С. Н. Ответственность за неоконченное преступление «в цифрах» // Проблемы права. 2018. № 4 (68). С. 72–75.
23. Михаль О. А., Власов Ю. А. Классификация преступлений и неоконченное преступление // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2 (45). С. 12–16.
24. Мамонова Ю. Ю., Подройкина И. А. Назначение наказания за неоконченное преступление // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2016. № 4 (25). С. 69–73.

25. Гревцева А. Ю. Классификации преступлений, их роль и значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2010. 24 с.

26. Кадников Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2000. 53 с.

References

1. Nekrasov V. N. Correlation of the concepts of «unfinished crime» and «stages of committing a crime» // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2011. No. 4 (16). Pp. 18–23.

2. Milyukov S. F., Dronova T. N. Unfinished crime and its types: problematic issues // Law: history and modernity. 2022. Vol. 6. No. 3. Pp. 342–364.

3. Kozlov A. P. The doctrine of the stages of crime. SPb: Legal Center Press Publishing House, 2002. 353 p.

4. Ivanov V. D. The concept and types of stages of criminal activity // News of higher educational institutions. Law studies. 1992. No. 6. Pp. 86–89.

5. Redin M. P. The implementation of criminal intent and an unfinished crime // News of higher educational institutions. Law studies. 1999. No. 1 (224). Pp. 159–168.

6. Nikolaeva O. N. The appointment of punishment for an unfinished crime // Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. 2005. No. 2. Pp. 194–202.

7. Grin M. V. Unfinished crime: dis. ... Cand. of Law. Krasnodar, 2003. 208 p.

8. Blagov E. V. On the types of unfinished crime // Juridical Journal of Samara University. 2021. Vol. 7. No. 3. Pp. 31–37.

9. Lavygina I. V., Ostrovsky Zh. V. Ten approaches to determining the stages of crime qualification // Russian journal of criminology. 2016. Vol. 10. No. 4. Pp. 721–731.

10. Matsnev N. I., Stanovsky A. M. The appointment of punishment for an unfinished crime // News of higher educational institutions. Law studies. 2009. No. 4 (285). Pp. 75–82.

11. Stanovsky A. M. Differentiation of punishment for an unfinished crime // Bulletin of the Novgorod State University. 2012. No. 69-2. Pp. 90–93.

12. Tasakov V. S., Tasakov S. V. Grounds for mitigation of punishment in Russian criminal law: scientific publication. Cheboksary: I. N. Ulyanov Chuvash State University, 2018. 152 p.

13. Khamitov R. N. Special rules for sentencing. Kazan: Kazan University Press, 2001. 166 p.

14. Stepashin V. M. The appointment of punishment for an unfinished crime // Herald of Omsk University. Series: Law. 2007. No. 2 (11). Pp. 88–95.

15. Inogamova-Hegai L. V. The concept and types of formalized sentencing in Russian criminal law // Russian journal of criminology. 2016. Vol. 10. No. 2. Pp. 313–321.

16. Lapshin V. F., Kilimbaev R. V. Unfinished crime as an object of humanization of Russian criminal legislation // Law Enforcement Review. 2021. Vol. 5. No. 1. Pp. 173–184.

17. Godunov O. I. On the question of an unfinished crime and the criminal legal significance of the stages of the implementation of criminal intent // Ivanovo state

university bulletin. Series «Natural, social sciences». 2009. No. 4. Pp. 11–21.

18. Redin M. P. Concepts of completed and unfinished crimes in the criminal legislation of the Russian Federation // Pravovedenie. 1997. No. 1 (216). Pp. 111–121.

19. Ilidzhev A. A. Criminal and legal characteristics of the reflection of an unfinished crime in a special part of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin. 2022. No. 1. Pp. 22–27.

20. Kilimbaev R. V., Vorobyov S. M. Problems of criminalization of an unfinished crime interrupted at the stage of preparation // Law Herald of Dagestan State University. 2023. Vol. 45. No. 1. Pp. 105–109.

21. Mikhal O. A. Social harmfulness of unfinished crimes: correlation with categories of crimes // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia. 2005. No. 2 (22). Pp. 35–38.

22. Bezugly S. N. Responsibility for an unfinished crime «in numbers» // Issues of Law. 2018. No. 4 (68). Pp. 72–75.

23. Mikhal O. A., Vlasov Yu. A. Classification of crimes and unfinished crime // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia. 2012. No. 2 (45). Pp. 12–16.

24. Mamonova Yu. Yu., Podroikina I. A. Sentencing for an unfinished crime // Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy. 2016. No. 4 (25). Pp. 69–73.

25. Grevtseva A. Yu. Classifications of crimes, their role and significance: abstract. dis. ... Cand. of Law. Tambov, 2010. 24 p.

26. Kadnikov N. G. Classification of crimes under the criminal law of Russia: abstract. dis. ... Dr. of Law. M., 2000. 53 p.

Информация об авторе

Мелюханова Евгения Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Melyukhanova Evgeniya E. – Candidate of Law, Associate professor

Статья поступила в редакцию 06.11.2024; одобрена после рецензирования 13.01.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 06.11.2024; approved after reviewing 13.01.2025; accepted for publication 18.03.2025.

К вопросу об объекте преступления, предусмотренного части 3 статьи 208 Уголовного кодекса Российской Федерации

Мырзабергенов Азамат Амирбаевич
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, myrzabergenov00@bk.ru

Аннотация. В статье анализируется объект преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 208 УК РФ. На основе анализа трудов ученых и нормативных правовых актов автор ставит под сомнение правильность местоположения указанной статьи в структуре уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ и приходит к выводу о том, что основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления необходимо считать внешнюю безопасность государства, а не общественную безопасность.

Ключевые слова: объект преступления, вооруженный конфликт, военные действия, общественная безопасность, безопасность государства

Для цитирования: Мырзабергенов А. А. К вопросу об объекте преступления, предусмотренного части 3 статьи 208 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 115–121.

Original article

On the issue of the object of the crime provided for in Part 3 of Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation

Myrzabergenov Azamat A.
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, Myrzabergenov00@bk.ru

Abstract. The article analyzes the object of the crime provided for in Part 3 of Art. 208 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on an analysis of the works of scientists and legal acts, the author questions the correct location of this norm in the structure of the criminal law norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation and comes to the conclusion that it is necessary to consider the external security of the state as the direct object of the crime.

Keywords: object of crime, armed conflict, hostilities, public safety, state security

For citation: Myrzabergenov A. A. On the issue of the object of the crime provided for in Part 3 of Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 115–121.

Основанием для привлечения к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 208 УК РФ, является совершение деяния, содержащего все признаки указанного состава. Один из таких обязательных признаков – объект посягательства, который определяет местонахождение нормы в структуре Особенной части УК РФ.

Традиционно в советской юридической литературе под объектом преступления понимались общественные отношения, охраняемые уголовным законом от преступных посягательств [1, с. 80].

На сегодняшний день в доктрине уголовного права большинство ученых придерживается мнения, что

соответствующая глава УК РФ определяет видовой объект, а раздел – соответственно, родовой.

Рассматриваемый нами состав находится IX Разделе УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», в частности в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности», что позволяет рассматривать в качестве родового и видового объекта преступления, указанного в ч. 3 ст. 208 УК РФ, общественные отношения, охраняющие общественную безопасность.

Чтобы охарактеризовать объект участия в вооруженном конфликте и военных действиях в целях,

противоречащих интересам Российской Федерации, необходимо понять сущность безопасности. Основу данного понимания составит лексическое значение этого термина.

Согласно словарю С. И. Ожегова понятие «безопасность» трактуется как «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности» [2]. В то же время Оксфордский словарь определяет этот термин (Safety) как «состояние или место, где вы находитесь в сохранности и не подвергаетесь опасности или риску» [3].

Думается, что второе определение наиболее корректно, так как его содержание раскрывается через такую формулировку, как «не подвергаетесь», означающую, что непосредственной опасности нет, в то время как словарь С. И. Ожегова определяет его через отсутствие угрозы. Полагаем, что угроза (если не реальная, то потенциальная) есть всегда.

На сегодняшний день нормативного определения безопасности как такового нет. Оно содержалось в утратившем силу Законе РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г. № 2446-1¹, согласно которому под безопасностью следовало понимать состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Определения различных видов безопасности закреплены в отдельных нормативно-правовых актах, регулирующих ту или иную сферу деятельности². Стоит отметить, что в профильном законодательстве они формулируются по следующей модели: указывается состояние защищенности какого-либо объекта от определенных угроз. На наш взгляд, такого рода конструкция во многом связана с ранее действующим Законом РФ «О безопасности», а обозначение объектов и угроз в их отношении зависит от конкретной сферы действия. По такому же принципу строятся определения иных видов безопасности (например, безопасность критической информационной инфраструктуры³, пожарная безопасность⁴ и т. д.).

Следовательно, логически рассуждая и учитывая структуру вышеприведенных дефиниций, можно предположить, что общественная безопасность – это состояние защищенности общества от угроз.

¹ Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» (утратил силу) // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 21.03.2024).

² См.: ст. 1 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»; ст. 1 Федерального закона от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения»; ст. 2 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 21.03.2024).

³ См.: ст. 2 Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 21.03.2024).

⁴ См.: ст. 1 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 21.03.2024).

Так как уголовный закон находится в единой системе законодательных и иных нормативных правовых актов, то общественная безопасность должна толковаться с учетом положений других актов, раскрывающих ее содержание.

На сегодняшний день основополагающим документом в сфере государственной политики в области обеспечения общественной безопасности является Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, в соответствии с которой под общественной безопасностью понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера⁵. Можно заметить, что данное определение не совсем подходит для уяснения сущности общественной безопасности как объекта определенной группы преступлений, поскольку в качестве угроз указаны преступные посягательства в целом, а не ограниченные общественно-опасными деяниями, предусмотренными Разделом IX или гл. 24 УК РФ.

Для более детального уяснения сути общественной безопасности необходимо рассмотреть ее с доктринальных положений уголовного права. В этой связи важно замечание А. В. Дрожжиной, которая говорит, что немногие авторы разграничивают понимание общественной безопасности как родового и видового объектов преступления, а если и различают, то не всегда указывают критерии разграничения [4].

Ряд ученых предлагали научному сообществу авторские определения понятия «общественная безопасность», в том числе В. С. Комиссаров [5, с. 30–31], М. Ю. Павлик [6, с. 13], Р. В. Закомолдин [7, с. 8], А. В. Дрожжина [4, с. 9–10] и др.

На наш взгляд, не стоит вступать в дискуссию по поводу определения точного содержания общественной безопасности, поскольку при более тщательном анализе вышеприведенных авторских дефиниций в обобщенном значении ученые, по сути, говорят об одном и том же, а именно указывают на объект защиты – общество, и уточняют специфические угрозы (источники повышенной опасности, проведение работ и т. д.).

Вооруженный конфликт и военные действия как признаки ч. 3 ст. 208 УК РФ в определенной степени можно отнести к специфическим угрозам, но они качественно другого уровня, т. к. ставят в опасность возможность существования государства. Так, военные действия предполагают состояние войны между странами, следовательно, вред главным образом причиняется безопасности государства. По мнению В. С. Комиссарова, отношения, складывающиеся при обеспечении общественной безопасности, могут

⁵ См.: п. 4 I раздела Концепции общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 20 ноября 2013 г.) // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 21.03.2024).

иметь следующие модели: «государство – граждане, государство – группа лиц, группа лиц – гражданин, гражданин – гражданин» [5, с. 29]. В то время как при вооруженном конфликте возникают отношения между одним государством и другим, что не характерно для отношений, возникающих при обеспечении общественной безопасности.

В 2022 г. Федеральным законом № 260 в ст. 208 УК РФ была введена ч. 3, устанавливающая уголовную ответственность за участие гражданина РФ или постоянно проживающего в РФ лица без гражданства в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях, противоречащим интересам РФ. Местонахождение данной нормы в структуре Особенной части УК РФ дает основание полагать, что объектом преступления является общественная безопасность.

Определив содержание общественной безопасности, мы считаем, что ч. 3 ст. 208 УК РФ не посягает на нее по ряду причин.

Для начала целесообразно выяснить, с какой целью данный уголовно-правовой запрет был введен в УК РФ. Следует предположить, что, криминализируя участие в вооруженных конфликтах, законодатель стремился свести к минимуму потенциал вооруженного конфликта, который может причинить ущерб Российской Федерации. Ведь, участвуя в подобном рода конфликтах, лица способствуют их эскалации и дальнейшему ухудшению отношений между государствами, что влечет за собой иные негативные последствия. Из стенограммы обсуждения законопроекта также можно заключить, что указанная норма была призвана охватить все иные формы участия в вооруженном конфликте, которые не подпадают под определение государственной измены в форме перехода на сторону противника.

Для уяснения сущности вооруженных конфликтов следует обратиться к Военной доктрине Российской Федерации¹ (далее – ВД РФ), которая представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на вооруженную защиту РФ.

В п. 18 III раздела ВД РФ закреплено, что предотвращение военных конфликтов осуществляется в целях обеспечения обороны и безопасности России, а также интересов ее союзников. Для достижения этой цели закрепляется ряд основных задач по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов (пп. «б» п. 21 Раздела III ВД РФ), к которым, в частности, относится «нейтрализация возможных военных опасностей и военных угроз политическими, дипломатическими и иными невоенными средствами».

Несомненно, что одним из таких иных невоенных механизмов является установление уголовно-правового запрета, содержащегося в ч. 3 ст. 208 УК РФ.

¹ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 21.03.2024).

Анализируя содержание ВД РФ, можем отметить следующее: одной из угроз безопасности России является наличие (возникновение) очагов и эскалация вооруженных конфликтов на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками (пп. «и», п. 12 II раздела ВД).

Установление в государствах, сопредельных с Российской Федерацией, режимов, в том числе в результате свержения легитимных органов государственной власти, политика которых угрожает интересам Российской Федерации, также будет рассматриваться как угроза безопасности РФ (пп. «н» п. 12 II раздела ВД РФ).

Вышеуказанные угрозы безопасности РФ будут возникать в случае, если вооруженные конфликты происходят в сопредельных государствах.

Но перечень потенциальных опасностей в ВД РФ не исчерпывается военными конфликтами на территории иностранных государств, непосредственно граничащих с Россией. В пп. «б» п. 12 II раздела ВД РФ в качестве внешней военной опасности указывается «дестабилизация обстановки в отдельных государствах и регионах и подрыв глобальной и региональной стабильности».

Таким образом, вооруженные конфликты, несмотря на их близость или удаленность, рассматриваются как угроза безопасности Российской Федерации.

Учитывая вышесказанное, участие граждан РФ и лиц без гражданства, постоянно проживающих в РФ, в вооруженных конфликтах, военных действиях и иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации, на наш взгляд, посягает не столько на общественную безопасность, сколько на безопасность государства. Участие данных лиц является фактором поддержки интенсивности и продолжительности таких конфликтов, способствует дальнейшей эскалации и созданию нестабильности в определенном государстве или регионе.

Помимо этого, для определения объекта преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 208 УК РФ, целесообразно рассмотреть такой конститутивный признак состава, как цель – противоречие интересам Российской Федерации.

Термин «интересы Российской Федерации» только в контексте ч. 3 ст. 12 УК РФ не раз становился объектом исследований, в результате которых ученые пришли к выводу о чрезвычайной абстрактности и оценочности указанного понятия [8, с. 82–89; 9, с. 184; 10, с. 139–140].

В связи с этим в Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) поступают жалобы для оспаривания соответствующих решений. Так, Р. Х. Абдуллоев обратился с требованием признать неконституционной ч. 2 ст. 208 УК РФ, поскольку она, по мнению заявителя, «позволяет привлекать к уголовной ответственности лиц, обвиняемых в финансировании участия на территории иностранного государства в вооруженном фор-

мировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации, притом, что сами такие интересы законодательно не сформулированы»¹. КС РФ в своем определении не раскрыл содержание понятия «интересы государства», аргументируя это тем, что норма применялась для квалификации действий не заявителя, а лица, который лично участвовал в незаконном вооруженном формировании.

Разумно предположить, что интересы Российской Федерации и интересы государства в контексте ч. 3 ст. 208 УК РФ являются тождественными понятиями. На сегодняшний день законодательно интересы государства определены в модельном Законе «О безопасности», где они трактуются как «совокупность политических, экономических, социальных и других потребностей государства, от реализации которых зависит способность государства обеспечивать защиту конституционных прав человека и гражданина, ценностей общества, основополагающих государственных институтов»². Несмотря на данное нормативное закрепление, не утихают дискуссии, предметом которых является содержание понятия «интересы государства».

При обсуждении законопроекта № 130406-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» депутат от фракции КПРФ Ю. П. Синельщиков отметил, что «к сожалению, бывает так, что этот интерес просчитать просто невозможно», в качестве примера он привел Нагорно-Карабахский конфликт – «были люди, которые воевали, сначала мы их поддерживали, а теперь не поддерживаем», что указывает на трудность в определении интересов и их зависимость от политической воли государства³.

В науке уголовного права существуют разные точки зрения относительно интересов Российской Федерации в контексте ч. 3 ст. 208 УК РФ. Так, М. Г. Литвяк считает, что под такими интересами стоит понимать «национальные интересы, перечисленные в п. 25 Стратегии национальной безопасности» [11, с. 378].

Напротив, Я. Н. Ермолович убежден, что сводить интересы РФ к национальным не совсем уместно в виду того, что последние, «малоприменимы» для целей ч. 3 ст. 208, например, такие из них, как укрепление традиционных российских духовно-нрав-

ственных ценностей [12, с. 93]. К сожалению, автор не приводит альтернативный вариант того, что следует вкладывать в понятие «интересы России».

Представляется, что отождествлять интересы государства с национальными не совсем корректно. Согласно Стратегии национальной безопасности, под национальными интересами следует понимать «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии». Соответственно интересы государства являются одной из составляющих национальных интересов.

Так как в диспозиции ч. 3 ст. 208 УК РФ содержится обязательный негативный признак – отсутствие признаков государственной измены, то целесообразно рассмотреть примечание к ст. 275 УК РФ, в соответствии с которым лицо, совершившее преступления, предусмотренные ею, а также ст. 276 и 278 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Можно сделать вывод, что в содержание интересов Российской Федерации включены объекты, охраняемые ст. 275, 276 и 278 УК РФ, в частности обеспечение конституционного строя и безопасности государства. Поэтому позволим не согласиться с мнением А. Г. Хлебушкина, который считает, что именно субъективный признак – цель, определяет способность рассматриваемого деяния причинить вред общественной безопасности [13, с. 64].

Представляет интерес также и то, что законодательно рассматриваемое определение было закреплено во II разделе Концепции Национальной безопасности, утратившей силу, согласно которой интересы государства состояли в незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, в политической, экономической и социальной стабильности, в безусловном обеспечении законности и поддержании правопорядка, в развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества⁴.

Вышеуказанное толкование согласуется и с доктриной. Так, В. А. Горбунов считает, что интерес государства и государственный интерес являются понятиями равнозначными, и относит к числу приоритетных государственных интересов обеспечение суверенитета народа, территориальной целостности, развитие демократии, укрепление политической стабильности, совершенствование национальных и федеративных отношений и т. д. [14, с. 8–9].

Размышляя над интересами Российской Федерации, А. И. Фролова пришла к выводу, что под ними следует понимать общественные отношения, охраня-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2016 г. № 250-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абдуллова Рафиля Хусяиновича на нарушение его конституционных прав положениями ст. 205.1 и ч. 2 ст. 208 Уголовного кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 21.03.2024).

² См.: ст. 1 Постановления межпарламентского комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан от 15 октября 1999 г. № 9-9.

³ Видеозапись третьего чтения законопроекта № 130406-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/130406-8> (дата обращения: 21.03.2024).

⁴ Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утратила силу на основании Указа Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537) // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 21.03.2024).

емые гл. 29 УК РФ, т. е. конституционный строй и безопасность государства [15, с. 189].

Таким образом, можно заключить, что интересы государства в первую очередь заключаются в обеспечении безопасности государства.

Для определения объекта ч. 3 ст. 208 УК РФ целесообразно смоделировать следующую ситуацию. Если гражданин РФ и постоянно проживающее в РФ лицо без гражданства участвуют в вооруженном конфликте против РФ на территории иностранного государства в составе войск противника, то действия гражданина РФ следует квалифицировать по ст. 275 УК РФ, а действия лица без гражданства – по ч. 3 ст. 208 УК РФ. Из изложенного следует, что полностью идентичные действия гражданина РФ и лица без гражданства, постоянно проживающего в РФ, посягают на разные объекты ввиду различия гражданско-правового статуса данных лиц. Считаем такую позицию не вполне обоснованной.

Следовательно, нахождение рассматриваемой нормы в гл. 24 УК РФ, на наш взгляд, не совсем оправдано, так как она не достаточно точно передает социальную сущность и правовую природу содержащейся в ней нормы.

Также стоит обратить внимание на такой факультативный признак объективной стороны состава преступления, как место – территория иностранного государства. Смысл данного признака состоит в следующем: предполагается, что посягательства на охраняемые уголовным законом ценности происходят извне, то есть за пределами территории Российской Федерации. В свою очередь, как отмечают исследователи, общественная безопасность «представляет собой состояние защищенности от внутренних угроз...» [16, с. 64]. Таким образом, указание на территорию иностранного государства в диспозиции нормы обуславливает определение внешней безопасности в качестве объекта ч. 3 ст. 208 УК РФ.

Поскольку анализ уголовно-правовых норм иностранных государств порой позволяет лучше уяснить природу и сущность отечественных уголовно-правовых запретов, а также перенять успешный опыт, то целесообразно в качестве дополнительного аргумента обратиться к зарубежному уголовному законодательству.

При выборе уголовных норм иных стран, к которым следовало обратиться, учитывалось наличие такого негативного признака, как «отсутствие признаков наемничества», поскольку отечественное уголовное законодательство также предусматривает его (диспозиция ч. 3 ст. 359 УК РФ «Наемничество» содержит следующую формулировку – «при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 208 настоящего Кодекса»). Данное пояснение необходимо для обоснования корректности обращения к нижеследующим нормам Уголовных кодексов иностранных государств.

Так, Уголовный кодекс Республики Беларусь содержит норму, предусматривающую ответствен-

ность за участие гражданина Республики Беларусь и постоянно проживающего лица без гражданства в Республике Беларусь в вооруженном конфликте, военных действиях без уполномочия государства и при отсутствии признаков наемничества¹. Указанное преступление расположено в главе «Преступления против государства», следовательно, объектом его уголовно-правовой охраны является безопасность государства.

Уголовные кодексы Республики Казахстан², Республики Таджикистан³ и Республики Туркменистан⁴ также предусматривают уголовную ответственность своих граждан и постоянно проживающих лиц без гражданства за неправомерное участие в вооруженных конфликтах или военных действиях на территории иностранных государств при отсутствии признаков наемничества.

Характерной чертой рассматриваемых уголовно-правовых запретов является их расположение в структуре Особенной части уголовных законов. Участие в вооруженных конфликтах на территории иностранных государств, при отсутствии признаков наемничества, вышеуказанными государствами рассматривается как преступление, посягающее на мир и безопасность человечества.

Небезынтересно, что только в Уголовном кодексе Республики Туркменистан (ст. 178) участие в военных конфликтах на территории иностранных государств запрещено без каких-либо оговорок. Тогда как в Уголовных кодексах Республики Казахстан и Республики Таджикистан криминализовано неправомерное участие в таких конфликтах, а в Уголовном кодексе Республики Беларусь запрещено участие «без уполномочивания на то государства» (иными словами, неправомерное участие). В свою очередь, российский законодатель преступное участие от неправомерного разделил целью – противоречие интересам государства, которая и должна предопределять местоположение нормы в УК РФ.

Таким образом, следует отметить, что российский законодатель не является «пионером» криминализации участия лиц в вооруженных конфликтах на территории иностранных государств. Похожие уголовно-правовые запреты содержатся в уголовных кодексах ряда государств постсоветского пространства, ни одно из которых не рассматривает участие в вооруженном конфликте на территории иностранных

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З // СПС «Параграф». URL: online.zakon.kz/ (дата обращения: 21.03.2024).

² Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V // СПС «Параграф». URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 21.03.2024).

³ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 // СПС «Континент». URL: continent-online.com/ (дата обращения: 21.03.2024).

⁴ Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-1 // СПС «Параграф». URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 21.03.2024).

государств как преступление, посягающее на общественную безопасность.

О несоответствии расположения ч. 3 ст. 208 УК РФ в структуре норм Особенной части УК РФ свидетельствует и пояснительная записка к законопроекту Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ № 130406-8, где сказано, что принятие данных изменений будет способствовать «...повышению эффективности системы выявления, предупреждения и пресечения преступной деятельности, осуществляемой в целях подрыва основ конституционного строя, обороноспособности страны и безопасности государства»¹. Как мы видим, законодатель акцентирует внимание на объекты, охраняемые гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

Помимо основного непосредственного объекта вполне обоснованно, на наш взгляд, выделить и факультативный объект, которому может причиняться вред совершаемым деянием. Учитывая многогранность внешнего выражения вооруженного конфликта, факультативным объектом могут выступить общественные отношения, охраняющие личность, собственность, порядок оборота оружия и т. д. В случае, если лицо принимает участие в боевых действиях путем вооруженного нападения на военнослужащих, то страдают общественные отношения, охраняющие жизнь и здоровье личности. Если же лицо проникает в лагерь неприятеля и похищает оружие, то вред причиняется порядку оборота оружия и отношениям собственности. Иными словами, объект преступления будет зависеть от конкретных действий лиц, принимающих участие в вооруженном конфликте или военных действиях. Говорить об этих общественных отношениях как о непосредственном дополнительном объекте не вполне корректно, поскольку не всегда им может причиняться вред.

Обобщая изложенное, полагаем необходимым рассматривать норму ч. 3 ст. 208 УК РФ как преступление, посягающее на общественные отношения, обеспечивающие внешнюю безопасность государства, в то время как факультативным объектом могут выступать общественные отношения, охраняющие личность, собственность, порядок оборота оружия и боеприпасов и т. д.

Библиографический список

1. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рарога. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 896 с.
2. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru>
3. Оксфордский словарь. URL: <https://dictionary.cambridge.org.ru>

¹ Пояснительная записка к законопроекту Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 21.03.2024).

4. Дрожжина А. В. Общественная безопасность как объект преступления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2018. 188 с.

5. Комиссаров В. С. Преступления, нарушающие общие правила безопасности: понятие, система, общая характеристика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 210 с.

6. Павлик М. Ю. Актуальные проблемы захвата заложника (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 1998. 23 с.

7. Закомолдин Р. В. Ответственность за нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности по уголовному законодательству России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 2001. 25 с.

8. Есаков Г. А. Экстратерриториальное действие уголовного закона: современные мировые тенденции. С. 82–89.

9. Цай К. А. Уголовно-правовая юрисдикция: теоретические вопросы действия уголовного закона в пространстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 312 с.

10. Какюмова А. Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. 2019. 448 с.

11. Литвяк Л. Г. Характеристика отдельных изменений, внесенных ФЗ от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ, в УК РФ // Право, экономика и управление: состояние, проблемы и перспективы. 2022. С. 374–378.

12. Ермолович Я. Н. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Право в Вооруженных Силах. 2022. № 11. С. 89–102.

13. Хлебушкин А. Г. Участие в вооруженном конфликте как посягательство на общественную безопасность и безопасность государства // Ответственность за преступления против мира и безопасности человечества, совершенные националистическим режимом Украины, дискредитацию органов государственной власти и Вооруженных Сил Российской Федерации: сборник материалов науч.-практич. семинара, Москва, 26 апреля 2023 г. М.: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2023. С. 63–68.

14. Горбунов В. А. Категория законного интереса (личности, общества, государства) в конституционном законодательстве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 2007. 29 с.

15. Фролова А. И. Действие российского уголовного закона в пространстве: законодательная регламентация и перспективы ее совершенствования с учетом опыта уголовного законодательства зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Екатеринбург, 2013. 230 с.

16. Шеслер А. В., Смирнов И. О. Характеристика объекта как элемента состава преступления, предусмотренного ст. 208 уголовного кодекса Российской Федерации

Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. С. 61–67.

References

1. Criminal law of Russia. Parts General and Special: a textbook / ed. by A. I. Rarog. 9th ed., reprint. and add. M.: Prospekt, 2018. 896 p
2. Ozhegov's explanatory dictionary. URL: <https://slovarozhegova.ru>
3. Oxford Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org.ru>
4. Drozhzhina A. V. Public safety as an object of crime: dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.08. M., 2018. 188 p.
5. Komissarov V. S. Crimes violating general safety rules: concept, system, general characteristics: dis. ... dr. jurid. sciences. M., 1997. 210 p.
6. Pavlik M. Y. Actual problems of hostage-taking (criminal law and criminological aspects: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. 1998. 23 p.
7. Zakomoldin R. V. Responsibility for violation of the rules of service for the protection of public order and ensuring public safety under the criminal legislation of Russia: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. 2001. 25 p.
8. Yesakov G. A. Extraterritorial effect of criminal law: modern world trends. Pp. 82–89.
9. Tsai K. A. Criminal law jurisdiction: theoretical issues of the operation of criminal law in space: dis. ... cand. jurid. sciences. 2017. 312 p.
10. Kayumova A.R. Criminal jurisdiction in international law: issues of theory and practice: dis. ... dr. jurid. sciences. 2019. 448 p.
11. Litvyak L. G. Characteristics of individual changes introduced by Federal Law No. 260-FZ dated July 14, 2022, in the Criminal Code of the Russian Federation // Law, economics and Management: state, problems and prospects. 2022. Pp. 374–378.
12. Ermolovich Ya. N. Scientific and Practical commentary on the Federal Law dated July 14, 2022 No. 260-FZ «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // Law in the Armed Forces. 2022. No. 11. Pp. 89–102.
13. Khlebushkin A. G. Participation in armed conflict as an encroachment on public safety and state security // Responsibility for crimes against the peace and security of mankind committed by the nationalist regime of Ukraine, discrediting state authorities and the Armed Forces of the Russian Federation: collection of materials from a scientific and practical seminar, Moscow, April 26, 2023. M.: Federal State State Educational Institution of Higher Education «University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation», 2023. Pp. 63–68.
14. Gorbunov V. A. The category of legitimate interest (personality, society, state) in the constitutional legislation of the Russian Federation: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. 2007. 29 p.
15. Frolova A. I. The action of Russian criminal law in space: legislative regulation and prospects for its improvement, taking into account the experience of criminal legislation of foreign countries: dis. ... cand. jurid.

sciences: 12.00.08. Yekaterinburg, 2013. 230 p.

16. Shesler A. V., Smirnov I. O. Characteristics of the object as an element of the crime provided for in Art. 208 of the Criminal Code of the Russian Federation // Legal science and law enforcement practice. 2013. Pp. 61–67.

Статья поступила в редакцию 31.05.2024; одобрена после рецензирования 31.10.2024; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 31.05.2024; approved after reviewing 31.10.2024; accepted for publication 18.03.2025.

Научная статья
УДК 343.97

Оперативная обстановка в сфере дорожного хозяйства (по материалам Алтайского края)

Надейкина Ольга Андреевна
Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации, Москва, Россия, onadeikina2@mvd.ru, iberika2007@mail.ru

Аннотация. Развитие дорожной системы и строительство новых трасс в Алтайском крае играет важную роль для экономики, в частности для сельского хозяйства, промышленности, торговли и туризма. Защита бюджетных денежных средств от преступных посягательств является одной из важных задач правоохранительной системы. В статье рассмотрены вопросы состояния оперативной обстановки в сфере дорожного хозяйства в Алтайском крае, приведены примеры хищений бюджетных денежных средств должностными лицами и предпринимателями, взятые из практической деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции. Определены наиболее распространенные способы совершения преступлений при строительстве дорог.

Ключевые слова: оперативная обстановка Алтайского края в дорожном строительстве, экономическая безопасность, состояние преступности, способы совершения преступлений в сфере дорожного хозяйства, коррупционные преступления, статистическая отчетность

Для цитирования: Надейкина О. А. Оперативная обстановка в сфере дорожного хозяйства (по материалам Алтайского края) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 122–127.

Original article

Operation situation in the road sector (based on materials from the Altai Territory)

Nadeikina Olga A.
National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia,
onadeikina2@mvd.ru, iberika2007@mail.ru

Abstract. The development of the road system and the construction of new highways in the Altai Territory plays an important role in such economic sectors as agriculture, industry, trade and tourism. Protecting budget funds from criminal encroachments is one of the important tasks of the law enforcement system. The issues of the state of the operational situation in the field of road management in the Altai Territory are considered, examples of embezzlement of budget funds by officials and entrepreneurs from the practical activities of economic security and anti-corruption units are given. The most common ways of committing crimes during road construction have been identified.

Keywords: the operational situation of the Altai Territory in road construction, economic security, the state of crime, methods of committing crimes in the field of road management, corruption crimes, statistical reporting

For citation: Nadeikina O. A. Operation situation in the road sector (based on materials from the Altai Territory) // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 122–127.

Дорожное хозяйство в Российской Федерации включает в себя сеть автомобильных дорог общего пользования, а также юридических и физических лиц, осуществляющих обследование, изыскание, проектирование, строительство, реконструкцию, ремонт и содержание автомобильных дорог общего пользования, проведение научных исследований и ремонт

дорожной техники, добычу и переработку материалов и иную деятельность, связанную со строительством, реконструкцией, ремонтом и содержанием автомобильных дорог¹ Сфера дорожного хозяйства

¹ Распоряжение Росавтодора от 9 июня 2010 г. № 384-р «Об

решает важнейшие социально-экономические задачи государства: создает условия для комфортной жизни населения; является ключевым фактором интеграции субъектов предпринимательской деятельности и качественного изменения структуры экономики; обеспечивает увеличение скорости движения товаров и ускорение оборотоспособности капитала, а также снижение издержек в производственном секторе; предоставляет участникам экономических отношений доступ к источникам природных ресурсов и т. д. [1].

Прежде чем раскрыть особенности оперативной обстановки в сфере дорожного хозяйства Алтайского края, уточним сущность самого понятия **оперативная обстановка**. Оно является собирательным и применяется во многих областях общественной жизни, в связи с чем его содержание, в том числе в сфере правоохранительной деятельности, исследователи определяют по-разному. Оперативная обстановка – это совокупность условий, как внешних, так и внутренних, при которых органы внутренних дел реализуют функции по борьбе с преступностью, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

В своих научных исследованиях Э. А. Васильев, В. Д. Ларичев, А. А. Скуртул высказывают разные мнения относительно определения оперативной обстановки, но все они сходятся в том, что она состоит из двух уровней элементов – **внешнего и внутреннего**.

К внешним элементам оперативной обстановки в сфере дорожного хозяйства относится время, преступность, причины и условия, способствующие совершению правонарушений, а также совокупность социально-экономических, демографических, географических, климатических условий, которые носят криминогенный или антикриминогенный характер в силу их влияния на состояние преступности. Кроме того, к внешним элементам стоит отнести экономику государства, экономическое состояние отрасли, финансирование сферы дорожного хозяйства. Отметим, что такие регионы, как Алтайский край, являются сложными для развития и строительства автодорог, так как климат, география, короткий сезон дорожного строительства требуют дополнительных финансовых затрат на планирование и проектирование, дополнительного объема строительных материалов. Очевидно, что удаленность от больших трасс и развитых экономических агломераций также влияет на финансирование отрасли, выполнение тех или иных задач, связанных со строительством, реконструкцией, содержанием автодорог, так как доставка строительных материалов, строительной техники, цена на топливо и энергоресурсы требуют дополнительного времени и дополнительных бюджетных затрат.

К внутренним элементам относится наличие и состояние сил и средств, участвующих в борьбе с

преступностью в сфере дорожного хозяйства, существующее исходное структурное построение органа (аппарата), а также наличие времени, необходимого для выполнения задач по борьбе с преступностью в рассматриваемой сфере [2]. Данный элемент оперативной обстановки выражен количеством сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК), их опытом, знаниями и навыками, имеющимися возможностями и подходами к вопросам раскрытия и выявления преступлений в рассматриваемой сфере. Как правило, в территориальных подразделениях ЭБиПК, в том числе в Алтайском крае, самостоятельные группы, отделения по борьбе с преступлениями в области дорожного хозяйства не создаются, нагрузка распределяется на оперативных сотрудников, закрепленных за такими сферами, как строительство и бюджет.

Исследование показало, что оперативная обстановка в сфере дорожного хозяйства в Алтайском крае не стабильна. Она постоянно меняется в зависимости от воздействия на нее внешних и внутренних элементов. Время – наиболее характерный элемент, в связи с чем говорить об оперативной обстановке в сфере дорожного хозяйства в рассматриваемом субъекте Российской Федерации целесообразно на определенный момент времени (неделя, месяц, год и т. д.)¹.

Грамотный анализ и объективная оценка оперативной обстановки позволяют определить как общую тенденцию развития криминальной обстановки на определенной территории, так и развитие преступности в отдельной сфере экономики, а также вскрыть основные схемы (способы) совершения преступлений в сфере дорожного хозяйства и разработать меры по противодействию им.

Но вернемся к заявленной теме и рассмотрим более подробно оперативную обстановку в сфере дорожного хозяйства Алтайского края за период 2019–2023 гг.

Исследуемый субъект расположен в Западной Сибири и является одним из самых перспективных, развивающихся регионов России, площадь которого составляет 168 тыс. кв. км.

Кроме того, хороший климат, уникальный ресурсный, природный и экологический потенциал, красивые ландшафты (горный, предгорный, таежный, степной и лесостепной), а также концентрация природных зон позволяют создать на территории Алтайского края туристические и рекреационные кластеры международного класса, для развития которых необходимо строительство новых гостиничных комплексов, баз отдыха, пунктов общественного питания, спортивных сооружений и т. д.

¹ Например, дежурные части органов внутренних дел осуществляют слежение за состоянием преступности в течение суток, далее за 10 дней, за один месяц, за квартал, за полугодие, за 9 месяцев и за весь год. Другими отличительными чертами оперативной обстановки является отражение соотношения сил субъектов и объектов оперативно-розыскной деятельности (противодействующих сторон), а также условий, в которых происходит это противодействие.

Развитие туризма в Алтайском крае напрямую зависит от качественной и безопасной автодорожной сети, которая в настоящее время отвечает стандартам всего на 36 %.

Несмотря на большую территорию, протяженность автодорог федерального значения составляет всего 636 км, региональных и межмуниципальных – 16 122 км.

В соответствии с п. 8 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 в нашей стра-

не с 2019 г. реализуется национальный проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги», в рамках которого на территории Алтайского края воплощаются такие региональные программы, как «Дорожная сеть», «Общесистемные меры развития дорожного хозяйства», «Безопасность дорожного движения».

Финансирование дорожного хозяйства Алтайского края представлено в таблице 1.

Таблица 1

Объемы денежных средств, выделенных на развитие дорожного хозяйства в Алтайском крае за период с 2019–2024 гг.

№ п/п	Название бюджета	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
1.	Общее финансирование (млрд рублей)	12,3	13,3	14,278	22,9	22,7	16,533
2.	Федеральный бюджет (млрд рублей)		9,9	12,253	12,951	14,942	14,631
3.	Консолидированный бюджет субъекта РФ (млрд рублей)		3,4	2,025	3,425	2,586	1,91
4.	Бюджет муниципальных образований (млрд рублей)		0	0	0	0	0

Сфера дорожного хозяйства является одной из самых бюджетоемких. За период 2019–2024 гг. на развитие дорожного хозяйства Алтайского края выделено 102,011 млрд рублей, что для региона является беспрецедентным и притягивает криминалитет.

Число зарегистрированных преступлений за рассматриваемый период возросло:

в 2019 г. по материалам сотрудников подразделений ЭБиПК возбуждено 1 уголовное дело, направлено в суд – 0;

в 2020 г. возбуждено уже 8 уголовных дел, из которых направлено в суд – 5, лиц, привлеченных к уголовной ответственности, – 3;

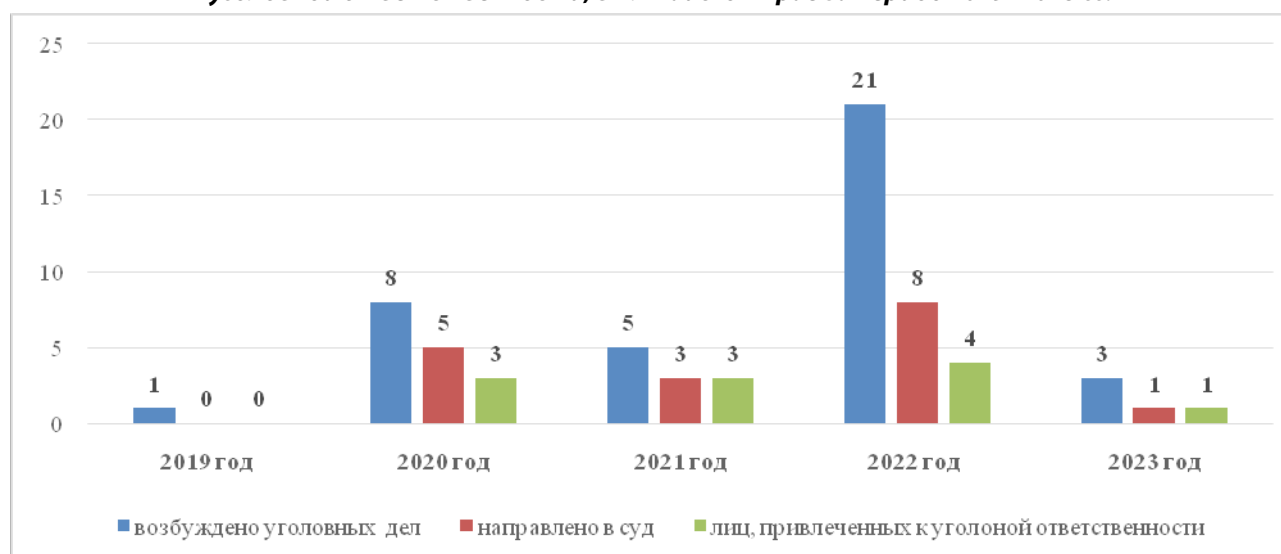
в 2021 г. возбуждено 5 уголовных дел, направлено в суд – 3, и 3 лица привлечены к ответственности;

в 2022 г. возбуждено 21 уголовное дело, в суд направлено – 8, 4 лица привлечены к ответственности;

в 2023 г. возбуждено 3 уголовных дела, 1 направлено в суд, 1 лицо привлечено к уголовной ответственности¹.

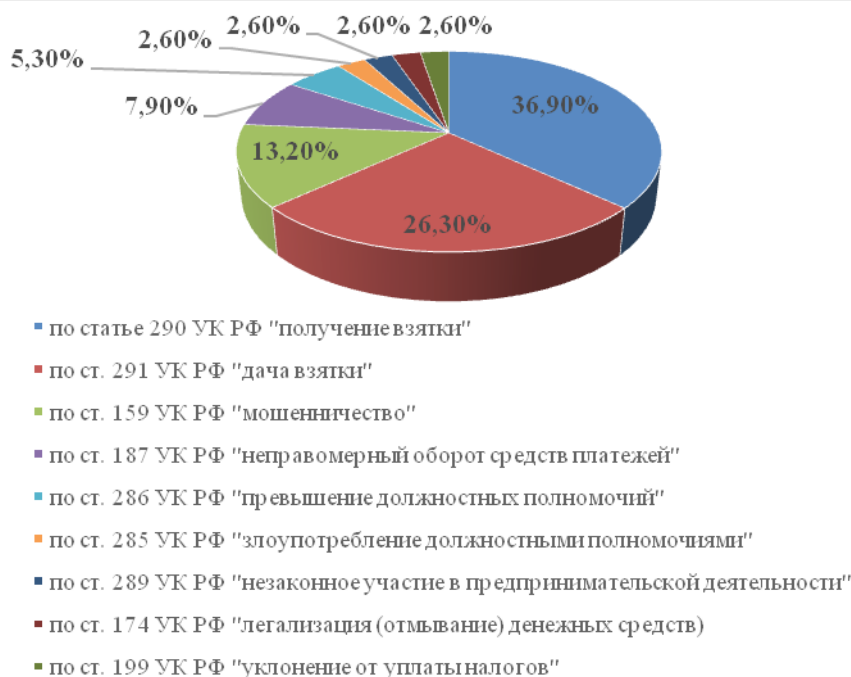
Таблица 2

Динамика возбужденных уголовных дел, направленных в суд, и лиц, привлеченных к уголовной ответственности, в Алтайском крае за период 2019–2023 гг.

¹Информационные материалы, представленные ГУ МВД России по Алтайскому краю (вх. ВНИИ МВД России от 28 февраля 2024 г. № 783).

Динамика возбужденных уголовных дел (постатейно) в сфере дорожного хозяйства в Алтайском крае за период 2019–2023 гг.

Таким образом, за период с 2019 по 2023 гг. в сфере дорожного хозяйства возбуждено 38 уголовных дел, из них по ст. 290 УК РФ – 14 (36,9 %), по ст. 291 УК РФ – 10 (26,3 %), по ст. 159 УК РФ – 5 (13,2 %), по ст. 187 УК РФ – 3 (7,9 %), по ст. 286 УК РФ – 2 (5,3 %), по ст. 285, 289, 174 и 199 УК РФ – по 1 уголовному делу (по 2,6 %) (см. Таблицу 3.). Отметим, что в 2023 г. наблюдается спад зарегистрированных преступлений, однако о декриминализации в сфере дорожного хозяйства в Алтайском крае говорить преждевременно, так как данные преступления имеют высокую степень латентности.

Приведенные данные свидетельствуют, что доля преступлений *коррупционной* направленности остается на высоком уровне и составляет 63,2 % от общего числа зарегистрированных в Алтайском крае преступлений в сфере дорожного хозяйства за период 2019–2023 гг.

Должностные лица различного уровня, в обязанности которых входит распределение, расходование бюджетных денежных средств, выделенных на дорожное хозяйство Алтайского края, все чаще совершают коррупционные преступления, создавая тем самым экономические угрозы для всей отрасли.

Понятиям «коррупция» и «коррупционные преступления» свои научные исследования посвятили Б. В. Волженкин [2, с. 8], С. В. Максимов [3, с. 24] и др. Согласно их исследованиям, коррупция распространяется только на деяния государственных и муниципальных служащих. Однако принятый в 2008 г. Федеральный закон «О противодействии коррупции»¹ дает четкое

определение понятия *«коррупция»*, под которым кроме злоупотребления служебным положением, дачи взятки, получения взятки, злоупотребления полномочиями, коммерческого подкупа либо иного незаконного использования физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконного предоставления такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, также понимается совершение деяний *от имени или в интересах юридического лица*.

По данным уголовной статистики в сфере дорожного хозяйства коррупционным проявлениям наиболее подвержены должностные лица, получающие денежные вознаграждения в виде ценных бумаг, дорогих подарков, имущества и т. д.:

– за лоббирование интересов коммерческих организаций при заключении государственных контрактов;

– лояльное отношение при приемке работ по строительству, ремонту, обслуживанию, содержанию автодорог;

– предоставление специальной техники, принадлежащих государственным унитарным предприятиям² без заключения соответствующих договорных от-

сультантПлюс: сайт.

² Унитарным предприятием признается коммерческая организация, не наделенная правом собственности на имущество, закрепленное за ней собственником. В форме унитарных предприятий могут быть созданы только государственные и муниципальные предприятия. имуще-

¹ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 08.08.2024) // Кон-

ношений и без оприходования полученных средств в кассу предприятия;

– общее покровительство незаконной деятельности предпринимателей, осуществляющих строительство, содержание, ремонт, обслуживание автодорог и т. д.

В качестве аргументов приведем примеры из практической деятельности ГУ МВД России по Алтайскому краю.

Так, в 2021 г. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 290 УК РФ в отношении начальника филиала «Смоленский ГУП ДХ Алтайского края "Юго-Восточное ДСУ"», который получил взятку в сумме 337 000 рублей от индивидуального предпринимателя за незаконное использование специализированной строительной техники в интересах последнего без заключения соответствующего договора и оприходования денежных средств в кассу предприятия.

В 2022 г. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ в отношении начальника участка по содержанию и ремонту дорог филиала «Первомайский» – начальника ГУП ДХ Алтайского края «Северо-Восточное ДСУ», который в период с 2018 по 2020 гг. в г. Новоалтайске и с. Первомайское получил взятки от индивидуального предпринимателя в сумме 61 000 рублей за незаконные действия, выразившиеся в предоставлении специальной техники без заключения договорных отношений на данные услуги и, соответственно, без оприходования полученных средств в кассу предприятия. В отношении взяткодателя возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ.

В 2022 г. возбуждены 2 уголовных дела по признакам преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 290 УК РФ в отношении начальника отдела маркетинга и торгов ГУП ДХ Алтайского края «Юго-Восточное ДСУ» по фактам получения от руководителей ООО «Сибирь» и ООО «Вектор» взятки в виде денежных средств в сумме 191 188 рублей и 295 000 рублей соответственно за лоббирование интересов ООО при заключении контрактов на поставку товарно-материальных ценностей предприятию¹.

Также распространенными (13,2 % от общего числа преступлений, зарегистрированных в сфере дорожного хозяйства за период 2019–2023 гг.) являются преступления, совершенные различными мошенническими способами:

– использование при строительстве автодорог более дешевых строительных материалов, не соот-

ство унитарного предприятия принадлежит на праве собственности Российской Федерации, субъекту Российской Федерации или муниципальному образованию. См. ст. 2 Федерального закон от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (ред. от 06.04.2024) // КонсультантПлюс: сайт.

¹ Информационные сведения из ГУ МВД России по Алтайскому краю (вх. ВНИИ МВД России от 28 февраля 2024 г. № 783).

ветствующих техническим характеристикам и заявленной сметной документации;

– внесение заведомо ложных сведений в акты унифицированной формы КС-2, КС-3 об объемах и стоимости выполненных работ;

– неисполнение организациями обязательств по заключенным договорам на выполнение работ перед заказчиком, например, связанных с освещением автодорог, благоустройством тротуаров, нанесением горизонтальной дорожной разметки (используется краска, а не термопластик), установлением пешеходных ограждений перильного типа и т. д.

В подтверждение приведем примеры.

В 2021 г. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ в отношении неустановленных должностных лиц ГУП ДХ Алтайского края «Юго-Восточное ДСУ», которые в рамках выполнения государственных контрактов, заключенных с Управлением Росрезерва в Сибирском Федеральном округе по ответственному хранению и обслуживанию материальных ценностей мобилизационного резерва, с целью хищения целевых средств федерального бюджета организовали заключение с аффилированным юридическим лицом ООО «Строй-энерго-монтаж-Сервис» договоров субподряда на общую сумму 3 325 837,38 рублей, а затем обеспечили их оплату, подписав подложные документы с заведомо ложными сведениями о якобы выполненных сервисных работах, которые фактически не выполнялись.

В 2022 г. возбуждено 3 уголовных дела по признакам преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ по факту хищений бюджетных денежных средств, принадлежащих ГУП ДХ Алтайского края «Северо-Западное ДСУ», «Южное ДСУ» и «Юго-Западное ДСУ» со стороны подрядчика ООО «Краскобитум» в сумме 1,3 млн рублей, 1,6 млн рублей и 7,7 млн рублей соответственно и 1 уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 174.1 УК РФ в отношении директора ООО «Краскобитума», который получил денежные средства в сумме 18 511 624,47 рублей от ГУП ДХ Алтайского края и перечислил их на счета подконтрольных аффилированных лиц².

Подводя итог, отметим, что борьба с преступлениями в сфере дорожного хозяйства в Алтайском крае ведется на основании указания МВД России от 24 декабря 2018 г. № 1/14666 по реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.», а также комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры³ и других ведомственных документов. Организация и

² Информационные сведения из ГУ МВД России по Алтайскому краю (вх. ВНИИ МВД России № 783 от 28.02.2024).

³ Распоряжение Правительства РФ от 30 сентября 2018 г. № 2101-р «Об утверждении комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 г.» (ред. от 31.08.2024). // КонсультантПлюс: сайт.

координация мероприятий в указанной сфере, методическое обеспечение и систематизация результатов работы осуществляются совместно с Министерством транспорта Алтайского края. Правительством Алтайского края создана региональная проектная группа¹ и проектный комитет² по реализации национального проекта «Безопасные и качественные дороги», в число которых входят представители ГУ МВД России по Алтайскому краю.

В рамках указанных документов на подразделения ЭБиПК ГУ МВД России по Алтайскому краю возложены обязанности по осуществлению контроля за освоением бюджетных денежных средств, выделяемых на дорожное хозяйство. Сотрудниками данных подразделений проводится весь комплекс оперативно-розыскных мероприятий по выявлению лиц, причастных к коррупционным и экономическим преступлениям, осуществляется постоянный мониторинг интернет ресурсов (zakupki.gov.ru, «Госрасходы» – www.spending.gov.ru и www.bkdrf.ru), аккумулируется и осуществляется сбор информации в отношении предприятий дорожного хозяйства, государственных унитарных предприятий Алтайского края³ и других исполнителей государственных контрактов⁴. Данная работа в целом отвечает требованиям концептуальных документов МВД России.

Библиографический список

1. Васильев Э. А., Ильин А. Е., Надейкина О. А. К вопросу борьбы с преступлениями коррупционной направленности в сфере дорожного хозяйства // Научный портал МВД России. 2019. № 2 (46). С. 88–92.
2. Васильев Э. А., Надейкина О. А. Современная оперативная обстановка в сфере борьбы с экономической преступностью // Российский следователь. 2019. № 8. С. 60–65.
3. Волженкин Б. В. Коррупция. СПб., 1998.
4. Максимов С. В. Коррупционная преступность в России: правовая оценка, источники развития, меры борьбы // Проблемы борьбы с коррупцией. М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР».

¹ Приказ Минтранса Алтайского края от 22 февраля 2019 г. № 39.

² Распоряжение Правительства Алтайского края от 22 апреля 2019 г. № 176-р.

³ В Алтайском крае дорожно-строительную деятельность осуществляют 6 крупнейших ГУП ДХ: «Центральное дорожно-строительное управление» (г. Барнаул); Северо-Восточное дорожно-строительное управление» (г. Новоалтайск); Северо-Западное дорожно-строительное управление» (с. Завьялово); «Юго-Западное дорожно-строительное управление» (г. Рубцовск); «Южное дорожно-строительное управление» (г. Алейск); «Юго-Восточное дорожно-строительное управление» (г. Бийск).

⁴ Наряду с ГУП дорожного хозяйства в Алтайском крае действуют следующие исполнители госконтрактов: ООО «Альянс», ООО «Барнаулское ДСУ-4»; ООО «Энергомонтаж»; ООО «Бастион».

References

1. Vasiliev E. A., Ilyin A. E., Nadeikina O. A. On the issue of combating corruption-related crimes in the field of road management // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2 (46). Pp. 88–92.
2. Vasiliev E. A., Nadeikina O. A. Modern operational situation in the field of combating economic crime // A Russian investigator. 2019. No. 8. Pp. 60–65.
3. Volzhenkin B. V. Corruption. St. Petersburg, 1998.
4. Maksimov S. V. Corruption crime in Russia: legal assessment, sources of development, measures of struggle // Problems of combating corruption. M.: Educational and consulting center «Yurinfor».

Статья поступила в редакцию 12.11.2024; одобрена после рецензирования 05.02.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 12.11.2024; approved after reviewing 05.02.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Научная статья
УДК 343.97

Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника, совершившего преступления против общественной безопасности, в России и США: сравнительный анализ

Недоростов Егор Павлович

Уральский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Екатеринбург, Россия, e.p.nedorostov@gmail.com

Аннотация. В данной статье автором представлены результаты исследования криминологической характеристики личности несовершеннолетнего преступника, совершившего преступления против общественной безопасности, в России и США. Предметом исследования выступили материалы научных публикаций по обозначенной тематике, а также полученная на основании запросов в органы внутренних дел статистическая информация. Целью статьи стало проведение сравнительного анализа криминологической характеристики личности несовершеннолетнего преступника, совершившего преступления против общественной безопасности, в России и США, и выявление общих тенденций и особенностей.

Ключевые слова: общественная безопасность, несовершеннолетние, криминологическая характеристика, преступления, российское уголовное право, уголовное право США, нарушение общественного порядка, нарушение эмоциональной регуляции, детская агрессивность, причины преступности

Для цитирования: Недоростов Е. П. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника, совершившего преступления против общественной безопасности, в России и США: сравнительный анализ // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 128–134.

Original article

Criminological characteristics of the personality of a juvenile offender who committed crimes against public safety in Russia and the USA: comparative analysis

Nedorostov Egor P.

Ural Institute of Management, a branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation», Yekaterinburg, Russia, e.p.nedorostov@gmail.com

Abstract. This article presents the results of a study on the criminological characteristics of juvenile offenders who have committed crimes against public safety in Russia and the United States. The subject of the study comprised scientific research materials on the specified topic, as well as statistical information obtained from requests to law enforcement agencies. The aim of the article is to conduct a comparative analysis of the criminological characteristics of juvenile offenders who have committed crimes against public safety in Russia and the United States, identifying common trends and specific features.

Keywords: public safety, minors, criminological characteristics, crimes, Russian criminal law, US criminal law, violation of public order, violation of emotional regulation, child aggression, causes of crime

For citation: Nedorostov E. P. Criminological characteristics of the personality of a juvenile offender who committed crimes against public safety in Russia and the USA: comparative analysis // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 128–134.

1. Введение.

1.1. Актуальность

Актуальность изучения личности несовершеннолетнего преступника определена одной из ключевых задач современной криминологии. Особую значимость эта проблема приобретает в контексте совершения преступлений против общественной безопасности, имеющих глубокие социальные и юридические последствия. Данная область криминологических исследований требует пристального внимания, особенно в свете глобализации и международных тенденций, оказывающих влияние на методы борьбы с подростковой преступностью.

Несмотря на многочисленные исследования, проводимые в различных странах, вопрос остается открытым и требующим дальнейшего изучения. В этой связи сравнение криминологической характеристики несовершеннолетних преступников в различных правовых и социально-культурных контекстах может предоставить ценные инсайты. В частности, изучение опыта России и США, двух стран с различными правовыми системами и политико-социальными реалиями, открывает возможность для критического анализа и выявления как общих тенденций, так и уникальности, характерной для каждой страны.

Россия и США обладают богатой правоохранительной практикой, что предоставляет обширный материал для сопоставления. На первый взгляд, различия социальных, экономических и культурных условий обуславливают существенные отличия в криминологических характеристиках несовершеннолетних преступников и стратегиях, применяемых государственными институтами для их реабилитации. Однако глубинный анализ позволяет выявить и общие черты, вызванные схожими процессами в сфере социальной адаптации молодежи, влияния технологического развития.

Целью данной статьи является проведение сравнительного анализа криминологических характеристик личности несовершеннолетнего правонарушителя, совершившего преступление против общественной безопасности, в России и США. Основное внимание уделяется выявлению факторов, способствующих преступной деятельности лиц, не достигших 18-летнего возраста, особенностям их криминальной мотивации, а также мерам, предпринимаемым для их реабилитации и предотвращения рецидивов. Такой подход позволит не только осознать глубину данной проблемы, но и выработать рекомендации для совершенствования профилактических мер в сфере ювенальной юстиции.

1.2. Научная значимость.

Научная ценность и значимость проведения исследования на обозначенную тему обусловлена рядом ключевых факторов, которые отражают его важность и необходимость в современном мире.

Во-первых, понимание криминологических характеристик личности несовершеннолетнего преступника позволяет глубже проникнуть в причины и мотивации, побуждающие подростков к совершению правонарушений против общественной безопасности. Подобные преступления, будь то акты вандализма, участие в террористических организациях или другие виды преступной деятельности, оказывают существенное влияние на общественное спокойствие и безопасность граждан. Исследование направлено на выявление общих и отличительных черт в психологии и поведении несовершеннолетних преступников в России и США.

Во-вторых, сравнительный анализ правонарушений в этих странах предоставляет уникальную возможность выявить культурные, социальные и юридические различия и сходства в подходах к решению проблем, связанных с преступностью несовершеннолетних. Это знание может помочь разработать наиболее эффективные программы профилактики и реабилитации, которые учитывают специфические социальные контексты каждой страны.

В-третьих, уголовно-правовая система и подходы к наказанию несовершеннолетних преступников в России и США отличаются. Исследование предлагает аналитический обзор различных систем и методов ресоциализации и реабилитации правонарушителей, не достигших 18-летнего возраста. Рационализация опыта этих стран может способствовать улучшению существующих правовых механизмов и программ по превентивному воздействию на преступность среди несовершеннолетних.

Кроме того, данное исследование способствует расширению знаний в области криминологии, права и социологии. Оно позволяет академическим кругам и практикам деятелям более эффективно разрабатывать теоретические модели и прикладные рекомендации. В результате это может способствовать снижению уровня преступности, повышению эффективности правоприменительных практик и улучшению социальной интеграции несовершеннолетних правонарушителей.

1.3. Методология исследования.

В рамках проведения научного исследования использовалась совокупность общенаучных и частнонаучных методов. Для выявления особенностей криминологической характеристики личности несовершеннолетнего преступника, совершившего преступление против общественной безопасности, в России и США подбирался соответствующий научный материал, в том числе монографии и научные статьи российских и американских исследователей. Материал анализировался, после чего ему давалась оценка, а также делались релевантные выводы с учетом позиции автора по рассматриваемой проблематике.

В основу работу также был положен сравнительно-правовой метод, который использовался для выявления сходства и различий в подходах к изучению и характеристике рассматриваемой категории преступников в разных юрисдикциях. Этот метод позволяет исследовать правовые традиции, нормы и механизмы реагирования на преступления подростков двух стран, что позволяет не только углубить понимание национальных особенностей, но и выявить лучшие практики, способы предупреждения преступности несовершеннолетних против общественной безопасности и реабилитации.

2. Результаты исследования.

Как отмечает В. А. Мерказова, криминологическая характеристика личности преступника, в том числе и несовершеннолетнего, состоит из социально-демографических, социально-значимых физиологических, социально-психологических, нравственно-психологических и правовых свойств, признаков, установок, связей, отношений и ценностной ориентации, имеющих антисоциальную направленность и приведших к совершению преступления [1].

Вместе с тем видится целесообразным учитывать при характеристике личности преступника уголовно-правовой аспект [2, с. 53], в частности, насколько прежде преступное поведение и применимые меры ответственности повлияли на совершение преступления против общественной безопасности.

Сложность сравнительной криминологической характеристики личности несовершеннолетнего преступника, совершившего преступления против общественной безопасности, в США и России заключается в различиях системы самих преступлений против общественной безопасности.

2.1. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника, совершившего преступления против общественной безопасности, в США.

Преступления против общественной безопасности в США охватывают широкий спектр деяний, которые представляют угрозу для общества в целом, подрывают социальный порядок и наносят вред общественным интересам. Законодательство в этой сфере направлено на предотвращение и наказание деяний, создающих опасность для жизни и здоровья населения, экономической стабильности и общественной инфраструктуры.

Традиционно, к ним относятся терроризм, незаконный оборот оружия. Вместе с тем в законодательстве США одним из наиболее распространенных преступлений против общественной безопасности является нарушение общественного порядка – disorderly conduct (в России аналог данного преступления – хулиганство). Например, согласно определению в Статуте Флориды 877.03 нарушение общественного порядка происходит, когда «лицо совершает такие действия, которые по своей природе развращают общественную мораль или оскорбляют чувство общественной порядочности, или влияют на мир и покой лиц, которые могут их увидеть, или участвует в драке, или участвует в таком поведении,

которое представляет собой нарушение общественного порядка, и оно должно быть виновным в преступлении второй степени»¹.

Примечательно, что в американских исследованиях криминологической характеристики личности несовершеннолетнего преступника проводится ее разграничение в зависимости от способа совершения преступления – насильственный и ненасильственный [3]. Такое деление целесообразно применять к преступлениям против общественной безопасности, поскольку криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего, совершившего насильственное преступления, например, терроризм, отличается от характеристики того, кто причастен к совершению ненасильственного преступления, например, ложное сообщение о терроризме или хулиганство в виде агрессивного и шумного поведения (например, в уголовном законодательстве Нью-Йорка представлен такой состав, как engages in fighting or in violent, tumultuous or threatening behavior»², что дословно переводится – «участвует в драке или ведет себя агрессивно, шумно или угрожающе»).

Исследования показывают, что большинство молодых правонарушителей совершают ненасильственные преступления против общественной безопасности, и лишь небольшая часть из них переходит к насильственным преступлениям [4].

Возраст: большинство несовершеннолетних преступников в США совершают преступления против общественной безопасности в возрасте 12–16 лет. Если говорить про статистику отдельных преступлений, то стоит отметить, например, что за нарушение общественного порядка в 40 % случаях задерживаются несовершеннолетние в возрасте младше 15 лет³.

Национальность: в 58 % случаев преступления против общественной безопасности совершаются «белыми американцами»⁴.

Пол: среди несовершеннолетних преступников преобладают лица мужского пола.

Семейное положение и социальные ценности: обширные исследования показывают, что корни антисоциального развития уходят в детство, когда в жизни подростков преобладали повышенная агрессивность и эмоциональные трудности, которые усугублялись конфликтами между родителями и детьми и суровой дисциплиной [4]. В раннем подростковом возрасте девиантное отношение к сверстникам, сопровождающееся отчуждением от родителей и снижением родительского контроля, способствует формированию антиобщественного поведения [5].

¹ Florida Statutes Title XLVI. Crimes § 877.03. Breach of the peace; disorderly conduct. URL: <https://codes.findlaw.com/fl/title-xlvi-crimes/fl-st-sect-877-03>.

² Disorderly conduct. URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/laws/PEN/240.20>.

³ Demographic characteristics of youth arrests. URL: <https://ojjdp.ojp.gov/statistical-briefing-book/crime/faqs/qa05104>.

⁴ Там же.

В рамках этих исследований выявлены дифференцированные закономерности развития. Например, Т. Е. Моффитт, исследуя преступления против общественной безопасности в США, вывел различия между детскими и подростковыми моделями поведения, которые проявляются в ограничениях, документируя более высокие показатели детской агрессии и дефицита саморегуляции среди молодежи, которая рано начала вести себя асоциально и проявляла хроническую преступную активность во взрослом возрасте, по сравнению с теми, кто начал вести себя асоциально позже и прекратил эти действия в раннем взрослом возрасте [6, с. 580].

Параллельно исследователи задокументировали различные этиологические и эволюционные пути, характеризующие явную агрессию и скрытое нарушение правил поведения [7, с. 160]. Однако наблюдение за молодежью редко проводится, начиная с детства и до конца взрослой жизни, в целях определения, могут ли различные детские и подростковые переживания по-разному предсказывать сохраняющиеся у взрослых модели насильственных и ненасильственных преступлений. Этот вопрос имеет большое практическое значение, учитывая чрезмерные человеческие издержки насильственных преступлений по сравнению с ненасильственными преступлениями против общественной безопасности [8].

Некоторые теоретики предполагают, что преступное поведение, как ненасильственное, так и насильственное, представляет собой проявления одной и той же лежащей в основе патологии [9, с. 310]. Действительно, частота правонарушений против общественной безопасности предсказывает будущие преступления в данной сфере, предполагая, что они представляют собой последствия, связанные с общим прогрессирующим антисоциальным развитием [10, с. 582]. Исследования также выявили различные факторы риска, которые конкретно предсказывают правонарушения против общественной безопасности [11].

Наиболее надежным предиктором более поздних насильственных преступлений в сфере общественной безопасности является повышенная агрессия в детском возрасте [12]. Исследования траектории, проведенные Д. Нагином и Р. Е. Трэмблеем [13] и воспроизведенные Л. Бройди [14] и др. на основе шести межнациональных лонгитюдных наборов данных, показали, что преступления против общественной безопасности среди мальчиков в позднем подростковом возрасте лучше всего предсказываются по наиболее высокой траектории физической агрессии в возрасте от 6 до 15 лет.

Аналогичным образом в нескольких исследованиях были зафиксированы более высокие уровни детской физической агрессии у подростков, склонных к насилию, чем у тех, кто совершал ненасильственные правонарушения против общественной безопасности или вообще не совершал их [15]. Теоретики предположили, что насилие среди взрослых возникает, когда ранняя склонность к враждебному, деспотич-

ному поведению усиливается и перерабатывается в детстве и юности.

В дополнение к агрессивному поведению значительные социальные и эмоциональные трудности в детстве могут увеличить риск последующего насилия. Повышенная агрессия и возникновение насилия связаны с негативной эмоциональностью и проблемами в отношениях со сверстниками [16].

Специалисты по теории развития человека предположили, что повышенная детская агрессивность часто отражает реактивность более примитивных нейронных цепей, связанных с обработкой страха и ярости, которые возникают, когда дети чувствуют угрозу [17, с. 501]. Неблагоприятные условия жизни и социальная изоляция подрывают развитие основных способностей к саморегуляции, вызывая защитный гнев и способствуя нарушению регуляции эмоций.

В соответствии с этим анализом исследования связывают трудности регулирования эмоций и управления гневом в детстве с более поздней преступной деятельностью [18, с. 499], а в некоторых исследованиях – с более поздним насилием. Например, в ходе лонгитюдного исследования мальчики с нарушением эмоциональной регуляции были более склонны к совершению именно насильственных правонарушений в раннем взрослом возрасте [19, с. 183].

Агрессивные дети с нарушением эмоциональной регуляции особенно подвержены неприятию со стороны сверстников и социальной изоляции. Таким образом, они лишаются возможности позитивной социализации среди сверстников, которые способствуют развитию коммуникативных навыков, эмпатии и общей социальной компетентности [20]. Социальная изоляция в свою очередь увеличивает риск последующего насилия. Дети, изолированные от сверстников, часто играют с агрессивными детьми, которые поощряют бунтарское поведение и укрепляют антиобщественные нормы [21]. Дети, отвергнутые сверстниками, кажутся особенно уязвимыми, у них развивается повышенная бдительность в отношении социальной угрозы и признаков надвигающегося конфликта, они предпочитают действовать агрессивно [22].

По этим причинам сочетание детской агрессии с нарушением регуляции эмоций и социальной изоляцией может отражать дисфункцию социально-эмоционального развития, которая в дальнейшем подготавливает детей к преступлениям против общественной безопасности, в том числе насильственным, делая их более злыми, реактивными и легко провоцируемыми, по сравнению с агрессивными детьми без такого же уровня сопутствующих социально-эмоциональных рисков.

Традиционно, подростки, навязывающие преступные нормы поведения, выходят из дисфункциональных семей, которым присущи безработица, наркозависимость, где отсутствует один или оба родителя, у них низкий уровень образования. Семейное неблагополучие порождает у детей ощущение безнадзорности и бесперспективности, которые впоследствии

трансформируются в деструктивное и антисоциальное поведение.

2.1. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника, совершившего преступления против общественной безопасности, в России.

В Российской Федерации не ведется открытая статистическая информация о преступлениях против общественной безопасности, совершаемых несовершеннолетними. Защита личных данных несовершеннолетних и их семей требует строжайшего соблюдения конфиденциальности, что делает открытую публикацию такой информации практически невозможной. Соответственно, она предоставляется компетентными органами власти исключительно по запросам.

В частности, для проведения исследования такая информация была получена от органов внутренних дел Свердловской области, на ее основании можно сделать определенные выводы.

Самыми распространенными преступлениями против общественной безопасности, совершаемыми на территории Свердловской области несовершеннолетними, являются заведомо ложные сообщения о минировании социальных объектов, в том числе образовательных учреждений, а также о минировании торговых центров, квалифицируемые по ч. 1 ст. 207 УК РФ. Встречаются также такие составы, как хулиганство (ст. 213 УК РФ), например, выраженное в разбитии стекол в местах общественного пользования (автобусные остановки, витрины), вандализм (ст. 214 УК РФ).

Возраст: большинство несовершеннолетних преступников совершают преступления в возрасте 16–17 лет. Однако на сегодняшний день наблюдается тенденция к снижению возраста начала преступной деятельности в сфере общественной безопасности.

Пол: среди несовершеннолетних правонарушителей, совершивших преступления против общественной безопасности, преобладают лица мужского пола. Это связано с особенностями социализации мальчиков и их более высокой активностью.

Семейное положение: большинство несовершеннолетних преступников воспитываются в неполных семьях или в неблагоприятных условиях. Отсутствие должного контроля и воспитания со стороны родителей способствует формированию антиобщественных установок.

Образование: многие несовершеннолетние преступники в сфере общественной безопасности имеют низкий уровень образования или вообще не учатся. Недостаток образования затрудняет их социальную адаптацию и повышает риск вовлечения в преступную деятельность. Школьниками зачастую совершается такой вид преступления, как заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ).

Ценностные ориентации: для многих несовершеннолетних преступников характерны искаженные представления о морали, ценностях и нормах поведения. Они могут проявлять равнодушие к чужой боли, эгоизм, жестокость.

Психологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника выявляет ряд общих черт, которые могут быть им присущи. Среди них можно выделить повышенную агрессивность, импульсивность, низкий уровень эмпатии и деформацию нравственных ориентиров. Многие подростки, совершающие преступления против общественной безопасности, склонны к девиантному поведению, эмоциональной нестабильности, у них возникают трудности в учебе и социальной адаптации. Также часто наблюдаются заниженная самооценка и отсутствие четких жизненных целей и планов на будущее.

Стоит отметить, что при дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности несовершеннолетних, совершивших преступления против общественной безопасности, должны учитываться следующие возможные причины такого поведения несовершеннолетних:

- 1) неприязненное отношение к объектам образования, где обучается несовершеннолетний;
- 2) отсутствие понимания последствий совершенного деяния, даже не столько с уголовно-правовой точки зрения, сколько с социальной и психологической, например, связанной с эвакуацией людей, находящихся на объекте, в отношении которого поступило сообщение о минировании;
- 3) отсутствие сформированных ценностей относительно использования общественного имущества, а также так называемого городского самосознания;
- 4) бунтарство, отсутствие возможностей для самовыражения несовершеннолетнего [23, с. 46].

3. Выводы.

В результате сравнительного анализа личности несовершеннолетнего преступника, совершившего преступления против общественной безопасности, в России и США можно сделать следующие выводы:

1. В обеих странах среди несовершеннолетних преступников, совершивших преступления против общественной безопасности, преобладают лица мужского пола. В США указанное объясняется нарушением эмоциональной регуляции, в России – особенностями социализации мальчиков и их более высокой активностью.

2. Возраст несовершеннолетних преступников в данной сфере в обеих странах составляет 16–17 лет.

3. Большинство несовершеннолетних преступников имеют низкий уровень образования и воспитания. Они часто воспитываются в неблагополучных семьях или находятся в трудной жизненной ситуации. Значительные социальные и эмоциональные трудности в раннем возрасте могут увеличить риск развития преступного поведения. В России при этом среди причин указывается неприязненное отношение к объектам образования, где обучается несовершеннолетний правонарушитель, а также отсутствие сформированных ценностей в вопросах использования общественного имущества, а также городского самосознания.

Нельзя не отметить совершенно иной уровень исследований преступности несовершеннолетних, про-

водимых в США: упор в большей степени делается на детальный анализ их психологических особенностей, что позволяет выстроить рекомендации по ресоциализации и предотвращению преступлений рассматриваемой категории.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы для разработки эффективных мер профилактики преступлений против общественной безопасности среди несовершеннолетних.

Библиографический список

1. Мерказова В. А. Характеристики личности несовершеннолетнего преступника // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. № 2. С. 258–263.

2. Ремпель В. В. Криминологическая характеристика личности преступника // Вестник магистратуры. 2021. № 5-1 (116). С. 52–55.

3. Cohen M. A., Piquero A. R. New evidence on the monetary value of saving a high risk youth // Journal of Quantitative Criminology. 2009. Pp. 25–49.

4. Kenneth A Dodge, Mark T Greenberg, Patrick S Malone. Testing an Idealized Dynamic Cascade Model of the Development of Serious Violence in Adolescence // Child Development. 2008. No. 79 (6): 1907-27.

5. Loeber R., Burke J., Pardini D. A. Perspectives on oppositional defiant disorder, conduct disorder, and psychopathic features // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2009. No. 50 (1-2). Pp. 133–142.

6. Moffitt T. E. Life-course-persistent versus adolescence-limited antisocial behavior // Developmental psychopathology: Risk, disorder, and adaptation. 2-nd ed. 2006. Pp. 570–598.

7. Burt S. A., Donnellan M. B., Tackett J. L. Should social aggression be considered «antisocial»? // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. 2012. No. 34 (2). Pp. 153–163.

8. Jennifer M. Reingle, Wesley G. Jennings, Mildred M. Maldonado-Molina. Risk and Protective Factors for Trajectories of Violent Delinquency Among a Nationally Representative Sample of Early Adolescents // Violence and Juvenile Justice. 2012. No. 10 (3). Pp. 261–277.

9. Robert J. Sampson, John H. Laub. Life-course desisters? Trajectories of crime among delinquent boys followed to age // Criminology. 2003. Vol. 41. No. 3. Pp. 301–340.

10. Alex R. Piquero et al. Childhood risk, offending trajectories, and psychopathy at age 48 years in the Cambridge Study in Delinquent Development // Psychology Public Policy and Law. 2012. No. 18 (4). Pp. 577–598.

11. Joseph Murray, Dustin A Pardini. Parental involvement in the criminal justice system and the development of youth theft, marijuana use, depression, and poor academic performance // Criminology. 2012. No. 50 (1).

12. Alex R Piquero, Wesley G. Jennings. On the overlap between victimization and offending: A review of the

literature // Aggression and Violent Behavior. 2012. No. 17 (1).

13. Nagin D., & Tremblay R. E. Trajectories of Boys' Physical Aggression, Opposition, and Hyperactivity on the Path to Physically Violent and Nonviolent Juvenile Delinquency // Child Development. 1999. No. 70. Pp. 1181–1196.

14. Lisa M Broidy, Daniel S. Nagin et al. Developmental Trajectories of Childhood Disruptive Behaviors and Adolescent Delinquency: A Six-Site, Cross-National Study // Developmental Psychology. 2003. No. 39 (2): 222-45.

15. Alex R Piquero, Wesley G. Jennings. On the overlap between victimization and offending: A review of the literature. Aggression and Violent Behavior. 2012. No. 17 (1).

16. Burt H. Art Therapy and Postmodernism. Creative Healing Through a Prism. Published Online: December 18, 2013.

17. Frank Vitaro, Richard Ernest Tremblay. Reactively and proactively aggressive children: Antecedent and subsequent characteristics // Journal of Child Psychology and Psychiatry. No. 43 (4). Pp. 495–505.

18. Eisenberg N., Spinrad T. L., Eggum N. D. Emotion-Related Self-Regulation and Its Relation to Children's Maladjustment // Annual Review of Clinical Psychology. 2010. No. 6. Pp. 495–525.

19. Terrie Moffitt et al. Males on the life-course-persistent and adolescence-limited antisocial pathways: Follow-up at age 26 years // Development and Psychopathology. 1996. No. 14 (1). Pp. 179–207.

20. Bierman K. L. Peer Rejection: Developmental Processes and Intervention Strategies. New York: Guilford, 2004.

21. Christopher J. Powers, Karen Bierman. The Multifaceted Impact of Peer Relations on Aggressive-Disruptive Behavior in Early Elementary School // Developmental Psychology. 2012. No. 49 (6).

22. Sijtsema J. J., Van Roon A. M., Groot P. F. C., Riese H. Early life adversities and adolescent antisocial behavior: The role of cardiac autonomic nervous system reactivity in the TRAILS study // Biological Psychology. 2015. Vol. 110. Pp. 24–33.

23. Гришин Д. А., Недоростов Е. П. Особенности привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности на примере преступлений против общественной безопасности, совершенных на территории муниципального образования «город Екатеринбург» // Муниципалитет: экономика и управление. 2023. № 4. С. 42–49.

References

1. Merkasova V. A. Personality characteristics of a juvenile offender // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2021. No. 2. Pp. 258–263.

2. Rempel V. V. Criminological characteristics of the criminal's personality // Bulletin of the Magistracy. 2021. No. 5-1 (116). Pp. 52–55.

3. Cohen M. A., Piquero A. R. New evidence on the monetary value of saving a high risk youth // *Journal of Quantitative Criminology*. 2009. Pp. 25–49.
4. Kenneth A Dodge, Mark T Greenberg, Patrick S Malone. Testing an Idealized Dynamic Cascade Model of the Development of Serious Violence in Adolescence // *Child Development*. 2008. No. 79 (6): 1907-27.
5. Loeber R., Burke J., Pardini D. A. Perspectives on oppositional defiant disorder, conduct disorder, and psychopathic features // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2009. No. 50 (1-2). Pp. 133–142.
6. Moffitt T. E. Life-course-persistent versus adolescence-limited antisocial behavior // *Developmental psychopathology: Risk, disorder, and adaptation*. 2nd ed. 2006. Pp. 570–598.
7. Burt S. A., Donnellan M. B., & Tackett J. L. Should social aggression be considered «antisocial»? // *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 2012. No. 34 (2). Pp. 153–163.
8. Jennifer M. Reingle, Wesley G. Jennings, Mildred M. Maldonado-Molina. Risk and Protective Factors for Trajectories of Violent Delinquency Among a Nationally Representative Sample of Early Adolescents // *Violence and Juvenile Justice*. 2012. No. 10 (3). Pp. 261–277.
9. Robert J. Sampson, John H. Laub. Life-course desisters? Trajectories of crime among delinquent boys followed to age // *Criminology*. 2003. Vol. 41. No. 3. Pp. 301–340.
10. Alex R Piquero et al. Childhood risk, offending trajectories, and psychopathy at age 48 years in the Cambridge Study in Delinquent Development // *Psychology Public Policy and Law*. 2012. No. 18 (4). Pp. 577–598.
11. Joseph Murray, Dustin A Pardini. Parental involvement in the criminal justice system and the development of youth theft, marijuana use, depression, and poor academic performance // *Criminology*. 2012. No. 50 (1).
12. Alex R. Piquero, Wesley G. Jennings. On the overlap between victimization and offending: A review of the literature // *Aggression and Violent Behavior*. 2012. No. 17 (1).
13. Nagin D., Tremblay R. E. Trajectories of Boys' Physical Aggression, Opposition, and Hyperactivity on the Path to Physically Violent and Nonviolent Juvenile Delinquency // *Child Development*. 1999. No. 70. Pp. 1181–1196.
14. Lisa M Broidy, Daniel S. Nagin et al. Developmental Trajectories of Childhood Disruptive Behaviors and Adolescent Delinquency: A Six-Site, Cross-National Study // *Developmental Psychology*. 2003. No. 39 (2): 222-45.
15. Alex R Piquero, Wesley G. Jennings. On the overlap between victimization and offending: A review of the literature. *Aggression and Violent Behavior*. 2012. No. 17 (1).
16. Burt H. Art Therapy and Postmodernism. *Creative Healing Through a Prism*. Published Online: December 18, 2013.
17. Frank Vitaro, Richard Ernest Tremblay. Reactively and proactively aggressive children: Antecedent and subsequent characteristics // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. No. 43 (4). Pp. 495–505.
18. Eisenberg N., Spinrad T. L., Eggum N. D. Emotion-Related Self-Regulation and Its Relation to Children's Maladjustment // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2010. No. 6. Pp. 495–525.
19. Terrie Moffitt et al. Males on the life-course-persistent and adolescence-limited antisocial pathways: Follow-up at age 26 years // *Development and Psychopathology*. 1996. No. 14 (1). Pp. 179–207.
20. Bierman K. L. *Peer Rejection: Developmental Processes and Intervention Strategies*. New York: Guilford, 2004.
21. Christopher J. Powers, Karen Bierman. The Multifaceted Impact of Peer Relations on Aggressive-Disruptive Behavior in Early Elementary School // *Developmental Psychology*. 2012. No. 49 (6).
22. Sijtsema J. J, Van Roon A. M., Groot P. F. C., Riese H. Early life adversities and adolescent antisocial behavior: The role of cardiac autonomic nervous system reactivity in the TRAILS study // *Biological Psychology*. 2015. Vol. 110. Pp. 24–33.
23. Grishin D. A., Nedorostov E. P. Features of bringing minors to criminal responsibility on the example of crimes against public safety committed on the territory of the municipal formation «city of Yekaterinburg» // *Municipality: economics and management*. 2023. No. 4. Pp. 42–49.

Статья поступила в редакцию 19.09.2024; одобрена после рецензирования 04.02.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 19.09.2024; approved after reviewing 04.02.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Судебное право как философская категория и точка пересечения «идеала» (единый процессуальный кодекс) и «реальности» (сохранение процессуального отраслевого многообразия). Часть 1

Николюк Вячеслав Владимирович

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, nvv56@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты стремительно развивающейся в России теории (концепции) судебного права, предмет которой определяется доктриной и обусловлен необходимостью нормативно-правового и нормативно-технического регулирования судебной деятельности. Автор статьи акцентирует внимание на предложениях ученых о конвергенции процессуальных отраслей права в единое судебное право с сохранением положения самостоятельных отраслей права и выражает свое отношение к этим идеям. Показываются возможные точки соприкосновения юриспруденции и философии права, перспективы эволюции судебного права, нормотворческой деятельности судей при понимании права как постоянно развивающейся благодаря правотворчеству судей системы общественных ценностей.

Ключевые слова: судебное право, философия права, отрасль права, процессуальная норма, правотворчество, интеграция, конвергенция

Для цитирования: Николюк В. В. Судебное право как философская категория и точка пересечения «идеала» (единый процессуальный кодекс) и «реальности» (сохранение процессуального отраслевого многообразия). Часть 1 // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 135–141.

Original article

Judicial law as a philosophical category and the point of intersection of the «ideal» (unified code of procedure) and «reality» (preservation of procedural industry diversity). Part I

Nikolyuk Vyacheslav V.

**All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
nvv56@mail.ru**

Abstract. The article examines various aspects of the rapidly developing theory (concept) of judicial law in Russia, the subject of which is determined by doctrine and is conditioned by the need for regulatory and technical regulation of judicial activity. The author of the article focuses on the proposals of scientists on the convergence of procedural branches of law into a single judicial law while maintaining the position of independent branches of law, expresses his attitude to these ideas. Possible points of contact between jurisprudence and the philosophy of law, prospects for the evolution of judicial law, and the rule-making activities of judges are shown, while understanding law as a system of social values that is constantly evolving due to the law-making of judges.

Keywords: judicial law, philosophy of law, branch of law, procedural norm, law-making, integration, convergence

For citation: Nikolyuk V. V. Judicial law as a philosophical category and the point of intersection of the «ideal» (unified code of procedure) and «reality» (preservation of procedural industry diversity). Part I // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 135–141.

Возрождение Концепции судебного права

В последние три года интенсивность научных публикаций, связанных с анализом Концепции судебного права, рассмотрением одноименного феномена, можно оценить как высокую. Данной проблематике посвящен ряд серьезных и резонансных статей [1]. Судебное право стало и предметом монографических исследований, в полном объеме посвященных данной юридической креатуре [2]. Негативный осадок остался от появления среди большого числа интересных и перспективных исследований, опирающихся на богатый социологический материал, низкопробных произведений, имеющих обратный эффект [3]. Такой интерес ученых к судебному праву имеет свое объяснение, отыскиваемое на перекрестье юриспруденции и философии, давших жизнь новой гуманитарной науке – философии права. Здесь на уровне открытия мы можем убедиться в том, что в судебном праве отражаются закономерности эволюции правовых систем, предстает процесс формирования права, понимается истинная роль судьи в современном обществе, возникает настроенность на приоритетную защиту развивающихся общественных ценностей.

В этой связи не случайно, что теория судебного права с момента ее зарождения (начало XX столетия) прошла тернистый путь, периодически оказываясь в некой «зоне турбулентности» или вовсе теряясь из виду на многие годы, что породило множество догадок, камуфлирование истинных причин ее краха, невнятность истории возрождения. О крахе концепции судебного права не любят говорить ее сторонники, предпочитая отталкиваться в изучении феномена «судебное право» от момента опубликования в 1983 г. коллективной монографии «Проблемы судебного права» [4], открывшей, как образно выразилась профессор Н. А. Громошина, «новую страницу судебного права» [5, с. 16]. Еще раньше о возрождении концепции судебного права в России заявляют А. П. Гуськова и Н. Г. Муратова [6, с. 4–8].

Уже в наши дни Т. М. Соколов при рассмотрении в контексте концепции судебного права сущности судопроизводства как механизма реализации судебной власти говорит о том, что данная концепция еще продолжает возрождаться. Однако из аннотации к статье следует, что ее автор видит концепцию судебного права окончательно возродившейся [7]. Остается гадать: Т. М. Соколов действительно демонстрирует осведомленность о судьбе концепции судебного права (иначе на чем основаны его утверждения?) или «шагает в ногу» с теми, кто находится в неведении об истории обсуждаемого вопроса и, не вникая в суть происходившего, и кто оценивает концепцию судебного права как возрождающуюся или как уже вставшую на ноги.

Пока остаются тайной причины и характер «разрушений» судебного права, не может быть выработано и объективных критериев оценки его состояния. Может когда-то интересующие исследователей факты и документы станут известными, доступными, и мы

сможем узнать новое о феномене судебного права, уточнить отдельные выводы и суждения.

На этом фоне утверждение профессора В. М. Савицкого о том, что «вопрос о судебном праве никогда не снимался с повестки дня <...> предпринимавшиеся в прошлом многочисленные попытки "закрыть" его оказались тщетными, безрезультатными» [4, с. 11], – откровенная дезинформация.

Судебное право в состоянии непрерывного поиска. В современных публикациях о судебном праве одни авторы абстрагируются, как правило, от дореволюционного, досоветского этапа анализируемой теории, предпочитают «не ворошить прошлое», будучи наслышанными о его противоречивости.

Другие авторы направляют свои усилия на исследование большого спектра различных проявлений правосудия и нарастающего вала дифференцированных судопроизводств, включая «набравшее обороты» судебное право. Предпринимаются попытки определить его предмет, выделить в нем «судейское право», создаваемое судьями в конкретном виде судопроизводства. Представителей указанного научного направления не покидает ставшая уже навязчивой идея выделения норм, относящихся к предмету судебного права, в автономное систематизированное законодательство, полноценную отрасль права с самостоятельными процессуальными правовыми нормами. В качестве источника, на который предполагалось возложить миссию держателя норм объединившегося процессуального права, номинировался единый процессуальный кодекс [8, с. 13–21]. Однако подобной объединительной технологии до сих пор не разработано, видимых усилий научно обосновать реальную формулу преобразования отраслевого процессуального многообразия в теории не фиксируется.

Пафосные заявления ряда авторитетных ученых-процессуалистов о том, что судебное право объединяет все процессуальные отрасли права и регулируемые ими виды судопроизводства [6, с. 5; 9, с. 67], не устраняют сомнительности таких заявлений, которые нельзя никак проверить. Эти сомнения еще больше усиливаются, когда столь сложный вопрос, каким безусловно является реальность, объективность существования судебного права в российской правовой системе, выносится за рамки научной дискуссии и фактически решается волюнтаристски, пренебрегая соображениями целесообразности, вопреки логике.

Волюнтаризм в судебном праве

Зачатки волюнтаристского подхода к решению обсуждаемого вопроса проявились в 1938 г. в резолюции, принятой на 1-ом совещании научных работников права, созданном Институтом Права Академии Наук СССР 16–19 июля 1938 г. В докладе А. Я. Вышинского «Основные задачи науки советского социалистического права» было указано, в том числе на то, что до сих пор изучение проблем уголовного и гражданского процессов происходило в отрыве друг от друга, тогда как является «более правильной и обеспечивающей большую эффективность (при этом никакой методики ее измерения на тот момент

не существовало – прим. В. Н.) научной работы такая ее организация, при которой вопросы гражданского и уголовного процесса были бы объединены в пределах одной науки – науки судебного права» [10].

Н. Н. Полянский и М. С. Строгович как символы советского судебного права

М. С. Строгович и судебное право. Не «откладывая в долгий ящик» выполнение резолюции совещания ученых-юристов 1938 г., член-корреспондент АН СССР М. С. Строгович, один из организаторов проведения названного совещания, в 1939 г. опубликовал в академическом журнале статью «О системе науки судебного права», в которой были сделаны следующие «несомненные» (как бесспорные, не подлежащие пересмотру) выводы:

- а) советское судебное право является частью социалистического права;
- б) принципы гражданского и уголовного процессов являются родственными и связаны с судостроительством;
- в) есть основания для объединения судостроительных, уголовно-процессуальных и гражданских процессуальных норм в единую систему норм, своим содержанием и предметом имеющую организацию и осуществление социалистического правосудия [10, с. 70].

Учитывая дальнейшую траекторию движения уголовно-процессуальной доктрины судебного права, а также то, что научная платформа концепции судебного права, на которой стоял М. С. Строгович, со временем стала играть роль одного из главных аргументов у сторонников судебного права как самостоятельной отрасли с собственными нормами, а сама концепция судебного права рискует стать в России в первой половине XXI века самым популярным научно-правовым проектом, представляется целесообразным хотя бы кратко остановиться на изложенных этим автором в статье доводах в пользу позиции: «судебное право – объединение судостроительных, уголовно-процессуальных и гражданских процессуальных норм, призванное обеспечить организацию и осуществление правосудия». Проведенный анализ дал следующие результаты.

Во-первых, утверждение о том, что «советское судебное право является частью социалистического права», субъективно, не соответствует реалиям того времени, не объективировано в советском правовом пространстве в виде какого-либо нормативного правового акта. В последующие десятилетия взаимоотношения судебного права с профильными (процессуальными) отраслями права, входящими в отечественную правовую систему, в анализируемом аспекте не изменились. Да и вряд ли корректно сравнивать теоретические конструкции судебного права как науки, теории с «живыми» нормами права, правовыми институтами, подотраслями и отраслями права. К этому не располагало и название статьи «О системе науки судебного права».

Примеров, иллюстрирующих тесную взаимосвязь науки уголовного процесса и корреспондирующей

ему отрасли уголовно-процессуального права, результатами которой стали «прорывные» проекты, концепции, модели, реализованные в нормах уголовно-процессуального права, достаточно. Назовем фактически сформировавшиеся в ней подотрасли доказательственного права, уголовно-процессуального принуждения, исполнения приговора, следственных действий [11; 12]. Однако никому не приходит в голову мысль, выделить систему научных категорий, выработанных на основе уголовно-процессуального права, в особую теорию с переводом ее на нормативный язык.

Второй аргумент, означенный М. С. Строговичем и лежащий в основе его учения о понятии и содержании судебного права с входящими в него уголовным и гражданским процессами, основан на близости принципов гражданского и уголовного процессов в силу их родственности и связи с судостроительством. Иными словами, ученый рассматривает принципы обоих процессов как факторы, объединяющие процессуальные отрасли.

Однако уже «по горячим следам» оппонентами обращалось внимание на то, что принципы судостроительства не должны входить в процессуальное законодательство во избежание их дублирования в научной и учебной литературе, включения в текст закона балластных норм [13]. Трудно возразить тому, что элементы диспозитивности имеются в уголовном процессе, а элементы публичности – в гражданском, но в этих отраслях права они не достигают такой зрелости, чтобы приобрести статус принципа. Поэтому каждый из них «хозяин» в своем доме: диспозитивность становится принципом лишь в гражданском процессе, а публичность – в уголовном. В связи с этим А. Р. Шарипова резонно замечает, что несовпадение регламентации в настоящее время судебных институтов УПК с АПК и ГПК столь велико, что процессуалистам-цивилистам, занимающихся судебным правом, остается только отмежеваться от УПК, а не объединяться с ним [14].

Третий тезис о наличии основания для объединения процессуальных норм в единую систему, своим содержанием и предметом имеющую организацию и осуществление социалистического правосудия [10, с. 70], сам по себе не усиливает позицию сторонников объединения процессуальных отраслей законодательства. Он исключительно обобщает ранее высказанные М. С. Строговичем по этому вопросу суждения.

Четвертое. Из анализа сформулированных М. С. Строговичем теоретических положений, характеризующих уникальность такого феномена, как судебное право, с очевидностью следует: начальной точкой отсчета объективизации идеи судебного права он считал свершившуюся в 1917 г. в нашей стране революцию и учреждение советского социалистического государства. Называя судебное право советским, социалистическим, автор подчеркивал: советская юридическая наука и социалистическое право встроили в свою систему советское судебное право. Отечественные ученые-процессуалисты профессор И. В.

Михайловский, в первую очередь способствовавший зарождению и становлению концепции судебного права, а также профессор Н. Н. Розин, значительно продвинувший ее в российской правовой теории в дореволюционный период, «задним числом» были объявлены апологетами состязательного процесса, пользующиеся в своих исследованиях порочной методологией. Еще «круче» М. С. Строгович разрешает (видимо раз и навсегда?) основной вопрос теории судебного права – «существует ли процессуальное право, охватывающее уголовный и гражданский процессы» (административный процесс он объявил советскому праву чуждым и оставил его без рассмотрения) [10].

Удивительно то, что Н. Н. Полянский, ставший единомышленником М. С. Строговича в вопросах понимания категории «судебное право», выделил в своей статье «Вопросы систематики в уголовном процессе», опубликованной в том же номере журнала «Советское государство и право», самостоятельный раздел «судебное и административное право» и детально проанализировал судебную и административную функции государства. Ученый пришел к выводу: в силу исторической изменчивости процессуальных форм, в которых отправляется правосудие, это понятие нельзя признать устойчивым. Иными словами, не исключалось расширение границ правосудия за счет признания таковым деятельность суда по административным делам. Как мы знаем, предвидение Н. Н. Полянского сбылось [10, с. 58].

Таким образом, как это не звучит парадоксально, но результаты изучения доводов, изложенных М. С. Строговичем в его фундаментальной по замыслу и одной из самых первых для советского уголовного процесса теоретических работ, в которой в научный оборот в статусе самостоятельной отрасли права была введена категория «судебное право», а также признавалось наличие всех предпосылок для его нормативного обособления, как представляется, не подтверждают обоснованность основного вывода ученого относительно самостоятельности судебного права как одной из отраслей в общей системе права.

Трудности интегрирования судебного права в действующую и исторически сложившуюся национальную систему права. Без утраты положения самостоятельных отраслей права объединение процессуального нормативного комплекса под эгидой судебного права – сложное технологическое и нормативное решение, важное звено в механизме правового регулирования с участием норм судебного права. Неизбежные при этом издержки заставят серьезно задуматься сторонников концепции судебного права о том, насколько подобная трансформация системы права жизненно необходима. Выверенная до нюансов доктриной, детально отработанная с точки зрения законодательной техники и апробированная на практике конструкция процессуального блока с включением в него законодательства о судостроительстве может способствовать эффективному осуществлению правосудия и выполнению стоящих перед ним задач или, наоборот, ос-

ложнять заинтересованным лицам доступ к правосудию. «Определяющим при этом, – подчеркивает В. М. Жуйков, – являются потребности процесса (судопроизводства): именно под них должна быть подстроена судебная система, с тем, чтобы она обеспечивала нормальное развитие процесса на всех его стадиях (его "жизнь"), а процесс, в свою очередь, обеспечивал бы (для этого он и существует) "жизнь" материальному праву, т. е. правильное разрешение дел, отнесенных к ведению судов, и защиту нарушенных прав» [15, с. 136].

Ориентируясь на более чем убедительный для методологии исследования феномена судебного права сформулированный В. М. Жуйковым тезис, проанализируем в этом ключе и доктринальные позиции Н. Н. Полянского по вопросу соотношения судебного права с системой права: является ли первое частью второго в статусе его самостоятельных отраслей?

Н. Н. Полянский и судебное право. Опираясь на официально опубликованные в разные годы научные работы Н. Н. Полянского, специально посвященные судебному праву, можно с высокой степенью детализации обозначить его теоретическую платформу в этом вопросе. В юридической литературе ей давались разные характеристики, не исключая и иного их восприятия. При этом важное значение в «поисках истины» имеют сочинения «первой волны», написанные Н. Н. Полянским единолично (акцент на этом сделан потому, что произведения, выполненные в соавторстве, без строгого «нарезания» каждому члену авторского коллектива конкретных предмета и границ исследования, т. е. без обозначения персональных зон ответственности, нередко впоследствии затрудняет объективную оценку вклада в разработку соответствующих теорий и направлений конкретных исследователей), в качестве первого советского процессуалиста,ывавшего в качестве предмета исследования судебное право. Речь идет об «Очерках общей теории уголовного процесса» 1927 г. [16] и статье «Вопросы систематики в уголовном процессе» 1939 г., в которой выделены такие разделы, как «Процессуальное право», «Судебное право», «Судебное право как отрасль государственного права», «Судебное право и административное право» [17]. При работе ученых с данными источниками, как показывают наши наблюдения, сложились некие неписанные правила. Изучая проблемы судебного права, исследователи по обыкновению ограничиваются приведением их выходных данных, т. е. обращаются к их формальной стороне, перенося содержательный анализ конкретных взглядов Н. Н. Полянского на судебное право на основе анализа положений его финальных, итоговых научных трудов. Применительно к рассматриваемой неординарной ситуации описанная методика проведения научных изысканий не срабатывает. И вот почему.

Внесшие ощутимый вклад в развитие теории судебного права А. П. Гуськова и Н. Г. Муратова, решили донести до каждого исследователя значение в формировании современной доктрины судебного права научных представлений известного в СССР теоре-

тика уголовного судопроизводства Н. Н. Полянского. Названные авторы отмечают: «В работе "Очерки общей теории уголовного процесса" (1927), а также опубликованной в журнале "Советское государство и право" статьи (1939) проблема судебного права была в центре внимания. Судебному праву посвящался специальный труд, который при жизни ученого не был опубликован, но спустя 20 с лишним лет эта работа все же была завершена в составе соавторского коллектива, куда вошли М. С. Строгович, В. М. Савицкий и А. А. Мельников. И лишь после этого она была опубликована» [6, с. 320–321]. И далее А. П. Гуськова и Н. Г. Муратова цитируют Н. Н. Полянского, который, по их утверждению писал следующее: «...теснейшая связь, какая существует между уголовным и гражданским процессом, требующая рассмотрения их как отраслей единой области судебного права, отнюдь не выражает требования сведения норм уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права в один кодекс». В качестве источника, откуда взята данная цитата, указана монография «Проблемы судебного права» 1983 г. [6, с. 325]. Однако, во-первых, на странице 15 монографии, на которую ссылаются А. П. Гуськова и Н. Г. Муратова, указанного положения нет, во-вторых, они не учли, что у многострадальной книги, увидевшей свет в 1983 г., уже стало четыре автора вместо одного. Поэтому при использовании исследователями положений любой главы (выводов, точек зрения, позиций, предложений) монографии «Проблемы судебного права» 1983 г. надлежит помнить, что у каждой главы уже не один, а два автора. В результате реализованного проекта по «перемещению» рукописи книги Н. Н. Полянского «Основы судебного права СССР»¹ с архивных стеллажей на книжные полки библиотек, университетов, рабочие столы ученых главное действующее лицо анализируемых событий, будучи автором одного из основных своих научных трудов, каким была для него написанная им монография о судебном праве, с момента ее издания в 1983 г. юридически стал считаться только одним из соавторов ее создания. Немалая цена.

Современное восприятие судебного права. Теория и конкретные проблемы судебного права после их достаточно подробного анализа Н. Н. Полянским и М. С. Строговичем в указанных выше источниках, венцом которых заслуженно стала коллективная монография «Проблемы судебного права» (1983 г.), на определенное время перешли «в спящий режим». Квинтэссенция их научной платформы – судебное право, представляет самостоятельную отрасль, «существующую на всем протяжении истории советского права, ее наличие проявляется все более отчетливо в законодательстве о судостроительстве и судопроизводстве» [18,

¹ Название рукописи книги Н. Н. Полянского «Основы судебного права СССР», изданной в 1983 г. как «Проблемы судебного права», использует в своей докторской диссертации А. Р. Шарипова (см. ее: концептуальные основы межотраслевой конвергенции в досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2022. С. 85). Оно используется и нами.

с. 59]. С подобной точкой зрения согласны далеко не все исследователи.

Данное теоретическое решение, доминировавшее в начале 80-х годов прошлого столетия, не прошло настоящую апробацию в научной среде и фактически выпало из поля зрения ученых. Это можно объяснить тем, что буквально до момента завершения советским государством своей исторической миссии (начало 90-х годов предыдущего столетия) сигналы о «признаках жизни» судебного права были приглушены. Политико-правовая обстановка, сложившаяся в советском государстве, если не препятствовала, то и не способствовала научной и публикационной активности в связи с реализацией научного проекта «Судебное право».

Длительные временные разрывы между редкими «всплесками» в теории гражданского, арбитражного, административного и уголовного процесса, когда идеи судебного права становились предметом тематических обсуждений на конференциях и круглых столах, а затем надолго исчезали со страниц юридической литературы, однозначно указывали на своеобразный кризис доктрины судебного права в целом².

Что касается опубликованной в 1983 г. рецензии Р. Е. Гукасян на монографию «Проблемы судебного права», то надлежит иметь в виду, что указанная рецензия написана скорее в жанре презентации или обзора, и не носит полемического характера. По мнению рецензента, данная монография должна была сыграть позитивное значение в исследованиях, нацеленных на обоснование существования комплексной вторичной отрасли права – судебного права. Расхождения в понимании авторами монографии и рецензентом идеи судебного права коснулись лишь содержания предмета новой самостоятельной отрасли в части включения в нее норм о судостроительстве [13].

Не будем скрывать и того, что немало процессуалистов придерживалось указанной точки зрения лишь потому, что ее поддерживал один из самых влиятельных людей в отечественной юридической науке второй половины XX столетия – член-корреспондент Академии Наук СССР М. С. Строгович.

В силу веских причин в рамках доктрины судебного права сформировалось и мнение о том, что концепция судебного права носит чисто теоретический характер, и ни при каких условиях в российской правовой системе не может быть создана новая отрасль, которая бы объединяла все виды существующих судопроизводств. Открыто против «официальной» версии трактовки сущности судебного права выступил в литературе В. В. Скитович: «Непременное условие объединения различных правовых норм и институтов в обособленную группу – не их внешняя схожесть, а однородность того социального субстрата, который

² Последний такой круглый стол состоялся в октябре 2014 г. на тему «Проблемы развития процессуального права России». Организаторами выступили Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ и Московский юридический университет имени О. Е. Кутафина.

выступает предметом воздействия со стороны законодателя. Отрасль права как средство социального регулирования по определению должна объединять общественные отношения однородного типа. В этом залог ее органичного существования и как элемента всей действующей в государстве правовой системы» [19].

Другие авторы также считают, что «судебное право <...> не является отраслью права – в традиционном и общепринятом в российском правоведении понимании отрасли» [20, с. 60].

Представляет интерес и позиция, в рамках которой исследователи, поддерживая идеи судебного права, конкретизируют свое отношение тем, что считают судебное право именно теорией, требующей своего развития, равно как и общеправовая процессуальная теория, и не следует подходить к ней с мерками отрасли права» [21, с. 20–21]. Из изложенного с очевидностью следует необходимость поиска консолидированной позиции в части трактовки базовых теоретических платформ, на основе которых и предстоит изучать столь многогранное явление как судебное право.

Последний и вероятно самый важный вывод, вытекающий из настоящей статьи, заключается в следующем:

а) феномен судебного права эволюционирует благодаря философской обоснованности права, определяющей необходимость и важность его изменений;

б) в контексте теории судебного права надлежит исходить из того, что право – это не фиксированная и застывшая, а постоянно развивающаяся в результате правотворчества судей система ценностей;

в) правотворчество судей – важнейший элемент реализации судебной власти, которой они наделены Конституцией РФ;

г) судебное право, наполненное философией, трансформируется в судебную философию; она влияет на принятие судебных решений, понимание места судебной власти в государстве, формирует отношение к источникам судебного права.

Итак, нынешнее состояние научной мысли (доктрины), фокусирующейся вокруг категории «судебное право», позволяет рассматривать имперский (досоветский) и советский периоды становления и эволюции концепции судебного права, несмотря на ее противоречивость, недосказанность, «провальные годы», минимально достаточными для того, чтобы перестроиться в методологии исследования процессуальных и судоустройственных норм в российской системе права в контексте их объединения или размежевания.

Настоящий материал отражает преимущественно советский этап в «жизни» судебного права. Ранее нами был подробно исследован его начальный, дореволюционный период (1905–1917 гг.) [22]. Заявивший о себе в правовом пространстве феномен судебного права также ожидают линейные исследования с позиций философии права, которая уже вплотную при-

близилась к нему путем рассмотрения общих философских положений данной категории.

Библиографический список

1. Белякова А. М. Судебное право: новое прочтение // Журнал российского права. 2024. № 2. С. 104–123.
2. Гаджиев Х. И. Философия судебного права: монография. М.: Норма, 2024. 472 с.
3. Николюк В. В. Рецензия на монографию: Максуров А. А. Актуальные проблемы судебного права: монография. М., 2024. 308 с.
4. Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М., Мельников А. А. Проблемы судебного права. М., 1983. 223 с.
5. Громошина Н. А., Белякова А. В., Воскобитова Л. А., Габов А. В. [и др.]. Проблемы развития процессуального права России: монография / под ред. В. М. Жуйкова. М., 2016. 223 с.
6. Гуськова А. П., Муратова Н. Г. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства: монография. М., 2005. 176 с.
7. Соколов Т. В. Сущность судопроизводства в фокусе концепции судебного права // Вопросы экономики и права. 2020. № 12 (150). С. 30–37.
8. Громошина Н. А. О единстве процесса, едином ГПК и рабочих программах, преподаваемых по кафедре гражданского процесса дисциплин // Вестник гражданского процесса. 2020. № 1. С. 13–21.
9. Воронов Е. Н. Система и принципы судебного права // LEXRUSSIA. 2018. № 2 (135). С. 67.
10. Строгович М. С. О системе науки судебного права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 55–70.
11. Вершинина С. И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения: монография. М., 2017. С. 87–88.
12. Николюк В. В. Институты принуждения в контексте формирования подотраслей уголовно-процессуального права: Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения: материалы Международ. науч.-практ. конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова / пред. редкол. А. В. Павлов. Омск: Омская академия МВД России, 2024. С. 68–75.
13. Гукасян Р. Е. Рецензия На кн.: Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, В. М. Савицкий, А. А. Мельников. Проблемы судебного права. М.: Наука, 1983. 219 с.
14. Шарипова А. Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам: дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2022. С. 94
15. Жуйков В. М. О некоторых проблемах развития процессуального законодательства и законодательства о судоустройстве // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 135–150.
16. Полянский Н. Н. Очерк общей теории уголовного процесса. М., 1927. 127 с.

17. Полянский Н. Н. Вопросы систематики в уголовном процессе // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 71–87.

18. Строгович М. С. Судебное право: предмет, система, наука // Советское государство и право. 1979. № 12. С. 58–65.

19. Скитович В. В. Концепция судебного права: опыт критического переосмысления // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов. М., 2008. С. 5–25.

20. Мурадян Э. М. Судебное право (в контексте трех процессуальных кодексов). М., 2003. С. 126.

21. Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991. 143 с.

22. Николук В. В. О чем молчат адепты концепции судебного права // Российская юстиция. 2024. № 9. С. 52–62.

References

1. Belyakova A. M. Judicial law: a new reading // Journal of Russian Law. 2024. No. 2. Pp. 104–123.

2. Gadzhiev H. I. Philosophy of judicial law: a monograph. M.: Norm, 2024. 472 p.

3. Nikolyuk V. V. Review of the monograph: Maksurov A. A. Actual problems of judicial law: monograph. M., 2024. 308 p.

4. Polyansky N. N., Strogovich M. S., Savitsky V. M., Melnikov A. A. Problems of judicial law. M., 1983. 223 p.

5. Gromoshina N. A., Belyakova A. V., Voskobitova L. A., Gabov A. V. [et al.]. Problems of the development of procedural law in Russia: a monograph / ed. by V. M. Zhuikov. M., 2016. 223 p.

6. Guskova A. P., Muratova N. G. Judicial law: the history and modernity of judicial power in the field of criminal proceedings: monograph. M., 2005. 176 p.

7. Sokolov T. V. The essence of legal proceedings in the focus of the concept of judicial law // Issues of economics and law. 2020. No. 12 (150). Pp. 30–37.

8. Gromoshina N. A. On the unity of the process, the unified CPC and the work programs taught at the Department of Civil Procedure disciplines // Bulletin of Civil Procedure. 2020. No. 1. Pp. 13–21.

9. Voronov E. N. System and principles of judicial law // LEX RUSSIA. 2018. No. 2 (135). P. 67.

10. Strogovich M. S. On the system of judicial law science // The Soviet State and law. 1939. No. 3. Pp. 55–70.

11. Vershinina S. I. The normative and legal essence of criminal procedural coercion: a monograph. M., 2017. Pp. 87–88.

12. Nikolyuk V. V. Institutions of coercion in the context of the formation of sub-branches of criminal procedure law: Legal and humanitarian problems of criminal procedure coercion: materials of the international scientific and practical conference, dedicated to the 70th anniversary of the birth of B. B. Bulatov / editor-in-chief A. V. Pavlov. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. Pp. 68–75.

13. Ghukasyan R. E. Translated from books by N. N. Polyansky, M. S. Strogovich, V. M. Savitsky, A. A. Melnikov. Problems of judicial law. M.: Nauka, 1983. 219 p.

14. Sharipova A. R. Conceptual foundations of intersectoral convergence in criminal court proceedings: dis. ... dr. jurid. sciences. Ufa, 2022. P. 94.

15. Zhuikov V. M. On some problems of the development of procedural legislation and legislation on the judicial system // Journal of Russian Law. 2017. No. 8. Pp. 135–150.

16. Polyansky N. N. An essay on the general theory of criminal procedure. M., 1927. 127 p.

17. Polyansky N. N. Systematics issues in the criminal process // Soviet State and law. 1939. No. 3. Pp. 71–87.

18. Strogovich M. S. Judicial law: subject, system, science // The Soviet State and law. 1979. No. 12. Pp. 58–65.

19. Skitovich V. V. The concept of judicial law: the experience of critical rethinking // Problematic issues of civil and arbitration proceedings. M., 2008. Pp. 5–25.

20. Muradian E. M. Judicial law (in the context of three procedural codes). M., 2003. P. 126.

21. Protasov V. N. Fundamentals of general legal procedural theory. M., 1991. 143 p.

22. Nikolyuk V. V. What are the adherents of the concept of judicial law silent about? // Russian justice. 2024. No. 9. Pp. 52–62.

Информация об авторе

Николук Вячеслав Владимирович – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Information about the author

Nikolyuk Vyacheslav V. – Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Статья поступила в редакцию 23.01.2025; одобрена после рецензирования 05.02.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 23.01.2025; approved after reviewing 05.02.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Научная статья
УДК 343.73

Проблемные аспекты уголовного судопроизводства в отношении лиц с психическими девиациями

Плахтий Елена Владимировна
Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Российская академия народного хозяйства
и государственной службы), Екатеринбург, Россия, eplakhtiy@mail.ru

Аннотация. Применение к лицам, совершившим общественно опасное деяние, положений ст. 46 и 47 УПК РФ не в полной мере обеспечивает их процессуальные права и требует дополнения специальной нормой, так как на сегодняшний день законодательно понятие данного участника уголовного судопроизводства (лицо, в отношении которого применяются принудительные меры медицинского характера) не закреплено. Лицо, не являясь обвиняемым на начальных стадиях уголовного судопроизводства, не может быть названо подсудимым на стадии судебного разбирательства. Таким образом, в ходе досудебного разбирательства, которое по данной категории дел производится только в форме предварительного следствия, важным является заключение судебно-психиатрической экспертизы, которая определит отношение лица к инкриминируемому деянию и его психическое состояние, позволит выявить признаки симуляции психического заболевания как стратегии противодействия расследованию в целях уклонения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: судопроизводство, психические девиации, судебно-психиатрическая экспертиза, принудительные меры медицинского характера

Для цитирования: Плахтий Е. В. Проблемные аспекты уголовного судопроизводства в отношении лиц с психическими девиациями // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 142–148.

Original article

Problematic aspects of criminal proceedings in relation to persons with mental deviations

Plakhtiy Elena V.
Ural Institute of Management – branch of RANEPA (Russian Academy of National Economy
and Public Administration), Yekaterinburg, Russia, eplakhtiy@mail.ru

Abstract. The application of the provisions of Art. 46 and 47 of the Code of Criminal Procedure to persons who have committed a socially dangerous act does not fully ensure their procedural rights and requires the addition of a special norm, since today the concept of such a participant in criminal proceedings (a person against whom compulsory medical measures are applied) is not legally fixed. A person who is not an accused at the initial stages of criminal proceedings cannot be named a defendant at the trial stage. Thus, during the pre-trial proceedings, which in this category of cases are conducted only in the form of a preliminary investigation, it is important to conclude a forensic psychiatric examination, which will answer the question of a person's attitude to the alleged act and his mental state, will reveal signs of mental illness simulation as a strategy to counteract the investigation in order to evade criminal responsibility.

Keywords: legal proceedings, mental deviations, forensic psychiatric examination, compulsory medical measures

For citation: Plakhtiy E. V. Problematic aspects of criminal proceedings against persons with mental disabilities // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 1. Pp. 142–148.

На сегодняшний день значительное количество преступлений совершается лицами, страдающими психическими расстройствами. Статистика показывает, что сейчас психически больных людей значительно больше, чем людей болеющих туберкулезом и лю-

быми другими заболеваниями. Однако специалистов в сфере психиатрии в разы меньше, чем врачей других специальностей. Все это говорит о том, что право-

охранительным органам необходимо уделять особое внимание профилактике совершения преступлений данной категорией лиц, а также особенностям выявления и расследования таких преступлений.

Судебным департаментом при Верховном суде Российской Федерации опубликована следующая статистика: с июля по декабрь 2024 г. судами было окончено 378 450 уголовных дел, из них 4080 с применением к лицу принудительных мер медицинского характера¹. Согласно статистическим данным достаточно большое количество преступлений совершается лицами, страдающими психическим расстройством, поэтому крайне важно исследовать вопрос применения в отношении них уголовного закона с научной и практической точек зрения.

Несмотря на то, что вопросы, определяющие правовой статус лица, страдающего психическим расстройством, достаточно регламентированы, его права и обязанности в уголовно-правом поле не в полной мере отражены в действующем российском законодательстве, что вызывает споры как среди практических сотрудников, так и ученых-процессуалистов. На сегодняшний день в УК РФ закреплено только понятие «невменяемости», а такая правовая категория, как «вменяемость» не регламентирована, следовательно, и определение «ограниченная вменяемость» также не нашло своего отражения.

Процессуальный порядок установления факта психического расстройства у лица, совершившего преступление, осуществляется на основании проведения соответствующих экспертиз. Особенностью дел этой категории является то, что заболевание, образующее медицинский критерий применения принудительных мер, устанавливается не только судебно-психиатрической (п. 3 ст. 196 УПК РФ) и наркологической экспертизой (для выявления случаев алкоголизма и наркомании), что прямо данной нормой не оговорено, но вытекает из общего смысла ч. 1 и 2 ст. 95 УПК РФ². Без проведения указанных экспертиз следователь не должен самостоятельно устанавливать наличие заболеваний (даже при их кажущейся очевидности).

Основаниями назначения данных экспертиз могут быть любые данные, полученные в ходе расследования, позволяющие усомниться в психической полноценности обвиняемого, в том числе и предположения о том, что лицо, возможно, имеет алкогольную или наркотическую зависимость. К наиболее типичным разновидностям таких оснований относятся:

а) документы о лечении или постановке на учет в психоневрологическом или наркологическом учреждении;

б) данные об увольнении со службы в Вооруженных Силах по состоянию здоровья, когда в качестве основания увольнения указано наличие психического заболевания;

в) данные о травмах головы, потерях сознания, обмороках, припадках;

г) данные о явных странностях в поведении, в том числе связанных с непосредственным совершением преступления, наличии патологий, неадекватных реакциях и т. д.

Для назначения наркологической экспертизы дополнительно необходимы данные о злоупотреблении алкоголем или потреблении наркотических средств, сильнодействующих и токсических препаратов, которые могут устанавливаться всеми способами, сопутствующими изучению личности. Исключение в данном случае составляют оперативные данные, но допускается личное наблюдение следователя за обвиняемым.

Если присутствуют основания для назначения судебно-психиатрической и наркологической экспертиз одновременно, то назначается судебно-психиатрическая экспертиза, при этом на разрешение эксперта ставится вопрос наркологического характера. Следует учесть, что экспертная комиссия врачей-психиатров вправе разрешать вопросы наркологического характера, но не наоборот. Это связано с тем, что многие проявления хронического алкоголизма, наркомании и токсикомании сопряжены с отклонениями в психике и проявляются в неадекватном поведении субъекта (например, алкогольный делирий), а для разграничения проявлений обоих видов заболеваний требуются специальные знания в области психиатрии [1, с. 120].

Если в ходе обследования эксперт выявит признаки симуляции психических расстройств, он обязан отразить это в заключении, именно этот факт будет иметь значение для оценки личности подозреваемого (обвиняемого).

Сомнения в обоснованности и объективности выводов судебно-психиатрической экспертизы, несоответствие выводов экспертов о состоянии подозреваемого (обвиняемого) в момент совершения им запрещенного уголовным законом деяния другим доказательствам являются достаточными основаниями для назначения повторной судебно-психиатрической экспертизы в соответствии с ч. 2 ст. 207 УПК РФ [2, с. 5].

Практика показывает, что эксперты, проводящие данные экспертизы, приглашаются в суд в качестве свидетелей, если у судьи возникают вопросы по поводу объективности и правдивости проведения экспертизы. Не исключено, что сегодня встречаются такие случаи, когда такая судебная экспертиза может быть проведена с помощью видео-конференц-связи, что категорически недопустимо и нарушает нормы действующего УПК РФ, следовательно, и такое заключение эксперта будет признано недопустимым.

Для эффективного проведения такого рода экспертиз необходимо точное и верное составление постановления следователя об их проведении. Вводная

¹Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2024 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7096> (дата обращения: 20.09.2024).

²Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/12123142> (дата обращения: 15.05.2024).

часть данного постановления не имеет каких-либо особенностей. Описательно-мотивировочная часть содержит в себе фабулу с отражением конкретных действий испытуемого, основания (что именно вызывает сомнения в психической полноценности субъекта). Резолютивная часть не содержит особенностей, вопросы для разрешения достаточно стандартны.

Назначение судебно-психиатрической экспертизы в отношении свидетеля или потерпевшего практикуется сравнительно редко, т. к. связано с определенным ограничением прав и интересов личности. Свидетель, в отличие от потерпевшего, всегда может отказаться от участия в проведении такой экспертизы, и бесспорных законных оснований для ее проведения в принудительном порядке у следователя нет (ч. 4 ст. 195 УПК РФ).

Поэтому экспертиза в отношении свидетеля или потерпевшего назначается при наличии двух обязательных тактических условий:

1. Оценка показаний потерпевшего (свидетеля) должна иметь существенное значение для всей системы доказательств по делу. Например, это единственный и основной свидетель события преступления.

2. Отклонения в психике свидетеля (предполагаемые) должны касаться именно его способностей восприятия и воспроизводства, их адекватности, поэтому здесь может идти речь только о лицах с отклонениями в сфере сознания, но не воли.

На разрешение экспертам ставятся в этом случае два вопроса:

1. Страдает ли потерпевший (свидетель) каким-либо психическим заболеванием?

2. Если да, то мог ли он правильно воспринимать происходящие события, и может ли он правильно свидетельствовать о них? [3, с. 4].

Обычно, если следователю необходимо посеять сомнение в достоверности показаний свидетеля с отклонениями в психике без их детального разбора, в случае, когда они не являются главным звеном в системе доказательств, достаточно запросить и получить справку из медучреждения о наличии у лица психического заболевания.

Наркологическая и судебно-психиатрическая экспертизы проводятся комиссиями врачей-психиатров соответствующих лечебных учреждений, как правило, больниц или диспансеров. Эти постоянно действующие на профессиональной основе образования располагаются в специально отведенных для этого помещениях соответствующих учреждений.

Судебно-психиатрическая экспертиза имеет три уровня:

1. Амбулаторная (комиссия экспертов районного, городского диспансера или больницы).

2. Стационарная повторная или дополнительная (комиссия экспертов областной (краевой) психиатрической больницы).

3. Стационарная повторная в Федеральном государственном бюджетном учреждении «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского» Ми-

нистерства здравоохранения Российской Федерации в г. Москве.

Наркологическая экспертиза имеет по сути один уровень – амбулаторный. Проводится она специализированной комиссией экспертов областной психиатрической больницы. Проходить эти уровни можно только последовательно, т. е. от амбулаторной экспертизы к стационарной, а затем к повторной стационарной, если на то появляются основания.

Амбулаторная судебно-психиатрическая и наркологическая экспертизы проводятся в плановом порядке либо в помещении СИЗО (ИВС) либо в помещении лечебного учреждения, как правило, 1 или 2 раза в неделю. Данные экспертизы требуют предоставления уголовного дела в полном объеме, при этом в деле должен быть определенный минимум интересующих экспертов документов. Для судебно-психиатрической экспертизы это:

- 1) постановление о привлечении в качестве обвиняемого (или иной процессуальный документ, где четко отражена криминальная деятельность испытуемого);

- 2) все показания обвиняемого, данные им в ходе расследования;

- 3) все характеризующие обвиняемого данные;

- 4) документы, характеризующие поведение и действия обвиняемого в процессе совершения преступления.

Вместе с материалами уголовного дела экспертам должны быть представлены амбулаторные карты испытуемых, подлинные истории болезни из психиатрических больниц. Для наркологической экспертизы представляются перечисленные выше документы и дополнительно все документы, касающиеся злоупотребления алкоголем или наркотиками.

Алгоритм действий следователя при организации проведения амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы с учетом необходимости доставки арестованного из СИЗО в медучреждение должен быть следующим:

1. Вынесение постановления о назначении экспертизы.

2. Уведомление защитника (представителя) и обвиняемого (потерпевшего) о назначении психиатрической экспертизы и составление протокола об ознакомлении с постановлением о назначении данной экспертизы. В соответствии с п. 4 ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник допускается к участию в деле с момента объявления постановления о назначении психиатрической экспертизы.

3. Доставка постановления и материалов уголовного дела в экспертное учреждение, где секретарь записывает в книгу факт поступления дела с постановлением и назначает дату проведения экспертизы. Если обвиняемый находится на свободе, то определяется дата доставки испытуемого или его явки. Если же обвиняемый содержится в СИЗО, то порядок вызова арестованных на амбулаторную экспертизу регулируется спецчастью данного учреждения в порядке очереди.

4. Отправка в СИЗО требования на вывоз обвиняемого с открытой датой, которую определяет работник спецчасти, организующий конвой. Этот документ относится к деловым письмам предписывающего характера, и его форма регламентируется приказом МВД России. В требовании указываются данные лица, подлежащего вывозу в медучреждение, место вывоза, цель вывоза (проведение стационарной экспертизы), особые отметки, касающиеся его конвоирования (например, склонность к побегу, агрессивность и т. д.). Требование заверяется гербовой печатью ОВД [4, с. 5].

Организация амбулаторной наркологической экспертизы аналогична судебно-психиатрической, за исключением того, что не требуется предварительная запись. Экспертная комиссия работает в определенные дни недели в выделенном для этого помещении, иногда это ИВС. Следователь организует вывоз обвиняемого в дни проведения экспертизы в место, где она проводится, и представляет экспертной комиссии материалы уголовного дела, предварительное изучение которых экспертами-наркологами не практикуется. Согласно ст. 438 УПК РФ участие защитника обязательно с момента вынесения следователем постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы.

Заключение первоначальной амбулаторной экспертизы может иметь четыре варианта:

- 1) обвиняемый не выявляет отклонений в психике (не влечет для расследования никаких последствий);
- 2) обвиняемый выявляет определенные отклонения, но вменяем (не влечет для расследования никаких последствий);
- 3) требуется проведение стационарной судебно-психиатрической экспертизы (влечет за собой назначение стационарной судебно-психиатрической экспертизы);
- 4) обвиняемый выявляет отклонения и в отношении содеянного должен быть признан невменяемым, нуждается в применении принудительных мер медицинского характера (влечет за собой применение особого производства в порядке гл. 51 УПК РФ)

Особую сложность для следователя представляют собой два последних варианта.

Стационарная судебно-психиатрическая экспертиза назначается незамедлительно после появления оснований. Это вызвано:

- а) значительной длительностью ее фактического проведения (порядка полутора месяцев);
- б) значительными организационными сложностями ее проведения.

Проводятся такие экспертизы в специализированных стационарных отделениях, совмещающих режим медицинского учреждения с режимом следственного изолятора. Доставка в эти отделения арестованных осуществляется специализированными конвойными службами в плановом порядке по мере освобождения свободных мест.

Алгоритм действий следователя следующий: обвиняемые, не заключенные под стражу, помещаются

в общие стационарные отделения медицинских учреждений по решению суда согласно ст. 203 УПК РФ и предварительной договоренности следователя с экспертами. Обычно обвиняемые прибывают на стационар самостоятельно и добровольно. В случае отказа пройти стационарное обследование производится помещение его туда по решению суда, исполнение которого поручается органу дознания¹.

При отказе областной экспертной комиссии дать после стационарного обследования категорические ответы на вопросы о вменяемости лица следователь организует проведение повторной стационарной экспертизы.

Конвоирование обвиняемого, находящегося под стражей, за пределы области сопряжено с командировкой сотрудников конвоя, поэтому кроме стандартного требования следователь оформляет рапорт на имя начальника ОВД с обоснованием необходимости командировки, план-задание в произвольной форме, где указывается содержание тех действий, которые должны выполнить командированные сотрудники конвоя. Оба документа подлежат рассмотрению начальником территориального органа, который своей резолюцией дает распоряжение об откомандировании подчиненных ему сотрудников. Возврат обвиняемого в СИЗО осуществляется в том же порядке. Следователю сообщают по телефону об окончании экспертизы, и он организует командировку для возврата арестованного в СИЗО.

Заключение наркологической экспертизы может быть трех видов:

1. Обвиняемый страдает хроническим алкоголизмом 1, 2 или 3 стадии (наркоманией, токсикоманией) и нуждается в принудительном лечении в порядке ст. 104 УК РФ. Противопоказаний к лечению нет.
2. Обвиняемый страдает хроническим алкоголизмом 1, 2 или 3 стадии (наркоманией, токсикоманией) и нуждается в принудительном лечении в порядке ст. 104 УК РФ. Однако лечение ему противопоказано по состоянию здоровья в связи с наличием определенных соматических заболеваний.
3. Обвиняемый не выявляет признаков хронического алкоголизма (наркомании, токсикомании) и в принудительном лечении не нуждается.

В первом случае при составлении обвинительного заключения в разделе характеризующих данных следователь излагает выводы экспертов, на основании которых суд может решить вопрос о принудительном лечении осужденного в период отбывания наказания. Во втором и третьем случаях выводы экспертов будут учтены лишь как данные, характеризующие личность обвиняемого (подсудимого), и не могут являться основанием для назначения принудительного лечения [5, с. 109].

Говоря о важности и необходимости принудительных мер медицинского характера и едином порядке

¹Федеральный закон от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.12.2022).

их применения следует рассмотреть следующий пример. В г. Екатеринбурге голый мужчина на автомобиле въехал в автосалон «Мерседес», причиненный при этом ущерб составил три миллиона рублей. Данный мужчина был направлен на судебно-психиатрическую экспертизу, по завершению которой вынесено заключение о том, что гражданин является невменяемым, но не нуждается в применении к нему мер медицинского характера¹. Следовательно, лицо не подлежит уголовной ответственности, так как не является субъектом совершения преступления, но и применить к нему принудительные меры медицинского характера невозможно, так как заключение эксперта не подтверждает такую необходимость.

Отметим, что единый процессуальный порядок установления факта психического расстройства обеспечивает однозначное применение данных мер на практике, что позволит избежать таких достаточно редких, но проблематичных фактов в следственной практики, возникающих в результате нарушения принципов уголовного судопроизводства.

Обязательными участниками при производстве о применении принудительных мер медицинского характера являются защитник и законный представитель, которые позволят обеспечить надлежащую защиту прав и свобод лица, совершившего преступление в состоянии психического расстройства. Обладая особым процессуальным статусом, лицо, совершившее общественно опасное деяние, является участником уголовного судопроизводства и, если это позволяет его психическое состояние, должно самостоятельно осуществлять принадлежащие ему права и исполнять возложенные на него обязанности.

Законодатель проявил определенную небрежность в регламентации прав лиц, страдающих душевными заболеваниями и совершившими общественно опасные деяния. Особенно хорошо это просматривается в определении функции лиц, отстаивающих интересы данного лица в уголовном деле. Адвокат здесь почему-то называется защитником, хотя защищаться можно только от обвинения и подозрения, а в данном случае нет ни того, ни другого. Следовательно, возникает вопрос, а законно ли привлечение в рассматриваемом примере защитника? И сможет ли он осуществить защиту лица как участника уголовного судопроизводства, не имеющего своих прав и обязанностей, а в большинстве случаев и не являющимся субъектом преступления?

Статья 437 УПК РФ предусматривает участие в процессе законного представителя лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, на основании постановления следователя или суда. При отсутствии близкого родственника законным представителем может быть признан орган опеки и попечительства. Таким образом, в деле могут участвовать два представителя: профессиональный адвокат и

родственник-опекун. И в этом нет никакого нарушения и противоречия.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод: в настоящее время в действующем уголовно-процессуальном законодательстве существует пробел, касающийся определения процессуального статуса лица, имеющего психические отклонения и совершившего общественно опасное деяние, а также полномочий защитника при работе с таким подзащитным. На сегодняшний день к такому лицу применяются положения, закрепленные в ст. 46, 47 УПК РФ, что, на наш взгляд, является не совсем правильным. Ведь ст. 46 УПК РФ закрепляет процессуальный статус подозреваемого, а ст. 47 УПК РФ – процессуальный статус обвиняемого, подсудимого, осужденного (оправданного). И ни в одной из них нет (и не может быть) ни слова о лице, совершившем общественно опасное деяние.

С целью устранения данного пробела на основании проведенного исследования предлагаем внесение корректирующих изменений в УПК РФ, а именно введение нормы, которая закрепит процессуальный статус такого лица, его права и обязанности. Видится, что данное предложение положительным образом скажется на качестве предварительного расследования.

Как было отмечено ранее, в отношении лиц, страдающих расстройством, исключаящим вменяемость, расследование производится с учетом положений гл. 51 УПК РФ, только в том случае, если его расстройство связано с опасностью для него самого или других лиц. С момента установления невменяемости лица, совершившего общественно опасное деяние, корректируются цели уголовного судопроизводства. Так, согласно ст. 97 УК РФ целями применения принудительных мер медицинского характера являются излечение лица или улучшение его психического состояния, а также предупреждение совершения ими новых общественно опасных деяний.

Основные обстоятельства, подлежащие доказыванию по данной категории дел, следовательно в силах установить самостоятельно путем проведения следственных и процессуальных действий, избираемых им согласно условиям следственной ситуации [6]. Вопросы о психическом состоянии лица относятся к компетенции судебных экспертов-психиатров.

Что касается характера и размера вреда, установленного следствием, необходимо отметить, что по данной категории дел заявленный гражданский иск не подлежит рассмотрению в уголовном судопроизводстве, что не препятствует его предъявлению и рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

При расследовании данной категории уголовных дел следователю следует не забывать про основную особенность такого производства – это психическое состояние лица. Именно от этого и будут зависеть предмет и пределы доказывания. Производство по делам данной категории с точки зрения организации следственной деятельности состоит из сочетания двух основных видов деятельности: доказательствен-

¹Уголовное дело № 41801650034000173 // Архив отдела полиции № 9 УМВД России по г. Екатеринбургу.

ной и правообеспечительной, каждая из которых имеет свою специфику.

Доказательственная деятельность включает в себя следующие обязательные элементы:

1. Предмет доказывания по делам данной категории раскрывается в ст. 434 УПК РФ. Сопоставление указанных в названной норме обстоятельств с положениями ст. 73 УПК РФ показывает, что помимо обстоятельств совершения деяния и факта его совершения данным лицом (что соответствует событию преступления и виновности обвиняемого) необходимо дополнительно установить факт душевного заболевания и его характер, рассмотреть поведение лица до и после совершения преступления.

Следовательно, для предмета доказывания по делам данной категории характерно углубленное изучение личности субъекта, совершившего опасное деяние, с целью определения помимо первого основания (совершение опасного деяния) двух последующих – заболевание и степени его опасности для себя и окружающих.

2. Все обстоятельства, относящиеся к основаниям применения этих мер должны быть установлены процессуальным путем, т. е. доказаны.

Существующее у следователей представление о том, что в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, не требуется безупречной доказанности их деяния и всех элементов состава преступления, не имеет под собой законных оснований. Если не установлено, что именно это лицо совершило общественно опасное деяние, или что в этом деянии не доказан хотя бы один элемент состава (объект, объективная сторона, субъективная сторона), то уголовное дело подлежит прекращению по основаниям п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

3. В целом доказательственная деятельность следователя осуществляется в обычном процессуальном порядке с тем условием, что показания лица, страдающего душевным заболеванием, не могут являться источником доказательств. Значит, доказывать все обстоятельства следует, не принимая в расчет его показания, несмотря даже на их возможное соответствие объективной истине.

Организация производства по делам данной категории принципиально отличается от обычного порядка предварительного следствия.

Прежде всего, устанавливается характер отношений следователя с лицом, подлежащим принудительному лечению, которое уже перестает быть обвиняемым с момента установления факта его невменяемости (душевного заболевания в период производства предварительного следствия). Если нет надлежащего субъекта уголовной ответственности, то нет и обвиняемого в процессуальном значении этого понятия. Обвиняемый становится лицом, совершившим запрещенное уголовным законом деяние, и в дальнейшем именуется таковым.

Если установлен факт душевного заболевания лица, лишаящего его способности отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, и если производ-

ство следственных действий с его участием является невозможным, следователь может составить протокол о невозможности производства следственных действий с участием данного лица. Основанием для этого является экспертное заключение о невменяемости лица либо о наличии у него душевного заболевания, лишаящего его способности отдавать отчет в своих действиях и руководить ими на момент предварительного следствия, или душевного заболевания, лишаящего возможности отдавать отчет в своих действиях и руководить ими.

В данном случае обязательными элементами являются доказательственная и правообеспечительная деятельность следователя. Доказывание обстоятельств, в зависимости от вида общественно опасного деяния, осуществляется путем производства следственных и процессуальных действий. Например, в ходе осмотра места происшествия представитель правоохранительных органов должен фиксировать особенности объективной стороны деяния, которые к тому же могли бы свидетельствовать о наличии расстройства психики у лица, совершившего общественно опасное деяние. В свою очередь допрос такого лица должен производиться независимо от того, могут или нет его показания являться доказательством по уголовному делу. Допрос в данном случае преследует две цели: сбор ориентирующей информации и подготовка материалов для назначения судебно-психиатрической экспертизы [7, с. 253].

На сегодняшний день не существует исчерпывающего перечня следственных и проверочных действий при расследовании дел данной категории. Следователь сам организует свою деятельность по расследованию такого уголовного дела.

Согласно ст. 439 УПК РФ по окончании предварительного следствия следователь выносит одно из следующих постановлений:

1. О прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 24 и 27 УПК РФ. В случаях, когда характер совершенного деяния и психическое расстройство лица не связаны с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда, постановление о прекращении уголовного дела по общему порядку выносится в соответствии со ст. 212 и 213 УПК РФ.

2. О направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера.

Уголовное дело с постановлением о направлении его в суд следователь передает прокурору, который в срок, предусмотренный ст. 221 УПК РФ, изучает его в порядке надзора. После того, как прокурор принимает решение об утверждении постановления следователя о направлении уголовного дела в суд с ходатайством о применении принудительной меры медицинского характера, копия этого постановления вручается лицу, в отношении которого ведется данное производство, а также его защитнику и законному представителю.

Обозначив особенности уголовного судопроизводства в отношении лиц, страдающих психическим расстройством, приходим к выводу о межотраслевом характере исследуемого вопроса, который урегулирован юридически как на международном, так и на федеральном уровне. Однако существуют законодательные пробелы и неточности, устранить которые возможно путем внесения изменений в УПК РФ. А пока эти пробелы существуют, правоохранительным органам следует внимательно относиться к вопросу соблюдения прав участников уголовного судопроизводства по данной категории дел, с целью недопущения их существенных нарушений.

Если в связи с психическим расстройством лицо может представлять опасность для себя и других лиц, то в отношении него могут быть применены принудительные меры медицинского характера. В отличие от уголовного наказания данное применение не ограничено каким-либо конкретным сроком и не влечет судимости.

Подводя итог, отметим, что при расследовании преступлений в отношении лиц, страдающих психическим расстройством, необходимо обращать внимание на особенности формы предварительного расследования.

Библиографический список

1. Елфимов П. В., Виноградова О. П. Информационное значение судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз при расследовании половых преступлений против несовершеннолетних // Алтайский юридический вестник. 2019. № 3 (27). С. 120–124.
2. Исаенко В. Н. Оценка выводов судебно-психиатрической экспертизы в досудебном производстве о применении принудительных мер медицинского характера // Российский следователь. 2011. № 18. С. 5.
3. Елфимов П. В., Виноградова О. П. Роль комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в профилактике суицидов среди несовершеннолетних // Правоохранительные органы: теория и практика. 2018. № 2. С. 4–6.
4. Виноградова О. П. Особенности тактики отдельных следственных действий с участием подозреваемых (обвиняемых), страдающих нарушением психики // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 5–10.
5. Виноградова О. П., Хребтова А. В. Особенности судебно-психиатрической оценки лиц, страдающих органическим заболеванием головного мозга // Правоохранительные органы: теория и практика. 2016. № 1. С. 109–114.
6. Бирюков С. В. Особенности производства предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами, страдающими психическими расстройствами: учебное пособие. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2017. С. 56.
7. Виноградова О. П. Проблемные аспекты назначения и производства судебно-психиатрической

экспертизы в уголовном судопроизводстве // В сборнике: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXIX Международ. науч.-практич. конференции. Иркутск, 2024. С. 253–258.

References

1. Elfimov P. V., Vinogradova O. P. The informational significance of forensic psychiatric and forensic psychological examinations in the investigation of sexual crimes against minors // Altai Legal Bulletin. 2019. No. 3 (27). Pp. 120–124.
2. Isaenko V. N. Evaluation of the conclusions of the forensic psychiatric examination in pre-trial proceedings on the use of compulsory medical measures // Russian investigator. 2011. No. 18. P. 5.
3. Elfimov P. V., Vinogradova O. P. The role of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination in the prevention of suicide among minors // Law enforcement agencies: theory and practice. 2018. No. 2. Pp. 4–6.
4. Vinogradova O. P. Features of tactics of individual investigative actions involving suspects (accused) suffering from mental disorders // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 1. Pp. 5–10.
5. Vinogradova O. P., Hrebtova A. V. Features of forensic psychiatric assessment of persons suffering from organic brain disease // Law enforcement agencies: theory and practice. 2016. No. 1. Pp. 109–114.
6. Biryukov S. V. Features of the preliminary investigation in criminal cases of crimes committed by persons suffering from mental disorders: a textbook. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. p. 56.
7. Vinogradova O. P. Problematic aspects of the appointment and production of forensic psychiatric examination in criminal proceedings // In the collection: Activities of law enforcement agencies in modern conditions: collection of materials of the XXIX international scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. Pp. 253–258.

Информация об авторе

Плахтий Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Plakhtiy Elena V. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; одобрена после рецензирования 17.11.2024; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 10.09.2024; approved after reviewing 17.11.2024; accepted for publication 18.03.2025.

Научная статья
УДК 343.16

Правообеспечительная деятельность прокурора в досудебном производстве по уголовным делам

Спирин Александр Владимирович
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, a_v_spirin@bk.ru

Аннотация. В статье автор обращается к деятельности по обеспечению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства в его досудебной части. Основываясь на анализе норм Конституции РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ, опираясь на мнения авторитетных ученых, автор предлагает выделить и подвергнуть пристальному изучению одно из направлений уголовно-процессуальной деятельности, направленное непосредственно на обеспечение прав и свобод, в первую очередь, граждан. В статье дано определение соответствующего направления деятельности прокурора, перечислены закрепленные в настоящее время в российском процессуальном законодательстве полномочия прокурора, которые могут быть расценены как имеющие правообеспечительную направленность. Кроме того, автором предложены перспективы совершенствования обсуждаемого направления деятельности, а именно, какие полномочия должны быть предоставлены прокурору для успешного решения стоящей перед ним задачи по обеспечению прав участников процесса.

Ключевые слова: досудебное производство, прокурор, обеспечение прав участников уголовного судопроизводства, принципы уголовного судопроизводства, досудебное производство, полномочия

Для цитирования: Спирин А. В. Правообеспечительная деятельность прокурора в досудебном производстве по уголовным делам // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 149–155.

Original article

Legal support activities of the prosecutor in pre-trial criminal proceedings

Spirin Alexander V.
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, a_v_spirin@bk.ru

Abstract. In the article, the author refers to activities to ensure the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings in its pre-trial part. Based on an analysis of the norms of the Constitution of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, relying on the opinions of authoritative scientists, the author proposes to highlight and scrutinize one of the areas of criminal procedure activities aimed directly at ensuring rights and freedoms, first of all, of citizens. The article defines the relevant direction of the prosecutor's activity, lists the powers of the prosecutor currently enshrined in Russian procedural legislation, which can be regarded as having a legal security orientation. In addition, the author proposed promising areas for improving the discussed area of activity: what powers should be given to the prosecutor to successfully solve the task facing him of ensuring the rights of participants in the process.

Keywords: pre-trial proceedings, prosecutor, ensuring the rights of participants in criminal proceedings, principles of criminal procedure, pre-trial proceedings, authority

For citation: Spirin A. V. Legal support activities of the prosecutor in pre-trial criminal proceedings // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 149–155.

Рассматривая уголовно-процессуальную деятельность одного из ключевых участников российского уголовного процесса – прокурора, многие ученые не ставят под сомнение, что эта деятельность целиком и полностью укладывается в рамки уголовного преследования. Такая позиция базируется на классической и нашедшей отражение в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) концепции состязательного построения уго-

ловного процесса. Подтверждением справедливости взглядов данной группы ученых являются, например, нормы, закрепленные в ст. 15 и 21 УПК РФ. Другая группа исследователей обращает внимание на текст ч. 1 ст. 37 УПК РФ и уточняет: в деятельности прокурора помимо уголовного преследования следует выделять и другое направление – надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования.

Нет нужды оспаривать справедливость приведенных утверждений. Они верны, поскольку основываются на нормах действующего законодательства. Но полны ли они в категоричности (строгости) ограничения: «прокурор осуществляет *только* уголовное преследование» или «прокурор осуществляет *только* уголовное преследование и надзор». Так ли это? Обратимся вслед за коллегами к нормам действующего законодательства.

Конституционно-правовой статус российской прокуратуры определяется в настоящее время ст. 129 Конституции РФ. В ней указано, что прокуратура осуществляет надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование, а также выполняет иные функции. Эти положения воспроизводятся в п. 1 ст. 1 Федерального Закона «О прокуратуре Российской Федерации». Что же это за иные функции? Можно ли вести речь о существовании этих функций (рассматривая их как направления деятельности прокурора) в уголовном судопроизводстве, в том числе в досудебной его части?

В рамках данной статьи хотелось бы высказаться по поводу *правообеспечительной функции* и сформулировать свое видение возможности выделения (обособления) такого направления деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве (по крайней мере, в рамках исследовательского подхода). Последовательность наших рассуждений будет следующей: 1) установить, что понимается под правообеспечительной деятельностью (правообеспечением) в современной юридической науке; 2) показать, как раскрывается данное понятие в науке уголовного процесса; 3) уточнить, какие существующие (закрепленные в УПК РФ) нормы позволяют вести речь об осуществлении прокурором правообеспечительной деятельности в уголовном процессе.

Вновь обратимся к действующему законодательству. Статья 18 Конституции РФ говорит о том, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Об обеспечении потерпевшим доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба идет речь в ст. 52 Конституции РФ.

В отечественном правоведении подчеркивается особенность государственно-властного полномочия, а именно, возможность и необходимость обеспечения прав и свобод человека и гражданина [1, с. 122]. Исследователи правового механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина в субъектах РФ приходят к выводу о возможности использования категории «обеспечение» в широком (создание государством гарантий для их осуществления) и узком (деятельность органов государственной власти, конечной целью которой является реализация прав и свобод человека и гражданина) смыслах [2, с. 43].

Как представляется, конституционная норма об обеспечении прав и свобод человека и гражданина

правосудием не должна трактоваться ограничительно как возложение соответствующей обязанности исключительно на суд. Прокуратура РФ, имеющая богатейший исторический опыт предупреждения и противодействия различным формам нарушения прав граждан, располагающая значительным арсеналом правых средств, должна вносить и вносит существенный вклад в дело обеспечения прав и свобод, дополняя судебную правообеспечительную деятельность, взаимодействуя с судом и содействуя ему. Кроме того, законодательство о прокуратуре прямо возлагает на прокурора обязанности правообеспечительного характера, например, разъяснять пострадавшим от правонарушений порядок защиты их прав и свобод¹.

В уголовном судопроизводстве конституционное положение, касающееся необходимости обеспечения прав и свобод человека и гражданина, нашло отражение в нескольких нормах. Выделим ключевые, содержащиеся в гл. 2 УПК РФ. Так, в ст. 11 содержится обязанность властных участников уголовного судопроизводства по разъяснению невластным участникам их прав, обязанностей и ответственности и *обеспечению* возможности осуществления этих прав, что раскрывает принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. В ст. 16 УПК РФ закреплена следующая обязанность участников с публично-правовым статусом – разъяснять подозреваемому и обвиняемому их права, обеспечивать им возможность защищаться всеми не запрещенными УПК способами и средствами. Данное положение включается в содержание принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту. С. С. Безруков обосновывает, что преследующие цель выражения охранительной сущности уголовного процесса и защиты прав лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, положения гл. 2 УПК РФ целесообразно объединить в единый принцип – обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства [3]. Данный подход нам представляется верным.

Реализация этого принципа тесно связана с другим – принципом законности (ст. 7 УПК РФ), их совместное действие позволяет достигать назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) [1, с. 139]. На наш взгляд, раздельное закрепление в УПК РФ норм, касающихся обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства, и обязанности по соблюдению законности в ходе уголовного судопроизводства, позволяет сделать вывод, что деятельность по *обеспечению* прав участников связана с понятием законности, но им не поглощается.

Приведенные нормы Конституции РФ, их толкование Конституционным судом РФ², а также процити-

¹ См.: п. 1 ст. 27 ФЗ «О прокуратуре РФ».

² См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 2 и 4 ст. 20, ч. 6 ст. 144, п. 3 ч. 1 ст. 145, ч. 3 ст. 318, ч. 1 и 2 ст. 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского

рованные положения УПК РФ (наряду с рассматриваемыми далее нормами УПК) позволяют нам в рамках исследования выделить отдельный вид деятельности – по обеспечению прав участников уголовного судопроизводства (правообеспечительной деятельности).

В науке уголовного процесса данной деятельности посвящен целый ряд исследований. Значительная их часть посвящена соответствующей проблематике в досудебном производстве. Так, например, один из известных отечественных процессуалистов констатирует: задача по обеспечению осуществления гарантированных Конституцией РФ и уголовно-процессуальным законодательством прав и законных интересов граждан, привлекаемых в качестве участников предварительного следствия, едина и поставлена государством перед следователем, его ведомственным руководителем, прокурором и судом [4, с. 193]. Не оспаривая данного утверждения, нам хотелось бы, по возможности, конкретизировать сущность и содержание правообеспечительной деятельности вообще и правообеспечительной деятельности прокурора в частности.

Прежде чем переходить к анализу выработанных учеными позиций по интересующей нас проблеме, сделаем несколько замечаний общего характера, которые позволят надлежащим образом оценить аргументацию тех или иных авторов.

Во-первых, следует принимать во внимание неоднозначность авторских подходов к объему и содержанию понятия «правообеспечение», а именно, включение или не включение в него правозащиты и правоохраны, т. е. правообеспечение в широком и узком смысле. Это вызвано, на наш взгляд, уже отмеченной взаимосвязью положений ст. 6, 7 и 11 УПК РФ.

Во-вторых, деятельность по обеспечению прав и законных интересов личности многими учеными, так или иначе, соотносится с понятием «уголовно-процессуальные гарантии». П. С. Элькин в 1967 г. писала о том, что система процессуальных прав участников процесса возлагает на компетентные органы государства известные обязанности – не только по разъяснению этих прав, но и по реальному их обеспечению. Значение процессуальных прав личности состоит в реальных их гарантиях, важное место в системе которых занимают названные обязанности компетентных органов государства и должностных лиц по обеспечению участникам процесса их прав [5, с. 19–20, 34].

Третье замечание касается того, в чем ученые видят основу правообеспечительной деятельности. Н. А. Якубович отмечала, что обязанностью по предоставлению фактических возможностей обвиняемому и другим участникам реализовать их процессуальные права при расследовании входит в содержание публичного (общественного) интереса [4, с. 176]. То есть основа правообеспечительной деятельности заключается в содержании публичного интереса.

Развернутое обоснование приведенного положения предложил И. С. Дикарев. Он считает, что деятельность должностных лиц по обеспечению прав участ-

ников уголовного судопроизводства имеет единую правовую природу и общие основания. Соответствующая обязанность имманентна деятельности всех государственных органов и должностных лиц, поскольку конечной целью она ставит защиту публичного интереса. Сказанное распространяется и на сферу уголовного судопроизводства [6].

Приведем воззрения отдельных процессуалистов на правообеспечительную деятельность в уголовном судопроизводстве.

В. Ю. Мельников полагает, что данная деятельность свойственна не только властным участникам, но также защитнику. Осуществляется она при участии иных субъектов уголовного судопроизводства. Данная деятельность предусматривает создание оптимальных условий для реализации процессуальных прав и их непосредственное осуществление [7, с. 4].

Н. А. Якубович выделяла в деятельности следователя направление по обеспечению прав и законных интересов участников. Это направление включает в себя, по ее мнению, охрану прав от нарушений, предупреждение таких нарушений, соответствующий контроль и реагирование на нарушения. Составной частью данного направления является восстановление прав в случае нарушения [4, с. 187, 191].

А. М. Ларин, рассматривая процессуальные функции, реализуемые в ходе расследования уголовного дела, выделял в особую группу действия, в совокупности образующие особое направление – обеспечение участникам уголовного судопроизводства их прав и охрану их законных интересов. Данное направление составляют действия следователя по созданию возможности для участников процесса осуществлять свои конкретные субъективные процессуальные права и по охране их личных и имущественных прав и законных интересов. Нормативно в наиболее общей форме рассматриваемое направление (функция) было выражено в законодательстве советского периода посредством ст. 27 Основ уголовного судопроизводства¹, содержание которой близко к тексту ч. 1 ст. 11 действующего в настоящее время УПК РФ.

В. А. Азаров и соавторы упоминают о существовании функции обеспечения прав и охраны интересов лиц, участвующих в деле. К ее элементам ученые относят действия субъектов дознания (соответствующая структурная часть монографии посвящена именно этим субъектам), непосредственно направленные на создание возможности участникам процесса осуществлять свои субъективные права и на охрану их личных и имущественных прав и законных интересов [8, с. 439–440].

В. С. Шадрин полагает, что обеспечение прав личности при расследовании уголовных дел включает все формы благоприятствования участникам уголовного процесса в осуществлении прав, в том числе: – информирование о наличии прав и их разъяснение;

¹ См.: Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

- создание условий для реализации прав;
- охрана и защита прав от нарушений, восстановление нарушенных прав [9, с. 40].

О. В. Гладышева, анализируя деятельность следователя по обеспечению законных интересов личности, отмечает, что следователь должен создавать участникам досудебного производства необходимые условия для осуществления его прав, а именно:

- 1) разъяснять лицу его процессуальный статус, объем прав и обязанностей, порядок реализации прав;
- 2) своевременно информировать лицо о ходе следования и его результатах;
- 3) обеспечивать возможность подачи и своевременное рассмотрение ходатайств и иных обращений соответствующего участника;
- 4) предотвращать неоправданные задержки при совершении действий и принятии решений, направленных на защиту имущественных прав и интересов участника;
- 5) предоставлять необходимое время для ознакомления с материалами уголовного дела [10].

Другой автор по результатам исследования обеспечения прав личности при производстве дознания приходит к аналогичным выводам. Перечень соответствующих полномочий дознавателя, по существу, идентичен предложенному О. В. Гладышевой для следователя, к нему добавлено предупреждение лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, о том, что их показания могут использоваться в качестве доказательств в ходе дальнейшего производства по уголовному делу, принятие при необходимости мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства, обеспечение возмещения причиненного преступлением ущерба [11].

Сформулированная О. В. Гладышевой и О. А. Наumenко позиция получила развитие в исследовании Р. Ш. Асанова, который обосновывает, что в деятельности следователя выделяются четыре функции, в том числе правообеспечительная. Последняя включает в себя, в свою очередь, пять подфункций: по наделению лиц уголовно-процессуальным статусом, по привлечению субъектов, отстаивающих интересы того или иного участника, по информированию лиц об участии в досудебном производстве, его ходе и результатах, по разрешению ходатайств и иных обращений участников, по реализации правомочий участников при производстве процессуальных действий [12]. Следует полагать, что перечисленные подфункции раскрывают содержание образуемой их совокупностью правообеспечительной функции.

Правообеспечительная функция, по мнению Р. Ш. Асанова, – это *направление деятельности* следователя по созданию возможностей для реализации личностью своих прав, свобод и законных интересов. Осуществляется она посредством создания следователем необходимых условий для реализации лицом правомочий, а также прямого предоставления следователем лицу процессуальных средств охраны его законных интересов [12].

Исследованию подвергалась и непосредственно правообеспечительная деятельность прокурора, в том числе в уголовном процессе.

О. В. Воронин полагает, что правообеспечительная и правозащитная прокурорская деятельность представляет собой разновидность прокурорского надзора или же является производной от него. Ученый назвал ряд необходимых условий, необходимых для реализации прокурором именно правообеспечительной деятельности. К таковым он отнес, например:

- зависимость или неравноправие соответствующего лица (нуждающегося в обеспечении прав) по отношению к поднадзорному прокуратуре органу;
- возможность существенного ограничения правового положения лица либо реализация правовых возможностей лица в зависимости от решения поднадзорного прокуратуре органа;
- особый правовой статус или положение зависимых лиц (иностранцы, ветераны, пенсионеры и т. п.);
- отсутствие судебного порядка охраны или защиты правового положения зависимых лиц [13].

Н. Н. Борозенец, понимая под правообеспечением деятельность субъектов уголовно-процессуальных отношений *по применению уголовно-процессуальных гарантий*, рассматривает такое правовое явление, как правообеспечение прокурора. С точки зрения данного автора, это властная публичная деятельность, осуществляемая *в форме прокурорского надзора*, направленная на охрану и защиту, а также восстановление прав участников уголовного судопроизводства. Фактически Н. Н. Борозенец в рамках стадии возбуждения уголовного дела отождествляет надзорную и правообеспечительную деятельность прокурора. Об этом свидетельствуют и отдельные предложения о совершенствовании УПК РФ, выдвинутые данным автором [14]. Стоит, на наш взгляд, задуматься о целесообразности выделения правообеспечительной деятельности из надзорной. Какие надзорные полномочия прокурора не рассматриваются в рамках данной концепции как составляющие правообеспечительной деятельности?

Из текста автореферата диссертационного исследования Е. Н. Гринюк следует, что правообеспечительная деятельность осуществляется последним прокурором в рамках надзора за исполнением законов органами предварительного расследования [15]. В другой работе названный автор, отмечая особую специфику надзора за соблюдением прав и законных интересов участников в досудебном производстве по уголовному делу, предлагает выделить данный вид деятельности из всего массива деятельности прокурора. Выделенный вид предлагается именовать правообеспечительной деятельностью прокурора [16]. Этот термин и этот подход представляются нам заслуживающими внимания, поскольку позволяют сфокусировать внимание исследователя на конкретных аспектах многогранной деятельности прокурора в досудебном производстве, не сводя всю ее к надзору.

Таким образом, можно вести речь о том, что правообеспечительная деятельность в уголовном судопроизводстве

производстве может пониматься в широком смысле, совпадая или становясь составной частью других направлений деятельности (для деятельности прокурора это надзор). Такой точки зрения придерживаются Н. Н. Борозенец, О. В. Воронин, до определенной степени Е. Н. Гринюк. В узком смысле как специфическое направление процессуальной деятельности (следователя и дознавателя) рассматривают правообеспечение Р. Ш. Асанов, О. В. Гладышева, О. А. Науменко. На наш взгляд, отождествление надзора и правообеспечительной деятельности является неоправданным с исследовательской точки зрения. Безусловно, надзор – одна из важнейших гарантий обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Но его осуществлением деятельность прокурора, направленная на правообеспечение, не исчерпывается. Необходимо должным образом осмыслить и те виды деятельности, которые не могут считаться надзорными, но направлены именно на обеспечение прав и свобод участников уголовного процесса. Кроме того, как убедительно показано целым рядом ученых, правообеспечительная деятельность свойственна не только прокурору, но и следователю (дознавателю), суду.

Следовательно, определяющим в вопросе выбора объема и содержания интересующего нас понятия (правообеспечительная деятельность) является использованный тем или иным автором исследовательский подход (предмет, метод, цель, задачи исследования). Если ученый намеревается изучать уголовно-процессуальную деятельность прокурора, оставаясь в рамках классических воззрений на его функции в уголовном судопроизводстве, то действия и решения прокурора, направленные на обеспечение прав участников уголовного судопроизводства, будут трактоваться им исключительно как составляющая основной деятельности (правообеспечительная деятельность – часть надзорной или деятельности по уголовному преследованию). При таком подходе за пределами внимания останутся некоторые полномочия прокурора, которые, при всем желании, сложно уложить в прокрустово ложе «классических» функций. Другой подход предполагает концентрацию внимания исследователя на действиях и решениях прокурора, которые обусловлены не его стремлением устранить нарушения закона или изобличить лицо в совершении преступления. В поле зрения ученого попадут в этом случае полномочия прокурора по созданию условий законности уголовного преследования, предотвращению возможных нарушений прав и свобод участников. Возможен и третий вариант, когда в предмет исследования включаются (условно говоря) правообеспечительный аспект надзорной деятельности прокурора и действия прокурора, не носящие надзорной направленности, но призванные обеспечить права и свободы участников процесса.

На наш взгляд, можно предложить следующее определение правообеспечительной функции прокурора в уголовном судопроизводстве: это обусловленное необходимостью реализации публичного интереса направление уголовно-процессуальной

деятельности прокурора, включающее в себя предусмотренные УПК РФ действия, имеющие целью создание возможности (условий) беспрепятственного осуществления, реализации невластными участниками уголовного процесса, а также лицами, не имеющими определенного процессуального статуса, но вовлекаемыми в уголовно-процессуальную деятельность, своих прав, свобод и законных интересов, предотвращение возможности их нарушения.

Наличие правообеспечительной функции в уголовно-процессуальной деятельности прокурора (прежде всего в досудебной части производства) следует признать объективно необходимым и обусловленным условием стоящей перед ним задачи по охране и обеспечению защиты прав и законных интересов всех лиц и организаций, оказавшихся в том или ином процессуальном качестве в сфере уголовного судопроизводства. Потребность в осуществлении указанной деятельности возникает, поскольку (воспользуемся приведенной ранее конструкцией условий правообеспечительной деятельности прокурора, разработанной О. В. Ворониным):

- невластные участники уголовного судопроизводства находятся в зависимом и неравном положении по отношению к органам следствия и дознания (которые, в свою очередь, поднадзорны прокурору), и суду;

- органы следствия и дознания, а также суд обладают правовыми возможностями по существенному ограничению правового положения невластных участников, реализация прав которых зависит от решения указанных властных субъектов;

- некоторые категории невластных участников уголовного судопроизводства требуют повышенного внимания, для них предусмотрены дополнительные процессуальные гарантии (несовершеннолетние, лица, страдающие психическим расстройством, не владеющие языком уголовного судопроизводства и др.);

- существующий судебный порядок охраны или защиты правового положения невластных участников уголовного судопроизводства требует в ряде случаев инициативы со стороны названных участников (обращение с жалобой), что может вызывать определенные затруднения.

Особенностью правообеспечительной деятельности прокурора в отличие от правообеспечения, осуществляемого следователем (и судом), является то, что прокурор такую деятельность выполняет, как правило, опосредованно (дело не находится в его производстве).

В рамках действующего УПК РФ правообеспечительная функция прокурора так или иначе находит свое выражение в следующих его полномочиях:

- участие в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства жалоб в порядке, установленном ст. 125 УПК;

- рассмотрение жалоб участников уголовного судопроизводства (ст. 124 УПК);

- участие в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства вопросов, ка-

сающихся мер пресечения, а также при рассмотрении ходатайств о производстве иных процессуальных действий (п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК);

– реализация полномочий, связанных с последствиями принятия по делу реабилитирующих решений (ч. 1 и 4 ст. 136 УПК);

– разъяснение подозреваемому или обвиняемому правовых последствий заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 2.1 ст. 317.3 УПК РФ);

– уведомление заинтересованных лиц об утверждении обвинительного заключения и направлении уголовного дела в суд и разъяснение им права заявлять ходатайство о проведении предварительного слушания, вручение обвиняемому, а также его защитнику и потерпевшему (при наличии соответствующего ходатайства) копии обвинительного заключения (акта, постановления) с приложениями (ч. 1 и 2 ст. 222, ч. 3 ст. 226, ч. 3 ст. 226.8 УПК РФ).

Приведенный перечень не является исчерпывающим. Его можно (и нужно) дополнить, например, уже упомянутыми полномочиями прокурора общего характера, не конкретизированными законодателем. Сюда же нужно отнести полномочия, предусмотренные ч. 1, 2, 3 ст. 11, ч. 2 ст. 16 УПК РФ.

Рассматривая то или иное полномочие прокурора с определенного ракурса, можно выделить в некоторых из них отчетливую правообеспечительную составляющую. Например, С. Б. Россинский, анализируя значение обвинительного заключения, приходит к выводу, что оно является правоприменительным актом, играющим важную правообеспечительную роль, поскольку позволяет невластным участникам уголовного судопроизводства распознать позицию обвинения и оценить состоятельность предмета предстоящего судебного спора. Обвинительное заключение, по мнению данного автора, способствует обеспечению права обвиняемого на защиту, а прочим заинтересованным лицам – права на доступ правосудию [17]. Если встать на сторону С. Б. Россинского, то утверждение прокурором итогового документа предварительного расследования также следует признать элементом правообеспечительной деятельности.

Следует также заметить, что правообеспечительная деятельность суда и правообеспечительная деятельность прокурора в определенной степени взаимосвязаны, они переплетаются. Такая оценка видится справедливой, в том числе и для досудебного производства, когда осуществляется судебный контроль. Е. Н. Гринюк справедливо отмечает, что прокурор при рассмотрении судом ходатайств по вопросам, связанным с мерами пресечения, должен стремиться обеспечить принятие законного решения судьей и не допустить применения строгой меры пресечения по уголовным делам, где достижение назначения судопроизводства возможно и без ограничения свободы подозреваемого. Тем самым подчеркивается правообеспечительная направленность деятельности прокурора [16]. Данное замечание можно распространить на участие прокурора в судебных заседаниях при рассмотрении иных ходатайств следователей

(дознателей) и при рассмотрении жалоб участников уголовного судопроизводства.

В завершение имеет смысл очертить перспективы расширения правового регулирования исследуемой деятельности прокурора. На наш взгляд, прокурору следует предоставить право участия в следственных действиях, право рассматривать ходатайства участников уголовного судопроизводства и высказывать свое мнение по изложенным в таких ходатайствах просьбам, а также право давать следователю обязательные для исполнения письменные указания. Предоставление перечисленных прав значительно «приблизит» прокурора к процессу расследования, позволит ему заблаговременно предотвращать возможные нарушения закона. В частности, право участия прокурора в следственных действиях с участием некоторых категорий лиц (несовершеннолетние, лица, страдающие психическим расстройством, не владеющие языком уголовного судопроизводства и др.) станет дополнительной весомой гарантией недопущения нарушения прав этих участников. Деятельность такого рода исторически присуща российской прокуратуре. Свод законов Российской империи, например, предусматривал, что чины прокурорского надзора для «доставления обвиняемому законной защиты» обязательно присутствуют при допросе глухонемых или не знающих языка обвиняемых» [18, с. 352].

Библиографический список

1. Францифоров Ю. В., Аширбекова М. Т., Быков В. М., Дикарев И. С. [и др.]. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина при производстве следственных действий / под ред. Н. С. Мановой // Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства: монография. М.: Проспект, 2017. 192 с.
2. Авдеев Д. А. Правовой механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. 239 с.
3. Безруков С. С. Принципы уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 58 с.
4. Якубович Н. А. Избранные труды / [сост. Е. В. Быкова, В. С. Выскуб, А. И. Халиуллин; вступит. ст. Е. В. Быкова]; М.: ун-т прокуратуры РФ, 2020. 320 с.
5. Элькинд П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М.: Юридическая литература, 1967. 192 с.
6. Дикарев И. С. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина в структуре публичного уголовного преследования // Правоведение. 2006. № 3. С. 108–120.
7. Мельников В. Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства. М.: ИД «Юриспруденция», 2006. 592 с.
8. Азаров В. А., Ревенко Н. И., Кузембаева М. М. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. 2-е изд. Омск: изд-во Омского гос. ун-та, 2008. 560 с.

9. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Волгоград, 1997. 220 с.

10. Гладышева О. В. Компетенция следователя по обеспечению законных интересов личности в досудебном производстве // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 122–132.

11. Науменко О. А. Обеспечение прав личности при производстве дознания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 24 с.

12. Асанов Р. Ш. Обеспечение прав личности как функция следователя в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Симферополь, 2021. 34 с.

13. Воронин О. В. О правообеспечительной и правозащитной деятельности отечественной прокуратуры // Уголовная юстиция. 2015. № 1. С. 90–93.

14. Борозенец Н. Н. Правообеспечительная деятельность прокурора в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 29 с.

15. Гринюк Е. Н. Роль прокурора в обеспечении прав участников уголовного процесса на досудебных стадиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. 24 с.

16. Гринюк Е. Н. Функциональная направленность деятельности прокурора на стадии предварительного расследования: вопросы теории и нормативного регулирования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 1. С. 84–98.

17. Россинский С. Б. Обвинительное заключение: мнимые и подлинные процессуальные смыслы // Российский следователь. 2023. № 10. С. 10–14.

18. Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности // Пособие для прокурорской службы. Прокуратура на Западе и в России. М., 1889. Т. 1. 552 с.

References

1. Franciforov Yu. V., Ashirbekova M. T., Bykov V. M., Dikarev I. S. [et al.]. Ensuring human and civil rights and freedoms during investigative actions / ed. by N. S. Manova // Actual problems of ensuring the rights of participants in criminal proceedings: monograph. M.: Prospect, 2017. 192 p.

2. Avdeev D. A. Legal mechanism for ensuring human and civil rights and freedoms in the constituent entities of the Russian Federation: dis. ... cand. jurid. sciences. Tyumen, 2004. 239 p.

3. Bezrukov S. S. Principles of criminal process: author's review: dis. ... dr. jurid. sciences. M., 2016. 58 p.

4. Yakubovich N. A. Selected works / [comp. E. V. Bykova, V. S. Vyskub, A. I. Khaliullin; will enter. Art. E. V. Bykova]; Un-t of the prosecutor's office Rus. Federations. M., 2020. 320 p.

5. Elkind P. S. Interpretation and application of the rules of criminal procedure. M.: Legal literature, 1967. 192 p.

6. Dikarev I. S. Recognition, observance and protection of human and civil rights and freedoms in the structure of public criminal prosecution // Jurisprudence. 2006. No. 3. Pp. 108–120.

7. Melnikov V. Yu. Ensuring the rights of citizens during pre-trial proceedings. M.: Publishing House «Jurisprudence», 2006. 592 p.

8. Azarov V. A., Revenko N. I., Kuzembaeva M. M. Function of the preliminary investigation in the history, theory and practice of the criminal process of Russia: monograph. 2nd ed. Omsk: Publishing House Omsk state university, 2008. 560 p.

9. Shadrin V. S. Securing individual rights in crime investigations. Volgograd, 1997. 220 p.

10. Gladysheva O. V. Competence of the investigator to ensure the legitimate interests of the individual in pre-trial proceedings // Russian Legal Journal. 2012. No. 6. Pp. 122–132.

11. Naumenko O. A. Ensuring the rights of the individual in the course of inquiry: author's review. dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2014. 24 p.

12. Asanov R. Sh. Ensuring the rights of the individual as a function of an investigator in criminal proceedings: author. dis. ... cand. jurid. sciences. Simferopol, 2021. 34 p.

13. Voronin O. V. On the legal support and human rights activities of the domestic prosecutor's office // Criminal justice. 2015. No. 1. Pp. 90–93.

14. Borozenets N. N. The legal activity of the prosecutor is at the stage of initiating a criminal case: author. dis. ... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2016. 29 p.

15. Grinyuk E. N. The role of the prosecutor in ensuring the rights of participants in the criminal process at the pre-trial stages: author. dis. ... cand. jurid. sciences. Volgograd, 2018. 24 p.

16. Grinyuk E. N. Functional orientation of the prosecutor's activities at the stage of preliminary investigation: issues of theory and regulatory regulation // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 1. Pp. 84–98.

17. Rossinsky S. B. Indictment: imaginary and genuine procedural meanings // Russian investigator. 2023. No. 10. Pp. 10–14.

18. Muravyov N. V. Prosecutorial supervision in its structure and activities // Benefit for the prosecutor's service. Prosecutors in the West and Russia. M., 1889. Vol. 1. 552 p.

Информация об авторе

Спирин Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Spirin Alexander V. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; одобрена после рецензирования 17.01.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 10.09.2024; approved after reviewing 17.01.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Взаимодействие органов внутренних дел в ходе борьбы с преступлениями экстремистской и террористической направленности

Титов Павел Михайлович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, titov1995@ya.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы взаимодействия органов внутренних дел как субъекта, наделенного правом проведения оперативно-розыскной деятельности, с другими субъектами, осуществляемого в ходе борьбы с преступлениями экстремистской и террористической направленности. На основе изучения нормативной базы взаимодействие в рассматриваемой сфере анализируется с применением общенаучных и частнонаучных методов, которые в совокупности позволяют комплексно подойти к рассматриваемым проблемам. Автором с учетом всестороннего рассмотрения, изучения и сравнения научных точек зрения и нормативных правовых актов открытого содержания предлагаются направления совершенствования взаимодействия органов внутренних дел с иными правоохранительными органами в ходе борьбы с преступлениями экстремистской и террористической направленности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная наука, оперативно-розыскная деятельность, правоохранительные органы, органы внутренних дел, оперативные подразделения, взаимодействие, экстремизм, терроризм

Для цитирования: Титов П. М. Взаимодействие органов внутренних дел в ходе борьбы с преступлениями экстремистской и террористической направленности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 156–160.

Original article

Interaction of law enforcement agencies in the fight against extremist and terrorist crimes

Titov Pavel M.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, titov1995@ya.ru

Abstract. The article examines the issues of interaction of internal affairs bodies as a subject authorized to conduct operational investigative activities with other subjects carried out in the course of combating extremist and terrorist crimes. Based on the study of the regulatory framework, interaction in the field under consideration is analyzed using general scientific and private scientific methods, which together allow a comprehensive approach to the problems under consideration. The author, taking into account a comprehensive review, study and comparison of scientific points of view and regulatory legal acts of open content, suggests ways to improve the interaction of law enforcement agencies with other law enforcement agencies in the fight against extremist and terrorist crimes.

Keywords: operational investigative science, operational investigative activities, law enforcement agencies, internal affairs agencies, operational units, interaction, extremism, terrorism

For citation: Titov P. M. Interaction of law enforcement agencies in the fight against extremist and terrorist crimes // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 156–160.

На сегодняшний день угрозы безопасности обществу и государству, исходящие изнутри, приобретают характер, сопоставимый по масштабам с внешними выпадами. Преступления экстремистской и террористической направленности являются серьезными вызовами безопасности миру в целом и каждому

государству в отдельности, на что нами обращалось внимание ранее [1, с. 93].

Перед государственными органами остро стоит задача обеспечения законности, искоренения преступности и нарушений порядка, а конечной целью

является устранение всех причин, порождающих совершение противоправных деяний. В решении этой задачи важное место занимают органы внутренних дел, на которые возложены обязанности по обеспечению охраны общественного порядка, предприятий, учреждений, а также граждан и государства от преступных посягательств и иных противоправных действий. Среди прочего важнейшей задачей выступают предупреждение и пресечение преступлений и иных действий экстремистской и террористической направленности.

Из этого следует, что наряду с активной предупредительно-профилактической работой большое значение в деятельности правоохранительных органов придается обеспечению неотвратимости наказания за совершение противоправных деяний. Основное в данном вопросе – это быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения норм закона. Несмотря на принятые меры в области борьбы с преступлениями экстремистской и террористической направленности, в Российской Федерации сохраняется высокий уровень преступности в данной сфере, на что справедливо обращает внимание С. В. Владимиров [2, с. 147–148].

Ежегодно органами внутренних дел реализуется комплекс мероприятий по противодействию экстремистским и террористическим проявлениям, которые остаются первостепенной угрозой национальной безопасности, фактором дестабилизации общественно-политической ситуации.

В данной сфере действует ряд основополагающих документов: Федеральный закон «О противодействии терроризму»¹, Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»², Указ Президента Российской Федерации «О мерах по противодействию терроризму»³. Эти нормативные правовые акты были разработаны и приняты после масштабных террористических проявлений 2002 г. и 2004 г. Также разработаны документы, регламентирующие работу по предупреждению и пресечению деятельности экстремистской и террористической направленности: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации⁴, Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.⁵,

¹ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.12.2024).

² Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.12.2024).

³ Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.12.2024).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.12.2024).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 «О Стратегии противодействия экстремизму в Рос-

Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 гг.⁶, Межведомственный комплексный план мероприятий по противодействию финансированию терроризма и экстремизма на 2022–2024 гг.⁷, План межведомственных мероприятий по профилактике радикального поведения молодежи на 2022–2024 гг.⁸

Сегодня ведется большая совместная работа органов внутренних дел с Роскомнадзором, Генеральной прокуратурой Российской Федерации и общественными организациями по мониторингу сети Интернет с целью выявления ресурсов, распространяющих противоправные материалы, направленные на дестабилизацию российского общества в условиях проведения специальной военной операции, в том числе содержащих недостоверную информацию, дискредитирующую действия Вооруженных Сил России, а также призывы к «антивоенным» протестным акциям. Все это приводит к желаемым результатам в области противодействия противоправной и дестабилизирующей деятельности.

В результате взаимодействия органов внутренних дел с органами прокуратуры, Следственного комитета Российской Федерации и ФСБ России за последний год в Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете их деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности»⁹, внесено 3 организации. Кроме того, только в 2023 г. Верховным Судом Российской Федерации признаны террористическими 4 организации, в 2024 г. – 11, при этом всего решениями судов запрещена деятельность 117 экстремистских¹⁰ и 61 террористических организаций¹¹.

сийской Федерации до 2025 г.». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.12.2024).

⁶ Комплексный плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 гг., утвержденный Президентом Российской Федерации 28 декабря 2018 г. № Пр-2665. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.12.2024).

⁷ Межведомственный комплексный план мероприятий по противодействию финансированию терроризма и экстремизма на 2022–2024 гг., утвержденный на заседании Национального антитеррористического комитета 14 декабря 2021 г.

⁸ План межведомственных мероприятий по профилактике радикального поведения молодежи на 2022–2024 гг., утвержденный Министром внутренних дел Российской Федерации 28 декабря 2021 г.

⁹ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.12.2024).

¹⁰ Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822> (дата обращения: 20.12.2024).

¹¹ Федеральная служба безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 18.12.2024).

Согласно данным судебной статистики в 2023 г. по ст. 205 УК РФ¹ было рассмотрено 73 уголовных дела, по ст. 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206 УК РФ – 649 уголовных дел, ст. 207 УК РФ – 937 уголовных дел. Данные составы относятся к террористическим. По преступлениям экстремистской направленности (ст. 280, 282, 282-1, 282-2 УК РФ) было рассмотрено 568 уголовных дел².

Несмотря на то, что с каждым годом количество раскрытых преступлений увеличивается, часть таких деяний остается нераскрытыми.

Одной из причин, рассмотренной нами в данной статье, является недостаточный уровень взаимодействия правоохранительных органов, занимающихся борьбой с преступлениями указанной направленности с иными правоохранительными органами и силовыми структурами, который не всегда соответствует остроте складывающейся оперативной обстановки. В настоящее время можно говорить о необходимости совершенствования механизма взаимодействия между оперативными подразделениями различных ведомств.

Например, оперативные подразделения ФСБ России используют свои источники информации, имеют специфические подходы в работе с иностранцами, гражданами, выезжающими за рубеж, с лицами, принадлежащими к тому или иному политическому движению, в том числе экстремистской, террористической направленности, с военнослужащими дальнего и ближнего зарубежья [3, с. 379].

Органы внутренних дел как субъекты оперативно-розыскной деятельности (ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности») (далее – ФЗ «Об ОРД»)³ выполняют большой объем задач, предусмотренных различными нормативными правовыми актами, в том числе ст. 2 указанного закона. Согласно Приказу МВД России от 31 марта 2023 г. № 199⁴ сотрудники 12 оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации правомочны осуществлять оперативно-розыскную деятельность по многим направлениям служебной деятельности, тем самым они занимают серьезные оперативные позиции в преступной среде, в том числе в этнических преступных группировках.

Оперативные подразделения по противодействию экстремизму создавались специально для борьбы с преступлениями экстремистской и террористической направленности. Они могут осуществлять оперативно-розыскную деятельность в полном

объеме, установленном ФЗ «Об ОРД». В подразделениях по противодействию экстремизму имеются свои наработки в виде нормативных документов, методических рекомендаций и т. п. по осуществлению взаимодействия с иными правоохранительными органами. Именно органы внутренних дел находятся «на передовой» и первыми получают информацию о преступлениях, в том числе о действиях экстремистского или террористического характера (об этом ранее неоднократно упоминалось в научных работах А. И. Бастрыкиным [4], В. В. Меркурьевой [5], В. П. Ревиним [6], С. Н. Мешалкиным [7; 8], В. Н. Маскаленко [9] и др.).

Говоря о взаимодействии оперативных подразделений органов внутренних дел с другими субъектами оперативно-розыскной деятельности, можно выделить организационное, методическое и тактическое взаимодействие.

Организационное включает в себя создание и использование нормативной правовой базы, в том числе совместной с другими субъектами взаимодействия.

Методическое взаимодействие заключается в разработке и внедрении различного рода материалов, помогающих субъектам организовать и выполнить работу в сфере борьбы с преступлениями экстремистской и террористической направленности.

Тактическое взаимодействие направлено на планирование, организацию и проведение совместных оперативно-розыскных мероприятий с целью выявления и документирования противоправных (преступных) деяний, относящихся к компетенции нескольких субъектов оперативно-розыскной деятельности.

Эффективная работа в рассматриваемом направлении возможна только при условии осуществления оперативными подразделениями органов внутренних дел деятельности в пределах своих полномочий, но при обязательном взаимодействии с оперативными подразделениями других правоохранительных органов, и в первую очередь ФСБ России.

ФСБ России отводится главенствующая роль в борьбе с преступлениями экстремистской и террористической направленности. На основании ст. 8 Федерального закона «О Федеральной службе безопасности»⁵ борьба с терроризмом является одним из основных направлений деятельности данных органов. Согласно ст. 12 данного Закона сотрудники ФСБ России обязаны выявлять, предупреждать, пресекать, расследовать и раскрывать готовящиеся, совершающиеся и совершенные террористические акты, а также добывать информацию о событиях или действиях, создающих угрозу терроризма.

Главенствующая роль ФСБ России в вопросе взаимодействия в борьбе с преступлениями экстремистского и террористического характера заключается в том, что именно ее уполномоченные лица наделены

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.12.2024).

² Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 10.12.2024).

³ Федеральный закон от 12 сентября 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.12.2024).

⁴ Приказ МВД России от 31 марта 2023 г. № 199. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.12.2024).

⁵ Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.12.2024).

правом принятия решений о вводе и проведении контртеррористических операций. Для оказания содействия подразделения ФСБ России привлекают органы внутренних дел (не ограничиваясь оперативным блоком), Вооруженные Силы Российской Федерации, Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации и другие правоохранительные структуры. Это указывает на взаимодействие всех правоохранительных органов и военной системы нашего государства.

Взаимодействие оперативных подразделений органов внутренних дел и ФСБ России реализуется в нескольких направлениях. В первую очередь, вырабатывается система совместных оперативно-розыскных действий по предотвращению экстремистских (радикальных) или террористических проявлений как внутри страны, так и исходящих извне.

Взаимодействие органов внутренних дел со Службой внешней разведки Российской Федерации направлено на противодействие деструктивной деятельности ряда стран, иностранных или международных неправительственных организаций, включая инспирирование «цветных революций», а также на противодействие внутри Российской Федерации функционированию международных экстремистских и террористических организаций.

Во взаимодействии органов внутренних дел с Федеральным органом исполнительной власти в области государственной охраны необходимо обратить внимание на совместную организацию деятельности по выполнению задач, предусмотренных нормативными правовыми документами и межведомственными приказами по взаимодействию, например, по обеспечению защиты потенциальных объектов террористических посягательств.

Взаимодействие оперативных подразделений органов внутренних дел с оперативными подразделениями таможенных органов Российской Федерации нацелено на получение путем проведения оперативно-розыскного мероприятия «Контролируемая поставка» оперативной значимой информации о предметах, веществах и т. д., которые могут быть звеном в осуществлении противоправной деятельности, в том числе экстремистской или террористической.

Взаимодействие с оперативными подразделениями Федеральной службы исполнения наказания (далее – ФСИН России) является важнейшим направлением деятельности органов внутренних дел. Лица, отбывающие наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, образуют новые взаимоотношения, у них появляются новые связи, они могут попасть под влияние различных группировок, течений. После освобождения их этих учреждений, осужденные не теряют приобретенные связи, а значит, у подразделений органов внутренних дел, в том числе по контролю за такими лицами (административному и оперативному) появляются новые оперативные интересы. Задачи оперативно-розыскной деятельности для оперативных подразделений ФСИН России закреп-

лены в ч. 1 ст. 84 УИК РФ¹. Помимо этого, перед данными подразделениями стоят задачи по предупреждению, выявлению, пресечению всех видов и форм экстремистской и террористической деятельности в исправительных учреждениях.

Взаимодействие всех правоохранительных органов осуществляется с использованием одних и тех же сил, средств и методов. При этом каждый субъект взаимодействия издает внутренние нормативные документы, в том числе по вопросам организации и тактики осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Совместное использование возможностей оперативно-розыскных, оперативно-технических, оперативно-розыскных подразделений органов внутренних дел и других субъектов оперативно-розыскной деятельности, позволит:

- 1) повысить осведомленность о преступной деятельности;
- 2) установить лидеров и участников преступной деятельности;
- 3) оперативно выявлять связи указанных лиц;
- 4) своевременно отслеживать перемещение лиц, грузов и т. д. в стране и за ее пределами;
- 5) укрепить оперативные позиции там, где они имеются, и создать их там, где это необходимо;
- 6) успешно проводить проверки по делам, ведущимся в оперативных подразделениях;
- 7) усовершенствовать механизм, регламентирующий процедуру и документальное оформление информирования других органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность на территории Российской Федерации, о ставших им известных фактах противоправной деятельности, относящихся к компетенции этих органов;
- 8) оптимизировать нормативную правовую базу, что позволит создать правовые предпосылки для улучшения взаимодействия на всех уровнях.

Библиографический список

1. Титов П. М. Оперативно-розыскная характеристика преступлений против мира и человечества // Главный процесс человечества. Нюрнбергский набат: сборник науч. статей Всероссийской науч. конференции с международ. участием, СПб, 22 ноября 2022 г. / под ред. Ю. А. Евстратовой. СПб: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2023. С. 93–96.
2. Владимиров С. В. Основные направления деятельности правоохранительных органов в области борьбы с преступлениями экстремистской и террористической направленности // Современное общество, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. С. 147–156.
3. Основы борьбы с организованной преступностью: монография / под ред. В. С. Овчинского, В. Е. Эминова, Н. П. Яблокова. М.: Инфа-М, 1996. 400 с.

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.12.2024).

4. Бастрыкин А. И. Современные способы противодействия терроризму и экстремизму // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6 (127). С. 167–170.

5. Меркурьев В. В. Состояние, тенденции организованной преступности и правовая основа борьбы с ней // Противодействие терроризму. Проблемы XXI в. COUNTER-TERRORISM. 2013. № 3. С. 21–27.

6. Ревин В. П. Совершенствование международного сотрудничества в борьбе с терроризмом // Противодействие терроризму. Проблемы XXI в. COUNTER-TERRORISM. 2019. № 1. С. 27–31.

7. Мешалкин С. Н. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел в рамках положений Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2020. № 4 (56). С. 69–73.

8. Мешалкин С. Н. Перспективные направления научного обеспечения правоохранительного процесса противодействия современным террористическим угрозам (оперативно-розыскной, криминологический и уголовно-правовой аспекты) // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2024. № 4 (72). С. 15–19.

9. Москаленко В. Н. Взаимодействие экспертных подразделений с оперативными подразделениями по противодействию экстремизму и терроризму // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной Всероссийской науч.-практич. конференции, СПб, 18–19 мая 2021 г. СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. Т. 2. С. 216–224.

References

1. Titov P. M. Operational and investigative characteristics of crimes against peace and humanity // The main process of humanity. Nuremberg Alarm Clock: Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific Conference with International Participation, SPb, November 22, 2022 / ed. by Yu. A. Evstratova. SPb: Epicenter Limited Liability Company. 2023. Pp. 93–96.

2. Vladimirov S. V. The main activities of law enforcement agencies in the field of combating crimes of extremist and terrorist orientation // Modern society, science and education: current issues, achievements and innovations. Penza: Science and Education (IP Gulyaev G. Yu.), 2023. Pp. 147–156.

3. Fundamentals of the fight against organized crime: monograph / ed. by V. S. Ovchinsky, V. E. Eminov, N. P. Yablokov. M.: Infa-M, 1996. 400 p.

4. Bastrykin A. I. Modern ways of countering terrorism and extremism // Actual problems of Russian law. 2021. Vol. 16. No. 6 (127). Pp. 167–170.

5. Merkuriev V. V. The state, trends of organized crime and the legal basis for combating it // Countering terrorism. Problems of the XXI century. COUNTER-TERRORISM. 2013. No. 3. Pp. 21–27.

6. Revin V. P. Improving international cooperation in the fight against terrorism // Countering terrorism.

Problems of the XXI century. COUNTER-TERRORISM. 2019. No. 1. Pp. 27–31.

7. Meshalkin S. N. Operational investigative activities of internal affairs bodies within the framework of the provisions of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025 // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2020. No. 4 (56). Pp. 69–73.

8. Meshalkin S. N. Promising areas of scientific support for the law enforcement process of countering modern terrorist threats (operational-investigative, criminological and criminal-legal aspects) // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2024. № 4 (72). Pp. 15–19.

9. Moskalenko V. N. Interaction of expert units with operational units for countering extremism and terrorism // Criminal law: yesterday, today, tomorrow: proceedings of the annual All-Russian scientific and Practical conference, SPb, May 18-19, 2021. SPb: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. Vol. 2. Pp. 216–224.

Информация об авторе

Титов Павел Михайлович – кандидат юридических наук

Information about the author

Titov Pavel M. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 20.12.2024; одобрена после рецензирования 03.02.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 20.12.2024; approved after reviewing 03.02.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Научная статья
УДК 343.13

Этап окончания предварительного следствия

Фельк Алексей Александрович
Барнаулский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, faa986@mail.ru

Аннотация. В данной статье характеризуется этап окончания предварительного следствия. Определяется момент, когда целесообразно будет положить начало указанной стадии предварительного следствия. На основе анализа теоретических разработок и положений уголовно-процессуального законодательства предлагается авторская структура реализации этапа окончания предварительного следствия, который включает в себя как сугубо процессуальные, так и внепроцессуальные аспекты.

Ключевые слова: этап окончания предварительного следствия, сроки окончания предварительного следствия, уголовно-процессуальное законодательство

Для цитирования: Фельк А. А. Этап окончания предварительного следствия // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 161–166.

Original article

Stage of completion of the preliminary investigation

Felk Alexey A.
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, faa986@mail.ru

Abstract. This article characterizes the stage of completion of preliminary investigation. It determines the moment at which it would be appropriate to begin the specified stage of preliminary investigation. Based on the analysis of theoretical developments and provisions of criminal procedure legislation, the author proposes a structure for implementing the stage of completion of preliminary investigation, which includes both purely procedural and non-procedural aspects.

Keywords: stage of completion of preliminary investigation, deadlines for completion of preliminary investigation, criminal procedure legislation

For citation: Felk A. A. Stage of completion of the preliminary investigation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 161–166.

Этап окончания предварительного следствия является одним из ключевых в уголовном процессе. Он подразумевает завершение активной фазы расследования, сбора и закрепления доказательств.

Примечательно, что в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует четкое определение понятия «окончание предварительного следствия». Однако этот термин неоднократно встречается в тексте УПК РФ.

При этом можно констатировать наличие терминологической неопределенности, выраженной в том, что законодатель, не давая четкого определения термину «окончание предварительного следствия», активно использует его при построении некоторых норм уголовно-процессуального законодательства. Такое положение дел приводит к возникновению определенных проблем как в сфере правоприменения, так и в области теоретических исследований. Отсутствие ясности в понимании данного определения создает

предпосылки для различных толкований и разногласий среди ученых-правоведов и практикующих юристов. Это, в свою очередь, может отрицательно сказываться на единстве правоприменительной практики и результативности расследования уголовных дел.

Для раскрытия понятия и сущности этапа окончания предварительного следствия приведем его основные формации.

Согласно позиции В. К. Боброва, завершение предварительного расследования возможно только после реализации следователем всего необходимого спектра следственных действий, что обеспечивает формирование максимально полной доказательной базы. Только при абсолютной убежденности в доказанности этих фактов следователь может считать предварительное следствие окончательным и приступить к его процессуальному оформлению [1, с. 33].

Таким образом, начальную стадию окончания предварительного следствия можно связать с моментом осознания лицом, проводившим расследование, достаточности собранных в его ходе доказательств для формирования окончательной позиции по уголовному делу. На основании этого осознания выбирается один из вариантов окончания расследования, предусмотренных нормами уголовно-процессуального права. Такой выбор базируется на внутреннем убеждении следователя, которое формируется в результате всесторонней и непредвзятой оценки всей имеющейся в материалах уголовного дела доказательственной базы.

Согласно мнению Э. С. Данильяна, внутреннее убеждение – это способность следователя принимать решения, основываясь на своем личном мнении, которое формируется в соответствии с законодательными требованиями и нравственными принципами. При этом во внимание должны приниматься ключевые характеристики доказательств. Закон и совесть являются двумя фундаментальными элементами, определяющими содержание и направленность внутреннего убеждения следователя. Закон устанавливает правовые рамки и критерии оценки доказательств, а совесть выступает нравственным ориентиром, обеспечивающим справедливость, беспристрастность и гуманность принимаемых решений. Гармоничное сочетание правовых норм и моральных установок следователя является залогом законности и обоснованности его выводов по уголовному делу [2, с. 78].

Вышеописанный этап, именуемый подготовительным, носит скорее технический, нежели уголовно-процессуальный характер. Представляется обоснованной точка зрения Н. В. Григорьевой, подчеркивающей отсутствие правовой регламентации самого процесса принятия решения о необходимости окончания предварительного следствия [3, с. 37]. Значит, указанный этап предстает как специфическая мыслительная деятельность следователя, охватывающая анализ и оценку собранных доказательств, установленных обстоятельств дела, и формирование внутреннего убеждения о возможных процессуальных решениях. Данный этап не подчинен строгой процессуальной форме и не связан с составлением процессуальных документов, что обусловлено его преимущественно аналитическим, умозрительным характером.

Последующий этап также связан с подготовительными действиями, однако его специфика состоит в том, что он предполагает подготовку к дальнейшей коммуникации с участниками уголовного процесса. Считается, что к этому моменту следователь, опираясь на личное убеждение, уже принял решение о необходимости окончания предварительного следствия.

В рассматриваемом контексте представляется актуальной точка зрения А. В. Миликовой, согласно которой особенность уголовного процесса в России состоит в том, что познавательное-удостоверительная деятельность, реализуемая в его границах, носит ярко выраженный коммуникативный характер и облекается в специфическую процессуальную форму [4, с. 505].

На данном этапе следователь обязан выбрать конкретных лиц с разными процессуальными статусами, которые будут задействованы в процедуре ознакомления с материалами уголовного дела. Если кто-либо из участников не обладает знанием языка уголовного судопроизводства, следователь должен обеспечить привлечение переводчика в соответствии с требованиями ст. 59 УПК РФ.

Заметим, что внимание к участникам уголовного процесса на этапе их отбора для ознакомления – это важный аспект в пределах рассматриваемой формы расследования. Недостаточный акцент на этом может привести к пересмотру дел, что подтверждается материалами правоприменительной практики.

Так, апелляционная инстанция отменила постановление, которым было отказано в удовлетворении ходатайства адвоката о предоставлении осужденной отсрочки от отбывания наказания. Причиной отмены стало нарушение права осужденной на защиту в связи с непредоставлением ей переводчика в суде первой инстанции, несмотря на недостаточное владение ею русским языком. Дело направлено на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе¹.

Следовательно, при подготовке к процедуре ознакомления участников с материалами уголовного дела следователь решает вопрос о целесообразности участия в ней переводчика и других лиц, присутствие которых продиктовано особенностями конкретного дела и процессуальным статусом участников. Своевременное и мотивированное привлечение указанных субъектов призвано обеспечить полноту и беспристрастность изучения материалов дела участниками процесса, реализацию их прав и законных интересов на финальной стадии расследования. Описанный этап уместно обозначить как определение круга участников, вовлечение которых необходимо на завершающей стадии расследования.

Следующим важным подготовительным шагом к ознакомлению участников с материалами уголовного дела является надлежащее оформление и систематизация последних. Как отметила И. Н. Гимазетдинова, в настоящее время существует пробел как в нормативно-правовом регулировании, так и в теоретических разработках, касающихся вопросов формирования и упорядочения материалов дела [5, с. 480]. Предположим, что подобное положение дел может привести к некорректному оформлению материалов дела, что затруднит процесс ознакомления участников с ними. Отсутствие четких правил и критериев их систематизации может привести к путанице, потере важных документов и, как следствие, нарушению прав участников процесса. В связи с этим представляется необходимым разработать и закрепить на законодательном уровне единые стандарты оформления и систематизации материалов уголовного дела.

Уведомление о завершении следственных мероприятий создает для участников процесса новые воз-

¹ Апелляционное постановление № 22-8844/2023 от 21 декабря 2023 г. по делу № 4/6-14/2023. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/JsxSgn73CQO/> (дата обращения 24.08.2024).

возможности для защиты ими своих прав. С этого момента они могут в полном объеме воспользоваться своим правом на ознакомление со всеми материалами дела, дать оценку полноте и всесторонности проведенного расследования, подать ходатайства о дополнении следствия, обжаловать действия и решения следователя и т. д. Кроме того, извещение об окончании следствия является важной предпосылкой для подготовки участников к предстоящему судебному заседанию. Зная, что дело будет передано в суд, они могут приступить к выработке своей позиции по делу, сбору и представлению дополнительных доказательств, заявлению ходатайств о вызове свидетелей, назначении экспертиз и т. д. [5, с. 35].

Таким образом, несмотря на свой, в некоторой степени формальный характер, этап уведомления участников о завершении следствия играет крайне важную роль в обеспечении их прав и законных интересов.

Ознакомительный этап играет существенную роль в рамках предварительного следствия.

Когда следователь приходит к выводу, что расследование уголовного дела окончено, все необходимые следственные действия проведены, а доказательная база является достаточной для составления обвинительного заключения и передачи дела прокурору, он извещает об этом обвиняемого. В ходе этого уведомления обвиняемому разъясняется его право на ознакомление со всеми материалами дела, которые будут направлены в суд. Информация о факте уведомления обвиняемого и разъяснения ему его прав фиксируется в отдельно составленном протоколе, который подписывается как самим следователем, так и обвиняемым. Указанный документ является подтверждением того, что обвиняемый был надлежащим образом проинформирован о завершении расследования и получил возможность реализовать свое право на ознакомление с материалами дела перед его передачей в суд [6, с. 134].

Можно утверждать, что протокол уведомления обвиняемого о завершении следственных действий и разъяснении ему права на ознакомление с делом представляет собой ключевой процессуальный документ, знаменующий начало этапа окончания предварительного следствия.

При этом указанная стадия зачастую сопровождается проблемами, итогом которых становится затягивание уголовного процесса, на что неоднократно обращали внимание современные исследователи. Материалы судебных дел свидетельствуют о том, что злоупотребление правом на ознакомление может проявляться в различных формах:

1. Неявка для ознакомления с материалами дела без уважительных причин даже при условии надлежащего уведомления.

2. Явка для ознакомления, но фактическое уклонение от этого процесса под различными предлогами (например, ссылка на плохое самочувствие, необходимость консультаций с другими лицами и т. п.).

3. Чрезмерно длительное и неоправданно подробное изучение материалов дела, не вызванное объективной необходимостью.

4. Многократное заявление ходатайств и жалоб, направленных на искусственное затягивание процесса ознакомления.

5. Создание конфликтных ситуаций с другими участниками процесса или должностными лицами, осуществляющими предварительное расследование, с целью срыва графика ознакомления.

Такие злоупотребления приводят к нарушению разумных сроков уголовного судопроизводства, неоправданному расходованию процессуальных ресурсов, созданию препятствий для доступа к правосудию других участников процесса. В связи с этим в правоприменительной практике возникает необходимость выработки механизмов противодействия явному затягиванию ознакомления с материалами дела.

Когда обвиняемый и его защитник ознакомились с материалами уголовного дела, наступает следующая стадия окончания предварительного следствия, в рамках которой допускается заявление ходатайств по результатам соответствующего ознакомления.

Как подчеркивает Н. В. Григорьева, уведомление облекается в процессуальную форму протокола и накладывает запрет на производство лицом, осуществляющим расследование, каких-либо дальнейших следственных действий. Однако следователь сохраняет право на их проведение в случае, если в ходе ознакомления с материалами дела от заинтересованной стороны поступит ходатайство, и следователь примет решение о его удовлетворении [7, с. 48].

Только после рассмотрения ходатайств на этапе окончания предварительного следствия происходит итоговое оформление материалов уголовного дела. В частности, следователем составляется обвинительное заключение, где излагает суть дела, анализирует доказательства, формулирует окончательное обвинение и определяет перечень материалов, подлежащих направлению прокурору.

Таким образом, можно предложить следующую поэтапную схему реализации окончания предварительного следствия:

1. Подготовительный этап. Следователь приходит к выводу о достаточности собранных доказательств для составления обвинительного заключения, начинает мероприятия по окончанию предварительного следствия. Он проверяет, все ли необходимые следственные действия выполнены, получены ли ответы на все запросы и поручения, приобщены ли к делу все значимые документы и материалы. Подобный порядок позволяет убедиться в полноте и всесторонности проведенного расследования.

2. Определение круга участников. Следователь определяет, кому из участников процесса должна быть предоставлена возможность ознакомления с материалами дела. В обязательном порядке данное право предоставляется обвиняемому и его защитнику. Соответствующие субъекты знакомятся с делом по своему ходатайству.

3. Подготовка материалов дела. Следователь формирует материалы дела в том объеме, в каком они будут направлены в суд с обвинительным заключе-

нием. Он систематизирует и подшивает документы в определенном логическом порядке, нумерует листы дела, составляет подробную опись, что облегчает последующую работу с делом в суде и позволяет быстро находить необходимые документы и сведения.

4. Уведомление участников. Следователь официально извещает заинтересованных лиц об окончании следствия и разъясняет им право на ознакомление с материалами дела. Уведомление оформляется протоколом, копия которого вручается каждому участнику под подпись. Благодаря этому фиксируется факт надлежащего информирования участников об их правах на данном этапе.

5. Ознакомление с делом. В назначенное время следователь предоставляет участникам возможность знакомиться с материалами дела в подшитом и пронумерованном виде, о чем составляется протокол с указанием даты, времени начала и окончания ознакомления. После чего у участников выясняется, будут ли они заявлять какие-либо ходатайства.

6. Заявление и разрешение ходатайств. Участники вправе заявить ходатайства о дополнении следствия, проведении тех или иных следственных действий, приобщении к делу дополнительных доказательств и т. д. Следователь рассматривает поступившие ходатайства и принимает по ним мотивированные решения. При удовлетворении ходатайства выполняются необходимые действия, а участники знакомятся с их результатами.

7. Окончательное формирование дела. После разрешения всех ходатайств следователь приводит дело в окончательный вид: подшивает новые материалы, корректирует опись, нумерацию листов и т. д. На этом этапе материалы дела приобретают заверченный вид перед направлением в суд.

8. Составление обвинительного заключения. Следователь составляет итоговый процессуальный документ – обвинительное заключение, в котором подробно излагает существо дела, анализирует собранные доказательства, формулирует окончательное обвинение. К обвинительному заключению прилагаются список лиц, подлежащих вызову в суд, различные справки (например, о мерах пресечения, о вещественных доказательствах и т. д.). Обвинительное заключение является важнейшим документом, подводящим итог всему расследованию.

9. Направление дела прокурору. После составления обвинительного заключения следователь согласует его с руководителем следственного органа, через которого направляет уголовное дело прокурору для утверждения и последующей передачи в суд.

Таким образом, окончание предварительного следствия представляет собой сложный, многоэтапный процесс, каждый этап которого имеет значение для обеспечения задач уголовного судопроизводства, защиты прав и законных интересов участников, создания необходимых условий для рассмотрения дела в суде. Только тщательное и неукоснительное соблюдение всех процессуальных требований на этапе окончания следствия является

залогом успешного разрешения дела по существу.

При этом необходимо учитывать, что приведенную схему нельзя назвать универсальной, т. е. удовлетворяющей потребностям расследования абсолютно всех уголовных дел. В каждом конкретном случае могут присутствовать определенные нюансы и особенности, обусловленные спецификой расследуемого преступления, количеством обвиняемых и других участников процесса, объемом и характером доказательственной базы и т. д. Кроме того, существенным аспектом выступают ситуации, когда объем доказательственной базы является недостаточным для составления обвинительного заключения и направления дела в суд. В подобных случаях следователю необходимо принимать решение о прекращении уголовного дела по одному из оснований, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством.

Тем не менее представленная поэтапная структура в целом отражает общую логику и последовательность действий следователя на заключительном этапе предварительного расследования. Она позволяет обеспечить надлежащую организацию его работы, своевременное выполнение всех необходимых процессуальных действий и принятие процессуальных решений.

При изучении этапа окончания предварительного следствия помимо процессуальных действий следует упомянуть и о внепроцессуальной деятельности следователя. Н. В. Григорьева отмечает, что такая деятельность включает в себя действия, которые напрямую не предусмотрены законодателем в связи с их малозначительностью для процесса расследования, но являются необходимыми и важными для надлежащего оформления результатов следствия. Одним из примеров такой внепроцессуальной деятельности является составление статистических карточек, в частности, формы 1.1, которая играет ключевую роль в формировании общей статистики по уголовным делам, поскольку в ней отражаются все результаты, полученные в ходе расследования конкретного дела [7, с. 49].

Можно констатировать, что деятельность, реализуемая в рамках окончания предварительного следствия, может носить как процессуальный, так и внепроцессуальный характер.

При этом как процессуальные, так и внепроцессуальные действия следователя на данном этапе подчинены общей цели – обеспечению качественного и эффективного завершения расследования.

Как уже говорилось ранее, процессуальная деятельность следователя на этапе окончания предварительного следствия регламентирована нормами УПК РФ и включает в себя такие действия, как ознакомление участников с материалами дела, разрешение их ходатайств, составление обвинительного заключения и т. д. эти действия напрямую влияют на реализацию прав участников процесса, законность и обоснованность итоговых решений по делу. Внепроцессуальная деятельность, хотя и не регулируется напрямую УПК РФ, также играет важную роль в обеспечении эффективности и упорядоченности следственной работы.

Составление статистических карточек, формирование дела для направления прокурору, систематизация и оформление документов – все это необходимые элементы, без которых невозможно качественное завершение расследования.

Более того, процессуальные и внепроцессуальные действия следователя на заключительном этапе расследования тесно взаимосвязаны и влияют друг на друга. Так, составление статистической карточки по делу невозможно без анализа всей совокупности доказательств, отраженных в процессуальных документах. В свою очередь качественное составление обвинительного заключения предполагает четкую систематизацию материалов дела, что относится к внепроцессуальной деятельности.

Примечательно, что уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает четких временных рамок, в которые должно укладываться окончание предварительного следствия.

По замечанию Н. Н. Алиевой, в научной литературе высказывается идея о целесообразности законодательного закрепления специального временного интервала между моментом предъявления обвинения и началом процедуры ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела. Этот период, который предлагается определить конкретным сроком – 4 дня, должен предоставить обвиняемому возможность реализовать свое право на заявление ходатайства об ознакомлении с материалами расследования [8, с. 153].

Установление такого «буферного» периода могло бы стать дополнительной гарантией права обвиняемого на защиту, обеспечить ему возможность активного участия в процессе доказывания, т. к. даст ему и его защитнику дополнительное время для осмысления предъявленного обвинения, выработки линии защиты, подготовки к процессу ознакомления с делом.

Однако при более детальном рассмотрении становится очевидным, что жесткая фиксация данного периода в законе может породить ряд проблем и не всегда будет отвечать интересам как обвиняемого, так и органов предварительного расследования.

Прежде всего, четырехдневный срок может оказаться явно недостаточным по сложным, многоэпизодным, объемным делам. В таких случаях обвиняемому и его защитнику потребуется гораздо больше времени для изучения обвинения, консультаций, выработки позиции и тактики защиты. Искусственное ограничение этого процесса четырьмя днями может существенно ущемить право обвиняемого на защиту, не позволить ему в полной мере подготовиться к ознакомлению с материалами дела и к последующему судебному разбирательству.

С другой стороны, по несложным, очевидным делам с небольшим объемом материалов четырехдневный интервал может оказаться избыточным. Если обвиняемый и его защитник не намерены заявлять по результатам ознакомления какие-либо ходатайства, то обязательное выделение дополнительных дней на подготовку к ознакомлению будет лишь неоправданно затягивать процесс, создавать ненужные паузы

в расследовании, что может негативно сказаться на соблюдении принципа разумного срока уголовного судопроизводства.

Кроме того, введение обязательного «буферного» периода может привести к излишней формализации и бюрократизации процедуры окончания следствия. Следователь будет вынужден всякий раз выделять эти четыре дня независимо от реальной необходимости и позиции сторон. Такой порядок может приводить к ситуациям, когда данный период будет формальным, не несущим реальной процессуальной нагрузки. Видится разумным, чтобы вопрос необходимости и продолжительности периода между предъявлением обвинения и ознакомлением с делом решался следователем в каждом случае индивидуально с учетом мнения сторон и конкретных обстоятельств расследования.

Учитывая специфику института досудебного производства, необходимо отметить, что цели, стоящие перед окончанием предварительного расследования, можно разделить на несколько категорий. Первая включает в себя цели, характерные для института предварительного расследования и для досудебного расследования, которое является более широким понятием, поскольку охватывает помимо прочего принятие решения о возбуждении уголовного дела. Однако применительно к рассматриваемому этапу, а именно к окончанию предварительного следствия, логично выделить лишь часть целей, присущих институту предварительного расследования. Основываясь на целях, стоящих перед досудебным расследованием, выделенных С. Б. Россинским, можно определить следующие из них:

1. Установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.
2. Привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление.
3. Создание условий и среды, гарантирующих соблюдение прав и законных интересов участников уголовного производства.
4. Формирование условий, позволяющих рассмотреть уголовное дело по существу в судебном заседании [9, с. 20].

Помимо указанных целей предварительного расследования, С. Б. Россинский предлагает также выделить факультативные, среди которых:

1. Выявление условий и причин, способствовавших совершению преступлений.
 2. Обнаружение признаков иных преступлений.
- Не умаляя значения всей совокупности целей, стоящих перед окончанием предварительного следствия, особого внимания заслуживает цель, связанная с самой сутью рассматриваемого этапа, а именно с анализом совокупности ранее полученных доказательств, объем которых является достаточным для вынесения того или иного решения следователя, основанного на его внутреннем убеждении.

Таким образом, цели окончания предварительного следствия образуют сложный комплекс, в котором общие цели предварительного расследования сочетаются со специфической целью оценки дока-

зательств и формирования внутреннего убеждения следователя. Это обусловлено особым местом данного этапа в системе досудебного производства, его ролью связующего звена между расследованием и судебным разбирательством.

В заключение можно сделать вывод, что этап окончания предварительного следствия представляет собой сложное, многоаспектное явление, играющее крайне важную роль в системе уголовного судопроизводства. Значимость данного этапа обусловлена его местом и функциями в механизме досудебного производства, а также спецификой целей и задач, решаемых на данной стадии расследования. Окончание предварительного следствия знаменует собой завершение активной фазы расследования, подведение итогов проделанной следователем работы по сборанию, проверке и оценке доказательств. Именно на этом этапе следователь должен критически осмыслить всю совокупность собранных материалов, определить их достаточность для принятия итогового решения по делу. При этом ключевой особенностью данного этапа является его переходный характер, роль связующего звена между основным этапом следствия и предстоящим судебным разбирательством.

Можно сказать, что окончание предварительного следствия – не формальность, а ответственный и содержательный этап, влияющий на дальнейшую судьбу дела. Только соблюдение всех требований, анализ доказательств и обеспечение прав участников на этом этапе создают основу для успешного разрешения дела судом. В этом проявляется важнейшая роль данного этапа в системе уголовного судопроизводства и в реализации его назначения.

Библиографический список

1. Бобров В. К. Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства при окончании предварительного следствия с обвинительным заключением // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 32–39.
2. Данильян Э. С. Внутреннее убеждение при оценке следственных ситуаций // Общество и право. 2022. № 2 (80). С. 78.
3. Григорьева, Н. В. Жамкова О. Е., Угольникова Н. В. Научный взгляд на понятие окончания предварительного следствия // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 36–39.
4. Миликова А. В. Процессуальное оформление решений следователя // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: материалы X Международ. науч.-практич. конференции. Тамбов, 2021. С. 499–507.
5. Гимазетдинова И. Н. К вопросу о правилах оформления уголовного дела // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: сборник научных трудов Международ. науч.-практич. конференции. М., 2022. С. 480–484.
6. Каркошко Ю. С. Об ознакомлении с материалами уголовного дела // Человек. Социум. Общество. 2024.

№ 3. С. 134–137.

7. Григорьева Н. В., Костина Е. А. Содержание уголовно-процессуальной деятельности следователя на этапе окончания предварительного следствия // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник научных статей. Орел, 2023. С. 47–51.

8. Алиева Н. Н. Ознакомление с материалами уголовного дела как гарантия защиты прав обвиняемого // Правовая парадигма. 2020. № 4. С. 151–155.

9. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств: монография. М.: Норма, 2021. 408 с.

References

1. Bobrov V. K. Ensuring the rights of participants in criminal proceedings at the end of the preliminary investigation with an indictment // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3. Pp. 32–39.
2. Danilyan E. S. Inner conviction in assessing investigative situations // Society and Law. 2022. No. 2 (80). P. 78.
3. Grigorieva, N. V. Zhamkova O. E., Ugolnikova N. V. A scientific view on the concept of the end of the preliminary investigation // Bulletin of Economic Security. 2024. No. 2. Pp. 36–39.
4. Milikova A. V. Procedural registration of investigator's decisions // Actual problems of criminal law, criminology, criminal procedure and penal enforcement law: theory and practice: proceedings of the X International scientific and practical conferences. Tambov, 2021. Pp. 499–507.
5. Gimazetdinova I. N. On the issue of the rules of registration of a criminal case // Criminal proceedings: current state and development strategy: collection of scientific papers of the International Court of Justice. scientific and practical conferences. M., 2022. Pp. 480–484.
6. Karkoshko Yu. S. On familiarization with the materials of the criminal case // Man. The society. Society. 2024. No. 3. Pp. 134–137.
7. Grigorieva N. V., Kostina E. A. The content of the criminal procedural activity of the investigator at the stage of completion of the preliminary investigation // Criminal procedural and criminalistic problems of combating crime: collection of scientific articles. Orel, 2023. Pp. 47–51.
8. Alieva N. N. Familiarization with the materials of the criminal case as a guarantee of protection of the rights of the accused // Legal paradigm. 2020. No. 4. Pp. 151–155.
9. Rossinsky S. B. Pre-trial proceedings in a criminal case: the essence and methods of collecting evidence: a monograph. M.: Norm, 2021. 408 p.

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 06.11.2024; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 03.09.2024; approved after reviewing 06.11.2024; accepted for publication 18.03.2025.

Тактико-криминалистические аспекты проведения отдельных следственных действий при расследовании насильственных преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних

Щербаков Игорь Олегович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, technikk@list.ru

Аннотация. В Российской Федерации расследование уголовных дел, связанных с участием несовершеннолетних, занимает одно из ключевых мест, поскольку детство находится под особой государственной защитой в соответствии с ч. 1 ст. 38 Конституции РФ. Согласно данной статье все органы государственной власти, органы местного самоуправления и правоохранительные органы обязаны обеспечить нормальную жизнедеятельность несовершеннолетних во всех сферах. В свою очередь расследование насильственных половых преступлений, совершенных в отношении лиц, не достигших 18-летнего возраста, обладает тактической спецификой, которая определяется возрастными и социально-психологическими особенностями личности. Несовершеннолетние в силу своей беззащитности легко становятся жертвами сексуальных преступлений, а халатность и безответственность взрослых очень часто приводят к тяжелым последствиям. Расследование данной категории уголовных дел – это одно из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: насильственные преступления сексуального характера, несовершеннолетний, нравственность, экспертиза, следственные действия

Для цитирования: Щербаков И. О. Тактико-криминалистические аспекты проведения отдельных следственных действий при расследовании насильственных преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 167–173.

Original article

Tactical and criminalistic aspects of conducting individual investigative actions in the investigation of violent sexual crimes against minors

Shcherbakov Igor O.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, technikk@list.ru

Abstract. In the Russian Federation, the investigation of criminal cases involving minors occupies one of the key places, since childhood is under special state protection in accordance with Part 1 of Article 38 of the Constitution of the Russian Federation. According to this article, all State authorities, local self-government bodies and law enforcement agencies are obliged to ensure the normal functioning of the life of minors in all spheres. In turn, the investigation of violent sexual crimes committed against minors has a tactical specificity, which is determined by age and socio-psychological characteristics of the individual. Minors, due to their vulnerability, easily become victims of sexual crimes, and the negligence and irresponsibility of adults very often leads to serious consequences. The investigation of criminal cases of sexual crimes against minors is one of the priorities of law enforcement activities.

Keywords: violent crimes of a sexual nature, minor, morality, expertise, investigative actions

For citation: Shcherbakov I. O. Tactical and criminalistic aspects of conducting individual investigative actions in the investigation of violent sexual crimes against minors // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 167–173.

С момента возбуждения уголовного дела перед следователем открывается возможность проведения всех предусмотренных законом следственных и процессуальных действий. Из них к числу первоочередных по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 131 и п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, относятся допросы несовершеннолетних потерпевшего и подозреваемого (если он установлен), производство выемки и осмотра одежды потерпевшего и подозреваемого, производство медицинского освидетельствования потерпевшего и подозреваемого, если оно не было произведено на стадии предварительной проверки, обыск (выемка) по месту жительства и работы насильника и назначение различного рода судебных экспертиз [1, с. 16].

Информация, которую несовершеннолетний потерпевший сообщает на допросе, имеет важнейшее доказательственное значение. Получить какие-либо внятные сведения в ходе беседы с ребенком, как правило, можно уже с трехлетнего возраста. Зачастую насильник, ссылаясь на несовершеннолетний возраст потерпевшего, опровергает все то, что ему инкриминируется, или же вообще не дает никаких показаний, полагая, что у следствия не найдется достаточных доказательств, изобличающих его вину, а верить на слово ребенку никто не будет [2, с. 762]. Поэтому при допросе потерпевшего следователю надлежит максимально подробно выяснить все обстоятельства совершенного преступления, обращая внимание на детали, которые индивидуализируют данное деяние и могут быть в дальнейшем проверены и подтверждены собранными по делу доказательствами.

Допрос несовершеннолетнего потерпевшего представляет собой наиболее значимое следственное действие, и для его производства следователь должен быть подготовлен [3, с. 98]. Во-первых, необходимо продумать вопросы, которые максимально обеспечат результативность допроса. Для этого следователю необходимо изучить все имеющиеся в его распоряжении материалы дела, предварительно побеседовать с законным представителем ребенка, педагогом или психологом, чтобы узнать об интересах, увлечениях ребенка, его состоянии на этот момент и отношении к произошедшим с ним событиям. Во-вторых, необходимо определить круг участников допроса. Согласно ст. 191 УПК РФ при проведении допроса лица, не достигшего возраста 16 лет, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего обязательно участие психолога. Законный представитель имеет право присутствовать при допросе, но это не является обязательным, поэтому его и педагога к участию в данном следственном действии следователь приглашает по своему усмотрению [4, с. 34].

В каждом конкретном случае следователь должен исходить из того, как будет лучше для ребенка, например, он может стесняться рассказывать о произошедшем сексуальном контакте в присутствии своего родителя или иного близкого родственника, признанного законным представителем. Чтобы создать

для ребенка комфортную обстановку и расположить к беседе, законный представитель к участию в следственном действии может не привлекаться или может быть удален с допроса, если его присутствие смущает несовершеннолетнего потерпевшего. При определении круга участников, следователь должен принять меры к тому, чтобы они были одного пола с допрашиваемым. Перед началом данного следственного действия следователю необходимо провести беседу со взрослыми участниками, в ходе которой он должен разъяснить им их роль в допросе, предусмотренные законом права, предупредить их о недопустимости создания конфликтных ситуаций, о высказывании замечаний и нравоучений в адрес несовершеннолетнего потерпевшего, то есть указать на необходимость создания спокойной обстановки, которая расположит ребенка к беседе [5, с. 12].

Стоит отметить, что процессуальный порядок допроса несовершеннолетних существенно не отличается от порядка допроса взрослых, но имеются некоторые исключения. Так, ст. 191 УПК РФ предусмотрено, что допрос с участием несовершеннолетнего потерпевшего в возрасте до 7 лет не может продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности – более одного часа в день, в возрасте от 7 до 14 лет – более одного часа, а в общей сложности – более двух часов в день. Вторым отличием, закрепленным все в той же статье, является то, что потерпевшие, не достигшие 16-летнего возраста, не предупреждаются об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, при разъяснении ему процессуальных прав указывается только на необходимость говорить правду. Третьей особенностью является то, что показания несовершеннолетнего потерпевшего в обязательном порядке подлежат видеофиксации с использованием технических средств [6, с. 234].

Как правило, в ходе допроса дети не стараются обмануть следователя, а если и предпринимают попытки это сделать, то для взрослого человека это сразу становится очевидным. Несовершеннолетние скорее пытаются скрыть произошедшее с ними, нежели обмануть, рассказывают о совершенном в отношении них сексуальном насилии неохотно или замыкаются в себе и вообще не отвечают на вопросы, касающиеся преступного события. Это, например, происходит из-за охватывающего их чувства стыда, стеснения или из-за того что насильником стал близкий им человек (отец, брат, дедушка), либо из-за того, что это «секрет», который преступник попросил хранить в тайне. В таких ситуациях, следователь всегда должен проявлять сдержанность и терпеливость, избегать начала беседы с ребенком с вопросов о том, что с ним произошло. В первую очередь можно поговорить с ним на отвлеченные темы, расположить к себе, попытаться войти в доверие. В некоторых случаях для получения необходимой информации, следователь может общаться с ребенком в форме игры или посредством рисования. Местом проведения допроса избирается то, обстановка которого является несовершеннолет-

нему наиболее знакомой и дружественной (школа, детский сад, дом).

Так, в отношении несовершеннолетней Н. (4-х лет) были совершены иные действия сексуального характера ее соседом Я. (34-х лет), проживающим с семьей потерпевшей на одной лестничной клетке. В частности, Я. пригласил Н. к себе домой, включил ей мультфильмы, положил рядом с собой на диван, снял с несовершеннолетней Н. трусики и начал трогать ее половые органы. Допрос потерпевшей представлял для следователя (женщины) и участвующих в нем лиц (мамы девочки, педагога и детского психолога) особую сложность. Ответы девочки на задаваемые вопросы были короткими, односложными, буквально 1–2 слова («да», «нет», «не знаю» и т. д.). Иногда она просто кивала при положительном ответе, вертела головой при отрицательном ответе или пожимала плечами, что означало «не знаю». Беседа началась с того, что следователь один за другим задавала вопросы относительно того, с кем девочка проживает, кто члены ее семьи, как ее зовут, сколько ей лет, где она живет, ходит ли она в детский сад, как он называется, каких животных она любит, какие мультфильмы ей нравятся и т. д. Затем следователь с участием в диалоге мамы девочки плавно перешла к вопросам, касающимся события преступления. Когда они начали касаться виновного Я. и содеянного им, потерпевшая Н. перевела тему и сказала, что хочет гулять. Далее следователем начали задаваться вопросы о том, приставал ли к ней Я., на что девочка сказала – это секрет, и на вопрос мамы: «Он так сказал?», потерпевшая утвердительно кивнула головой. На все дальнейшие вопросы относительно тех событий, девочка отвечала неохотно, в основном утвердительно кивала или отрицательно мотала головой, а на некоторые вопросы относительно того, трогал ли ее Я., девочка отвечала: «Я стесняюсь». Далее потерпевшей Н. дали куклу-девочку, а следователь взяла себе куклу-мальчика, и в форме игры они продолжили беседу. На вопросы о приставаниях Я. потерпевшая несколько раз отвечала, что это секрет, и она об этом говорить не будет, уходила от темы, переключалась на игры и т. д. Потом мама предложила Н. рассказать этот секрет игрушкам, раз она стесняется остальных, и постепенно, играя в куклы и односложно отвечая на вопросы следователя, девочка подтвердила все произошедшие с ней события. Следует отметить, о том, что Я. снимал с нее трусики и трогал ее, Н. сама рассказала двумя днями ранее (в тот же день, когда в отношении нее было совершено преступление) своей маме, а на допросе всячески избегала этой темы¹.

Вышеуказанный пример демонстрирует вопросно-ответную форму, которую выбрал следователь для получения показаний несовершеннолетней потерпевшей. К такому способу следует прибегать тогда, когда ребенок самостоятельно рассказать о произошедшем с ним не может или не хочет. Но в других случаях предпочтительной является форма свобод-

ного рассказа ребенком об интересующих следствие событиях. Она не исключает возможности задавать потерпевшему вопросы, при этом следователь должен убедиться в том, что ребенок понимает их содержание. В случае возникновения некоторых затруднений необходимо изменить вопрос формулировку так, чтобы он стал понятен ребенку, или разбить его на несколько более конкретных и простых вопросов. Касаемо восприятия детьми взрослой речи следователю стоит помнить, что несовершеннолетние не всегда понимают те сексуальные действия, которые с ними произошли, также как и не знают названий половых органов, поэтому целесообразно заменить слова, вызывающие у ребенка непонимание, более простыми, смысл которых ему ясен [8, с. 143].

Тактика допроса подозреваемого в совершении насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетнего в целом ничем от тактики допроса подозреваемых в совершении других преступлений не отличается. В большинстве случаев такие подозреваемые, особенно если они являются ранее судимыми и отбывавшими наказание в местах лишения свободы, своей вины не признают, от дачи показаний отказываются, пользуясь правом, предоставленным ст. 51 Конституции РФ, «не свидетельствовать против себя», или же всячески отрицают свою причастность к совершенному преступлению, называя различные причины (например, если подозреваемый является ранее знакомым с потерпевшим, он объясняет возникшие в отношении него подозрения тем, что у него с родителями ребенка сложились неприязненные отношения, а преступным событиям предшествовал конфликт и т. д.; также многие объясняют свою непричастность тем, что у них у самих есть дети, и они не могли бы так поступить по отношению к ребенку; некоторые говорят о том, что ребенок все выдумал (чаще всего это происходит, если в совершении сексуального насилия подозревается близкий родственник, отец или отчим). Но, как правило, к моменту допроса подозреваемого у следователя уже имеется предполагаемая картина произошедшего, основанная на рассказе несовершеннолетнего потерпевшего, осмотре места происшествия, результатах освидетельствования ребенка и т. д.

На момент допроса лица, находящегося в статусе подозреваемого, следователь, как правило, еще не располагает сведениями о том, страдает ли он какими-либо психическими расстройствами, педофилией и т. д., помимо случаев, когда данное лицо ранее уже попадало в поле зрения правоохранительных органов по поводу совершения преступлений сексуального характера в отношении детей. В ходе допроса следователю стоит «прощупать» подозреваемого, понять мотив совершения им данного преступления. Так как преступления, совершаемые из сексуальных побуждений, носят весьма интимный характер, некоторые подозреваемые, даже признавая свою вину, неохотно рассказывают о подробностях совершенного ими деяния, говорят общими фразами. Для разрешения подобных конфликтных ситуаций, в том числе и при

¹ Уголовное дело № 130465148 // Архив следственного отдела по городу Реж СУ СК РФ по Свердловской области. 2023.

отказе давать показания, следователю стоит склонить подозреваемого к сотрудничеству, не проявлять по отношению к нему явного неуважения, соблюдать тактичность, постараться расположить к беседе, например, предложив ему закурить, попить воды и т. д., то есть создать для него комфортные (в пределах разумного) условия, при которых он захочет вступить в диалог. В ходе допроса следователю не стоит открыто демонстрировать свое негативное отношение к совершенному преступлению и лицу, подозреваемому в нем, осуждать его действия и прочее, ведь, как уже отмечалось ранее, на данном этапе следствию не известна природа его преступного поведения, и открытый негатив может только навредить в работе с подозреваемым. Следователю необходимо помнить о последующих этапах взаимодействия с подозреваемым, например, привлечение его к участию в проверке показаний на месте невозможно без получения признательных показаний подозреваемого по причине того, что оно предназначено для их проверки и уточнения.

В случае, когда подозреваемым по делу является несовершеннолетнее лицо, допрашивающему следует установить с ним психологический контакт, посредством отстранения от присутствия при допросе третьих лиц (кроме тех, чье участие предусмотрено законом), также не стоит привлекать к участию родителей несовершеннолетнего [8, с. 22]. Среди несовершеннолетних, совершающих насильственные преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних, как и среди взрослых, есть те, кто обладает некоторыми психическими отклонениями или заторможенностью развития (что в их возрасте, как правило, ярко выражено) и те, кто ведет асоциальный образ жизни (для них характерно совершение рассматриваемой категории преступлений в группе, а не в одиночку). Исходя из того, какой тип представляет собой конкретный подозреваемый, следователь и должен избирать линию общения с ним на допросе. Нередко несовершеннолетние с психическими отклонениями или заторможенностью развития не понимают преступный характер своих действий, как и возможно сами действия, которые ими были совершены. На допросе они ведут себя отрешенно и не могут ничего рассказать. Несовершеннолетние подозреваемые так называемого второго типа, наоборот, в большинстве случаев на допросе чувствуют себя уверенно, описывают все обстоятельства совершенного ими преступления, охотно рассказывают о роли каждого из участников в содеянном, полагая, что конкретно их действия останутся безнаказанными.

Также следователю необходимо помнить о временных ограничениях проведения допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), который согласно ст. 425 УПК РФ не может продолжаться без перерыва более 2 часов, а в общей сложности – более 4 часов в день.

Говоря о выемке, следует отметить, что вся одежда потерпевшего и подозреваемого, в которой они находились в момент преступления, непременно

подлежит изъятию. Также следователем может быть изъята обувь подозреваемого для назначения трасологической экспертизы, если на месте происшествия были обнаружены и изъяты следы подошвы обуви, предположительно принадлежащие насильнику, и/или почвоведческой экспертизы на соотнесение почвы на месте преступления со следами почвы на подошве обуви подозреваемого¹.

До начала производства выемки следователь в соответствии со ст. 183 УПК РФ предлагает лицу выдать предметы одежды и обувь добровольно и только в случае отказа проводит ее принудительно. Как правило, потерпевшие выдают подлежащие изъятию предметы добровольно, а у подозреваемых изымают интересующие следствие предметы одежды в ходе личного обыска при задержании в порядке ч. 2 ст. 184 УПК РФ или при обыске в его жилище.

Выемка одежды и обуви производится с той целью, чтобы произвести ее дальнейший детальный осмотр, на предмет обнаружения следов крови, спермы и других биологических выделений человека, а также других следов, интересующих следствие. Одежду, в которой находились потерпевший и подозреваемый в момент совершения преступления, необходимо изымать независимо от того, сколько времени прошло с момента преступления. Если сексуальное насилие имело место недавно, у потерпевшего или его законного представителя нужно узнать, подвергались ли вещи стирке, чистке, замыванию следов и т. д. Наиболее результативным будет использование следователем в ходе осмотра увеличительных и осветительных приборов с ультрафиолетовым излучением. После осмотра изъятые вещи направляются на судебно-медицинскую экспертизу доказательств для обнаружения на них следов преступления, их исследования и подтверждения биологического и иного происхождения.

Следующим важным следственным действием в алгоритме расследования насильственных преступлений сексуального характера является обыск. В соответствии со ст. 182 УПК РФ обыск производится, если у следствия имеются достаточные данные полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела.

Проведению обыска у подозреваемого (в его жилище, по месту работы, в подсобных строениях (гараж, сарай) и т. д.) в обязательном порядке должна предшествовать тщательная подготовка, в ходе которой следователю совместно с оперативными работниками необходимо определить цели данного следственного действия (какие предметы могут находиться у обыскиваемого лица), а также собрать сведе-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 25.08.2024).

ния об объектах, в отношении которых ведется поиск. К таким объектам можно отнести:

1) вещи и предметы, принадлежащие потерпевшему, которые не были обнаружены на месте происшествия или об исчезновении которых заявил потерпевший (например, ювелирные украшения, детская бижутерия, заколки, трусики и пр.);

2) предметы, которые использовались насильником при совершении преступления (например, нож, скотч, фаллоимитатор и пр.);

3) предметы, которые оставили следы подозреваемого, обнаруженные в ходе осмотра места происшествия (обувь, автомобильные колеса, микроволокна одежды, домашних животных, почерк и т. д.);

4) предметы, которые являются приметам насильника (одежда, очки, парики, накладные усы и т. д.);

5) технические устройства и объекты хранения, на которых могут содержаться фото- и видеоизображения процесса совершения насильником преступления, если у следствия имеется такая информация (фотоаппараты, сотовые телефоны, видеокамеры, CD/DVD диски, кассеты, флэш-карты, системные блоки, ноутбуки и т. д.).

Также стоит уделить отдельное внимание поиску предметов, имеющих сексуальный характер (различные секс-игрушки, периодические печатные издания, видеозаписи и фотографии порнографического содержания, в том числе с изображением или участием в них детей той возрастной категории, к которой относится потерпевший и пр.), предметов, содержащих личные записи подозреваемого (дневники, ежедневники, компьютерные файлы, заметки в сотовом телефоне и т. д.).

При производстве обыска следователю и оперативным работникам необходимо позаботиться о его внезапности. Сам же процесс обыска заключается в поисковых действиях, направленных на обнаружение искомых объектов и их изъятие.

Личный обыск подозреваемого, как правило, производится при его задержании в порядке ст. 184 УПК РФ. Целью данного следственного действия является обнаружение и изъятие предметов и документов, которые могут иметь значение для уголовного дела. Сложившаяся технология производства личного обыска такова, что подозреваемому предлагают встать, оставить руки свободными от посторонних предметов и высунутыми из карманов и не двигаться. Начинается обыск сверху вниз, то есть с головного убора подозреваемого (если он имеется), далее последовательно обыскивается вся его верхняя одежда (необходимо просматривать все имеющиеся на ней карманы, складки, подвороты и т. п.), обувь, после чего переходят к осмотру его нижнего белья и тела. При этом необходимо обеспечить проведение личного обыска лицом одного пола с обыскиваемым.

Порядок такого следственного действия, как предъявление для опознания, закреплен в ст. 193 УПК РФ. Результативность его проведения имеет важное доказательственное значение по уголовному делу. Как правило, по делам о насильственных пре-

ступлениях сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних, следователем предъявляется для опознания подозреваемое лицо. Опознающим здесь выступает несовершеннолетний потерпевший, а в некоторых случаях – свидетель-очевидец. Для производства предъявления для опознания следователем должно быть предварительно допрошено опознающее лицо (несовершеннолетний потерпевший, свидетель) в целях выяснения, при каких обстоятельствах он (она) видел насильника (включая время суток, освещенность места, положение подозреваемого относительно него (спиной, в фас, в профиль) и т. д.), запомнил ли он (она) его внешность, какие он (она) наблюдал приметы и особенности данного лица, а также может ли он (она) опознать данное лицо. Получив и проанализировав указанную информацию, следователю нужно сделать вывод о целесообразности проведения данного следственного действия, а именно, сможет ли опознающий идентифицировать подозреваемого. Если уверенности в результативности опознания нет, то его производство нежелательно.

Уголовно-процессуальным законом не установлен минимальный возраст, с которого допускается производство опознания, поэтому опознающими могут быть и несовершеннолетние дети. Также законом не предусмотрено, но является целесообразным приглашение для опознания с участием несовершеннолетнего педагога или психолога.

Следователю стоит иметь в виду, что все следственные действия с участием несовершеннолетних, а в особенности опознание, разумно производить в кратчайшие сроки, так как по прошествии времени ребенком могут быть забыты некоторые детали и даже внешность насильника. Тем более, что по правилам производства опознания несовершеннолетнему потерпевшему предъявляются и другие лица, внешне схожие с подозреваемым, и если к тому моменту образ насильника у ребенка уже размыт и не столь ярок, данное следственное действие может не иметь результата.

На практике, хотя и чрезвычайно редко, может сложиться такая ситуация, когда ребенок специально не опознает насильника, например, из чувства страха перед ним. В этом случае следователю и участвующим в следственном действии лицам (законному представителю ребенка, педагогу или психологу) необходимо объяснить важность и значимость данного мероприятия, заверить несовершеннолетнего потерпевшего в том, что ему (ей) ничего не угрожает. Основным способом предотвращения возникновения такого рода трудностей является принятие следователем при подготовке к предъявлению для опознания мер к тому, чтобы исключить возможность наблюдения подозреваемым опознающего, то есть сделать опознание бесконтактным посредством предъявления фотографий (в количестве не менее трех), на одной из которых будет изображен подозреваемый, а на других – статисты, или использовать при производстве данного следственного действия ширму с прорезью

для глаз опознающего, или же проводить его в комнате, оборудованной специализированным остеклением, которое позволяет видеть опознаваемого и не видеть опознающего.

Если потерпевший или потерпевшая не сможет опознать, а подозреваемый или обвиняемый дает подробные показания о приметах потерпевших, то целесообразно предъявить на опознание подозреваемому или обвиняемому потерпевшего.

Следователю важно помнить, что производство опознания ранее знакомых лиц исключено.

Цели и порядок проведения проверки показаний на месте определяются ст. 194 ПК РФ. Его производство нацелено на то, чтобы установить новые обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, проверить и уточнить показания, ранее данные лицом, участвующим в производстве этого следственного действия (подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелем). Проверка показаний на месте не является обязательным следственным действием, поэтому она производится по усмотрению следователя, но в случае необходимости затягивать с ее проведением не рекомендуется. Как правило, ее стараются провести в первые дни после задержания лица по подозрению в совершении преступления (если, конечно, он свою вину признает и дает показания, иначе смысл данного следственного действия теряется) или в первые дни после допроса несовершеннолетнего потерпевшего. Это делается для того, чтобы детали произошедшего события и его обстановка, которые ранее допрошенное лицо должно воспроизвести (детально описать и продемонстрировать интересующие следствие события), не были им забыты, а обстановка места преступления не была уничтожена или существенно изменена.

Посредством проверки показаний на месте устанавливается механизм совершения преступления, расположение участников события относительно друг друга и окружающей их обстановки, а также можно проверить правдивость ранее данных показаний. По сути, данное следственное действие – это тот же допрос, только в форме свободного рассказа (с последующей возможностью задавания вопросов следователем), подкрепленного демонстрацией и проводимого на месте происшествия.

В целом проверка показаний на месте по уголовным делам о насильственных половых преступлениях, совершаемых в отношении несовершеннолетних, не имеет никаких организационных, процессуальных и тактических особенностей. Здесь необходимо учитывать то, что потерпевшим выступает несовершеннолетнее лицо, и, хотя прямых указаний уголовно-процессуальный закон не содержит, следственные действия с его участием должны проводиться в присутствии законного представителя, психолога или педагога.

Данная категория преступлений представляется наиболее опасной среди всех преступлений против личности, так как посягает на половую неприкосновенность ребенка и влечет за собой тяжкие послед-

ствия. Насильник, исходя из своих низменных сексуальных побуждений, проявляет полное равнодушие к судьбе ребенка и наносит вред не только его физическому, но и психическому здоровью, что может привести к самоубийству потерпевшего [9, с. 27].

Следует подчеркнуть, что профилактика суицидов среди несовершеннолетних относится к одной из наиважнейших задач национальной безопасности современной России, а возможности комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в данном случае весьма широки, поскольку самоубийство – это результат социально-психологической дезадаптации личности в условиях современного общества [10, с. 14].

Насильственные преступления сексуального характера, совершаемые в отношении несовершеннолетних, особенно опасны тем, что характеризуются высокой степенью латентности, в связи с чем их раскрытие и расследование представляет большую сложность. Значение комплексной психолого-психиатрической экспертизы в профилактике суицидальных действий среди несовершеннолетних очень важно, так как является процессуальным средством проверки и уточнения доказательств, установления фактов и состояний, которые имеют юридическое значение (возраст, алкогольное опьянение, половая зрелость и др.), позволяя дать правильную юридическую оценку расследуемого события. Кроме того, заключение данной экспертизы влияет на выявление должностными лицами правоохранительных органов причин и условий, способствовавших их совершению.

Весь ход расследования, от проверки сообщения о преступлении до его окончания, буквально пронизывают различные следственные ситуации, которые, как правило, характеризуются совокупностью криминалистически значимой информации о преступном событии, его участниках, в особенности о личности насильника, и его позиции относительно своего процессуального положения.

Важнейшими элементами эффективного и успешного раскрытия насильственных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних являются активное взаимодействие следствия с оперативно-розыскными подразделениями и экспертными учреждениями, сотрудничество с которыми позволяет получить важнейшие доказательства по уголовному делу.

Для наиболее быстрого выявления, раскрытия, эффективного расследования насильственных преступлений сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетних, необходимо постоянно повышать уровень информационного обеспечения деятельности не только следователей Следственного комитета, но и работников МВД России. С этой целью необходимо с некоторой периодичностью обновлять содержание рекомендаций и методик по расследованию данной категории преступлений с учетом разработанных новых и усовершенствованных средств и методов успешного расследования уголовных дел. Также расследование сексуального насилия над не-

совершеннолетними желательно поручать более опытным следователям или следователям, специализирующимся на раскрытии данной категории преступлений, что поможет избежать принятия тактически неверных решений при расследовании, некоторых упущений и следственной волокиты.

Библиографический список

1. Виноградова О. П. Особенности производства следственных действий в отношении несовершеннолетних // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: сборник научных трудов Международ. науч.-практич. конференции. М., 2023. С. 16–20.
2. Руководство для следователей / под общ. ред. В. В. Мозякова. М.: Экзамен, 2005. 912 с.
3. Виноградова О. П., Томилова Е. В. Особенности информационного обеспечения подготовительного этапа организации допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) // В сборнике: Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова): сборник научных статей по материалам Международ. науч.-практич. конференции. М., 2023. С. 98–104.
4. Рабцевич О. И., Раменская В. С., Рябкова О. В., Салтыков Е. В., Соловьева Т. А. Уголовный процесс: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. С. Балашина, канд. юрид. наук, доц. Ю. В. Козубенко, д-ра юрид. наук, проф. А. Д. Прошлякова. М.: Инфотропик Медиа, 2016.
5. Виноградова О. П., Большедворов В. Н. Тактические особенности допроса несовершеннолетних // Правоохранительные органы: теория и практика. 2018. № 1. С. 12–14.
6. Метелев А. В. Криминалистика: учебник / В. А. Образцов, В. М. Поздняков, Л. А. Рычкалова [и др.]. М.: Проспект, 2018. 697 с.
7. Елфимов П. В., Виноградова О. П. Проблемные аспекты первоначального этапа расследования половых преступлений против несовершеннолетних // Вестник Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова. 2022. № 4 (78). С. 143–148.
8. Виноградова О. П. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза в отношении несовершеннолетних как элемент механизма реализации норм уголовного закона // Правоохранительные органы: теория и практика. 2022. № 1 (42). С. 22–26.
9. Елфимов П. В., Виноградова О. П. Отдельные вопросы профилактики суицидов среди несовершеннолетних // В сборнике: Актуальные вопросы психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел: сборник материалов Всероссийской конференции. Екатеринбург, 2020. С. 27–33.
10. Завацкий М. И. Предупреждение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Актуальные исследования. 2020. № 9. С. 14–16.

References

1. Vinogradova O. P. Features of investigative actions against minors // Criminal proceedings: current state and development strategy: collection of scientific papers of the International Criminal Court. scientific and practical conferences. M., 2023. Pp. 16–20.
2. Handbook for investigators / under the general editorship of V. V. Mozyakov. M.: Exam, 2005. 912 p.
3. Vinogradova O. P., Tomilova E. V. Features of information support for the preparatory stage of the organization of the interrogation of a minor suspect (accused) // In the collection: Criminal procedure and criminalistics: legal foundations, theory, practice, didactics (dedicated to the 75th anniversary of the birth of Professor B. Ya. Gavrilov): collection of scientific articles based on the materials of the International scientific and practical conferences. M., 2023. Pp. 98–104.
4. Rabtsevich O. I., Ramenskaya V. S., Ryabkova O. V., Saltykov E. V., Solovyeva T. A. Criminal procedure: textbook / ed. by Dr of Law, Professor V. S. Balakshin, Cand. of Law, Associate Professor Yu. V. Kozubenko, Dr of Law, Professor A. D. Proshlyakov. M.: Infotropik Media, 2016.
5. Vinogradova O. P., Bolshedvorov V. N. Tactical features of interrogation of minors // Law enforcement agencies: theory and practice. 2018. No. 1. Pp. 12–14.
6. Metelev A. V. Criminalistics: textbook / V. A. Obratsov, V. M. Pozdnyakov, L. A. Rychkalova [et al.]. M.: Prospekt, 2018. 697 p.
7. Elfimov P. V., Vinogradova O. P. Problematic aspects of the initial stage of the investigation of sexual crimes against minors // Bulletin of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Barimbek Beisenov. 2022. No. 4 (78). Pp. 143–148.
8. Vinogradova O. P. Comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of minors as an element of the mechanism for implementing the norms of criminal law // Law enforcement agencies: theory and practice. 2022. No. 1 (42). Pp. 22–26.
9. Elfimov P. V., Vinogradova O. P. Selected issues of suicide prevention among minors // In the collection: Current issues of psychology and pedagogy in the activities of law enforcement agencies: proceedings of the All-Russian Conference. Yekaterinburg, 2020. Pp. 27–33.
10. Zavatsky M. I. Prevention of crimes against sexual integrity of minors // Current research. 2020. No. 9. Pp. 14–16.

Статья поступила в редакцию 17.09.2024; одобрена после рецензирования 17.11.2024; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 17.09.2024; approved after reviewing 17.11.2024; accepted for publication 18.03.2025.

Научная статья

УДК 343.3

Особенности квалификации вооруженного хулиганства

Щетинина Наталья Валерьевна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, shchetinina.74@mail.ru

Аннотация. Криминализирував «насильственное» хулиганство, законодатель, учитывая степень общественной опасности, также дифференцировал ответственность за грубое нарушение общественного порядка, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. В статье на основе анализа разъяснений высшей судебной инстанции и судебной практики выявляются основания квалификации хулиганства, совершенного с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Ключевые слова: хулиганство, применение оружия, нарушение общественного порядка, насилие, квалификация

Для цитирования: Щетинина Н. В. Особенности квалификации вооруженного хулиганства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 174–178.

Original article

Features of the qualifications of armed hooliganism

Schetinina Natalya V.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, shchetinina.74@mail.ru

Abstract. The legislator, having determined the «violent» hooliganism as a crime, took into account the degree of public danger and also differentiated responsibility for gross violations of public order committed using weapons or objects used as weapons. The article, based on an analysis of clarification of the highest court and judicial practice, reveals the grounds for the qualifications of hooliganism committed using weapons or objects used as weapons.

Keywords: hooliganism, use of weapons, violation, public order, use of violence, qualifications

For citation: Schetinina N. V. Features of the qualifications of armed hooliganism // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1. Pp. 174–178.

Хулиганство является одним из наиболее распространенных преступлений против общественного порядка. Под данной категорией понимается сложившаяся в обществе система отношений между людьми, правил взаимного поведения и общечеловеческих, регулируемых действующим законодательством, обычаями и традициями, а также нравственными нормами. На одном из официальных сайтов МВД субъекта РФ отмечается, что общественный порядок – это нормальное функционирование социальных отношений, отсутствие рисков и угроз, которые могут нарушить нормальную жизнедеятельность людей и их прогрессивное социальное и профессиональное развитие, создающие обстановку спокойствия и защиты личности и собственности физических и юридических лиц. Общественный порядок создает все необходимые условия для обеспечения общественной безопасности, делая зависимым соответствующие правовые категории¹.

Многообразие форм проявления хулиганства, а также весьма существенные изменения уголовного законодательства, внесенные Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 543-ФЗ, обусловленные необходимостью криминализации насильственного хулиганства и ужесточения ответственности за вооруженные способы его совершения, определяют важность рассмотрения отдельных проблем квалификации преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ. Возникающие в правоприменительной деятельности вопросы связаны с тем, что следует понимать под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия при совершении хулиганства. Следует ли относительно ч. 2 ст. 213 УК РФ применение оружия отождествлять с применением насилия к потерпевшему лицу или угрозой его применения?

и обеспечения общественной безопасности. Участие граждан в охране общественного порядка. URL: <https://14.mvd.rf/document/7930364>.

¹ Правовое регулирование охраны общественного порядка

Можно ли грубое нарушение общественного порядка, сопровождающееся стрельбой в воздух или в направлении неодушевленных предметов, квалифицировать как уголовно наказуемое деяние?

В контексте исследуемых аспектов представляется целесообразным обратиться к ретроспективному анализу ст. 213 УК РФ в редакции, действовавшей до внесения Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 543-ФЗ соответствующих изменений, и к практике ее применения. Так, до внесения изменений «применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия» являлось не квалифицирующим признаком ч. 2 ст. 213 УК РФ, а одним из составообразующих, предусмотренных п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Вместе с тем в п. 2 постановления от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» Пленум Верховного Суда РФ разъяснял, что под применением указанных предметов следует понимать умышленные действия, направленные на их использование как для физического, так и для психического воздействия на потерпевшего, а также иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Буквальное толкование словосочетания «использование для воздействия» давало основание полагать, что обязательным условием вменения данного обстоятельства являлся целенаправленный характер действий виновного, предполагающий его намерение применить оружие или иные предметы не как иначе, а именно для физического или психического воздействия на других лиц. Несмотря на это правоприменитель для обоснованности вменения данного признака зачастую признавал достаточным лишь осознание виновным того, что его действия в силу объективных обстоятельств (места, времени, способа) способны оказать определенное психическое воздействие на окружающих, вызвать у них тревогу за свое благополучие, при этом направленность соответствующих действий на оказание физического или психического воздействия на других лиц не устанавливалась.

Так, Б. осужден, в том числе за вооруженное хулиганство по п. «а» ч. 2 ст. 213 УК РФ (в редакции, действовавшей до внесения изменений Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 543-ФЗ), совершенное при следующих обстоятельствах. Он, находясь в состоянии алкогольного опьянения вблизи остановки общественного транспорта возле магазина, решил пострелять из пневматической винтовки в направлении расположенных через дорогу от магазина рекламного плаката и деревянной скамейки. Суд, обосновывая уголовно-правовую оценку соответствующих действий, принял во внимание то, что во время стрельбы люди были вынуждены останавливаться и пережидать, пока их заметят и пропустят, несколько раз обстановка была близка к критической, т. к. стреляющий останавливал производство выстрелов непосредственно перед пересекающими

по дороге траекторию стрельбы людьми, в том числе детьми, и автомобилями. Как было указано, такая ситуация в общественном месте на автобусной остановке, на дороге возле единственного в округе магазина несомненно представляла опасность для жизни и здоровья большого количества людей¹. В представленном примере умысел виновного не был направлен на использование оружия именно для физического и психического воздействия на присутствующих лиц, о чем свидетельствует, в том числе следующее обстоятельство – он, останавливая стрельбу, предпринимал определенные действия для предотвращения возможного вреда. Однако при этом, игнорируя высказанные ему замечания, осознавал, что, нарушая спокойствие неопределенного круга лиц, создавая реальную угрозу их безопасности, грубо нарушал общественный порядок.

Исследование отдельных прецедентов свидетельствует о том, что правоприменитель ограничивался установлением факта применения оружия, вызывающего у потерпевших лишь чувство беспокойства и страха, и не обосновывал наличие опасности для жизни и здоровья граждан. Так, например, по одному из дел было принято во внимание то, что виновный, производя во дворе выстрелы с целью проверки работоспособности приобретенного через сеть Интернет макета автомата марки «АКС», «...понимал, что в ночное время нарушает покой граждан, что жильцы дома, услышав характерные звуки, могут испугаться...»².

Следует акцентировать внимание на том, что обоснованность подобных решений уже тогда вызвала определенные вопросы. С одной стороны, такой подход не противоречил буквальному толкованию ст. 213 УК РФ в предыдущей редакции, поскольку применение оружия как один из альтернативных составообразующих признаков хулиганства вменялся и в тех случаях, когда оружие использовалось в процессе совершения действий, направленных на грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, но не на физическое или психическое воздействие на потерпевшего и в отсутствие намерения применить насилие посредством этого оружия [1]. С другой стороны, данный подход противоречил позиции высшей судебной инстанции, исходя из разъяснений которой, как отмечалось, под применением следовало понимать не любые умышленные действия, в результате которых создавалась опасность для жизни или здоровья других лиц, а именно направленные на его использование для физического или психического воздействия.

С учетом криминализации в п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ «насильственного» хулиганства и дифференциации в ч. 2 ст. 213 УК РФ ответственности за «вооруженное» хулиганство вышеприведенные и другие подобные

¹ Приговор Свердловского областного суда от 30 декабря 2020 г. по делу № 2-35/2020 // КонсультантПлюс: сайт.

² Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 7 февраля 2018 г. по делу № 22-731/2018 // КонсультантПлюс: сайт.

ситуации однозначно выходят за пределы уголовно-правовой оценки. Для того, чтобы имелись основания для квалификации содеянного по ч. 2 ст. 213 УК РФ (в том числе как хулиганство, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия), необходимо констатировать наличие признаков основного состава, а именно одного из обстоятельств, указанных в п. «а», «б» или «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ. В контексте изложенного представляет интерес одно из актуальных решений Верховного Суда РФ.

Так, М., И. и Г. на перекрестке улиц последовательно друг за другом стреляли в воздух из автомата и двух пистолетов, предназначенных для имитации выстрелов патронами светозвукового действия, тем самым вызвали чувство беспокойства и страха за свою жизнь и здоровье у окружающих – у К., С., П., Л., П. и других лиц, проживающих в данном районе. Действия каждого из осужденных органы предварительного расследования и районный суд оценили как грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное группой лиц с применением предметов, используемых в качестве оружия, и квалифицировали по ч. 2 ст. 213 УК РФ. Данная квалификация была поддержана судебной коллегией по уголовным делам областного суда и судебной коллегией по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ уголовное дело прекратила за отсутствием в действиях указанных лиц состава преступления, обосновав свое решение тем, что вменение ч. 2 ст. 213 УК РФ «обязательно должно быть связано хотя бы с одним признаком, указанным в ч. 1 ст. 213 УК РФ, в то время как из предъявленного обвинения не усматривается, что осужденным было инкриминировано совершение хулиганских действий с необходимыми составообразующими признаками»¹. Применительно к рассматриваемой ситуации следовало установить наличие такого юридически значимого способа хулиганства, как его совершение с «применением насилия к гражданам или угрозой его применения». Вместе с тем исследованные доказательства свидетельствуют о том, что действия осужденных, связанные со стрельбой, не были направлены на создание угрозы применения насилия к гражданам. Они запускали фейерверки и стреляли в воздух в честь дня рождения М. При этом испытываемые потерпевшими, проживающими в близлежащих домах, чувства беспокойства и страха за свою жизнь и здоровье не свидетельствуют о том, что они воспринимали стрельбу в качестве реальной угрозы для своей жизни, здоровья, поскольку находились в квартирах и были защищены от происходящих на улице событий стенами.

Изменение эмоционального состояния потерпевших и возможный испуг от звуков выстрелов, являю-

¹ Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 марта 2023 г. № 46-УД23-4-К6 // КонсультантПлюс: сайт.

щиеся субъективной реакцией на произошедшее, обусловленной психологической индивидуальностью восприятия, а не следствием непосредственного психического воздействия на них со стороны лица, в отношении которого решается вопрос об уголовной ответственности, не могут быть положены в основу обвинения в уголовно наказуемом хулиганстве. Содеянное должно оцениваться с учетом направленности действий на оказание физического или психического воздействия. Так, признавая доводы защиты об отсутствии в действиях подзащитного признаков состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ, несостоятельными, областной суд указал, что с объективной стороны содеянное В. образует состав хулиганства с угрозой применения насилия к гражданам с применением оружия, поскольку в результате неоднократных выстрелов по движущемуся транспортному средству, где заведомо для осужденного находился водитель П. и со всей очевидностью для В. могли находиться пассажиры, которым мог быть причинен физический вред².

Бесспорными обстоятельствами, свидетельствующими о направленности действий виновного лица на оказание психического воздействия, являются однократный факт применения используемого в качестве оружия арбалета, из которого произведен выстрел в стеклопакет одной из квартир в многоквартирном доме, в целях запугивания потерпевшего³, и производство нескольких выстрелов из пневматического пистолета по стеклам общественного транспорта, осуществляющего перевозку пассажиров⁴.

Проверка исправности оружия, его использование путем выстрелов в воздух, по фонарям, иным неодушевленным предметам, птицам, безусловно, оказывает определенное психоэмоциональное воздействие на других лиц, однако утверждать, что эти действия являются направленным на оказание психического воздействия нельзя. Как верно отмечается, недопустимо в любом случае использования оружия в процессе хулиганских действий усматривать угрозу применения насилия и квалифицировать деяние по ч. 2 ст. 213 УК РФ [2].

С учетом актуальной редакции ст. 213 УК РФ данные действия при наличии к тому оснований должны подлежать административно-правовой оценке по ч. 2 (или 3) ст. 20.13 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за стрельбу из оружия в населенных пунктах или в других, не отведенных для этого местах. Если же в результате таких действий наступил уголовно наказуемый вред, содеянное необходимо

² Апелляционное определение СК по уголовным делам Мурманского областного суда от 24 декабря 2024 г. по делу № 22-1632/2024 // СПС Гарант.

³ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10 августа 2021 г. по делу № 77-1614/2021 // КонсультантПлюс: сайт.

⁴ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 ноября 2022 г. № 77-3890/2022 // КонсультантПлюс: сайт.

квалифицировать как преступление против жизни и здоровья (например, по ст. 109, 118 УК РФ).

Возникает другой вопрос. Согласно п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, предусматривающему ответственность за хулиганство, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, и п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, устанавливающему ответственность за хулиганство на транспорте общего пользования, следует ли при применении оружия выявлять направленность действий виновного на оказание психического или физического воздействия. В связи с внесением изменений в ст. 213 УК РФ были скорректированы и соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, однако суть того, что следует понимать под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, осталась прежней. Так же как и ранее высшая судебная инстанция акцентирует внимание на том, что это должны быть умышленные действия, направленные на использование лицом указанных предметов как для физического, так и для психического воздействия на граждан, и иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия.

Таким образом, исходя из буквального толкования вышеприведенных положений, применительно к п. «б» и «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ также необходимо устанавливать направленность действий виновного на оказание психического или физического воздействия. Если, допустим, лицо, находящееся в общественном транспорте, через открытое окно осуществляет стрельбу по неодушевленным предметам, расположенным за пределами транспортного средства, то признака применения оружия нет. В данной ситуации обоснованным представляется ограничиться вменением п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, а факт подобного использования оружия положить в основу установления такого криминаобразующего признака, как «грубое нарушение общественного порядка».

В ч. 2 анализируемой статьи также дифференцируется ответственность за хулиганство, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Для квалификации содеянного как хулиганства, совершенного с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, группой лиц по предварительному сговору и организованной группой следует устанавливать, была ли достигнута договоренность о применении оружия или предметов, используемых в качестве оружия. При этом не имеет значения, всеми ли лицами, договорившимися о совершении такого преступления, применялись эти предметы. Отсутствие предварительной договоренности зачастую является основанием для изменения квалификации.

Так, органами предварительного следствия подсудимые В. и Б., обвинялись в том, что они совершили хулиганство, то есть грубое нарушение общественного

порядка, выражающее явное неуважение к обществу, группой лиц по предварительному сговору с применением предметов, используемых в качестве оружия (бруска, при помощи которого Б. нанесла потерпевшему один удар в область затылка, а также не менее трех ударов по спине, и собак, которые под воздействием команд набросились на потерпевшего, и одна из них укусила его за правую кисть). Из показаний подсудимых, как на предварительном следствии, так и в судебном заседании, следует, что первоначально они хотели искупаться в озере и искупать своих собак. Из показаний потерпевшего, а также свидетелей усматривалось, что ранее виновных они не видели. Из этого следует, что совершение преступления именно в отношении М. подсудимые не планировали, предварительный сговор на совершение хулиганства каждый из них отрицает. Напротив, анализ исследованных в ходе судебного следствия доказательств в их совокупности позволил суду сделать вывод о том, что общественно опасное деяние, а именно хулиганство с применением предметов, используемых в качестве оружия в отношении потерпевшего М., произошло совместно, но спонтанно, то есть без предварительного сговора¹. В связи с изложенным, суд исключил из квалификации действий виновных такой признак, как совершение хулиганства группой лиц по предварительному сговору. В соответствии с актуальной редакцией содеянное В. и Б. следует квалифицировать по ч. 2 ст. 213 УК РФ – «совершенное с **применением предметов**, используемых в качестве оружия, **группой лиц**».

Таким образом, осуществляя квалификацию уголовно наказуемого хулиганства по ч. 2 ст. 213 УК РФ, предусматривающей повышенную ответственность за грубое нарушение общественного порядка, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, необходимо устанавливать направленность действий виновного лица на использование указанных предметов для физического или психического воздействия. Другими словами, применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, следует отождествлять с применением насилия к гражданам или угрозой его применения, в том числе в случаях, предусмотренных п. «б» и «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Стрельба, не направленная на оказание физического или психического воздействия на граждан, но с учетом обстановки (времени, места) вызывающая у людей чувства беспокойства и страха за свою жизнь и здоровье, может быть положена в основу установления обстоятельства, свидетельствующего о наличии грубого нарушения общественного порядка, выступающего составообразующим признаком ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Библиографический список

1. Тюнин В. И., Огарь Т. А. Об уголовной ответственности за хулиганство с применением оружия или

¹ Приговор Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга от 14 февраля 2019 г. по делу № 1-42/2019. URL: <http://sudact.ru>.

предметов, используемых в качестве оружия // Уголовное право. 2023. № 10. С. 70–79.

2. Степанова И. Б., Соколова О. В. Проблемные вопросы квалификации хулиганства // Российская юстиция. 2024. № 11. С. 16–25.

3. Грачева Ю. Хулиганство: изменение закона не исключило проблемы правоприменения // Уголовное право. 2021. № 8. С. 3–11.

References

1. Tyunin V. I., Ogar T. A. On criminal liability for hooliganism with the use of weapons or objects used as weapons // Criminal law. 2023. No. 10. Pp. 70–79.

2. Stepanova I. B., Sokolova O. V. Problematic issues of qualification of hooliganism // Russian justice. 2024. No. 11. Pp. 16–25.

3. Gracheva Y. Hooliganism: changing the law did not eliminate the problem of law enforcement // Criminal Law. 2021. No. 8. Pp. 3–11.

Информация об авторе

Щетинина Наталья Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Schetinina Natalya V. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 27.12.2024; одобрена после рецензирования 13.01.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 27.12.2024; approved after reviewing 13.01.2025; accepted for publication 18.03.2025.